

Что делать, когда дом обратили в руины, тех кто тебе дорог — беспощадно убили, а былая жизнь безвозвратно разбита? Любой из Двадцати скажет только одно: мстить! Вот только знает ли юный чародей Рун, куда вывезет его эта кривая дорожка? Может быть, прямо в личные игрушки демоницы, а может быть в залитые дурманом «счастьем» края... И так ли далёк враг, по следу которого он идёт?

Глава первая — Непрошенные гости

В ноздри юного чародея ударил запах мокрой псины. Рун поморщился — он знал, что ждать незваных гостей долго не придётся. Он слышал, как во мгле ночи, под тусклым блеском звёзд, они пробираются в тенях.

Пробираются по его душу.

Рун зажмурился на мгновение, двинул ногой, знаком притушил костёр — лизавший ночь языками пламени огонь унялся. Молоко в глиняном графине холодило руки — чародей нехотя сорвал восковую печать, сделал пару глотков; потянулся за булкой. Ночных гостей ждать недолго, но это не значит, что следует их встречать голодным. Хлеб показался ему до отвращения безвкусным.

Парень выдохнул — если откуда и следовало ждать нападающих, так это из-за пригорка, и густого бурьянника: за ним три десятка человек скрыть можно, не то что шайку доходяг.

Первым выскочил боевой пёс. Всклокоченная холка, грива торчащих во все стороны колючек, желтые, горящие злобой глаза. Пёс перед атакой припал на передние лапы, грозно оскалился. Ночную тишь прорезал едва слышимый рык.

Рун в одно мгновение оказался на ногах — в конце концов он знал, что всё закончится именно этим. Для пса это словно стало сигналом; он бросился на свою добычу. Чародей рывком опрокинул флягу: молочный след вырвался и застыл, обратился ледяными острыми брызгами, намертво прилипшими к сосуду. Новоявленный клинок плашмя ударил по животному, опрокинул наземь, заставил несчастного взвять. Не растеряв желания опробовать ляжки Руна на вкус, пёс бросился вновь. В этот раз чародей ответил жестче: первым взмахом он отрубил бестии переднюю лапу — бедолага тут же завалился наземь и обиженно заскулил. Парень прикончил его быстро и без сожаления.

Хозяева спешили следом. Пса они будто пустили только ради того, чтобы проверить хваленую проворность чародеев. Рун сплюнул наземь, видя как из-за деревьев появляется один, второй, третий...

Разбойники — по ним было понятно сразу. Тот, что был выше остальных, перекидывал небольшой топорик из руки в руку и прятал лицо за холщовым капюшоном. Второй оказался автоматом и очень даже хорошим — Рун за всё время так и не услышал, как скрипели его шарниры. Своим оружием он избрал малурит: посох, расписанный вдоль и поперёк магическими рунами. Снаряды, начертанные на нём, пылали тускло сиреневым светом даже из под маскирующей обернутой вокруг тряпицы.

Третий размахивал цепью, пытаясь обойти волшебника по кругу. Рун не вглядывался, но точно знал, где уже видел эту троицу сегодня — на постоялом дворе, когда мельком и случайно показал символ одного из Двадцати. Ошибка, которую не следовало повторять впредь.

Напали сразу же и не сговариваясь — верно, именно эту троицу и прозвали призраками тракта. Каждый селянин, от самого Шпиля до Достенья трясся при одном только упоминании: грабили и не щадили никого. Что и говорить, былой порядок ушёл во тьму вот уже как полгода назад. По-другому просто и быть не могло.

Малурит вспыхнул, прежде чем исторгнуть из себя кривую, трескучую молнию. Рун вовремя отскочил — снаряд ударил в пенёк, на котором он сидел до этого, моментом обратив его в горелые щепки. Цепь зашелестела по воздуху, прошла у мага над головой, едва

не щелкнула кончиком по сжимавшей клинок руке. Рун зло оскалился — пришло время и ему показать зубы.

Уклонившись от очередного выстрела малурита, чародей щелкнул пальцами. Ярко-рубиновый щит вспыхнул волнами, обволакивая руку юноши, чтобы через мгновение принять на себя удар топора. В глаза разбойнику, прямо под капюшон, брызнул снап магических искр, здоровяк ухнул и пошатнулся. Рун, не теряя своего шанса, молочным клинком выбил оружие из рук противника, рубанул наотмашь — бандит отчаянно взвыл, а его бедро тут же украсилось широкой красной полосой. Заковыляв, пытаясь сохранить равновесие, он рухнул наземь.

В висках юного чародея стучала отчаянная ярость, а здравый смысл тщетно пытался удержать непоколебимость и спокойствие. Рано обрадовавшись первым успехам, Рун почувствовал болезненный щелчок у колена. Сталь цепи ржавыми звеньями обмоталась вокруг ноги, вонзилась в кожу продрав штанину. Если бы не лежавший в кармане брюк охранок — это бы точно закончилось переломом. Автоматон, успевший заново начертать мелком руны на малурите, непоколебимо целился в чародея. Паршивец с цепью дернул её на себя, повалив мага в ворох опавших осенних листьев — в лицо ударил запах сырой, влажной земли, во рту появился металлический привкус.

— Чтоб вас... — зло, сквозь зубы выругался Рун и схватился свободной рукой за цепь. Магический импульс ударил по ней вспышкой — сталь, не выдержав, оглушительно лопнула. Звенья осколками оцарапали руку чародея, исполосовали рукав куртки. Владелец цепи же взвыл: кажется, ему тоже досталось осколком, и Рун от всей души надеялся, чтобы поганцу выбило глаз. Краем глаза чародей заметил, как молния сиреневым сгустком завилась вокруг малурита. Замерцавшие руны закружились вокруг ствола, сплетаясь в боевое заклинание. Автоматон двигался циклично, входя в синхронизационный транс вместе со своим оружием. Молния застрекотала, изогнувшись в воздухе, Рун успел раскрыть рот, вскинуть руки в защитном жесте. Молния врезалась ему прямо в грудь, пробила прятанный под курткой доспех, обожгла и отшвырнула. Ствол векового трещанника принял на себя тело чародея. Рун охнул, чувствуя, как что-то хрустнуло в спине и тут же отозвалось резкой колющей болью.

Бой ещё был не закончен. Грязно матерился разбойник с цепью, держась за окровавленное лицо; безуспешно пытался встать на ноги и молил собратьев о помощи здоровяк в капюшоне.

— Гус еганая, маг засратый! Я тебе твой знак так в гузно запихаю, что языком вычистишь, гнида, тварь! — голос у бандита с цепью оказался до безобразия хриплым. Обрывок цепи раскачивался из стороны в сторону и не обещал Руну ничего хорошего. И только автоматон был твёрд и спокоен — сложно было ожидать чего-то другого от механической куклы.

Жаль, подумал волшебник. Жаль, что он так далеко от Шпиля, иначе бы он раскидал этих паршивцев ещё на подходе, а в назидание обратил бы их в сапоги или ночные горшки. Сейчас же ему оставались только малые крохи былого могущества. Но ведь и их должно было хватить, верно? Видят Архи, он того не желал, его вынудили: ладонь незаметно скользнула в сумку. Пальцы быстро отыскивали необходимое: сухая мана была мягкой, словно глина. Растёртая меж пальцев, она тут же потекла по телу чародея, даруя ему сначала облегчение, а потом и новые силы.

Романтик с большой дороги наступил на молочный клинок — тот, потеряв магическую

концентрацию, побежал россыпью трещин, и через мгновение растёкся белой жижей. Крынка хрустнула под тяжелым сапогом, а сам разбойник склонился над Руном.

— Поколдуй мне, кляк, ну, давай, собака ты вшивая, голова кабанисья, ты... — разбойник не успел договорить, осёкся. Цепь в его руках обратилась в склизкую змею. Вскрикнув от ужаса, он попытался отшвырнуть её прочь, но та успела обвить руку несчастного. Зашипела, щелкнув раздвоённым языком, и принялась безжалостно жалить разбойника. Четвертый выстрел из малурита сорвался со ствола, но не возымел должного эффекта. Мгновенно оказавшийся на ногах Рун поймал сгусток руками: ладони обожгло, нутро затрясло от переполнявшей его энергии, но маг знал — отпускать нельзя ни в коем случае. Обуздав непокорную стихию, словно плетью Рун наотмашь рассек механическую куклу. Автоматон вздрогнул: магическая программа, царившая в его голове, сбилась с положенного настроения. В воздухе тут же запахло горелым — из противника повалил густой жирный дым. Рун глянул в сторону: сквернослов валялся в густой траве у поваленного дерева, устремив стеклянный взор в бесконечную мглу сегодняшней ночи. Змея с его руки скользнула прочь, поспешила спрятаться в камышах.

Скомкав молнию, словно бумагу, Рун отшвырнул её в сторону — она мячиком заскакала по земле, прежде чем иссякнуть и обратиться горстью горелых листьев на земле. Чудо, что не случилось пожара, пронеслось в голове мага, в следующий раз следует быть осторожней. И с молниями, и вообще...

— Поди прочь! Уйди, сволота, ты знаешь, кто я? — разбойник скулил, словно побитый пёс. Рун облизнул высохшие губы, нависая над ним дамокловым мечом. Набравшись смелости, лесной бродяга выхватил таившийся до этого за поясом нож, но Рун выбил его стремительным ударом. Кровь и злость, вперемешку с болью, кипящие в нём, действовали за него. Здравый смысл, теребя щуплый подбородок рассуждал, что вряд ли эта троица — тот самый призрак тракта. Тут справились бы и селюки с вилами, к тому же не троица, а двоица, потому что третий — автоматон и...

Автоматон...

Рун сообразил не сразу, а когда понял свою ошибку, скользнул в сторону — но поздно. Ошейник, словно живой, бросился на него, обвился вокруг шеи. Круглые, металлические бляхи неприятно впились в кожу, придушили, обожгли огнём. В ноздри парня ударил до тошноты знакомый запах. Нет ничего хуже для любого чародея, чем саффиритовая лазурь.

— Один из Двадцати? — послышался голос из темноты. Говоривший был краснокож, щупловат и старше своих подопечных. Незнакомец лучился уверенностью. Рывком он потянул на себя чародея, словно непослушного пса, и обмотал край верёвки вокруг дерева. Рун дёрнулся и ошейник откликнулся на его дерзость: придушил, заставил уняться. Чародей знал, что стоит ему вновь попытаться вернуть себе свободу, как его от макушки и до кончика пят пронзит нестерпимой болью. А если уж он вздумает сотворить заклинание...

— И что ты у них делал, парень? Чистил нужники? Может, чай по утрам подавал?

Рун хотел огрызнуться, но незнакомец пинком опрокинул его наземь. Юноша видел, как зло в темноте сверкнули глаза старика, а в его руке появился нож. Ловким движением он срезал кожу сумочного ремня, ногой отшвырнул пояс подальше: знал, что тот таит в себе как минимум тысячу и одну неожиданность и не хотел рисковать. В голову Руну лезла назойливая, гадкая и неприятная мысль, что его дело — дрянь. Но больше всего его беспокоило другое: откуда у простых разбойников всё это? Автоматон, малурит и саффиритовая лазурь не лежат в канаве у дороги, канавачная шпана за всю жизнь не

награбит столько, чтобы их купить. Но всё-таки они у них были...

Старик выдохнул и будто разом растерял добрую часть своих сил. Былая спешность растворилась в ночи, обратилась ленивой походкой. Нехотя, словно на каторгу, незнакомец потащился к раненому разбойнику — на бородатом лице последнего вдруг появилась улыбка вперемешку с облегчением.

— Господин, йа... как хорошо! — изувеченный головорез протянул своему спасителю руку, но тот не ответил взаимностью. Припав на колени, он полоснул несчастного по горлу клинком, с омерзением обтёр его об одежду убитого. Тот успел нелепо вздрогнуть, прежде чем недвижимо и навсегда осел. Рот раскрылся и застыл в беззвучном крике.

Старик шёл к Руну, как сама неотвратимость. Чародей же ругал самого себя за беспечность — неужели весь опыт и умения, кои он копил годами, не могли предупредить его о таком? Мозг лихорадочно искал пути к освобождению и всюду натыкался на беспроглядный тупик. Где-то в глубине души начало просыпаться самое обыкновенное человеческое отчаяние...

— Привет, сопляк, — у старика был на редкость отвратный голос. Он играл старыми, но всё ещё полными силы мышцами. Клинок шустро нырнул в приветливо ждущие ножны. Главарь теперь уже сгинувшей банды подошёл, навис над юным чародеем, угрожающе покачал пальцем.

— Я всегда думал, что цепи — это лишь бабам на сиськи. И то не всегда идёт. А тут гля — чародейчик и ему прямо впору!

— Иди к Бледным! — зло гаркнул в ответ придушенный чародей. Ошейник счёл это недопустимой дерзостью, сдавил сильнее. На лице старика заиграла неприятная, хищная ухмылка.

— А у Бледных на кую, сиднем сидя я сижу! Из под трубочки дымок, из под задницы... — старикашка поигрывал теперь уже невесть откуда взявшимся ножом, склоняясь к чародею. Он безжалостно наступил Руну на грудь — у парня схватило и без того слабое дыхание. Холодное лезвие коснулось щеки последнего из Двадцати. — Я могу так изукрасить твою мордашку сопляк, что Бледные тебя не признают. Потому что жизнь твоя ещё нужна, а вот про мордашку-то, про мордашку уговора не было. Начнём?

Нож зло сверкнул в лунном отблеске, но его хозяин вдруг выгнулся дугой, хрипло вскрикнул, выронил клинок. Всё ещё чудом держась на ногах, он обернулся, ухмыльнулся, покачал головой.

— Следовало ожидать, наверно. Мне следовало, да?

Вместо ответа ему в грудь ударился мощный, магический пульсар, отшвырнул прочь, словно игрушку. Старик глухо охнул и застыл чуть дальше чародея. Рун, наконец, облегчённо выдохнул...

Кошмары о былом. Сон первый

Поначалу все слышали только жуткий, ушираздирающий вопль. Он тащил за собой неизбывный ужас, убирающий людей с улиц быстрее, чем лесные чудища. Старый Мяхар говорил, что маг должен являться эффектно и эффективно. А главное — громко. Пусть все слышат о том, что он идёт и прячутся в своих жалких халупах, ибо идёт Их Воля!

Старый Мяхар был бы доволен Руном...

В деревню чародей ворвался вихрем. Ветер, который он нёс на плечах, обрушился на них в чём неповинные березки, пригнул их к самой земле: послышался треск ломаемой древесины. Воздух в тот же миг заполнился непрошенной свежестью, будто обещающая скорую грозу.

Люди прятались, спешили по домам — неуклюжий толстяк подхватил на руки веснушчатую девчонку в попытке укрыться за забором. Пронёсшийся мимо него маг обдал его на прощание снопом вздыбившейся дорожной пыли. Толстяк закашлялся.

Рун спешил так, как не спешил никогда в своей жизни. Вести брехливыми псами ползли отовсюду, стекались нечистотами чужих языков, обращаясь в нечто невообразимое. Сплетни обрастали щупальцами лжи и чуждого злорадства, норовя разорвать былое спокойствие и здравомыслие юного чародея — на Шпиль напали!

На Шпиль напали! — и это уже казалось смешным. Воображение не жалело красок, пытаясь хотя бы попросту представить участь нечистивцев. На долю несчастных должны были пасть страшные кары, а Рун убеждал самого себя, что попросту хочет принять в этом незатейливом развлечении хоть какое-то участие.

Признаться, что его гнал домой самый обычный, трепещущий страх он боялся, даже самому себе. Едва подобная мысль приходила в его вихрастую голову, как он тут же отбрасывал её в сторону. Чепуха и глупости — что такого могло случиться с Шпилем?

Ведь Шпиль — это Шпиль! Словно гигантская свеча, он возносился под самые небеса. От любого края Стены, даже в Каменном Лесу, нет ничего более величественного и прекрасного, чем он. Рун в долгой дороге вспоминал прикосновения — не к нему, к его силе. Казалось, таящуюся внутри него магию можно было черпать горстями. Да Рун вместе с товарищами так и делал. Магия перетекала в их тела, заполняя истоцившиеся пустоты, сызнова превращая уставших путников в могущественных чародеев.

Вчера он вывернул наизнанку разбойника. Подлец пытался обокрасть его на базаре, сунув во время сдачи более мелкую монету. Рун не стал дожидаться адской агонии мерзавца, оставив его как наущение для местных. Из раза в раз, посылая вестового за помощью, селяне ползают на коленях, валяются в ногах и заламывают руки. Горести и напасти приходили к ним то болезнью, то неурожаем. Изредка в полях заводилось чудище — с большой земли, из-за Стены. И всё равно, получая милость чародеев, они таили за спиной по камню. Дети провожали его боязливым, а кто и злым взглядом, когда двоих из них он оставил рисунками на позорной стене. Сорванцы не скрывали радостных улыбок, когда говорили про нападение на Шпиль — на их беду Рун оказался поблизости.

Магические потоки внутри него иссякали один за другим, на плечи похотливой девой наваливалась усталость. Он сулил самому себе обещания — одно слаще другого. Горячая ванна в мыслях манила теплыми объятиями не меньше, чем пуховая перина или объятия истосковавшейся по нему Виски. Он схватит её, зажмёт, и утащит в свою комнату, как

обычно. Одна лишь мысль об этом заставила его улыбнуться. Не могло же быть такого, чтобы с Виской что-то случилось — она превратит любого, кто осмелится подойти к ней слишком близко в деревянную куклу. В детстве ей нравилось делать игрушки из симпатичных крестьянок.

Старосты в деревнях были один другого краше. Толстые и худые, сгорбленные и прямые, что твоя доска, они как на подбор были беззубы. Головы уродовали проплешины и крупные, разве что не с полевую мышшь, виш. Хрипылыми голосами и на все лады, держась за палку-клюку, они обещали господину магу всего и сразу: мягкую постель, девку покрасившее и горячий обед. Годы, что Рун провёл в качестве Несущего Волю давно приучили его к тому, что из горячего здесь лишь обещания, вместо постели — набитая пропахшей потом соломой тряпица, а девки... а от девок воняло.

Он не стал останавливаться в деревне, проскочив её на одном дыхании. Чутьё подсказывало ему, что где-то в ближайшем лесу водится нечто злое — надо будет доложить об этом Матриаху. Но это потом, сейчас больше всего на свете его беспокоил Шпиль.

Спокойствие мягким одеялом легло ему на плечи, едва он увидел возносящийся под самые облака штырь Шпиля. От сердца отлегло, а на смену былому волнению и страху, пришло сытое утешение, что все хорошо. Можно собрать остатки своих сил и обратиться ближайший пень в небольшой домик-ночнушку. Даже хруставолки, изредка завывавшие где-то неподалеку, скорее разбегутся, чем подойдут к импровизированному жилью хоть на шаг ближе. Звери словно нутром чуяли, где пахнет магией и предпочитали не связываться.

В такие моменты Рун осознавал только то, что даже у бестолковых тварей куда больше ума, чем у немых селян.

Сухая мана в сумке юноши подходила к концу — он истратил её почти всю только ради того, чтобы как можно скорее вернуться к Шпилю. Далеко на горизонте он видел стремительность молнии, а по небу неестественно шустро плыло черное, грозное облако. Несущие Волю следовали примеру Руна, возвращаясь домой. Юный чародей закусил нижнюю губу — былые мысли об отдыхе пропали сами собой. Он должен быть там, с братьями, что бы ни случилось — ни этому ли Матриарх учила их всё время? Власть и сила, воля и единство — вот, что должен представлять из себя маг для любого, кто бросит на него взор.

Он ругал самого себя за глупость и волнение, вдруг прочно поселившееся в его душе. Чего он, в конце концов, надеялся увидеть по возвращении? Руины и кровь?

Дома были и руины, и кровь. День мгновенно омрачился, стал чернее ночи, и злой насмешкой навис над плечами Несущих Волю. Рун врезался в спину могучего собрата Нилтара — тот стоял сжимая и разжимая кулаки. Былые дворцы сейчас напоминали лишь обугленные останки. Потерянно и как-то слишком безучастно среди развалин бродила Касья. Шмыгая носом и что-то бормоча себе под нос, она вытаскивала из под серой пыли остатки былого — величия? Могуущества? Роскоши? Рун не знал.

Страх был неприятным. Из скользкого червя он разросся до самой настоящей змеи, и неторопясь пробираясь меж лопаток у чародеев, вот-вот обещал обратиться в самого настоящего дракона. Склизким страхом он дышал им в шею, заставлял покрываться холодным потом, ужасаться при виде каждого тела, лежащего на грязной земле.

Надежда была мелкой и непостоянной. В истерике она отчаянно билась, желая доказать, что очередной труп принадлежит нападавшему. Стоило отдать ей должное —

чаще всего она оказывалась права. Исковерканные до неузнаваемости разбойники буравили невидящим взглядом пустоту перед собой. Рун недоумевал — здесь, у Шпиля, их всех можно было вскипятить изнутри, обратить стаей бабочек, или отправить домой — частями.

Карка они нашли в своей кровати — бедолага даже не успел встать. Ему перерезали горло и, выколов глаза, засыпали горящих углей. Вместо рук торчали обугленные культы — мерзавцы боялись чародейских фокусов даже после смерти волшебника и решили обезопасить свои шкуры.

Завернутая в тряпицу, с застывшим ужасом на глазах, в россыпи столь дорогих ей книг лежала Гитра — едва её увидев, Руну стало дурно. Её раздирали на части, словно кусок мяса, когда она ещё была живой. Воздух вокруг пропитался запахом гнили и мертвечины. Слабый аромат маны, едва висящий в воздухе едва перебивал мерзкий дух.

Парень споткнулся и не сразу узнал в изуродованном нечто старого Мяхара. Старика обезглавили, и словно игольницу истыкали ножами — на нём не было живого места. Из распоротого живота небрежно вывалились потроха, словно крысам на поживу. Парень вздрогнул, желая бежать от жуткого зрелища прочь. Не веря собственным глазам, он отрицательно качал головой. Ему казалось, что вырвись он из Кошмарного, искалеченного Шпиля, обязательно сможет вернуться в тот, где все живы и здоровы.

Мастер Рубера держался до последнего. Наверно, сказал Нилтар, его и убили последним. Учитель фехтования скорчился на полу с переломанными ногами и вывернутой шеей. Поодаль, насаженные на пики, торчали его оторванные руки. Кровь мерзко хлюпала под ногами юного чародея. Он шёл следом за старшими братьями, цепляясь за края платья ветреной надежды. Страх смеялся над мальчишкой — он-то знал, что они вот-вот найдут Виску. Не в этой комнате, так обязательно в другой. Ну как? Готов? — спрашивал он каждый раз, как только Рун переступал порог очередной комнаты, и у парня сердце уходило в пятки.

У матриарха не было головы. Словно в насмешку, её усадили на её законное место, вогнав через шею деревянный кол. Изломанные руки словно вот-вот должны были исторгнуть из себя очередное заклинание или сплести хитрое проклятие. Голова пряталась на подносе, под закрывающей её крышкой. Когда её подняли, мальчишку вывернуло — он видел кровь и до этого, но видеть матриарха в таком состоянии оказалось куда выше его собственных сил. Ногой он задел оторванную ладонь одной из личных автоматов властительницы Шпиля. Те лежали бесформенной кучей, словно брошенные хозяйкой игрушки. Из-под изодранного в клочья кожмимита торчали изломанные механические потроха. Следом его взгляд пал на золотой перстень с крупным изумрудом. Словно не осознавая, что делает он поднял, надел на палец, запоздало понял, что это кольцо, что носила Матриарх. Он подавил в себе дикое желание тут же содрать побрякушку, вернуть теперь уже мертвой Властительнице Шпиля. Потом, сказал себе юный чародей, пусть пока побудет у меня...

Рун поймал себя на том, что рассматривает собственные ладони, пытаясь сделать хоть что-нибудь — магия, столь послушная всегда, сейчас отказывалась ему подчиняться и он начинал чувствовать себя беспомощным ребёнком посреди тёмного леса. Больше всего на свете ему сейчас хотелось убежать как можно дальше, но исковерканный, осквернённый шпиль не давал ему сделать и шага, просил остаться здесь. Нерешительность — такая незнакомая и неуютная, камнем легла на его плечи. Так было до тех пор, пока Кианор не ткнул его кулаком в спину. Бородатый, как и всегда, он буркнул ему что-то успокаивающее

и Рун, сам не зная почему, кивнул ему в ответ, пошёл следом. Касья окликнула их из соседнего зала и они поспешили туда.

Страх ликовал и довольно потирал руки. Сколько их уже нашли? Почти всех? Настал черёд и твоей подруженьки, юный чародей. Хочешь знать, что они с ней сделали? Как извращались, насиловали, наслаждались собственной властью и её беспомощностью? Под ногами хрустели миниатюрные ручки и головы разбитых фарфоровых кукол...

Когда он увидел её, в голове немного прояснилось. Страх сменил ликование на неуверенность и поспешил замолкнуть, буркнув лишь что в этот раз Руну попросту повезло. Обратив злорадство в жалость, он бросил чародею совет наколдовать как можно больше охранков — кто знает, что будет, если негодяи вернуться? В мысли ударил постыдный прилив радости, который он попытался сдержать — Виска была жива! Юная и наивная, как всегда, она что ребёнок пряталась под кроватью. От неё за версту разило сожженной до последней капли маной. Руки свисали обугленными ключьями — последняя защитница Шпиля обещала дорого продать свою жизнь. То ли разбойники бросили её здесь в назидание тем, кто вернётся, то ли у них не осталось сил возиться с её упрямством. Рун хотел верить во второй вариант, но прекрасно понимал, что те, кто смог оторвать руки мастеру Рубера, смог бы проглотить Виску даже не прожевав.

— Кровавые Крючья... из... Кровавые Крючья. Они звали себя... Кровавые Крючья!

Зарёванное лицо было красным от ужаса и слёз. Касья тратила последние остатки своего могущества, пытаясь привести руки чародейки в порядок — получалось у неё с переменным успехом. Кианор, лучше разбирающийся в залечивании ран велел ей отойти и сам взялся за дело.

Рун вертелся вокруг Виски, словно увидевший бездомного щенка мальчишка. Ему хотелось прижать её к себе, утянуть в безопасность своих объятий, стать для неё нерушимой стеной. Его отстраняли прочь — то Касья, то Нилтар, то Кианор, словно он здесь был вовсе лишним. Парень выглянул в то, что некогда было окном — нить дороги петляла, убегая огибая ближайшние сёла, тщетно надеясь укрыться в роще ближайшего леса.

— Мы должны их нагнать, — он сказал шепотом, но его услышали все. Все, кроме Виски, смотрели на мальчишку посмевшегося озвучить столь смелую мысль.

— Постой, Рун... — Нилтар примиряющее выставил перед ним ладони, словно предлагая одуматься прямо сейчас. Рун только теперь понял, что от злости стиснул кулаки. Мана спелась в заклинание, норовя в любой момент сорваться потоком необузданного колдовства. — Постой, нельзя же вот так, очертя голову, бросаться в никуда.

— Мы должны их нагнать, — парень сказал громче и удивился, насколько глухо звучит его собственный голос. Во рту пересохло: юный чародей готов был отдать половину могущества лишь за глоток воды. — Мы Двадцать! Любой, кто поднимет на нас руку, должен познать наш гнев. Разве не так?

Ему не ответили. Словно каждый осознавал его правоту, но боялся признать её прямо здесь и прямо сейчас. Глотку Руна сдавило спазмом, он закашлялся, попытался прочистить горло. Краем глаза увидел, что Касья обходит его по кругу, словно в надежде наброситься со спины.

— Мы — Двадцать! — зло выкрикнул Рун. Сарказм внутри него зло ухмыльнулся. Ну, говорил он, скажем не двадцать, а уже всего пятеро. Забавно, не находишь? Рун злился на

самого себя и на весь мир разом. Он переводил взгляд с одного чародея на другого, тая тщетную надежду, что хоть кто-то-то его поддержит. — Вы что, не видите, что они сотворили? Посмотрите на Виску! Она дрожит от ужаса!

— Это ты посмотри на Виску, сопляк! — вдруг в тон ему отозвался Нилтар. — Она дрожит от ужаса не потому, что сюда ворвалась толпа разъярённых крестьян. Те, кто сумел раскидать лучших из нас, тех, кто нас пятерых учил и воспитывал, разорвут нас, словно щенят! Мы...

Нилтар осёкся. Кажется, ему самому тяжело давалось то, что он вот-вот собирался сказать. Кианор, шутник и балагур, умеющий вставить слово некстати и не вовремя, и сейчас решил проявить свое мастерство.

— Мы должны подумать. Подумать, что делать сейчас и что делать дальше. Понимаешь? — Он уставился на Руна, словно на деревенского дурачка. Юный чародей разве что не скрипел зубами. Всё внутри него говорило, что братья правы. Но признать подобное для него было страшнее смерти.

— Мы должны их нагнать, — упрямо, словно надеясь, что повторённое трижды звучит убедительней, проговорил Рун. Касья, не дожидаясь очередного приступа, бросилась на него со спины. Мальчишка ловко перетёк в сторону, ответил старшей чародейке локтевым ударом, опрокинул её на пол. Нилтар с Кианором, ещё мгновение назад готовые повторить подвиг сестры, теперь застыли в нерешительности. Рун смотрел на них, словно на малых детей. Ещё вчера они могли повергать в ужас великанов, уменьшать горы и поворачивать реки вспять. А сегодня они стоят перед ним и не знают, что делать дальше.

Слова богохульства сами легли ему на язык, поспешили вырваться жутким оскорблением. Ему казалось, что сам Шиль должен содрогнуться от сказанного. Не содрогнулся, устоял. Наверно, после того, что случилось в его стенах ему не расшевелить даже землетрясением...

— Вы не Двадцать, вы дети.

— Молчи, — грозно, исподлобья высказал ему Нилтар. На кончиках его пальцев опасно заплясали чародейские искры. Рун оттолкнул едва вставшую на ноги Касью, поймал на себе испуганный взгляд Виски. Та прекратила истерику, но её спокойная маленькая жизнь продолжала крошиться прямо здесь, прямо сейчас, у неё на глазах. Некрасиво, почему-то подумалось мальчишке. Некрасиво, скандально, словно у грязных простолюдинов.

— Сегодня они пришли к нам, разграбили то, что было нам дорого. Издевались над трупами тех, кто растил и учил нас. И вместо того, чтобы воздать им по заслугам, единственное, чего вы хотите — это ждать и думать? — Рун и сам не заметил, как предательски задрожал его голос. — Я слышал, что Двадцать несли возмездие любому, кто осмелился посягнуть на их власть, на их могущество, на их семью. Двадцать не ждали.

Рун повернулся к братьям спиной. Здравый смысл намекнул, что это было ошибкой — вряд ли его братья оставят попытки остановить дерзкого мальчишку и позволят ему уйти. Но они позволили — он шёл медленно, словно в надежде, что его окликнет Виска. Он боялся поддаться дикому желанию обернуться и посмотреть ей в глаза. Не сейчас, говорил он самому себе, когда-нибудь потом.

— Двадцать не ждали, Двадцать делали. И если у вас по-прежнему дрожат поджилки от ужаса, мне больше не о чем с вами говорить...

Глава вторая — Пленник

Ска была безмолвна. Желтыми глазами смотрела в бесконечность ночной мглы, сжимая в руках остатки саффиритовой лазури. Она бесцеремонно взрезала ошейник — Рун тут же потёр порядком пострадавшую шею, посмотрел на своего мучителя.

— Я же просил не убивать! — буркнул он недовольный упрёк, принимая из рук автомата ту тряпицу, что местные звали пледом. Закутавшись в него, чародей вдруг ощутил лёгкий дух машинного масла от механической девушки, а с ним и самый настоящий уют безопасности.

— Ранен, — виновато сказала Ска и поддела ногой старика. Тот охнул из своего бессознательного и захрапел. Словно неживого, она тщательно обматывала его старым куском пеньки — узлы давались ей на редкость хорошо.

Рун лишь облизнул высохшие губы. Всё закончилось, твердил он самому себе. Здравый смысл, молчавший до сего момента, торжествовал. Вскочив, он жадно, словно муха, потирал лапки, обещая юноше самую настоящую головомойку с самоедством на десерт.

Оно того не стоило, говорил он, отрицательно качая головой. Рун соглашался — не стоило. Можно было иначе, нехотя признавал здравый смысл. Рун соглашался — ему не оставалось ничего другого. В прошлые разы было куда проще, разбойники ещё никогда не были столь наглы и кровожадны. Раньше он налетал на них, что коршун, а сегодня же они показали ему зубы. Что будет дальше?

— Они знали, что я завишу от Шпиля, — Рун это сказал как будто вникуда. Ска на мгновение застыла, обрабатывая полученную информацию. Иногда юному волшебнику хотелось хоть на секунду залезть в её митофарфоровую голову и глянуть, как магия позволяет ей осознавать услышанное.

Стальная дева выдохнула, придя к осознанному выводу, что ей нечего сказать на это утверждение. Словно Руну этого было мало, он продолжил: — День ото дня они становятся наглей, напористей, злее. Чем дальше мы от шпиля, тем... тем...

— Господин, вам нужно успокоиться.

— Тебе легко говорить, — хмыкнул чародей, и приник спиной к стволу дерева, зажмурился. Признавать хотелось меньше всего, но механическая кукла была права как никогда. Усталость плясала у него на плечах и норовила поселиться в нём головной болью. Парень облизнул разом высохшие губы, выдохнул, досчитал до десяти. В детстве, когда ему не удавалось справляться с собственным гневом, мастер Рубера заставлял его считать, пока перед глазами не мелькнёт бесконечность — очень даже помогало.

Помогло и сейчас. На каждое число он словно монету нищему кидал самому себе догадку или размышление. Для начала, он зашёл в тупик — это раз. Во-вторых, торчал он в том кабаке и светил символом Двадцати только ради того, чтобы спровоцировать нападение. Следить за ним начали ещё два дня назад, и это, наверно три. На число четыре выпало размышление о том, что до сего момента разбойники редко предпринимали собственные попытки напасть на своего преследователя. Обычно всё проходило словно по писанному — он заявлялся, вытряхивал последние потроха из местных, и они кубарем ему выкидывали тех разбойничков, что ещё позавчера спяну голосили о том, сколь резво они вырезали Шпиль. Изредка среди этого сброда попадался кто-то, кто знал, куда следует идти дальше или где искать остальных.

С кем-то он разделялся на месте. В конце концов, сколь бы трусливы не были головорезы, но считали, что смерть куда более лучшая участь, нежели попадание на чародейский суд. В этом в самом деле была крупица смысла: ибо у чародеев хорошо как с воображением, так и с фантазией. Выдумать участь хуже любой смерти — разве они в этом не мастера? Рун подумал, насколько мрачно звучат его собственные мысли и смачно сплюнул. Что он, в самом деле, дикарь, безумец и варвар? Совесть осторожно постучалась у край его черепа, мягким и тихим голосом напомнив, что не варвар — но ведь именно это же и хотел сделать. Разве не так?

Рун захотел укубить самого себя за локоть. Опять отвлёкся, как обычно. Парень отрицательно покачал головой, прогоняя все мешающие мысли. В четвёртых, насильно сказал он самому себе, следует знать лишь одну вещь — до сего момента ему попадались мелкие сошки, мало связанные с тем, кто организовал нападение на Шпиль. Их память была если и не пуста, то не слишком информативна — Рун вытаскивал её из их голов и рассматривал. Мерзавцев тянули жалкие помыслы: кто-то из разбойников был лишь вчерашним крестьянином, чьего сына справедливо наказали чародеи. Другие хотели денег, третьи жаждали славы. Парень облизнул высохшие губы, пытаясь вспомнить, сколько людей сгнуло в тщетной попытке повернуть нечто подобное? Все их потуги заканчивались у двери Шпиля и жалкой участью. Рун не знал, но догадывался, что одно из нападений было организовано самой Матриархом — старый Мяхар не очень любил об этом говорить, но намекал: лишь показав простолюдинам, что может с ними случиться в случае бунта, можно предостеречь остальных от глупостей. Разве с десятков горячих голов такая большая цена за сотни, если не тысячи людских жизней?

Рун не знал. Может и да, может, и нет — старик завсегда умел перескочить с одного настроения на другое. Минутой назад он был серьёзен, а через мгновение весел и добродушен. Но одно парень знал точно — в практичности методов Мяхару точно отказать было нельзя. Вопрос, ответ на который Рун столь тщательно искал в разбойничьих мозгах не унимался, раз от разу норовя обратиться навязчивой идеей; что заставило поганцев поверить, что в этот раз у них точно получится? Юный чародей выдохнул — ответа сызнова не было, но он надеялся вычленить что-нибудь из пойманного ими сегодня старика. Если уж и этот ничего не знает, то тогда...

Рун не знал, что тогда. Копилка домыслов вдруг позвенела содержимым, напомнив, что он давненько не подкидывал ей новых размышлений. Парень кивнул — то ли ей, то ли самому себе в ответ, и поискал, что там должно было быть «в пятых».

А в пятых... Юный чародей выдохнул, покачал головой. В пятых следовало напомнить самому себе, что он идёт по следу тех, кто жестоко расправился с его собственными учителями. Почему-то в голове набатом звучали слова Нилтара, что его порвут, словно зарвавшегося щенка — и поделом. Рун сунул руку в напоясную сумку. Огладил увесистую россыпь булыжников. Бывшие разбойники покоились в его сумке — временами ему помогали сосредоточиться мысли о том, как он вернётся в Шпиль и притащит с собой нечестивцев на магический суд. Кто сказал, что чародеи не ведают справедливости?

Мысль с каждым днём казалась ему всё более глупой и мальчишеской. Чего он, в конце концов, ожидает? Что Нилтар на пару с Кианором, взяв мастерок и замесив раствор примутся выкладывать из окаменевших разбойников мостовую? Или с чем там её выкладывают? Парень не знал

Юный чародей поискал в недрах своих размышлений ещё хоть что-то. Но больше ничего

не шло на ум. Опять ему не удалось досчитать до десяти. Но, по крайней мере, привёл собственные мысли в порядок. Он глянул на Ска, что латала одежду у костра — когда та успела изорвать своё платье, парень не знал, но рукоделие давалось ей столь же хорошо, как и умение прятаться в тени. Как и умение ждать — ему вдруг стало интересно, какие алгоритмы в её механических мозгах заставили её сидеть на месте, когда хозяина осыпали градом ударов? Наверняка, окажись он сам на её месте, не выдержал бы и вмешался. С другой стороны, она автоматон, ей проще: вряд ли она сможет понять чувства обиды или страха. Чего уж говорить о таком человеческом волнении? Даже с иглой и ножницами в руках, она была столь хладнокровна, что явись сюда хруставолк — она пришьёт его к ближайшему дереву и будет использовать в качестве мишени для своей новой игрушки.

Едва только они связали старика, Ска принялась обирать павших разбойников. Не личный автоматон самой Матриарха, а какой-то мародёр! Её внимание привлёк собрат — из него она вычленила несколько деталей себе на замену. Лучшей же её находкой стал малурит — оружие она оценила по достоинству. Рун попросил её дать посмотреть — и механическая кукла с несвойственной неохотой отдала его ему. Парень не шибко разбирался в застенном вооружении, а сам малурит требовал немалой сноровки: уж как есть, воистину оружие исключительно для автоматонов...

Парень шмыгнул носом, посмотрел вдаль, прищурился приближающемуся закату. Ска он доверял не меньше самого себя, но всё же потратил немного маны на разведку. Здравый смысл был согласен: уж лучше перебдеть, говорил, чем недобдеть. Заклинание большого глаза скользнуло повсюду, спрашивая у всего окружение. Крупицы информации стягивались к чародею одна за другой. Они спешили ему рассказать о голодном хруставолке. Тот чуял запах гнили уже исходящий от мертвецов; но чуял и магию, а потому не решался подходить ближе. Если идти на восток дальше, будет ручей с питьевой холодной водой. Но больше всего они советовали скорее пройти на север — привязанный к дереву в нескольких километрах отсюда, вырывался гружёный муладир; не иначе, как их новый пленник приехал на нём.

Парень бросил оценивающий взгляд на выжившего разбойника. Седовласый доходяга, кажется, смел насмеяться над чародеем даже без сознания. Не приходя в себя, он спокойно лыбился радужным сном, что бушевали в его голове и не спешил пробуждаться. Парень закусил нижнюю губу почти до крови. Неприятно вспотели пальцы — вытаскивать из головы чужие воспоминания на пару с месивом всего остального содержимого не самая приятная процедура даже для чародея. Парень вспомнил, как долго пытался отмыться в ручье после надолго прилипшего к нему пятна одного из разбойников — тот мечтал насиловать всех, до кого только доберётся. Ему до одури казалось, что стань он участником нападения на Шпиль, как все местные селянки возжелают выстроиться в очередь к его постели. Ничего более мерзкого парень ещё не встречал в своей жизни. Двадцатому нужна была информация, и несчастный не пережил методов чародея.

Рун направился в сторону пленника. Что-то подсказывало ему, что этого ждёт точно такая же незавидная участь. Сомнения алым цветом разрастались в его душе. Не жалея сил, они стыдили Руна за всё — за методы, за глупости, за каждую мелкую провинность. Но чем дальше он заходил от подвластных им земель, куда бежали те самые Кровавые Крючья, тем больше он понимал, как людской страх обращается в жажду крови. Въезжая в новую деревню, Рун видел, как запирались двери и захлопывались окна. Страх вшивым псом бежал впереди него, заглядывая в каждую хату. Люди прятали детей, несмело выглядывая из-за

занавесок, моля только о том, чтобы мастер-чародей не решил заглянуть к ним в гости. Когда-то это нравилось Руну, теперь же — наоборот. Больше всего ему хотелось увидеть благодарные улыбки на лицах людей, теплую постель, горячую воду и хотя бы теплый обед. Что-то из того, чего ему обычно обещает каждый местный староста...

— Господин, — Ска явилась у него за плечом, словно призрак; и когда только успела? Будто прочитав мысли своего господина, автоматон готовилась завести старую шарманку. Рун выдохнул и закатил глаза — он-то прекрасно знал, что сейчас начнётся. — Господин, вы слишком слабы. Шпиль слишком далеко.

— Я знаю. Знаю наперёд всё, что ты хочешь мне сказать.

Автоматон застыла на мгновение, пытаясь понять, было ли прозвучавшее приказом молчать? Аналитический блок счёл, что не было, а потому она продолжила. Руну захотелось взвыть, словно ребёнку.

— И всё же я скажу. Вы забрались слишком далеко от тех мест, где можете быть в относительной безопасности.

— Я за Стеной. Всё что до Стены — мои земли, как последнего из Двадцати.

— Учитывая случившееся... — резонно поспешила добавить автоматон, но Рун сызнава резко оборвал её.

— Учитывая случившееся, мне теперь небезопасно нигде. Я же сказал, я знаю. Ты говорила об этом тысячу раз до.

— Если вы желаете отключить функцию... — Ска заговорила кукольным, ничего не выражающим голосом. Это уже походило на механическую обиду — что он там говорил самому себе про невозможность машины испытывать чувства? Кажется, во время починки мастер с ней всё-таки уж слишком перемудрил...

— Не начинай, Ска, — она положил ей руку на плечо, словно лучшему другу и устыдился. Общается с механической куклой, словно с живым человеком, тая какую-то совершенно детскую надежду, что она будет не просто исполнять его волю, а сможет понять. — Ты же знаешь, что ты нужна мне во всеоружии. Такой, какая ты есть сейчас. Ничего отключать не надо, но не будь столь занудной.

Автоматон, кажется, фыркнула в ответ. Вглядываясь в ничего не выражающее лицо, Рун не увидел ничего нового, но поспешил добавить:

— Ты же знаешь, почему я это делаю. И знаешь, что не отступлю. Дороги назад уже нет — вспомни, наш... «разговор» с Кианором. Это был тот мост, после сожжения которого возвращаться с пустыми руками — как не возвращаться вовсе. Понимаешь?

Она не понимала. Рун облизнул разом высохшие губы; спокойствие, которое он скапливал за последними размышлениями, спешило слезть с него слой за слоем, оставив один лишь оголённый комок нервов. Нечто внутри него говорило, что Ска в каком-то роде права: он лишь говорит, что его ведёт благородство, но на деле вперёд его тащит лишь жажда мести и глупая, мальчишечья обида. Оно же убеждало, что даже достигнув цели, парень ничего таким образом не добьётся.

Понимая последнее, он осознавал, насколько глупо выглядит даже в собственных глазах и лишь гордость, неизменная спутница, шагавшая с ним рядом даже в тяжелые времена, стояла на своём. Елейным голосом она говорила, что от данных себе обещаний отказываться нельзя, а прощать — разве умеют маги прощать?

Он сотни раз доказывал, что не умеют. Сам. Своими руками. Делай, иди к своей цели, не останавливайся — убеждала гордость, а я уж как-нибудь прикрою твои глаза от жуткой,

мерзкой правды. В мире, где от Двадцати осталась лишь горстка жалких трусов и один настоящий чародей, кому нужна эта никчёмная правда?

— Господин, если вы вернётесь в Шпиль и хорошенько передохнёте, это...

— Довольно! — Рун сорвался на крик, смерил Ска полным злости взглядом. Механическая кукла осеклась на полуслове и послушно замолчала. Как встречу очередного мастера по автоматам, пообещал самому себе парень, обязательно прикажу с корнем выкарнать из её подпрограмм столь назойливую заботу. Он давал подобные обещания чуть ли не каждый день, зная, что никогда не сделает ничего подобного. Зажмурившись и успокоившись, Рун спросил.

— Что там пленник? — вдруг спросил он. Ска лишь молча указала на него ладонью. Ну, сказал самому себе Рун, рано или поздно оно всё равно доходит до этого, стоит ли тянуть теперь? Выдохнув, он пошёл к привязанному к дереву старику. Тот был разут, а бывшая сонная услада сменилась напряжённостью: словно чуя скорую расправу, он в беспокойной дрёме жал к себе ноги. Верёвка толстой змеей обвивалась вокруг его запястий — те успели побелеть. Надо будет, сделал себе заметку Рун, указать Ска, что не стоит затягивать так сильно. И тут же отрицательно покачал головой — с чего вообще он вдруг заботится о разбойнике?

И разбойник ли это? Автоматон, саффирировая лазурь, малурит — у напавших на Шпиль было игрушек не меньше, но старик как будто играл последнюю партию. Этот в средствах был не стеснён. Парень рассматривал его, словно новую дивную игрушку. Одежда была простой, но под легкой накидкой пряталась рубаха слишком ровного, хорошего кроя — словно её лично автоматоны штопали. Штаны плотно облегли мощные ноги, на месте колен, под кабанисьей кожей прятались металлические заплатки — бедро Руна вдруг заныло при одной только мысли об этом.

Парень не спешил приводить пленника в чувство. Это завсегда успеется, сначала ему хотелось понять, что за рыбка сегодня попала в его сети. Задрал рукав, он присвистнул; Ска, стоявшая неподалёку в миг оказалась поблизости, повела носом.

— Виранец. Житель с территорий за стеной, — ей потребовалось совсем немного времени, чтобы просканировать многоликую, ветвистую татуировку на руке несчастного. Парень облизнул высохшие губы, ему захотелось сплюнуть. Вот только виранца ему теперь в полной коллекции и не хватало. С другой стороны, резонно замечал здравый смысл, разве на Шпиль не мог напасть один из этих бродяг? Кровавые Крючья — тот ещё сброд, а Виранцы ссылали сюда, под стены купола своих преступников. Логика успела усмехнуться — ссылали, видать, прям верхом на автоматоне, усыпав оружием с ног до головы, и выдав саффирировой лазури. Так, чтобы скучно не было...

— В звании лейтенанта, — немного подумав, добавила автоматон. Рун смерил Ска недоверчивым взглядом, переспросил.

— Ты знакома с их обозначением чинов?

— Да, Господин.

— Что ещё? Это изгнанник? — Рун всматривался в его татуировку и уже знал ответ на собственный вопрос. Ска отрицательно покачала головой, а парень тяжело выдохнул, вытер пот со лба. Всякой дряни он на своём пути ожидал, но вот таких подстав не ждал. Что могло понадобиться здесь застенному народу? Если это не изгнанник, то почему он действовал тут? И что желал от самого Руна? Любопытство смешалось со злостью, создав воистину дьявольскую помесь. Нахмурившись, парень пустил поток сил в пленника, приводя его в

чувство.

Старик вздрогнул так, словно его только что отходили плетьюми молний. Он дико заозирался вокруг, но тут же пришёл в себя. Взгляд у него был острый, оценивающий, понимающий. Заметив верёвки, лейтенант Вирании не стал дёргаться в тщетных попытках освободиться. Парень думал, что старик будет сверлить его ненавидящим взглядом, но тот, кажется, быстро смирился с собственной судьбой. Вместо понятного беспокойства на его лицо легла совсем уж дикая, пугающая безмятежность.

Руно стало неудобно. Ещё минуту назад уверенный в собственных силах, теперь он казался ребёнком, каким был ещё полгода назад. Старик шустро перехватил инициативу в свои руки — его рот вдруг расплылся в ухмылке.

— Поговорим, сопляк?

Глава вторая, часть вторая

У него было на редкость противное имя. Виранцы, словно назло всем и каждому, кто жил под защитой стены, давали друг дружке до ужаса мерзкие, непонятные, почти непроизносимые имена. Впрочем даже здесь лейтенант умудрился отличиться.

Старика звали Вигком. Рун тщетно пытался выговорить его имя, катая то на языке, словно пытаясь распробовать на вкус. Язык противился, говоря, что жизнь его к подобным причудам не готовила, а потому он извращал имя пленника на свой лад.

Руна злило, что несмотря на всё могущество чародея, даже такая мелочь может оказаться почти неподвластной. Вигк, кажется, это понимал и потому был до бескрайнего доволен. Парень пытался вклиниться в его разум и вытащить всё, что требуется без лишних слов, но все попытки пробиться оказались тщетны. Юный чародей разве что не скрипел зубами — окажись он в полноте своих сил, то вскрыл бы поганца, словно муравейник.

Сейчас же он наткнулся на стену — кто-то очень хорошо поработал над стариком. Мыслительный процесс пленника будто прятался за прочным куполом, сквозь которое не удавалось пробиться его заклинаниям: на такое была способна разве что Виранская Разведка. День не ведая усталости спешил обратиться из неплохого в самый наипоганейший за последние недели...

— Знаешь, что, сопляк? Давай поговорим о везении. Сейчас я в твоих верёвках. Но кто знает, как дело-то обернётся через недельку другую, а? Может, ты окажешься в верёвках, а я буду стоять над тобой в сопровождении стального чурбанчика. Ослабишь верёвки, сделаешь старику приятное?

Рун не ослабил, не сделал. На лице его царила чистая невозмутимость и равнодушие — словно он в самом деле беседовал с камнем. Старик лишь обречённо выдохнул, так и не дождавшись ответа.

— Виранец?

— Что ты, родом отсюда! Ещё вчера драл... коз пас. Ты с какой целью интересуешься, сопляк? Тоже по козам мастер? Поучиться хочешь? Это мы запросто!

Рун чудом удержался, чтобы не вlepить наглецу затрещину. Вигк над ним издевался — даже из верёвок, будучи пойманным и зная, что ему предстоит, он не терял самообладания. Что ж, выдохнул юный чародей, ему здесь попадались орешки и покрепче, расколет и его.

— Что ты знаешь о нападении на Шпиль? Ты принимал участие?

— Какой ответ ты от меня надеешься получить, мозгля?

Рун опешил, признав справедливость ответного вопроса. Скажи старик, что просто проходил мимо, так парень ему не поверит.

— Ты не ответил.

— А ты заставь, недоросок. Уверен, там в твоих мажьих закромах для каждого и всякого по заклинанию сидит. Что молчишь? Я видел, как и что ты сделал с теми, — старик кивнул себе за спину, указывая на своих наёмников. — Но могу сказать тебе только одно — ты и в половину не так хорош, каким начал. От тебя за версту разит неудачами, ты близок к тому, чтобы бросить всю эту затею на корню и позорно бежать. Что ж, сделай милость — поступи так. И тогда нам всем будет гораздо проще и удобней.

Рун прищурился. Старик, вроде, сказал что-то лишнее, но не чувствовал за собой беды. А, может, на то и рассчитывал? Рун отрицательно покачал головой — со всей этой погоней

он обращался в параноика. Но как им не стать, когда по пятам тебя и в самом деле преследует мелкие неудачи, а каждый очередной мерзавец, залёгший бульжником в твоей сумке не сдавался без боя, а пытался продать свою жизнь как можно дороже? Чародейские силы на пару с сухой маной таяли быстрее, чем того хотелось бы.

— Ты знаешь, что я с тобой сделаю?

— Догадываюсь. Слухи без ног, а бегают — даже у нас о твоих подвигах знают. Удивлён?

— Ты на редкость разговорчив, — не без неприязни заметил парень. Вигк лишь усмехнулся в ответ.

— А ты ждал, что я буду молчать, а ты тянуть из меня правду клещами? А по итогу я говорю всё, что вздумается, а ты уже думай, что из сказанного будет правдой, а что в помойное ведро грешно закинуть.

Рун потёр взмокший лоб, покачал головой. Взгляд старика дразнил его, словно говоря, что таким путём он ничего не добьётся, следовало идти как-то иначе. Но что вообще могло здесь понадобится виранцам? Здесь, сейчас, полгода спустя после нападения разбойников на Шпиль...

Вигк не скажет. Не скажет, если жечь его огнём, не скажет, если пытаться до самого утра — станет нести околесицу. Парень сызнава нырнул в его сознание, но то было пустым и почти свободным. Старик ухмыльнулся ему в ответ, словно спрашивая — съел, мажье семя? И не с такими дела имели!

— Сопля, сопля, соплячок — недоношенный сморчок. Давай с тобой в игру поиграем? Тут как в карты будет — умеешь, поди? Иль то не для тупой башки, как твоя?

Рун опешил от вылившегося на него потока слов, качнул головой. Вигк больше походил на безумца, чем на виранского военного. Но его самоуверенность говорила о обратном — не спроста же говорили, что виранца самими бледными не испугать: он за ними ходит, и домой не отпустит.

— Ну тогда слушай, может в твоей голове где и прояснится. Тебе-то, поди, до сего момента казалось, что тебя до самых печёнок какие-то доходяги достали. Так вот — нету никаких Кровавых Крючьев. Нет, не было и, чего уж там, наверняка никогда не будет.

Рун знал, что не было. Разбойники, коих он имел честь запытать лично, готовы были рассказать обо всём — о закопанных в чаще сокровищах, о том, кто чьего брата и когда прикончил, под каким камнем жмурик спрятан. Но никто до нападения на Шпиль и слыхом не слыхивал про Кровавых Крючьев. Банда отморозков явилась словно из самого небытия, где поспешила исчезнуть сразу же, как дело было сделано. Разбежались, что крысы по углам — при сравнении с последним парень невольно вздрогнул. Крыс он терпеть не мог.

— Для тебя оно тоже, наверняка, не новость. Те, к кому ты меня вскоре закинешь если и не соловьями заливались, то ещё какой певчей птичкой вещали. Только толку тебе от того, что ни на грош.

— Допустим, — согласился юный чародей, присев на корточки. Воздух вдруг наполнился ароматными, притягательными запахами. Ска давно раскладывала снедь из разбойничьих сумок — что на ужин, что оставить на будущее. Готовила она, конечно, своеобразно, но съедобно.

— Не допустим, а кочан твой в мамкино гузно опустим. Попридержи допусгалки, недоросль, когда говорят постарше. Кровавых Крючьев никогда не было — их сюда притащили.

— Из-за стены? — парень усмехнулся? Пленник точно врал и не краснел. — Откуда никто без разрешения Двадцати и носа показать не может? С чего бы мне вдруг тебе верить...

— А ты не верь, не твоего это ума дела — верить. Верилку тут себе насолил, и честным виранцам языком молоть не разрешает. Ты меня в булыжник ещё не превратил зачем? Чтобы я молчал? А говорю, так тебе не нравится!

— Ты же меня убить зачем-то пытался. К слову, зачем?

— А вот попросту гузно у меня поутру чесалось, что жуть. Думаю, убью по ночи мажонкину душу, авось и отойдёт у старика, полегчает. — Вигк ерзал. Ему страшно не хватало свободы, а слова спешили скользить по чужим ушам разве что только с жестикуляцией. Рун половину сил готов был поставить, что развяжи он сейчас верёвки — и старик ему самое настоящее представление устроит. — Ты себя-то хоть видел? Ты ж сопля на ботинке, чудом что не растёрли — кому ты в пень сдался, чтобы тебя убивать? Мне как не мне, гори ты передом к заду.

— Что-то твои ребята совсем иного мнения были. Малурит, саффиритова лазурь, автоматона притащил — не сказал бы, что игрушки.

— Не игрушки. Но коли я протащить всё это сюда смог, то где ж твои чародеи зенки лупили? В дупы друг дружке, что ли, заглядывали, старика не заприметили? Мой автоматон — не чета твоему, тут спору нет. Ладная тебе досталась бабёнка — так коли не она, ты б дальше своих сапог никогда не ускакал.

Вигк напомнил Руну о старом Мяхаре — учитель хоть и был не столь напорист, но скор на словесную расправу. Что ни слово, то насмешка, и благодари Архи, что пока не над тобой. Пошутит — так в жизни не отмоешься...

— Но ты передо мной, что девка сиськами-то не трясси, уши маслом смажь — авось в них что дельное в голову скользнёт, да там и задержится. Никому ты, чародейская твоя вреда, и даром не сдался.

— А искал ты меня, видать, просто из любопытства. Или тебе тоже до зарезу захотелось камнем стать? Был у меня в знакомых один такой... — Рун хмыкнул, старик ответил ему тем же.

— Дело говоришь, хоть и башка твоя, что задница. Но мне на тебя в деле посмотреть хотелось, чтобы знать — стоишь ты хоть того, чтобы на тебя плюнуть? Первый тест ты прошёл...

— А второго не будет. Что от меня нужно твоим командирам? Только не говори, что ты здесь по собственной воле. — парень скривился. Разговор начал его утомлять. Время шло, старик жрал его часы на сон, но до сих пор так и не сказал хоть что-нибудь дельное. Ужин за спиной аппетитно шкворчал на огне — Ска словно специально дразнила пленника манящими ароматами. Что и говорить, даже будучи механической куклой, дразнить она умела.

— Как в мамкину дырку глядишь, да только не в ту, что следовало бы. Нету у меня командиров. И я здесь по собственной воле.

— Не врёт, — вдруг вмешалась Ска, даже не повернув головы, отвечая на так и незаданный чародеем вопрос. Последний удивлённо покачал головой — ладно, дело, может быть, не такое уж и гиблое. Безумный старикашка, пусть и хорошо вооруженный, куда лучше, чем армия целого государства.

— А скажу я тебе вот что, червь ты сапожный. Может, я туточки перед твоим носом

бздень пускаю и по своему усмотрению, но да — первый тест ты прошёл. До второго обязательно дойдёт — не сейчас, так месяцем-другим позже. Ты внимательно за небушком гляди: осколок может по головке стукнуть. Плохенько будет — с плохенькой головой ты ни в гузно, ни в манду, ни где не гож.

— Что ты несёшь? — Рун прищурился. То, что он имеет дело с безумцем становилось всё более и более очевидным. Вигк покачал головой тому в ответ, зашёлся хриплым кашлем, закрыл глаза.

— Я пока ещё не камень, но мажонкина твоя душонка церемониться со мной долго не станет. Валяй, чего уж там, только не в малахит — попроще чего-нибудь подбери: срать я хотел на цвет зелёный. Но пока слушай — Ата-ман, глава этих самых твоих Кровавых Крючьев вместе с тем, кто ещё его держался в посёлок Храпуны двинул сразу же, как только твой Шпиль дерьмом обмазали. Почитай, месяца как два, а то и три уж оттуда дальше попёрли. А Мик — помнишь такую чувырлу? Зенками захопал, вижу, что помнишь. Так вот он в это ваше сборище халуп подзасратое назад повертаться удумал, хер его пойми за каким гузном. А теперь воняй отсель, дай старику поспать.

— Не врёт, — вновь повторила Ска и, кажется, сама удивилась сказанному. Рун смерил её изучающим взглядом, облизнул разом высохшие губы — его поиск, ещё вчера зашедший в тупик, кажется, получил неожиданное продолжение...

Кошмары о былом. Сон второй

Наверно, его пытались удержатъ. Хватали за руки, что-то объясняли, говорили невпопад. Слова сливались в единый однообразный, малопонятный поток. В голове шумело от злости и неизбежной ярости. Глотая слёзы обиды, Рун обещал — себе, им, умершим, нападавшим — всем, что обязательно доберётся до каждого мерзавца, чего бы ему это не стоило.

На языке, словно проклятие, сидёл бес имени. Кровавые крючья. Бандиты. Пришли ночью. Убивали, насильовали, издевались. И магия... не было никакой магии. Ни единого заклинания, словно она вдруг исчезла.

Молчал разом опустевший шпиль, вознося к небесам дым погребальных костров. Виска держала его за рукав, сквозь слёзы убеждая, что искать паршивцев — самоубийство, что этого не стоит делать, тем более в одиночку. Что теперь им всем вместе стоит собраться и понять, что делать дальше.

Нилтар бросал на Руна полные злобы взгляды — дерзкий сопляк начинал его раздражать. Касья таила внутри себя надежду, что мальчишка опомнится, а сказанное до этого — лишь последствие потрясения. Кианор странно молчал — то ли у него закончились шутки, то ли даже он считал, что сейчас для них не лучшее время.

Говорила Виска. Едва старше самого Руна и куда младше остальных выживших, она словно выступала гласом разума и здравомыслия. Едва утерев слёзы, она обратилась в другую, совершенно неведомую раньше Руну девчонку.

Он помнил её наивной, легкомысленной. В какой-то момент парню показалось, что настоящую Виску в самом деле убили, а здесь и сейчас перед ними злоеущий морок, чуждое наваждение, живое проклятие. Он поймал себя в тот момент, когда захотел проверить подобную глупость и вовремя остановил самого себя. Разум никак не хотел мириться с тем, что уходил он от одной Виски, а вернулся совершенно к другой. Эта была жестока и сосредоточена, расчётлива и губительна. На былой арсенал улыбок свалились сокровища других инструментов манипуляции. Слезы, насмешки, истерика, полные отчаяния взгляды — словно нечто поставило перед девчонкой лишь одну задачу: удержатъ Руна всеми силами.

Но чем больше Виска упорствовала, тем больше парень чуял, что должен идти. Злость, ещё несколько часов бушевавшая в его голове немного поутихла. Но уже спешила разлить, заполнить все мысли юного чародея горьким варевом ненависти. Парень кусал губы, касаясь Шпиля. Тот был изуродован, тот плакал кровавыми слезами и уже не делился — отрывал от самого себя силы. Рун клялся ему не отомстить — исправить случившееся, сделать всё так, чтобы подобное больше никогда не повторилось. Ему казалось, что остывающий, но ещё тёплый камень стены Шпиля слышит его, а потому пусть и молчаливо, но соглашается.

Виска, прервавшая его свидание с Шпилем, холодно, но в последний момент дрогнувшим голосом попросила его зайти в общую залу. Для разговора. Рун, затянувший в холщовый мешок новый запас комочков сухой маны, кивнул ей в ответ.

Девчонка претендовала на лавры Матриарха. Рун почувал себя неуютно, а внутри кольнула обида, когда он увидел Виску в кресле правительницы Шпиля. Остальные, словно соглашаясь с её возвышением, а, может, не желая обращать на это внимание, лишь молча

взирали. Виска оглядела их внимательным, изучающим взглядом. Едва парень появился в дверном проёме, посмотрела в прогал разрушенной стены, выдохнула — Руну казалось, что она ищет поддержки где-то извне, но никак её не находит. Наверно, подумалось ему, окажись он на её месте, делал бы то же самое.

Но он не на её месте. Рун стиснул зубы и прищурился, зная, что начнётся. Он не ведая о собственной наивности твердил, что обязательно сумеет вырваться из любого их хитроумного захвата, выскользнуть на свободу и уйти. Здравый смысл стучался в черепной коробке, пытаясь задать лишь один единственный вопрос — есть ли у юного непослушника хоть какой-нибудь план? План, если и был, старательно бежал, желая не попадаться на глаза что здравому смыслу, что самому Руну...

Виска начала издалека. Так малый ребёнок прежде чем просить новую игрушку говорит о любви родителям. Чародейка же говорила о том, как тяжела для них потеря. Что не менее тяжёлым грузом она легла на их плечи и теперь перед ними стоит непростая задача вершить судьбы своими силами. Только теперь их не Двадцать, их куда меньше.

Касья посмела высказать мысль о том, что следует расколдовать несколько спящих стел — и обучить новых чародеев настолько, насколько они смогут сделать это сами. Виска ответила ей многозначительным взглядом, Нилтар попросил сестру помолчать. Виска продолжила.

Она сказала, что пришло время пересмотреть — и себя, и магию, и всё, что их окружает. Остальные Несущие Волю не сводили с неё глаз, стискивая в ладонях амулеты и охранки. От них за версту разило отчаянием, а потому они тянулись к девчонке, как к единственной, кто знает, что делать дальше. Рун вернулся к грязной мысли о подмене, но она обросла — теперь ему казалось, что мороком стала не только Виска, но и все остальные.

Девчонка подошла к нему вплотную, прильнула, как прежде. Руну в миг показалось, что его коснулось тепло родного дома, что Виска в самом деле не просто семья, а частица Шпиля.

— Только вместе мы сможем вернуть утраченное. Вместе, взявшись за руки, мы оглянемся на утраченное — и поймём, что было чего терять. Было зачем терять. Оставим напавших в покое и займёмся тем, чем должны заниматься чародеи, да? Да?

Он ей не ответил. Сама мысль о прощении показалась ему страшным предательством. Она не просто боится гнаться за теми, кто нанёс им столь страшный удар, но ещё и желает оставить их безнаказанными. Виска, родная, тёплая и мягкая, из возлюбленной показалась ему старой, гнилой, трусливой старухой. Её пальцы, не жалея ногтей впились ему в спину, рвали одежду, оставляли кровавые отметины. Рун отстранился от неё, опустил глаза, чтобы не видеть отчаяние в глазах собратьев, и резко развернувшись, зашагал прочь. Гадость слов той, что ещё мгновение назад была ему ближе всех на свете, грязью лилась ему на спину, липла к одежде, больно жгла — и парень не выдержал.

Ему казалось, что они бросятся вдогонку. Наверно, оно так и было, но став ветром, он вознёсся под самые облака. Ястребом он нырлял от одной деревни к другой — ему отчаянно казалось, что прежняя жизнь, песком утекавшая сквозь пальцы, сможет вернуться в былое русло, стоит ему нагнать бандитов. Он сможет, он должен — не могли же они далеко уйти? Сколько времени прошло с того момента, когда они разорили шпиль? День, два, может, чуть больше?

Неважно. На их стороне старые, плешивые и голодные муладыры, что едва

перебирают лапами по грязной земле. За его же плечами стоит самое настоящее могущество. Маг может быть ветром, водой, пожарищем — сложно ли будет отыскать стайку обнаглевших от собственной дерзости мерзавцев?

Надежда лила сладкий елей на душу. Нет ничего того, что не подвластно чародею. Человек перед ним должен трепетать и знать своё место. Иначе мигом станет меньше, чем самый мелкий подскамейник — во всех смыслах. Рун ухмыльнулся — воображение нарисовало красочные способы разобраться с Кровавыми Крючьями. Но для начала нужно найти хоть какие-то следы. Рун с неба смотрел на лежащие под ним крохотные домишки селений, на взбудораженных внезапной бурей людей — пора было начинать задавать вопросы. Как там говорила Матриарх? Маги не дерутся, маги разговаривают.

Первое слово прозвучало молнией. Рун обратился разрядом, искрой перескочил на ближайшиe хаты, оставляя кроваво-огненный след. Запоздало, едва очнувшись от нахлынувшего на них ужаса, завопили селянки. Их крики смешались с диким рёвом младенцев, плачущих детей, гомоном сбегавшегося на беду мужичья. Замельтешили рабочие руки, передавая полные тухлой воды ведра. Словно Рун в самом деле дал бы им погасить пожарище...

Огненной птицей он расправил крылья, издав оглушающий вопль. Взгромоздившись на висельный дуб, Рун расправил крылья и в тот же миг перья стрелами полетели в разные стороны. Один за другим вспыхивали остальные дома, погружая деревню в хаос. И только тогда Рун спустился, чтобы поговорить.

Ему нравился запах горящих надежд. От всей души мальчика надеялся, что жирный столб дыма видно у самого Шпиля — пусть его собратья видят, что он делает. Пусть стыдятся собственной трусости и нерешительности. Пусть Виска, наконец, одумается...

Староста валялся перед ним на коленях. Стоящие рядом с ним женицины пытались поставить старика на ноги — безуспешно. Молодая и старая, жена и дочь, до Руна дошло сразу. Ужас вместе с молчаливым вопросом немым упрёком сидел на лицах людей — мерзавцам казалось, что они имеют право спрашивать: за что?

— Имена. Я хочу имена.

Они не знали. Или делали вид, что не знают. Конечно же, они делали вид...

В мгновение ему стало смешно. Он не чувствовал, а буквально видел, как колотятся в груди их жалкие, черные, полные озлобленности сердца. Он мог сжать кулак — и все они, охнув на прощание от боли, умрут и завалятся мешками наземь. Но сейчас ему нужны были имена. Имена и следы.

Староста вспыхнул пламенем, охватился жаром, отчаянно взвыл. Рядом стоящие с ним люди бросились прочь. Рун унял огонь, а старик у его ног скрючился — жалкий, маленький, обожженный.

— Имена. Мне нужны имена...

Глава третья — Сыграем?

След был отчётливый и свежий. Рун припал на колени. Муладир, уже давно почувывший неладное, стонал, будто его заживо пекли на костре.

И как только Вигк управлялся с этой образиной?

Ска почти беззвучно подошла, встала рядом. Внимательные глаза механической куклы готовы были зацепиться за любую неровность и отправить её в аналитический блок для размышлений.

Оборотня он видел вчера. Душа отчаянно таила надежду, что это всего лишь обычный хруставолк. Юному чародею хотелось в это верить до того самого момента, как блохастая образина не выскочила прямо перед ним.

Парню вспомнилось, как от неожиданности он неловко попятился и бухнулся на пятую точку. Струхнул так, что было стыдно перед наукой мастера Рубера.

Волколак сразу же воспользовался моментом, перед глазами мелькнули когти. Огромный волк лапой опрокинул чародея наземь — охранок, способный выдержать удар булавы хрустнул что яичная скорлупа. Когти вошли в плоть, раздирая дорожное платье, вонючая пасть разинулась в желании сомкнуть клыки на мягкой шее.

Ещё одна ночь, ещё одна жертва.

Была бы, не окажись парень чародеем.

Волколак взвыл от дикой боли — способные прокусить лист брони клыки чудовища хрустнули, едва столкнулись с обратившейся в сталь шеей. Металлический кулак вонзился в брюхо чудовища словно осиное жало. Рун от щедрот своей души добавил ещё парочку ударов: под дых и в челюсть. Мерзкая образина попятилась и заскулила, когда юный чародей вновь оказался на ногах. Резкая, словно удар молотом, оплеуха не заставила себя ждать.

Оборотень отлетел прочь, словно щенок, обиженно заскулил. Встал на четыре лапы, обходя чародея посолонь — сдаваться легко он не собирался.

Ска выдал ветер. Мохнатая бестия учуяла её запах прежде, чем механическая кукла соизволила заявиться.

В руках она стискивала малурит. Сорвавшийся с стабилизационного кристалла огненный шар прочертил красивую дугу перед самым носом оборотня. Лёгкая добыча вдруг обратилась смертельно опасной — волколак припал на передние лапы, разразился угрожающим рыком, попятился. Сладкая кровь чародея уже не казалась ему столь желанная, таила в себе гибель, будто яд. Но хуже всего — это то, что держала в руках его спутница: новый магический снаряд уже был готов одарить несчастного потоком пламени. Махнув хвостом на прощанье, волколак бежал прочь. Если уж что оборотни и не любили — так это жгучий кусачий огонь.

Забыв про еду и сон, чародей шёл по следу бестии. Иногда он ловил себя на том, что отвлёкся от изначальной задачи — надо было проверить слова Вигка. К счастью, это было по пути.

Оборотень нутром чуял, что они идут по его следу. Рун во что бы то ни стало желал изловить зверя. Старый Мяхар занудствовал, но говорил верно — любой из Двадцати в первую очередь бережёт свои владения от напастей.

— Здесь, — вдруг указала Ска. Рун присел на корточки: землю украшала линька волчьего меха. Куст хранил на себе обрывок одежды. Волчьих следов было полно — когда

эти твари возвращают собственный облик, вертятся на одном месте, будто непоседливые псы.

Человеческий след был чуть дальше. Отпечаток босой ноги в подсохшей грязи — следовало искать ближайшую деревню. Впрочем, часы, проведённые по настоянию Гитры за bestiарием говорили, что необязательно. Наверняка где-то неподалёку отсюда стоит сруб или одинокая хижина на опушке. Следовало бы пустить поисковых бегунков, но парень не спешил.

Муладир завывал и принялся вырваться пуще прежнего. Рун истратил на него пару заклинаний успокоения — но треклятая тварь замолкала лишь на минуту, а после вновь придавалась панике.

Не помогли ни уговоры, ни грязная брань, ни бережная ласка Ска. Что уж говорить. Рун не без труда для самого себя признал, что даже магия оказалась тут бессильна. А ему-то в голопузом детстве казалось, что чародеи способны на всё...

Лесная тропа вывела их к монолиту. Каменное изваяние с лицом маленькой девочки высилось и гнило среди зарослей марновника. Словно укрывая несчастную от солнечных лучей, возвышались рощистые плакучки. Ало-синие лепестки укрывали землю всякий раз, как только дул ветер. Босые ноги давно поросли сорняками цветов. Стол для угощений был пуст, как и поминальная чаша.

Рун остановился лишь на мгновение, возложил на монумент руки. Почтительно поклонился, пожелал спокойного сна заключённому в каменный плен чародею. Ска не потребовалось напоминаний — сама вытаскила из сумки пару яблок и краюху черствого хлеба, возложив на помин. Не густо, подумалось парню, но уж чем богат прямо сейчас...

Их всегда должно быть Двадцать. Как, зачем, почему — в Шпиле было принято не спрашивать. Дети, шёпотом, в тщетных надеждах, что не услышат взрослые, они тасовали свои самые скверные догадки, будто колоду карт. Слухи на корню обрубил Гитра на пару с Матриархом, на одном из уроков пояснив, что Шпиль способен снабжать только двадцать отобранных чародеев.

Судьба остальных была не завидна. Крестьяне знали правила, но в своей твердолобой упрямости всякий раз норовили их нарушить: едва они осознали, что рядом с ними живёт способный сплести ману в заклинания чародеев, как принимались за игру. Одни, теряя лапти на ходу, со всех ног бежали к Шпилю доложить. Другие укрывали, прятали, лелеяли тщедушные надежды спасти.

Несущий Волю обрушивался на последних заслуженной карой. Мерзавцы обращались в крыс, пауков и прочих мелких паразитов. Лишний чародей навсегда засыпал, обращаясь в монолитную стелу.

Мальчишкой парень давал им имена — сам не зная зачем.

Двадцатый.

Становясь с каждым годом старше всё чаще ловил себя на мысли о том, что он Двадцатый. Проявись его умения чуть раньше или чуть позже — он мог бы быть сейчас одной из этих стел.

Память неохотно делилась с ним обрывками прошлого. Потроша её раз от раза, он осознал, что помнит даже не образы — лишь ассоциации.

Колючая борода отца, крепкие и излишне больно жалящие кулаки брата, звонкий смех младшей сестры. Скрип телеги, желание сунуть чего-нибудь в рот, солёный дух конского пота.

Лица матери он не помнил, как и её саму. Вместо неё в голове всегда проявлялся образ Матриарха. Память тотчас же сыграла с ним злую шутку — напомнила, что с ней стало, её посмертный вид. Рун помотал головой из стороны в сторону, прогоняя непрошенное наваждение.

У Шпиля он смотрел на тех, кто станет ему родителем. Мастер Рубера теребил собственные усы и недовольно хмурился, рассматривая мальчишку перед собой. Отец, не скрывая радости тащил на телегу мешки с зерном, крупой, яблоками. Рун смотрел на всех, как на великанов, решающих его судьбу и не знал, как себя вести. Внутри мальчишки одновременно клубились страх и предчувствие чего-то хорошего. Смеялся брат, радовался отец, женщины спешили окружить его заботой, мужчины — строгостью. Мальцом он не знал, что всего три дня назад с похода на безумку вернулся лишь мастер Рубера: Одноглазый Дун же навсегда остался во власти вдруг обуявшего его безумия.

Чародеев должно быть Двадцать. Столько может содержать Шпиль. Столько нужно для того, чтобы править на этих землях.

Став старше Рун не раз и не два подумывал найти отца и братьев, о чём имел неосторожность сказать Матриарху. Та с тяжёлой душой велела его выпороть — что служебные автоматы выполнили на славу. Среди них, ему казалось, была даже Ска...

У чародея нет иной семьи, кроме Двадцати. У чародея нет жизни вне Шпиля. Нет, и никогда не было.

Парень усмехнулся — интересно, что бы об этом сказала Матриарх сейчас?

Он выдохнул, отряхнул руки, вытер их о штаны, кивнул каменной стеле как старому знакомому на прощание. Это всё в прошлом — грядущее же лежало дорогой у его ног.

Дорогой и вопросами.

Вигк. Противный, мерзкий старикашка, виранский офицер с сотней острот на языке. Здравый смысл метался из угла в угол, тая надежды бежать прочь. Виранец на их земле, связавшийся с разбойниками — немыслимо! Стоял за покушением на одного из Двадцати — неслыханно! Чего уж говорить о том, что имя Вигка хоть и было не самым приятным для языка, но не столь замысловатым, каким у остальных виранцев. И даже Ска не обратила на это внимания. Впрочем, разве что он сократил собственное имя, чтобы местным было проще его выговорить...

Парень бросил взгляд на плетущуюся чуть поодаль механическую куклу. Рун увидел ещё пару следов раньше, чем она. Значит, можно было временно снять её с этой задачи и задать другую.

— Ска, ты запомнила всё, что он там наболтал?

Автоматон кивнула в ответ, даже не спрашивая, о ком говорит хозяин.

— Да, Господин. Желаете, я повторю? — Ска отвечала, даже не глядя в его сторону. Парень краем глаза увидел, что её зрачки пожелтели. Служка сканировала округу и занималась этим с большим упоением. Парень махнул ей рукой, отрицательно покачал головой.

— Нет нужды. Что думаешь?

— Мои мыслительные функции ограничены и не обладают свободой размышления, Господин.

Рун закатил глаза — старая песня. Музыка посвежее, а слова всё те же. Живая машина точно поняла, что он от неё хочет, но решила немного поиграть по своим правилам. Отрываться от столь любимого ей сканирования и тратить ресурсы на что-то другое ей

хотелось меньше всего.

— Не егози. Его последние слова, про небо и осколки... что они могли бы значить?

— Есть вероятность не менее сорока процентов, что объект имел ввиду Стену. Бессмыслица. Стена нерушима.

Про Стену парень узнал, как только ему исполнилось десять. Ему-то по детской глупости казалось, что весь мир отсюда и насколько видно теперь принадлежит одному лишь ему. Матриарх и учителя по-доброму улыбались, слушая его милые глупости, и не спешили объяснять. Мир, некогда единый и большой однажды хрустнул от людских мелких неурядиц. Не умея, а может и не желая решать проблемы иным, не разрушительным путём, люди обрекли некогда свою процветающую цивилизацию на жалкое существование. Ужасы застенного мира иногда щекотали любопытство юного чародея — увидеть бы их мир хоть глазком. Не раз и не два он просился в Виранию с официальным визитом. Просил пустить его с Мяхаром, с Руберой, с кем угодно. Но те хранили его, как зеницу ока, из раза в раз заверяя мальчишку, что он ещё мал, глуп и несведущ в большой политике. Быть может, если станет немногим старше...

Матриарх не жалела ни сил, ни времени, ни вечеров на разъяснения — Стена, что создана при помощи Шпиля, защищает их всех от опасностей нового, ставшего для людей чужим, мира. Кто-то решил перебраться под опеку чародеев, кто-то — как Виранцы, бросили вызов судьбе и решили остаться. Учителя ей поддакивали, вливая в юные умы яд чужих сомнений. Виранцы в их словах обращались в маленьких, мелочных, подлых людишек. Пускай у них и остались секреты и некоторые из технологий древних — но разве может всё это посоперничать с счастьем простого крестьянина, на которого не охотятся безумки, и которого не пытаются день от дня сожрать ещё какие твари?

Оставалось только соглашаться. Парень пару раз, любопытства ради, спрашивал у автоматов о жизни там, за стеной, но те механически и строго отвечали, что у него нет доступа к данной информации. Даже став новым хозяином Ска, он получил от неё тот же ответ. Не добился он ответа и на вопрос, кем же ему следует быть, чтобы узнать — механическая кукла, кажется, и сама того не ведала.

— Стена нерушима, — облизнув губы, повторил за ней Рун. — А какие ещё есть варианты? Сорок процентов на эту догадку, а остальные на что раскидала?

— Семь процентов, что объект Вигк безумен, а потому верит во всё им сказанное. Тринадцать процентов — его слова касаются небесных тел в опасной близости от нашего местоположения. Могу сказать точнее, если провести полноценный анализ обстановки и окружения. Провести?

Парень лишь отрицательно покачал головой, остановил её жестом от дальнейших предположений.

— И самая большая вероятность — проблемы со стеной. Может, именно о них хотел предупредить меня Кианор? Ска, ты можешь проверить стену на... на... — парень осёкся. Нечасто, но с ним случалось такое, что он не знал, чего же именно хочет. Ска решила, что заданного и так достаточно, ответила.

— Объект стена не поддаётся простому анализу. — внезапно на её лицо напозла хищная улыбка, не предвещающая ничего хорошего: — я смогу выдать более точный ответ по возвращению в Шпиль, Господин. Желаете, чтобы проложила маршрут?

Парень сызнова покачал головой, закрыл глаза, устало выдохнул. Автоматон была верна ему — кто знает теперь по какой причине? То ли потому что на его пальце изумрудом горит

перстень-активатор, то ли механик, собирая её сызнова, что-то начудил. Не зря же он тогда сказал о повреждённом блоке подчинения и её будущем своеволии?

Ска верна, но словно желала воплотить в себе самую главную Архи, что почитали от Краюшек до самого Достенья — заботу. Опасности, по её мнению, поджидали юного господина за каждым кустом. И, в принципе, она была права: что ни куст, то обязательно таил в себе какие-нибудь неприятные сюрпризы. А уж попытки уговорить Руна вернуться домой она не оставляла — ни в тот момент, когда пришла в себя и осознала новое положение, ни теперь. Словно пытаюсь оправдать своё сызнова неуместное предложение, она добавила:

— Недостаточно данных для определения степени положительности полученной информации. Слишком мало данных, слишком много неизвестных.

Слиш-шком много неизвестных. Парень покатал её слова на языке, будто в надежде распробовать их на вкус. По всему выходило скверно. Ещё пару дней назад он собирался отступить, за что ненавидел самого себя ещё больше. Полгода он просыпался с чувством того, что обязан вернуться. Ночами, в кошмарах, бесы крутили ему одно и то же. Невидимые, неведомые, они смаковали каждую его ошибку, словно намеренно тыкая носом в каждый из недочётов. Недочётов с ошибками было на целую книгу, если не на две; Рун гнал противные сны прочь каждый раз, как только открывал глаза. Но они возвращались — вернуться и вновь.

Ещё пару дней назад он собирался бросить затею, а сейчас ехал в Храпуны. Муладир голосил на все лады столь дурным голосом, будто в надежде запугать всю округу. Рун старался воспринимать его проще — он всего лишь ещё одно препятствие на его пути, ещё одно «но» в бесконечном ряду других неурядиц. Путешествие петляло из стороны в сторону, угрожая в любой момент завершиться чем-нибудь неприятным — либо Рун побитым псом ползёт обратно в Шпиль, либо его прибьют и прикопают в ближайшей канаве. Последний вариант с каждым днём норовил стать всё более и более реальным. Раздумывая над этим, последний из Двадцати взвесил сумочку с комками сухой маны — всё ещё есть, всё ещё достаточно, несмотря ни на что. Здравый смысл вытаскивал дубину, говоря, что их запас тает куда быстрее, чем хотелось бы. А окажись те пара воришек чуть проворней, прозевай он сам — и что было бы дальше? Чародей способен восстанавливать силы сам: хороший сон, отдых, тёплая еда помогут ему восполнить запас маны до самого предела.

Если, конечно, ничего не делать минимум год.

Шпиль, будучи местом силы, восполнял магические запасы за часы — следовало лишь коснуться, зачерпнуть достаточно и...

— Господин? — Ска прервала его размышления, Рун же вдруг ощутил прилив неуместного раздражения. Если она вновь про возвращение домой, пообещал себе парень, разберу её так, что даже Чавьеру не собрать!

Механическая же кукла указала пальцем на дорогу.

— Там. Впереди двое. Не люди.

Муладир вновь заплясал под чародеем. Если до того он просто чуял неладное, то сейчас оно разве что не стояло у него под носом. Рун соскочил с бестии, понимая, что в этот раз не совладеет с этой пронырливой тварью и выдохнул.

Двое впереди и не люди. Чего ещё можно было ожидать от дороги, которой ушёл волколак?

Глава третья, часть вторая

Рун не знал, что впереди. Всё нутро говорило ему не скупиться на ману хотя бы в этот раз — пусть уж лучше первый удар на себя примут бессловесные разведчики, чем он сам. Им противилось разве что свойственное юности безрассудство, шепча на ухо — иди вперёд, Двадцатый. Ты же чародей — разве может чародей испытывать страх перед дорожной пылью? И парень соглашался...

Двое.

Не люди.

Безрассудству вторило любопытство, что терзало его изнутри, подгоняя и норовя в любой момент вырваться наружу и бежать наперёд его самого. Рун был бы не против.

Мастер Рубера при жизни говорил, что чародей идёт к опасности твёрдой, неспешной походкой. Не изменил он своим принципам и после смерти — увещевал юного чародея встречать грядущие невзгоды с гордо поднятой головой. Авось, невзгоды испугаются сами...

Эти не испугались бы точно. Рун понял сразу же, едва их увидел. Призрак старого Мяхара, распознав тех, кто ждал их чуть поодаль вложил в уста юного чародея смачный эпитет против его воли.

Проигранцы.

От одного только их упоминания Руна самому захотелось сплюнуть.

Издали их можно было принять за устроившихся на привал путников. Пока, конечно, они не обратят к нему своих мохнатых, почти звериных морд.

Парню казалось, что он слышит их тихий, подлый смех и чувствует их густую жадную радость. Поросячьи глазки, полный рот нечеловечески острых зубов, чуть сплюснутый нос — племя придорожных бесов никогда не отличалась красотой и обаянием.

Парень шёл им навстречу, позади медленно плелась Ска. Муладир встал, наотрез отказавшись идти. Может, подумалось юному чародею, проиграть его им в карты в первой же партии? Тут даже не предугадаешь, кто больше выиграет от этого...

Из-под длинных, пожелтевших, обветшалых рубах стыдливо торчали кончики мохнатых, разве что не закрученных хвостов. Один из бесов был страшно горбат, на морде несчастного как будто отражалась брэнность бытия. Его товарищ был того краше — вытянутый, тощий, словно соломина — худящее тело проступало сквозь ткань одеяний острыми углами плеч и лопаток. Два больших рога росли прямо из головы. Слово противясь унылости собрата, этот проигранец разве что не прыгал от нетерпения, едва завидел Руна вдали. Танец злорадства, окрестил подобное дивившийся им мастер Рубера. Вопреки призраку старого разбойника, он зывал схватится за меч и угостить поганцев виранской сталью прямо здесь и на месте. Рун же знал, что того будет недостаточно — они вернутся через неделю, может, месяц — стократ злее и алчней.

Старый Мяхар умирал подобным им мастерской игрой на струнах удачи. Едва завидев щуплого, сгорбленного, но не по годам ловкого старика многие из придорожных бесов понимали, что колокол уже отзвонил по ним. А бежать прочь не позволяли святые для бесов, но правила.

Интересно, а эти когда-нибудь играли с старым Мяхаром, или они из нового помёта? Призрак старика в голове Последнего из Двадцати пожал плечами — раз уж хвосты есть, значит не ведали они такой печали.

Жалко.

Жалко, выдохнув, согласился с учителем Рун. Каждый шаг, казалось, добавлял проблем. От глаз не скрылись их жутковатые, приветственные жесты. Звали к себе, манили — парень чувал, как где-то внутри начинает просыпаться нечто похожее на азарт. Юный чародей едва не прокусил губу до крови, стараясь обуздать проклятый морок — удивительно ли, что любой доходяга из селян готов им проиграть и дом, и жену, и душу, не говоря уже о последних портках. Гитра бы сейчас. поправив очки, поспешила поправить и его и Мяхара — в её разлюбимых книгах говорилось, что то не морок, а особые флюиды, что испускает вместе с потом кожа придорожных бесов. Рун покачал головой, прогоняя оттуда чужие голоса — послушает её лекцию о коже как-нибудь в следующий раз, сейчас его волновало совсем другое. Его глаза следили за будущими соперниками, будто в тщетной надежде углядеть притаившийся подвох. В мохнатых лапах показалась колода карт — её тасовал то горбатый, то рогатый. А может, подумалось Руно, у них у каждого по колоде...

Играть с проигранцами опасно. Драться же с проигранцами, что пердеть в лужу. В принципе можно, но зачем? Старый же Мяхар никогда не упустил случая перекинуться с нечистыми на руку бесами в картишки.

— Чародей! — не без уважения хрипло забасил горбатый, едва Рун пересёк ту черту, за которой ещё была возможность бежать.

Исцарапанная в клочья гордость кричала громче, чем пресловутый здравый смысл. Куда бежать, возмущалась она, если ты здесь хозяин?

— Господа! — рогатый бес разве что не принялся половиком стелиться под чародейскими ногами. Парень чувал помесь омерзения и гадливости к придорожным бесам. Поначалу они примеряются к жертве, как будто пробуют её на зуб — а ну-ка им попадётся тот, над кем сегодня сияет звезда удачи? Такого никаким жульём не обделаешь, хоть сто раз на картах крап выводи. Так и сейчас — последний из Двадцати был для них то ли простачком-дурачком, то ли тем, кого следовало бы держаться подальше.

Горбач протянул ему мохнатую лапу для рукопожатия — Рун чуть не поддался, остановил себя едва ли не в последний момент. Правило, напомнил ему старый Мяхар, не забыв хорошенько ударить мыслью в голову. Взял что-то по своей воле у проигранца не как выигрыш, или пожал руку — и, считай, контракт подписан, разрешил им здесь разве что не на голове ходить. Придорожные бесы разочарованно выдохнули, бросили на Руна как будто полный извинений взгляд. Знали, что фокус не сработает, но попытаться, попытаться-то ведь стоило...

Рун видел, как побледнел рогатый, едва его любопытный взгляд скользнул по изумруду на перстне чародея. В один прыжок отскочил прочь, перегнулся к товарищу, спешно затароторил на ухо. Знать бы, говорил внутри головы чародея старый Мяхар, представление ли это или же правда наложили в штаны. Причины боятся мага с символом Несущего Волю, судя по всему, у них точно были.

Юному чародею страшно хотелось, чтобы было второе. Опыт же, будучи не самым азартным игроком, всё ставил на первое.

Чародеев они встречали и раньше. Нет, наверно, ни одного из Двадцати, кому раньше не доводилось хотя бы пересечься взглядом с придорожным бесом. Но Несущих Волю они всегда боялись, хуже любой другой напасти — знали, что пришли по их душу...

— Пощады, господа! — запросил горбатый, едва не подавившись собственными словами, разве что не бухнувшись чародею в ноги. — Карта не идёт, масть не кладёт,

крестьянин мимо бежит, нам в карман ни души — не летит...

Говорить прибаутками — их слабость. И часть своеобразного представления. Проигранец не мог не лгать хотя бы лишней секунды — иначе же какой он придорожный бес?

— Не прогоняйте, господа! — взмолился его рогатый собрат.

Рун хорошенько разглядывал будущих соперников, не давая себя обмануть. Знал, что уже много кто из Двадцати в своё время поплатился за беспечность, проявив излишнюю мягкость. Эти парни мягко стелят, да жёстко спать...

Ска не вмешивалась. Бесы даже не смотрели в её сторону, будто стальной девы тут и не стояло вовсе. К автоматам эти паршивцы испытывали лютую неприязнь. Механическая кукла была бесстрашна к их чарам и не запрограммирована на азарт — что с такой взять? Ни души, ни платья...

Словно проверяя последнее, рогатый уже коим-то чудом оказался рядом со Ска, проказливо задирая подол дорожного платья. Автоматон осталась бесстрашна там, где любая дева завизжала от возмущения. Впрочем, когда она перехватила малурит поудобней для удара прикладом — проигранца будто ветром сдуло; спрятался за широкой спиной горбуна. Рун не ручался, но был уверен, что Ска каждым своим движением даёт понять поганцам, что не позволит и волосу её хозяина оказаться в их мерзких мохнатых лапах. По чести признаться, Руну хотелось ровным счётом того же самого.

— И давно вы тут промышляете? — нос Руна вдруг зашекотал мерзкий серный дух.

— Как всласть, так в масть, господа! Часу не минуло, а мы почти уж и сгнули!

— Сидим, что жданки, а дорога-то — пустая, господа! — тотчас же пожаловался рогач. — Ни души! Ты на торбу, на торбу нашу глянь, видишь?

Парень нехотя бросил взгляд на небрежно брошенную хламиду мешка. Та раззявила голодную, но совершенно пустую пасть. В иной удачливый день в таких по десятку-другому душ томилось к тому момента, как один из Двадцати являлся на горизонте. Сегодня же у бесов было скверно — что с душами, что с удачей. Теперь вот ещё и чародей с символом Несущего Волю...

То ли не знают, что случилось в Шпиле, то ли чего-то не знает Рун — иначе чего им бояться? Мяхар хмыкнул: эти-то и чего-то не знают? Хорошо подумал, парень?

Рун кивнул в ответ — то ли им, то ли самому себе. Проигранцы поняли его жест по своему. Принялись жадно потирать руками, будто он им дал разрешение остаться. Ему показалось, но на какой-то миг в их глазах сверкнул огонь надежды.

Бесы. Правила. Станный мир. Рун никогда не думал, что у придорожных бесов может быть что-то ценней собственного хвоста, а поди ж ты. Если проигранец в течении двух дней ни одной души не соберёт — лет десять, а то и того пуще пустовать будет, не явятся: правило. Наберут полтора десятка душ — и поминай как звали, год-два даже носа не покажут: правило. Настигнет их чародей и прогонит со своих земель, откажется играть, помянет бесовью мать — что серная вонь прочь испарятся.

Потому что правило.

Старый Мяхар от игры никогда не отказывался — а потому не раз и не два, как одно из величайших своих достижений демонстрировал коллекцию мохнатых хвостов. Мальчишка раз от раза принимался их считать, но сбивался на второй сотне.

Старик любил пощекотать собственные нервы, зная, что ставят на кон при игре с придорожными бесами. Как и знал одно из нерушимых правил — победить в игре

проигранца значит получить над ним власть. Без хвоста эти бестии на дороге никогда не явятся; хвост для них что мана для чародея.

А ещё счастливец, что вопреки собственной неудаче и мухлежу нечистых одерживал над ними верх мог запросить всё, что угодно.

В разумных пределах.

Руна хлопнул в ладоши, и колода карт, ещё мгновение назад прятанная в кармане рубахи горбатого оказалась в ладони у чародея. Карты придорожные бесы любили, холили и лелеяли. Рубашка была приятной и тёплой на ощупь, будто кожа. С лицевой стороны на Руна будто живыми глазами таращились вожди, селяне и чародеи. Художник точно знал своё дело и не зря ел свой хлеб.

На мордах проигранцев отразилась сразу же смесь ликования, тихого ужаса и удивления. Чародей взял в руки их вещь! Сам! В глубине поросячьих глазок, на пару с надеждой, тут же заплясал озорный огонёк. Один из Двадцати-то мямлей оказался, рохлей! Хотел фокус показать, да теперь он ему боком выйдет! Руна казалось, что он буквально видит те картины, что так ярко рисует им воображение не жалея красок. Душа, да чародея, да не последнего, а из Шпиля — не каждый придорожный бес похвастать сможет! Они уже как будто готовы были делить участь чародея, что шкуру неубитого медведя.

Щенячий восторг, обуявший нечисть, казалось, можно было резать ножом. Но если уж кто и чувствует подвох, так это проигранец. С каждым мгновением, они всё больше и больше проникались тем, что на лице чародея поселилась отнюдь не глупая, а самодовольная улыбка. Ужас же, что уже должен был поселиться в душе чародея, не появлялся вовсе. Одного только взгляда Руна хватило, чтобы проигранцев пробрала мелкая дрожь от макушки и до самых мохнатых костей. Будто разом растеряв весь былой задор, рогатый бес зябко поежился.

Их взгляды бегали по чародею. Мимолётный восторг испарился, словно серная вонь, оставив вместо себя тихий, крадущийся ужас. Руна казалось, что он видит, как их сомнения разрастаются, а сами они приходят к жуткой для них догадке. Быть может, они никогда и не играли с старым Мяхаром, но точно про него слышали. Уж не он ли явился к ним собственной персоной?

— Мне нужна информация. Сыграем?

Их обоих будто в гузно ужалило. Бесы переглянулись друг с дружкой. Чародей-разбойник рассказывал юному Руна, что они мало того, что готовы играть на что угодно, так ещё и с кем угодно. С пьяным селюком, чародеем, да хоть с самими бледными — ложились бы карты на стол! Страх, поселившийся на их мордочках вдруг сменился обидой — задетая гордость будто вопрошала каждого из них прямо в мохнатое ухо: если уж проигранец, да от игры откажется — какой же он тогда бес придорожный? Лужа он тогда помойная, а не...

Подбоченились, переглянулись. Горбатый шепнул что-то на ухо собрату, тот лишь хитро подмигнул. Ска же, не сразу переварившая, какую глупость только что совершил её господин, вдруг уронила ему свою руку на плечо. Ещё мгновение, понял Руна, и она потащит его силой.

— Господин, при всём уважении, должна сказать, что это неразумно. Ваши шансы...

— Заткнись, — беззлобно, но настойчиво, не снимая улыбки с лица велел ей юный чародей. Механическая кукла замолкла, но осталась недовольна. Он стряхнул её руку с плеча — небрежно и легко. Умей Ска обижаться, подумалось Руна, уже давно бы обиделась...

— Сыграем! Господа! — рогатый заплясал, прихлопывая в ладоши, словно чересчур

впечатлительный ребёнок. Горбатый смолчал, ухмыльнулся. Правил объяснять не стал. Коли уж он примется рассказывать, что в таких играх на кон кидают, да ещё и Несущему Волю...

— Знания злата крепче, да ровность не та, — хрипло проговорил он, рукой придерживая радость собрата. — Что госпóде знать желаемо, авось мы хоть каплю, да знаем?

Правила. Руну казалось, что он стоит посреди игрового поля, а со всех сторон на него смотрят они. Многомудрые, проверенные не годами — веками, крепкие и непоколебимые. Мало того на свете, чего не знает проигранец, говаривал старый Мяхар.

— Неисполнимого не даём, — притворно развёл руками рогатый, изобразив на своём подобии лица подобие же разочарования.

Парень закусил губу. Один вопрос — одна игра. Рисковать шеей больше одного раза было смерти подобно: Рун не знал, позволял ли даже Мяхар себе подобную вольность. Один вопрос из целого списка, что уже успели свалиться ему на плечи. Призраки учителей велели ему остудить пыл и быть осторожней в словах. Спросит — знают ли они, что случилось в Шпиле и придётся играть на подобную безделицу. А потом скажут, что, мол, знаем, а ничего другого вопрос сам по себе и не предполагал.

— Не тяни за хвост, госпóда! — поторопил его горбатый, поглядывая на свою колоду в руках чародея. Рун осторожно сел на траву, скинул наземь мешающийся, желающий зацепиться за каждый куст плащ. Воздух наполнился ароматом свежескошенной травы, с ближайшего леса доносилось жизнерадостное пение птиц. Погода расщедрилась на солнце. Будет обидно, подумалось чародею, пропадать зазря в такой хороший день...

— Карту. От Шпиля, и до самых границ стен...

— Это можно! — поспешил его перебить Горбатый. Рун не позволил себя отвлечь, продолжил говорить.

— Карта саморисующаяся. Чтобы на ней отмечались все передвижения тех, кто напал на Шпиль.

Ему показалось, что рогатый икнул, едва слышал. Просили с них всякое, но такое...

— А не много ли просишь? — на этот раз настал черёд Руна покрыться холодной испариной. Ска среагировала раньше, чем он осознал, что случилось. Малурит в её руках готов был брызнуть чародейским снарядам нахалке в лицо. Незваная гостья будто того только и ждала. Стреляющий посох выскользнул из рук механической куклы за мгновение до того, как она спустила курок, рухнул в густую траву неподалёку. Следующий удар пришёлся по самой автомату — её, как игрушку, будто схватил невидимый великан — стальная дева и саффиритова лазурь оказалась совершенно беспомощны над неподвластными силами.

Рун на всякий случай сплёл заклинание, чужая липнет рубаха к телу. Мастер Рубера молчал — он изначально был против идеи играть хоть на что с проигранцами. Старый Мяхар же лишь скрипел зубами — что и говорить, влипли они по самые уши.

Глава четвёртая — В руках бесовки

Одного только взгляда на бесовью мать было достаточно, чтобы понять — охранками и простыми заклятиями тут не обойтись.

Мяхар сам учил юного чародея никогда не поворачиваться спиной к проигранцу. Сейчас же парень чуял, как притихшие бесы сверлят его взглядом между лопаток. Будь их воля и возможность — засадили бы нож по самую рукоять без лишних разговоров. Что поделаться, вторил сарказм: мир оказался устроен столь гнусно, что каждый норовит что-нибудь вонзить в спину беззащитному чародею.

В ней было полтора метра роста. Наверно, если одеть её в балахон крестьянской робы — она бы сошла за селянку-подростка.

Балахонам, как и иной другой одежке она предпочитала естественность наготы. Торчком стояли небольшие, острые девичьи груди. На круглом лице, обрамлённом длинными, до самого копчика, волосами было настырно упрямое выражение. В отличии от своих братьев бесовка могла похвастать красиво сложенной фигуркой, красным оттенком кожи и отсутствием шерсти. Из под той тряпки, что лишь слегка скрывала от любопытных глаз её промежность торчал изящный, тонкий и упругий хвост.

В её глазах бушевал самый настоящий азарт, достойный любого проигранца.

Рун воззвал к старому Мяхару. Потом ещё раз и ещё. Призрак чародея-разбойника решил, что нет лучшего момента для тишины, чем сейчас, а потому молчал.

Молчание, казалось, висело над ними плотной, липкой пеленой. Парень ощутил как мгновенно взмок. Его взгляд переходил с болтающейся в воздухе Ска на чрезмерно юную бесовку. Чрезмерно юную для той, кто должна зваться бесовской матерью.

Она истолковала его замешательство верно, ухмыльнулась. Вместо человеческих зубов в её рту покоился рад острых, пилообразных зубов. Словно дразня Последнего из Двадцати, она показала ему острый, будто копьё, язычок.

— Представлял себе иначе? — она хлопнула ладонью саму себя по бёдрам. Не осознавать своего очарования она точно не могла. Очарования и привлекательности.

Рун кивнул в ответ. Представлял. Иначе. И такой, и эдакой, и даже растакой. Действительность оказалась ярче и приятней глазу, чем любые представления.

Бесовья мать опасна. Мяхар, утащив Руна на очередную из своих ночных вылазок поучал юнца — где словом, где делом. Выросшему Руну теперь казалось, что большей части своей сноровки, импровизации, умению найти выход из неожиданности он обязан именно этим вечерам. Бесовьи матери опасны, обворожительны и прекрасно знают об этом. Не обманывайся их неспешностью — за ней кроется звериная, если не убийственная реакция. И не позволяй одному лишь их виду обмануть тебя. Под маской хрупкости и нежности кроется лютая жестокость. Беспощадность. Мяхар, почему-то, делал упор именно на последнее слово.

Рун до того пару-тройку раз имел дело с проигранцами. Перекидывался с ними в карты — под покровительством старого разбойника. То ли убоявшись гнева грозного бородача, что раз за разом лишал их братьев хвостов, то ли за его спиной в самом деле не менее грозно надзирала сама Архи удачи, но карта шла к юному чародею. Нечистые же выглядели так, будто четыре плода кислянки они уже съели, и ещё столько же ждали своей очереди.

Проигранцы, карты, всё это абсолютно ничто по сравнению с бесовьей матерью...

— Язык проглотил? А, может, мне сломать твою куклу, чтобы ты похныкал?

Она стиснула кулак, повисшую в воздухе Ска тотчас же неведомой силой смяло в клубок — Руну вспомнилось, что нечто подобное с ней уже пытался проделать Кианор. Парень повержено поднял руки: с бесовьей матерью лучше не шутить. Её силы от племени Бледных, далеки от магии и сравнимы с силами почти любого из Двадцати на пике. Наверно, они могли бы захватить не пару дорог и сотню душ, а весь мир целиком и сразу.

Если бы не правила.

Парень облизнул разом высохшие губы. Если уж бесовка решила явиться перед ним воочию, то уж не просто так. Наверняка у неё есть какой-то свой, особый интерес. С другой стороны, он сам навлек на себя напасть в её лице, по своей воле отобрав у проигранцев колоду карт.

— Отпусти её. Пожалуйста, — последнее слово Руну давалось тяжело. Будучи чародеем он не привык просить, только требовать. Сейчас ему приходилось признать, что есть силы куда более могущественные, чем его собственные. И что его судьба если и не целиком, то минимум наполовину в грязных ручонках этой недоросли.

Ска бухнулась оземь, будто камень. Будь она живой — всё закончилось бы плачевно. Автоматон же спешно вскочила на ноги, но нехотя остановилась, когда Рун подал ей знак.

Бесовка сделала шаг ему навстречу, норовя зайти за спину, словно проверяя, что именно позволит ей сделать с ним он сам.

Её курносый, вздёрнутый носик дёрнулся — мать проигранцев приняла её к мальчишке перед ней, нежно положила ему свою руку на плечо.

— Ты слишком много просишь, чародей. Столь ли хороша на вкус твоя душа, чтобы требовать подобного? Ты просишь невозможного.

Рун ничуть не сомневался.

— Такая карта возможна, — мягко возразил он, чуя, как холодные руки бесовки шупают его тело. Ей явно нравилось, как он напрягся, что он не сопротивляется, что он, наверно, боится.

— Возможна, — она кивнула, согласившись с ним. — Ты требуешь невозможного. Карта ведь нужна тебе, а значит, ты сам не в состоянии достать её иными путями. Ты и не собирався её искать — ещё вчера, ещё сегодня утром.

На свете мало того, чего не знает проигранец. В голове чародея голос старого Мяхара звучал разве что не набатом. Парню вмиг стало не по себе от одной лишь мысли о том, что неведомые силы следят за каждым его шагом. Посмеиваются над неудачами, по-отечески улыбаются на успехи...

— Ты боишься признаться самому себе, что и сам не знаешь, чего же ты хочешь. Давай я тебе помогу?

Призрак чародея-разбойника спешил напомнить своему нерадивому ученику, что ни в коем случае нельзя делать три вещи — одевать штаны через голову, колдовать задницей и принимать помощь от проигранцев. Рун закусил губу, но возразить не успел: бесовка обхватила его руками за шею, повисла на нём как...

Как Виска.

Рун покачал головой, прогоняя непрошенное наваждение.

— Мы сыграем с тобой. Если ты выиграешь, я расскажу тебе о том, чего ты жаждешь чуть больше, чем расскажут все остальные.

— Мне нужна карта, — Рун нашёл в себе силы стоять на своём. Бесовка же лиш

цокнула языком. Рун ощутил на себе её теплое, жаркое дыхание. Горячо, страстно и с насмешкой она зашептала ему на ухо.

— Нет, мой маленький колдунчик. Ты взял колоду карт из рук до того, как её перетасовали мои дети. А значит согласился играть на чужих условиях.

— И что же ты хочешь взамен? Мою душу?

Она выдохнула, как показалось Руноу, с каким-то женским разочарованием. Бесовка выпустила его из объятий и, будто змея, отпрянула прочь. Возникла у него перед лицом в один прыжок, обидно щёлкнула по носу.

— Что я буду делать с твоей душой, колдунчик? Меня интересуешь ты. Хочу сыграть с тобой... — её глаза вдруг озорно блеснули, — на тебя.

— На меня? — Рун ничего не понял, переспросил. — Почему на меня?

Она вновь принялась, повела носом, блаженно закрыла глаза.

— От тебя пахнет, как от него. Не так же. Иначе.

Рун готов был вновь погрузиться с головой в бездну непонимания, пока шальная и дерзкая мысль не пробилась сквозь тугую плеяду сомнений.

Она говорила о старом Мяхаре. Тот развёл руками в голове юного чародея — ничего не помню, ничего не знаю. Чего ты, в конце концов, хочешь от голоса в своей голове?

— О, не расстраивайся, не выгляди столь понуро, мой маленький колдунчик! Ты будешь моей самой любимой игрушкой — может быть вечность, может быть до скончания времён. Обещаю, я буду тебе хорошей хозяйкой!

Глядя на её зубастую ухмылку парень терзался сомнениями.

— А если я откажусь?

— Фарш назад в мясо не крутят, посреди игры не пасуют, — хрипло подал голос Горбатый. Рун вздрогнул — он словно и забыл о этих двоих. Бесовка бросила на своих детей испепеляющий взгляд и те мигом смолкли. Тяжелее всего пришлось рогатому проигранцу: того будто изнутри разрывали невысказанные слова.

— Правила. Ты взял колоду, уже в игре. А я могу отбирать чужую игру, если она ещё не начата. Помнишь? Правила! — она погрозила пальчиком у Руна перед самым носом. Резко развернувшись, чуть не отвесив последнему из Двадцати затрещину кончиком своего хвоста, бесовья мать хлопнула в ладоши. Земля под ногами чародея заходила ходуном. Нутро требовало действия — схватить, ударить, заломить...

Здравый смысл говорил, что уже поздно действовать грубой силой, придётся решать иначе.

Знаешь ли ты, спросил парень у самого себя, хотя бы одного человека, что сам выиграл у проигранца?

Человека — нет, вновь подал голос учитель разбойник. А чародеи, как минимум, были.

Перед Руном вырос холм. Словно врата, он разверзся прочь, открывая мрачную бездну преисподней. Парень бросил взгляд на хозяйку этих покоев, та лишь кивнула.

— Большие игры в чистом поле — это низко, колдунчик. Ты так не думаешь?

Юного чародея тут же схватили за руку — Ска явно не собиралась пускать своего господина прямиком в лапы нечисти. Что с ней будет, спросил у себя парень, если он проиграет и навсегда останется во власти этой... этой...

Ему даже думать о подобном не хотелось.

— Можешь взять свою куклу с собой. Когда ты сменишь свою свободу на вечное утешение моих капризов... из неё получится хорошая вешалка! Идём!

Бесовка в два шага прыгнула в разлом, тут же скрылась в его тёмных пучинах. Руну в лицо ударил острый, едва ли не сбивающий с ног дух серы и палёной древесины.

Он посмотрел на Ска — та отрицательно качала головой. Ей не хватало ни умения, ни программных алгоритмов, чтобы создать внутри своего стального сердца хоть что-то отдалённо похожее на волнение.

Но она пыталась изо всех сил.

Так крепко его держала только Виска. Маленькие ручки обхватывали его плечо, едва не впиваясь ногтями, а глаза юной волшебницы были стократ красноречивей слов. Она сумела удержать его от похода на безумку с мастером Рубера, смогла заставить отказаться от участия в неразумном эксперименте Гитры. Ей не удалось удержать его лишь тогда, когда он бежал из Шпиля.

Ска ни чуточки не была похожа на неё. Мало что выражающий взгляд стальной куклы говорил лишь о том, что её действия продиктованы протоколами.

— Идём. Ты мне нужна, — парень поискал внутри себя слова для стальной девы и не нашёл ничего лучше.

Рун прищурился и сделал первый шаг, стараясь не выдать той робости, что вдруг овладела им. Второй шаг дался проще. Юный чародей бросил взгляд в глубины бездны перед ним — на миг ему показалось, что он видит жадные до чужой жизни руки Бледных. Выдохнув, словно в последний раз, он прыгнул в разлом.

Разум тотчас же заволокло всепоглощающей мглой...

Кошмары о былом. Сон третий

Охота за Кровавыми Крючьями казалась ему развлечением. Удача едва ли не сама шла юному чародею в руки.

Едва осквернив Шпиль, банда спешила разъехаться, как старое пальто по швам. Пьяницы, дебоширы, убийцы, завсегдатаи большой дороги мало интересовали юного чародея, но он всё равно не упускал случая пополнить ими свою коллекцию камней.

Славохвальные на словесах, из гордых орлов они едва не уменьшались до мышей, в тщетных потугах скрыться — под столом, за стойкой, за спинами ещё недавно друзей-навека.

Их выталкивали на его милость, прекрасно зная, какой за одним из Двадцати тянется след. Рун же предпочитал отныне знать, как последний и единственный, кто остался верен заветам и традициям Двадцати. Прячущиеся, закрывшиеся в Шпиле собратья вызывали у него помесь разочарования с отвращением. Иногда даже светлый образ Виски пачкался о серость презрения.

Вчерашние герои обращались в злокозненных трусов и предателей — чернь, что ещё вчера славилась убийц чаркой-другой за то, что те освободили их из под многовекового гнёта, теперь готова была поднять паршивцев на вилы. Чародей молил провидение лишь об одном — чтобы народный гнев не оказался проворней его самого.

Огромной кошкой он наступал на беглецов. Мучимые, словно мыши, под напором его гигантских лап и когтей, слыша как беспощадно трещат их рёбра, они готовы были рассказать обо всём.

Главного разбойника звали Ата-ман. Рун пытался, выгаскивал из разбойников память — но никто толком не знал ни его настоящего имени, ни того, что или кто за ним стоял.

Паршивец оказался хитёр, как полуночный крыс — на Шпиль напали несколько сотен разбойников. Будто специально собирал всю шваль из подворотен и канав — лишь с одной целью. Когда хоть кто-то решится устроить погоню, он наткнётся на толпу оборванцев. Которые, конечно же, не равня любому из чародеев, но знают один не больше другого.

Удача сменилась бестолковой стагнацией — сколько бы ему не попадалось негодяев, все они знали примерно то же самое.

Парень злился, чуя, как убийца его собратьев прячется без особого труда, а шанс выловить его утекает песком сквозь пальцы.

До сегодняшнего дня.

Мальчишка был прыщав, жалок и ничтожен — Рун стянул его прямо с полуголой девицы. Тощий и вытянутый, почти на голову выше самого чародея, он стыдливо прикрывал рукой срам. Будто не желая видеть хоть кого-то, кто выше него самого, Рун обратил паршивца в жабу, оставив возможность говорить.

Глядя на ничтожество, что плача и стелая ластилось к его ногам, в тщетных попытках вымолить прощение, юный чародей пытался понять лишь одно.

Что им двигало? Что заставило этого оборвыша пойти в разбойничью банду? Чего ему не хватало?

В агонии, будто чуя скорую гибель, дрожащим голосом он называл имена — и тех, кого Рун уже настиг, и тех, о ком он знал, но ещё не дотянулся.

О Буке мальчишка проквакал будто невзначай. Он рассказал бы и так, Рун прекрасно

знал что подобные ему говорливы перед казнью как никто другой. Но это имя парень будто бы берёт, как самый главный козырь и аргумент хотя бы вернуть ему прежний облик. Рун же решил, что с него будет достаточно не пополнять коллекцию камней, и швырнул в объятия полуголой девицы — та весь разговор тяжёло дышала, пытаясь вжаться в угол хлева, и от страха даже не думала о побеге.

Несчастный шлёпнулся ей о грудь, заработал лапами, в желании ухватиться хоть за что-то и не упасть. Из жабьего горла полился человеческий крик.

Девчонка отчаянно завизжала.

Бук был тем, кто нанимал людей. Ровны в его руках казались неисчислимы, те же, кто решил опробовать его на крепость — оканчивали с расколотой головой. Молниеносный, стремительный, стрела — Рун наконец получил имя, о котором можно было спрашивать других. Первый пойманный после жабы-мальчишки разбойник никогда и ничего о нём не слышал, третий видел его лишь мельком — Бук был из осторожных и предпочитал являться не сам. Десятый сказал, что Бук толст и неповоротлив, но его память поведала обратное.

Неказистый, сухопарый, почти старик — не ровня старому Мяхару по возрасту, но всячески стремился его догнать. Торчащие к низу усы, густые брови, скрывающее лицо шляпа с широкими полями.

Двенадцатый знал, где Бука сейчас — и уже этим заслужил право умереть человеком.

Рун убивал легко и непринуждённо. Жалость, иногда давившая на совесть при казни крестьян сейчас спала крепким сном. Испытывать что-то кроме абсолютного равнодушия к тем, кто убил его собратьев, он считал недостойным.

Поначалу он хотел обращать в камень всех и каждого, кто хоть сколько-то причастен к нападению на Шпиль. Вскоре он понял, что ещё пара дней поисков — и он будет таскаться не с напоясной мошной, но с заплечным мешком на спине. Перспектива казалась ему не шибко радужной.

Бука притаился в Холмистой роще, недалеко от крестьянского кладбища. Юный чародей долетел порывом ветра, клочком ночной мглы спарил на высокое дерево — не заметить чадающий дымом костёр в паре ли оттуда было попросту невозможно.

Когда он увидел их, ему на миг стало смешно. Бук не растерял былой хватки и сколотил свежую банду из кучки оборвышей. Они зябко тянули руки к костру, ежились от ночного холода. Одного только взгляда на эти оголодавшие, злые разбойничьи хари хватало, чтобы понять — они мечтали разве что о крестьянине на толстой кобыле с кучей шерстяных одеял.

Рун вырвался столпом земли прямо у них из под ног. Нехитро сложенное кострище брызнуло негодяям в лица. Ошпаренные, ничего не понимающие, визжащие от ужаса они бросились в разные стороны. Если это те, подумалось юному чародею, кто должен был защищать Бука от него, то парень был крайне разочарован.

Ужас быстро сменился решительностью. Лапища разбойников тут же потянулись к ножам и топорам — по крайней мере до того момента, как они увидели своего противника.

Рун сплёл собственное тело из потока искрящихся молний. Первый — самый смелый и самый глупый, бандит не успел даже замахнуться, как его срезало потоком бушующей энергии. Разом обгоревший, забившийся на земле в страшных предсмертных конвульсиях, он стал собратьям грозным предупреждением.

Бегите, улыбался чародей, чуя как внутри него просыпается оголодавший до чужой крови хищник. Молнии в его руках обратились беспощадно жалящими плетями. Последовавшие же совету чародея плавленым воском растекались по земле, едва успевали

сделать первый шаг.

Бегите, вкрадчиво шептали сплетаемые юным чародеем заклинания. Спасайтесь! — молили проблески милосердия и не таившие надежду перебороть убийственный азарт.

Один за другим, поражённые, они находили быструю гибель: последний из Двадцати не щадил собственной маны на столь увлекательное развлечение.

Краем глаза он заметил, как неприметная тень стремглав бросилась прочь из лагеря.

Стонущие от боли разбойники молили о смерти, но Рун птицей вспорхнул в небо — по воздуху захлопали массивные совы крылья.

Острый глаз готов был выхватить в ночной мгле любую мелочь. Слух, ставший идеальным ласкал уши: парень чуял, как тяжело дышит его будущая жертва, как хрустят сухие ветки под массивными шагами.

Добыча норовила ускользнуть: правы были те, кто звал главных зачинщиков нападения на Шпиль людьми необычными.

Назвать Бука обычным было бы оскорблением.

Разбойник менялся на ходу. На миг став тeneвым скакуном, он перескочил через огромный овраг. Массивная туша жеребца, будто вода, перетекла в обманчивый облик лесицы — к серой шерсти быстро липла лесная грязь, нанося природный камуфляж. Слово колокольчик, болтался из стороны в сторону каплевидный, но порядком облезший хвост.

Не уйдёт, понял Рун, быстро приближаясь к беглецу. Бек в облике лесной куницы развернулся в прыжке — и правое крыло чародея тут же обожгло болью.

Единым, сцепившимся снарядом они рухнули наземь, покатались. Рун, поборовший боль, закрылся рукой — острые клыки, метившие в шею пронзили кожу насквозь. Парень тотчас же скинул ладонь, оставив её в пасти лесицы, поспешил отрастить новую, приготовился к бою.

Напрасно.

Бук, едва почуявший свободу, выплюнул нежданную добычу, отскочил в сторону, уменьшаясь на лету. Тело хищницы тут же сменилось крохотной фигуркой — мышшь полёвка, пробуксовав задними лапами, нырнула в ближайшую норку.

Здравый смысл толкал с насиженного места уже давно правивший рассудком азарт. С чего ты вообще взял, вопрошал он голосом старого Мяхара, что эта тварь — тот самый Бук? Разве ты сам никогда не кидал обманки, стремясь уйти от погони?

Рун шмыгнул носом, вытирая кровь под носом. Во рту стоял металлический, мерзкий привкус. Кидал он обманки, и не раз. Вот только обманку бы он распознал за целую ли ещё по запаху.

Бегунок на его ладони вспыхнул яркой звездой, но тотчас же погас до крохотной, едва тлеющей свечи. Парень вплёл в него задачу — идти по духу свежего мышиноного пота и передавать ему информацию.

Пустив по следу волшебную ищейку, он вновь отдался на волю ветра. Тот подхватил ставшего легче пера чародея, потащил за собой.

Ночная прохлада помогла ему прийти в себя. В голове вели беседы призраки учителей — старый Мяхар как всегда раскатисто кряхтел на хладнокровное спокойствие мастера Рубера. Слово желая составить им приятную кампанию, к ним присоединялась извечная обитательница библиотеки Гитра.

Парень отдавал себе отчёт, что, наверно, сходит с ума. Спорить с самим собой голосами мертвых — явное безумие; но парень не собирался с этим бороться. Последний из Двадцати

будто чуял, что в своём единоличном возмездии он не одинок, что мудрость и уроки старших идут за ним по следу, куда бы он не направился.

Бегунок вмещался в тот сумбур, что устроили призраки в голове юного чародея — он взял след.

Рун обрушился на то место, что коршун. Нос парня принял на себя заклинание, и лес раскрылся перед чародеем в совершенно ином облики. Запахи, окружавшие его повсюду, резкие и слабые, защекотали ноздри. На миг он растерялся — к новой особенности, учил его мастер Рубера, поначалу надо привыкнуть.

Нити терпкого мышиноного духа тянулись отовсюду, но только одна из них была с особой, почти едва различимой ноткой. Стоило отдать должное Буку — в своём ремесле он явно добился мастерства.

Заклинание с рук чародея прыгнуло сквозь толщу земли, и тут же вырвалось ветряным потоком, разрывая густо растущую траву и рыхлую, жирную почву. Мышь забила в беспомощной попытке вырваться из крепкой чародейской хватки. Парень охладил немного собственный пыл и сизнова захлестнувший его восторг от преследования. Эта погань нужна ему живым, а ведь в таком облики его так просто раздавить...

Словно прочитав мысли последнего из Двадцати, Бука разросся до котёнка, а после обратился дикой кошкой. Мохнатые, острые уши стояли торчком, сквозь подушки мягких и мощных лап проступили бритвенно острые когти, готовые к бою. Из глотки кошки полилось нечто похожее, на приглушенный рык.

Рун швырнул его прочь, ударил о дерево и, не давая опомниться, что есть сил приложил о землю. Мана стискивала несчастного, будто в гигантском кулаке. Рун знал, что чувство победы, ликовавшее в его душе обманчиво, как никогда. Буке нечего ему противопоставить в плане силы, но вот в умении бежать ему точно не откажешь.

Парень хлопнул в ладоши, и свежее плетение из маны тотчас же окружило беглеца прозрачным, что мыльным пузырьём.

Бук понял всё и сразу, едва полоснул когтями по мнимо хрупкой поверхности своего узилища. Вновь сменил облик, сел, откинулся на спину, запрокинул голову. По лицу пленника чародея градом валил пот — от недавнего бегства, и переполнявшего его с головой волнения.

Вместо паники теперь он отдался на откуп спокойствию. Что мог сделать он сделал...

Рун утёр лоб, утерся краем плаща. Из-за этой погони он сам выглядел не лучше — невесть каким чудом измазанная грязью дорожное платье молило о стирке.

Юный чародей облизнул высохшие губы, справился с жаждой, зажмурился лишь на мгновение. Бука смотрел на него так, как должен был бы смотреть человек. Разве что в этом, подумалось Руну, он полный профан.

Бука был безобразно тощ, как и все его сородичи. Крепкое, покрытое бледной кожей тело лоснилось от выступающей сквозь поры слизи. Чудь отвернулось от чародея, закрыв лицо руками — больше всего на свете они не любили чужие взгляды.

Прятаться в тенях, смотреть исподлобья, видеть мир как ворох чужих представлений — о ситрах рассказывали разное. Будь здесь Гитра, она обязательно бы выдохнула, качнула массивной грудью и, поправив очки, принялась делать наблюдения — одно за другим.

Наверно, Бук хотел поговорить. Словно давая понять, что не желает слышать его поганое наречие, пузырь по приказу Руна плюнул ему в рот вязкой, липкой жижей.

Слова были и не нужны — ситр будет извиваться и юлить, уводить разговор в сторону,

пока не договорится с парнем о собственной свободе.

Рун и сам не открывал рта — ситру было бы достаточно лишь призрачного намёка на начало разговора, чтобы его силы вступили в действие. Поговаривали, что однажды парочка ситров смогла провести самого старого Мяхара. За вопрос об этом юный Рун хорошенько получил по шее и усвоил лишь одну науку.

Иногда вопросы не имеют смысла.

Как заправский костоправ, юный чародей вспорол руками пузырь — ситр, едва уловивший пыхнувший ему в лицо дух свободы напрягся, приготовившись к бегству.

Тщетно и напрасно — парень перед ним знал, что и как следует делать. Бук лишь зажмурился, словно в желании проститься напоследок с жизнью.

У ситра был мертвецки холодный лоб. Поры белой, почти молочной кожи плюнули в чародея слизью — винить в этом пленника не стоило, защитный механизм организма. Призрак библиотекаря готов был комментировать всё и вся, что касалось этого чудного создания. Руну в какой-то миг показалось, что это не он — она сейчас будет ковыряться в подсознании узника.

Его затягивало в чужую память не сразу — поначалу он ощутил лишь покалывание на кончиках пальцев. Чужой, не человеческий, странно устроенный мозг будто пробовал юного чародея на вкус, пытаясь понять, стоит ли пускать того внутрь?

Рун нашёл лазейку не сразу. Сознание ситра оказалось мутным и мглистым, словно болото. Внутри него, в пучинах памяти булькали воспоминания прошлого. Парень спешно листал их, словно раскрытую книгу. Детство ситра наверняка наполнилось и пестрело тысячью интересных подробностей, но к большому сожалению Гитры парень пролистнул эти воспоминания прочь. Стаей пугливых птиц они выпорхнули прочь, растянулись маревом, серыми барашками облачков, растворяясь перед глазами вторгшегося чужака.

Ситр вздрогнул, словно Рун и его угостил молнией. Тело несчастного сопротивлялось чуждой воле, спешило выгнать её прочь, но тщетно. Рун ковырялся в подсознании своего пленника, пока не нашёл, что искал.

Кошмары о былом. Сон третий, часть вторая

Шпиль в понимании Бука никогда не был большим. Как и ровным. Память бестии искажалась, норвила подsunуть юному чародею то, чего там не было и в помине. Рун, с усердием достойным лучшего применения пытался рассмотреть и распознать выложенный перед ним факт. Словно дотошный хирург, он резал чужеродное, сшивал похожее, получал единую картину случившегося.

Даже признав в чародее своего, память Бука, что скаредная и жадноватая хозяйка, спешила выложить на стол крохи бывшего пира — и ни каплей больше.

Руно же казалось, что ему хватит и этого.

Пожарища.

Пожарища на стенах. Огонь змеёй спешил по красной занавеске к потолку, тянулся к соблазнительно-вкусной древесине стен и полов. Словно под напором чужой насмешки, пятна гари разрастались одно за другим. Там, где ещё мгновение назад балом правили красота и изящество, теперь во главу угла была поставлена разруха.

Призрак Гитры, восторженный и любопытный, как она настоящая и при жизни вдруг сдавленно пискнул, протяжно выдохнул и умолк — Рун глазами ситра видел, как изуродованная, прижимавшая драгоценность книг чародейка-библиотекарь скорчилась на полу. Ему впору было выдохнуть самому — именно такой они и нашли её в Шпиле.

Поганцы выкололи ей глаза, засыпав в рот и пустые глазницы раскалённые до красна угли. Лицо было обожжено, на нём сохранилась маска отчаяния и боли — словно убийцы измывались ещё над живой волшебницей. Руно казалось, что он видит уходящий дух неистраченной маны — библиотекарь сопротивлялась до последнего и как могла. Ветер, ворвавшийся сквозь разбитые витражи окон игрался с ворохом варварски изорванных в ключья страниц. Платье изодрано со спины, будто мерзавцам не терпелось увидеть чародейку униженной, жалкой и без одежды.

Руно отчего-то казалось, что именно так оно и было, и его замутило.

Парень быстро справился с собой, глядя дальше. Ситр задорно танцевал на теле старого Мяхара, будто не ведая иного удовольствия. Поганцу точно не было оправданий, но Рун подозревал, что за свою немалую жизнь старик успел обидеть многих. Крики, визги отчаяния и боли, рвущиеся из дверного проёма потоки магии — ещё живые защитники Шпиля не сдавались, давая отчаянный, но напрасный отпор. Бук был убеждён, что судьба чародеев уже предрешена, всё остальное лишь — сопутствие потерь проказам судьбы. Подхватив бородатую голову старика, изо рта которой высунулся обожжённый язык, он швырнул её в окно прочь, и поспешил туда, где гремело громом.

Ситра гнало досужее, если почти не детское любопытство. Ему хотелось узреть смерть каждого из чародеев. Странное, на грани фолла вожеление желало только одного: чтобы судьба каждого из них закончилось кровавым месивом, страданиями и плачем. Нутро бестии требовало чародейских слёз и стонов. Видеть их тела — не весело, но вот смотреть, как чернь готова измываться над вчерашним величием...

Рун ощутил резкое омерзение к существу, зажатому в тиски пузыря. Бук, словно уловив, что парень теряет над ним контроль, одарил того противной ухмылкой.

Последний из Двадцати поймал себя на том, что чуть не поспешил ответить на подобное силой. Убивать ситра сейчас нельзя — он знал больше остальных, он видел больше

остальных. Противней всего, что он осознавал свою значимость...

Ситр скользнул в дверной проём, но дрогнувшие уши предупредили его о опасности. Автоматон-горничная, сжимая в руках метлу словно боевой шест была бесстрашна к своей неудаче, тут же предприняла очередную атаку. Мерзавец издевался над несчастной механической куклой — он будто заведомо знал, куда она будет бить в следующий раз. Палка метлы хрустнула, когда он прыгнул на неё — лишившаяся оружия автоматон. казалось, впервые в своей жизни встретила с непониманием, что делать дальше. Он не дал ей секунды на то, чтобы она смогла обновить алгоритмы — запрыгнул ей на плечи, когтями изодрал плоть кожмита, обнажив стальные потроха.

Руну оставалось только подивится, откуда ситр знает устройство механических кукол родом из Вирании. чтобы так быстро добраться до манипулятивного сердечника? Лишившаяся того, что служило ей сердцем, механическая дева застыл на месте, а после обмякла. будто тряпичная кукла. Ситр же казался недовольным — плохая жертва. Не кричит. не стонет, не извивается от боли? Какой в этом толк? Взрыв, ухнувший неподалёку обдал его каменной крошкой, обжёт вынырнувшим потоком пламени. Живым факелом в коридоре завывали разбойники, спеша прочь. Ситру показалось, что он слышит зов той самой боли, что жаждал и поспешил к ней навстречу.

Мастер Рубера был твёрд, как никогда. На грозном понуром лице не было и тени страха. Оружием он выбрал тонкий, упругий клинок: одного за другим, будто жалом, он убивал нападавших. О дикой усталости учителя фехтования говорили разве что взмокшие усы, дрожащие руки и куча тел рядом с ним.

Он стоял среди них, как предвестник гибели любому, кто отважится сделать ему хоть шаг навстречу.

В людях жила глупость — Рун убеждался в этом раз за разом. Убедился и теперь, когда память ситра, что прокисший суп, поставила перед ним очередную картину.

Разбойников было четверо. Где-то в глубине души в них ещё царил страх — перед ними чародей! Сейчас же как заколдует!

Мастер Рубера как будто забыл все заклинания разом. Или не мог колдовать. Парень вглядывался в облик учителя, пытаясь понять, что с ним случилось? Кто-то заключил его в кандалы из саффиритовой лазури? Но Рубера был настолько силён, что смог бы колдовать даже сквозь них...

Они решили его взять числом. Ситр, едва завидевший старика, сызнава улыбнулся — казалось, он уже видит смерть чародея и предвкушает её, будто хорошее вино.

Бросились все и сразу. Руна кольнул стыд — нечестивцы посмели осквернить величественные своды Шпиля, обратив его в своё обиталище, в грязную подворотню.

Мастер Рубера ответил ровным выпадом в плечо того негодяя, что оказался ближе остальных. Клинок тупо ткнулся в твёрдость кожного наплеча, заставил противника остановиться, сделать шаг назад повернуться боком. Рубера вывел клинок, перехватил руку с кинжалом второго разбойника, пинком в пах повалил его наземь, полоснул по горлу нечестивца, что был сзади и размахисто держал над головой топор.

Четвёртый был вооружён малуритом и стоял поодаль остальных. Рун смотрел на него снизу вверх, отмечая и невысокий рост разбойника, хрупкое телосложение, нечто привязанное к ноге. словно желая оскорбить мастера Рубера больше прочих, парень был инвалидом. Пальцы неловко, но старательно выводили на деке одну руну за другой, готовя мстительному чародею россыпь неприятных сюрпризов.

Малурит загудел, исторгая из себя накопленную энергию, чуть не отбросил стрелка прочь — буро-малиновый поток устремился к учителю фехтования. Рубера схватил того разбойника с наплечем, которого настоятельно отпихнул вначале, и резко толкнув направил его навстречу выстрелу.

Несчастный оброс волосами, что через мгновение обратились змеями. Завизжав от зародившегося ужаса, он повалился наземь — новые обитатели его тела спешили воздать ему по заслугам ядом и остротой клыков.

Калека не сдавался — Руну казалось, что ему-то как раз следует бежать и молить судьбу с провидением, чтобы престарелый чародей не решил идти в погоню.

Рубера был скор на расправу, не желая знать подобной глупости, как милосердие. Ноги, крепкие и ещё полные сил, были быстры так же, как в далёкой юности. Безмолвной гибелью фехтовальщик летел к паршивцу с малуритом.

Рун не успел различить, когда в воздухе скользнул кинжал. Рубера сбил чужой снаряд на лету, отскочил от стены, рубанул клинком.

Калеке повезло, он успел закрыться малуритом, качнуться в сторону и бревном повалиться наземь. Стабилизирующий кристалл на кончике ружья хрустнул от удара, залил мелкими осколками пол.

Ситр спрыгнул на старика сверху, со спины. Глупые разбойники, бестолковые, ничего не способные! Но это ничего, бурлил в голове бестии неизбывный азарт, это даже хорошо! Приятно быть смертью самому.

Он прилип к мастеру Рубера, словно мешок. В узловатых пальцах сверкнул кинжал — точно такой же, какой был брошен до того. Кровь из свежих ран прыснула потоком, алыми брызгами осела на белизне стен. Ситр колот старика не глядя, похрюкивая от наслаждения, упиваясь его кровью, что тёплым молоком.

Мастер фехтования врезался спиной в стену — ситр обмяк, выронил кинжал, но хватки не ослабил. Теперь липкие от крови пальцы Бука норовили зажать Рубера рот, выдавить глаза.

Старый чародей сорвал его рывком, швырнул об стену, щедро добавил сапогом. Руну казалось, что он почти чувствует боль ситра, но никакой жалости к нему не испытывал. Из рта лесного чуда потоком текла кровь вперемешку с остатками зубов.

Шок слетел с учителя фехтования, оставив после себя лишь тугую, жгучую боль. Старик сделал шаг назад, тяжело дыша и чуя, что ему уже не хватает сил для очередного удара. На миг ноги старика подкосились — тяжело он рухнул на колени. Рукой пошарил в поисках хоть чего-то, на что можно было бы опереться.

Подросток — хромой разбойник точно был юн, едва ли старше обращённого Руном в жабу парнишки. Лицо пряталось за капюшоном. Опираясь на обломки собственного малурита, он держала клинок — тот самый, что ещё пару мгновений назад стискивал в руках мастер Рубера.

Старик ухмыльнулся, качнул головой, когда он направил его же собственное оружие на него — неумело и неуверенно.

Едва ли не рыча от дикой боли, он изогнулся, обоими ногами сбил её на пол, обезоружил. Словно в нём проснулось второе дыхание, а сам он дал волю бурлящему в крови гневу, учитель Руна навалился на калеку.

Нет ничего позорней, чем умереть от калеки — когда-то шёпотом и в сердцах буркнул усатый чародей. Рун его тогда не понял, но сейчас ему думалось, что понимает как никогда.

Стена напротив вдруг взорвалась градом осколков. Сквозь толщу пыли вырвался самый настоящий, грязный как чёрт, великан. Словно дубину, он сжимал в руке изувеченного личного автомата мatriарха. Рун почувал, как у него внутри кольнуло сердце.

— Ар-ро! — из глотки великана раздался угрожающий рёв. На его могучем теле остались ошметки автоматов попроще. Залитый кровью — своей и чужой, он искал лишь того, кому можно было бы оказать тёплый приём.

Он смахнул мастера Рубера оплеухой — сражавшийся из последних сил старик ударился о колонну и безвольно сполз по ней вниз, затих.

Двое автоматов в изуродованных нарядах горничных спешили отбить свою повреждённую подругу, но великан швырнул её прочь, рядом со старым чародеем. Словно огромный несмышлёныш, он поймал налету механическую куклу за ноги, перехватил, взялся обеими руками. Рун от неприятия закрыл глаза, когда он её, будто ветку, переломил об колено. Второй он единым ударом снёс голову, после пробил стальное туловище насквозь. Вздвогнув, стальная дева взорвалась, по руке негодяя побежали красные волдыри тяжёлого ожога. Великан поморщился, но и только: Рун не без удивления смотрел, как израненная кожа зарастает сама собой и без всяких заклинаний.

Закончилось. Охая, пытался встать ситр, смотрел на великана, как на собственного спасителя. Выше текли звуки боя и почти детского восторга. Поражение Двадцати было горьким, как некогда.

— Сучка... Ар-ро, я выебал их старую суку, и выебал бы ещё разочек. Если бы... не эти.

Великан как будто оправдывался. На лице могучего разбойника не было и намёка на сожаление о упущенных возможностях. Как и не было страха.

Машинный гул пронзил плеяду иных звуков, будто взрывом. Запечатанный в сталь механического доспеха человек прошёлся по комнате. Голову и лицо скрывала ничего не выражающая маска. Окуляры глаз фиксировали победу.

— Тише, Мик, — он остановился у поваленного наземь подростка, протянул ему руку. — Ты едва не зашиб Дерил. А ведь если бы не она, мы бы никогда не продвинулись так далеко. Ценишь?

Взгляд огромного разбойника лишь скользнул по миниатюрной фигурке, скривился. Будто предпочёл бы и вовсе не замечать подобную мелочь, а ещё лучше — растоптать. Подросток же проковыляла к автомату, долго-долго вглядываясь в лицо.

И смачно, от всей души, плюнула на уже нерабочую механическую куклу. Что-то личное, заинтересовался Рун? Как минимум, следовало взять на заметку.

— Ар-ро, сука, если ещё раз выкинешь что-то подобное! — великан, едва заметивший это, горой двинулся на мелкого разбойника, но ткнулся в механическую ладонь закованного в латы человека.

Виранская броня, Рун прищурился. Никто из разбойников не говорил, что в этом замешаны виранцы. Впрочем, малуриты в руках разбойников точно появились не из ниоткуда.

— Ар-ро, Ата-ман, — Мик нахмурился, но решил не продолжать конфликта. Рун закусил губу — наконец-то прозвучало ещё одно имя, больше звучавшее, как какая-то нелепая кличка.

Ата-ман подошёл ближе к пришедшему в себя, но обессилевшему от жуткой потери крови мастеру Рубера. Чародей умирал, полностью смирившись с этим. Тяжело и редко вздымалась грудь учителя фехтования, ртом он ловил последний шанс вдохнуть. Вдруг, его

губы сложились в ухмылку — из последних сил он исторг из себя пару слов, тут же закончившиеся резким ударом.

Ата-ман, спокойный до того, готов был разорвать разлѐгшегося перед ним чародея. Выпрямился во весь рост, занёс над ним ногу — уже напрасно, последний удар вышиб из старого чародея остатки силы вместе с жизнью.

После случилось то, чего никто не ожидал.

Механическая кукла бросилась под тяжѐлую стопу главаря разбойников, в отчаянной и бестолковой попытке защитить умершего господина.

— Нет! — великан Мик зарычал, как никогда прежде. Стальную деву смяло, будто ком бумаги. Наскочивший на своего главаря разбойник отшвырнул его в сторону. Недавние союзники сцепились, будто кошка с собакой...

Из воспоминания ситра Руна вышвырнуло, как незванного гостя. Он почувал, как его замутило — и стошнило остатками вчерашнего ужина.

Ситр послушно сидел в пузыре. Чародей, на миг потерявший бдительность его не беспокоил — знал, падлюка, что стены его узилища от состояния мага не зависят.

Ещё раз сплюнув, парень покачал головой. Остальные воспоминания не были столь яркими — сознание лесной бестии искажало картину, окрашивало в нужные цвета, заметно приукрашивало на свой лад.

— Зачем? — спросил у него чародей, и это было первым сказанным им словом за последние часы. Разрывать же собственное молчание ситр не стремился, но вдруг вытащил что-то из недр набедренной повязки.

Сердечный камень. Не узнать его в этой отполированной оглобле было затруднительно. Вот почему там, в Шпиле, он не спешил менять свой облик на звериный. Попросту не мог. Рун вспомнил, что Виска однажды рассказывала, как наказала одного из этих тварей тем, что отобрала у того возможность менять облик. Не этот ли самый сейчас сидел перед ним? Парень сглотнул при одной только мысли, что было бы, останься девчонка в Шпиле и что могли сотворить с ней эти чудовища.

— Где они все? Твои дружки. Где они? — Рун и сам не заметил, как его вопрос прозвучал едва ли не звериным рѐвом.

Ситр улыбнулся, постучал самого себя по голове, словно предлагая ещё раз заглянуть в пучины его воспоминаний. Рун пошатнулся — возвращаться туда вновь ему хотелось меньше всего на свете. Но если этот поганец будет упрямиться и дальше — у него попросту нет иного выбора...

— Поменяемся? — вдруг клякнул ситр, потирая друг о друга озябшие руки. — Моя свобода, твоя правда. Меняемся?

Рун выдохнул, лишь на мгновение задумавшись над ответом. Ситр уже едва ли не плясал на одном месте, подыскивая слабое место в защите чародея.

— Кукла, — продолжил он. — Кукла стальная, кукла красивая, всем нужная. Много видела, много знает. Тебе тоже нужная? Меняемся?

И протянул широко расставленную ладонь, будто призывая ударить по рукам...

Глава пятая, Большой игрок

Она не шутила про игрушки.

Рун осторожно сел с ней за резной стол. Откуда в преисподней мебель, достойная залов Шпиля он даже не спрашивал.

Он представлял себе обиталище демонов мрачней, ужасней, громче. Юному чародею мыслилось, что повсюду перед собой он будет видеть безобразно вытанцовывающих бесов — проигранцев, забирайцев, врунишек и прочую нечисть.

Вместо какофонии из криков отчаяния и ужаса он слышал журчание ручья. Под ногами вместо истрескавшейся от невыносимого жара земли росла невысокая, полная утренней росы трава. Лепестки мягких, почти бархатных цветов укрывали собой землю — словно сама природа боялась, что обительница этих покоев ступит на твёрдость земли босыми ногами. Бесовка принимала её заботу как должное.

— Мне рассказывали иначе, — сказал он, предвосхищая вопрос бесовьей матери. Словно застенчивая девчонка, она задержалась всего на одно мгновение, зажмурилась. Руну подумалось, что подойди он чуть ближе. и обязательно услышит, что она мурчит, как довольная кошка. Словно удивление чародея ей было слаще всего на свете.

Выдохнув. она оглянулась через плечо, будто спрашивая, что же такое ему рассказывали? Парень сглотнул.

Матриарх увещевала, что бесы, как низшие и подлейшие создания, живут среди грязи и нечистот. Что руки Бледных растут из стен, норовя схватить неприкаянную душу и утащить в свои чертоги. Что проигравшиеся, завравшиеся до талого мальчишки разве что не скопом валяются в огромный, бурлящий котёл — из которого не выбраться ни селянину, ни магу. И варятся там в страшных корчах до конца времён.

Помалкивал лишь старый Мяхар — говаривали, что кроме Матриарха он единственный из Двадцати, кто спускался в преисподнюю. Спускался и вернулся из неё — пусть и без хвоста главной бесовке, но до безобразия довольным. Глава Шпиля, впрочем, описывала это менее приятными эпитетами...

Злой сарказм отбивал чечётку на мозолях чародея — теперь, говорил он, единственным будешь ты. Последний, единственный, большая ли разница?

Рун не ответил.

Ска стремилась насмотреться впрок. Стекланные глаза решили запечатлеть как будто всё и сразу. Сканировала, даже не испросив разрешения...

Бесовка нахально плюхнулась на свой трон — он был столь массивен, что посреди него она казалась некстати усевшейся там куклой. Бесстыдно расставив ноги, бесовья мать поерзала, принимая позу поудобней. И лишь через мгновение Рун заметил.

В чаше, на столе, что стоял по правую сторону от трона, были люди.

Крохотные, едва ли больше мизинца. В приглушённом полумраке личных покоев их можно было бы принять за точёные, самоподвижные фигурки.

Рун поначалу так и подумал, прежде чем бесовка не глядя вытащила одного из них — несчастный был обёрнут в лохмотья, из широко раскрытого рта доносился почти мышинный, неразборчивый писк. Разинув пасть, мать нечисти швырнула его себе в рот. Будто орех, будто конфету.

Клацнули острые зубы: зажмурившись, бесовка старательно жевала кровавую добычу.

Юный чародей не знал, что же он в конце концов испытывает. Отвращение? Омерзение? Тихий, скребущийся меж лопаток ужас?

Словно только сейчас заметив его взгляд, повелительница этих покоев встrepенулась.

Представление, понял чародей. Хочешь заловить беса — поставь среди поля шатёр скоморохов, долго ждать не придётся. Бесовья мать отчётливо желала ему показать его будущую судьбу. Ведь неловкий страх, застывший на лице будущей жертвы — лучше любого деликатеса.

— Мои игрушки, — озорно пояснила она, подмигнула. — Все те, кто осмелился бросить мне вызов. Своей волей или случайно.

— Судя по всему, — осмелился Рун, — их хватает ненадолго?

Он отчаянно гнал от себя сравнения дьяволицы с Виской, что так же делала кукол из понравившихся ей селянок.

Звонкий, девчачий смех был ему ответом.

— А ты забавный, колдунчик. Мои игрушки — вечны. Пока я не пожелаю их отпустить, они будут возрождаться через некоторое время. Знаешь, что очень весело? Человек способен привыкнуть к боли. К боли, мучениям, издевательствам, даже к любой моей хитрой выдумке. А потому, они каждый день теряют память. Каждый день развлекают меня так же, как в первый и...

Она проследила за взглядом последнего из Двадцати. Человек-букашка набравшись смелости, выбрался из чаши прочь. Несчастный крался, но страх, громоздившийся на его плечах, заставил его бежать. Руну казалось, он слышит, как звонко и отчётливо шлёпают босые ноги по твёрдой, щербатой столешнице.

Её ладонь прихлопнула его так, что юный чародей вздрогнул. На месте бедолаги должна была остаться лишь кровавая каша. Вопреки тому, стоило бесовке чуть приподнять руку, парень увидел скорчившегося от боли бедолагу. Он шевелился, словно полупридавленный жук — нелепо и смешно.

— И иногда их жалкие попытки спастись — лучшее из развлечений. Мне нравится их наказывать. По всякому.

Не дожидаясь ответа чародея, бесовка схватила новую жертву за ногу — беспомощной игрушкой он повис в её хватке. Нечистая оттянула край своей набедренной повязки, швырнув несчастного к промежности. Прижала ладонью, блаженно закрыв глаза.

Рун лишь хлопнул глазами, как бесовья мать уже оказалась у него за спиной. Её ладони мягко легли ему на плечи, ушей коснулось горячее, девичье дыхание. Бесовка пахла иначе, чем её собратья — от неё за версту разило неприкрытым вожделением, страстью и желанием. Рун едва сдерживал себя, не давая волю рукам.

— Я обещаю, что не буду с тобой столь же строгой, мой маленький колдунчик. И даже не буду лишать тебя памяти — может быть через вечность или другую ты даже начнёшь получать удовольствие от моих игр вместе со мной.

Её слова подействовали на него отрезвляюще, выбили из колеи. Рун холодно отстранился от бесовки. Здравый смысл витал в облаках — быть может, ему с легкостью и удасть преодолеть витающие в воздухе чары азарта, но думать о том, в какой же ситуации он оказался хотел меньше всего.

Воображение, словно взбесившись, норовило нарисовать ему жуткие картины тех омерзительных игрищ, которые затеет бесовья мать, стоит ему проиграть.

Проиграть...

Бесовьи матери никогда не предложат сыграть, если не уверены в собственной победе. Эта же не просто верила в свою победу — знала. Любой чародей превращался в обычного человека в глубинах преисподней. И дёрнуло же его повернуть тот фокус? Следовало прогнать лишь придорожных бесов и ехать дальше — Храпуны были в двух часах неспешного шага! А теперь ему грозит стать меньше в пару десятков раз, и развлекать бесовку с мыслями и поведением капризного подростка...

Призрак старого учителя в голове юного чародея лишь хитро подмигнул. Он играл в игры, подобные этим ещё задолго до того, как сам Рун явился на свет. И если уж не остался в местных покоях беспомощной игрушкой — значит, победить возможно.

Не дрейфь, велел старик. При плохой карте спасает холодная голова. Уж что-нибудь, да придумаем! Рун отчаянно цеплялся за его слова, как за последнюю надежду.

Мастер Рубера общего оптимизма не разделял, впрочем, как и не поддавался панике. Паника, говорил он, последнее, что сразу же бывает перед смертью. Лучше не слышать песнь этой сирены и идти дорогой смелых. Парень кивнул, соглашаясь с ним. Сомнения же грызли его душу, подтрунивая над тем, что сегодня дорога смелых, отчего-то, решила вести идущего прямо в исподнее дьяволицы...

— Меньше слов, — вставая проговорил чародей, разом смахнув с себя неуверенность, перехватывая инициативу в свои руки. Бесовка неловко, будто испуганно попятилась. — Что за игру ты собираешься мне предложить?

— О, ты столь нетерпелив, колдунчик? — Руну на миг показалось, что у него получилось — и её собственная вера в собственную победу пошатнулась. Правила, напомнил ему Мяхар. Проигранец никогда не предложит игры, в которой его нельзя победить. Будет мухлевать, жульничать и блефовать — ведь если ты не сумел поймать его на шельмовстве, правила не нарушены.

— Но ты прав! Мне уже не терпится показать тебе всю твою — и его! — ничтожность на моём фоне.

Бесовка хищно оскалилась в усмешке, резко развернулась. Поляна за её спиной, где мгновение назад цвела трава тотчас же обратилась почти пустым полем. Змеёй вдруг заворошились крохотные края проступающих из под земли стен.

— Что это?

— Замок. Ты играл когда-нибудь в замок?

Глаза нечистой озорно заблестели. Рун лишь кивнул в ответ. Детская игра родом из Вирании — кто её тогда привёз? Парень не помнил. Помнил лишь, как у него раз от разу чесались руки раскладывать лист, выстраивать из каменных блоков стены будущего лабиринта. Делать это при помощи магии было интересней — всякий раз получалось что-то новое и необычное. Герои. Карточки комнат. Сокровища. Почти без волшебства, чуть ли не на своей кровати можно было разыграть настоящее приключение!

— Вижу, что играл. Значит, правила уже знаешь.

Последний из Двадцати вновь кивнул. Всё просто — нужно было вырваться из замка, полного чудищ, ловушек и совершенно неожиданных встреч. Всё просто, когда играешь в это в своих покоях с вредной, но симпатичной девчонкой-соседкой.

Бесовка на такую походила меньше всего.

Разум бушевал, закусил удила призрак старого Мяхара. Старик привык раскинуть картишки, ухмыльнуться, подмигнуть самой удаче — и вытащить её за хвост прямо из лап завывающих от обиды проигранцев. Ведь если они не заметили шельмовства, так значит им

тут и не пахло. С замком совсем иное дело — детская настольная игра. Руну казалось, что призрак чародея вот-вот хрипло проговорит, что это — не по правилам...

Бесовка будто читала их мысли, наслаждаясь замешательством, смотрела как юный чародей с ног до головы покрылся холодной испариной. Невинно хлопая глазами, она будто вопрошала у них — разве настольная игра не азартна? Разве здесь нет карт, костей, и возможности смухлевать? Пожала плечами, словно давая понять, что нет в том её вины, если они не знают как это сделать.

Руна нехотя смотрел, как возносятся крохотные фонтаны, в нишах стен появляются пылающими спичками неведомой силой зажжённые факелы. Тут и там, словно грибы после дождя, растут кукольные кровати, столы и стулья. Высится трон в тронном зале — комнате, с которой начинают все игроки. Особняком торчала арена — место, куда швыряли игральные кости. Он посмотрел на Ска — механическая кукла была бесстрашна, словно давая ему понять, что он сам загнал себя в эту ловушку, а она... она не знает, что делать дальше, кроме как сканировать вся и всё вокруг себя.

Чародей всеми фибрами души чуял затаившийся в глубине жёлтых глаз бесовки подвох. Тот и в самом деле не заставил себя ждать. Подвох ширился и без того уже некрасиво широкую улыбку бесовки. Она схватила его за руку, дёрнула на себя — бросившаяся ему на помощь Ска врезалась лишь в непроницаемую стену.

Юного чародея охватило головокружение, но уже через мгновение он понял, что сидит на огромной ладони бесовьей матери. Та склонилась к нему так, будто готова была проглотить. Ей не нужна была даже магия, чтобы одарить его размерами жука.

— Ты смотришься таким милым, мой маленький колдунчик. Миленьким, маленьким и... жаль, что ещё не до конца моим. Не бойся, я это быстро исправлю.

— Это не по правилам! — Руна выкрикнул, взмахнув руками. Ужас ещё только раскрывал глаза, пробуждаясь ото сна, а уже успел нагнать понимания того, что бесовке достаточно лишь сжать кулак, чтобы последний из Двадцати стал лишь кровавым пятном.

— Правила ничего не говорят о том, какого росточка должен быть игрок. — бесовка извивалась, стоя на одном месте. Все же попытки Руны встать на ноги напротив были обречены. Его швыряло из стороны в сторону, будто в жутчайший из штормов. Перед глазами всё тряслось — бьющаяся о невидимую стену Ска казалась бесконечно далёкой. Из последних сил он хватался — то за мизинец, то за большой палец, обхватывая их обеими руками.

Чертова сука! На языке юного чародея поселилась сотня проклятий. Наверняка, что-то подобное ей же кричали и все остальные.

Она перехватила его пальцами за шкурку, словно нашкодившего котёнка — ещё никогда Руна не чувствовал себя столь жалко и униженно. Из головы, будто назло, не выходил несчастный купец, который, наверняка, испытывал что-то подобное.

— Не пугайся, мой маленький колдунчик! Я решила немного поднять ставки. Знаешь, что будет забавно? Если тебя проиграет твоя же собственная кукла. Вещь... превратит тебя в мою вещь. Что скажешь?

Руна ничего не сказал. Мастер Рубера, сумевший удержать самообладание, охолодил его и заставил замолкнуть — что проку пищать злословия, если тебя никто не услышит и не послушает?

Стена перед Ска вдруг хрустнула, едва не разлетевшись осколками. Автоматон готова была драться за своего господина, каким бы он ни был. В стеклянных глазах бушевал шторм

подгружающихся боевых протоколов.

— Прикажи ей играть!

Бесовка встряхнула его — он бессильно закачался в её хватке. Будто соревнуясь в паскудности происходящего, затрещала рубаха на спине. Встряхни его капризная великанша ещё раз и...

Ска получила приказ через перстень. Её глаза сверкали столь зло и беспощадно, что юному чародею казалось, будто он видит ту тонкую грань, что отделяет стальную деву от непослушания.

Бесовья мать игриво постучала будущей сопернице по лбу.

— Мягкая. А мне казалась, будет твёрдая как сталь. Она правда машина, колдунчик? Я хочу посмотреть, что она будет делать, когда заведёт тебя в ловушку. И не забудь напомнить ей, что стоит ей лишь пальцем тронуть меня — как ты поселишься в моём исподнем.

Бесовка хихикнула. Рун не знал, каким чудом её голос, ставший вдруг громогласным и отдающий эхом, не оглушил его.

— Но ведь... ведь тут только половина лабиринта, — подметил чародей.

— Да. Потому как твоя игрушечная девочка запросто вычислит оптимальный путь к победе. Это неправильно, это... не по правилам! Новые комнаты будут зарождаться, стоит вам приблизиться к ним. Приготовься встречать тупики на своём пути!

— Нам? — удивился Рун. Бесовка переместила его в другую руку, приложила палец к губам?

— А разве я не говорила? Обидно будет и очень невесело, если по коридорам будешь шастать ты один.

Она притопнула ногой — из поднявшегося серного дыма тотчас же показались очертания недавних знакомцев Руна.

Проигранцы сменили угрюмость на торжество, когда увидели юного чародея в руках своей повелительницы. Хищные, издевательские ухмылки обезобразили их морды.

— Ну что, господа? Теперь тебя иначе звать? Не в масть, не в сласть, а бесу в пасть? — рогатый извивался, что змея, упражняясь в злословии. Его собрат тоже насмешливо хрипел, но парень так и не смог разобрать.

Бесовья мать бросила на них один из своих взглядов и они умолкли. Притихли.

— Играть буду, — заявила она тоном, не терпящим возражений. — Вами.

Руна на миг показалось, что взвыли все Бледные разом: бесы принялись стенать; видать, чуяли, что их ждёт неладное. Закрылись руками, в момент теряя прежние размеры и тут же оказавшись в другой ладони напротив чародея.

Рун же смотрел на Ска. Ему помнилось, когда взрослые отказывали, а его с Виской или Кианором вдруг разделяла ссора, автоматы попросту всегда соглашались стать соперником по игре. Кажется, один раз даже Ска, лишённая внимания и заданий от матриарха принимала в этом участие.

И всегда проигрывали. Что механические куклы попросту, что она. Рун чуял, как по спине кровожадным пауком ползёт обречённость, не поддаться которой было почти невозможно. Он смотрел на возносящуюся громаду стальной девы и лелеял надежду лишь на одно — в детстве ему просто поддавались...

Глава пятая, часть вторая

Первой бросала кости бесовка. Чёрный и белый кубы с адским грохотом загремели по покрытию арены. Рун чувствовал себя как на иголках — он не видел и не мог знать, что выпало его соперникам: удача или не очень?

Бесовка не могла устоять на одном месте и мгновения. Угрожающе она перешагивала через весь лабиринт, нависала всей своей массой, загораживая свет — спасали лишь зажжённые и ещё каким-то чудом не истлевшие спички-факелы.

Проигранцы, немного придя в себя, скалились на чародея, дразня последнего языками и хвостами: знали, черти, что хозяйка игры им всяко поможет.

Рука Руна опустилась на рукоять клинка — трофеем с пленного виранца был как никогда кстати. Проверил, как тот хорошо ходит в ножнах, но и только — напасть сейчас на этих двоих означает проиграть.

Словно их обоих подстегнули плетью, проигранцы бросились к трём дверям и, будто не решив чего умней, метнулись к самой средней. Та хлопнула, скрывая их за собой.

Ска была нетороплива. Вопреки краснокожей сопернице, она будто вся была выдолблена из камня. Рун смотрел на неё с замиранием сердца — помнит ли правила, знает ли как играть, не вылетело ли из головы что чёрный куб отчеканивает ходы, а белая кость — карту опасности? И даже если помнит — что ему с того? Ведь в этой игре он всего лишь фигурка.

Перед глазами огнём вспыхнула цифра три — врождённая смекалка с догадливостью спешили подсказать: это значит из тронного зала он мог скользнуть на три клетки вперёд. Он глянул себе под ноги — игра очертила ему каждую клетку, куда он мог пойти. Но стоило ему сделать шаг, как его тут же обожгло — парень поднял взор, и увидел как насмешливо хмурит брови дьяволица, будто говоря, что фигурка не решает, куда ей идти.

Решает только игрок. Рун смотрел на Ска, возлагая на её стальные плечи неподъёмный груз собственных надежд.

Он чувствовал себя жуком в оранжерее. Бесовка не скрывая своего любопытства следила за ним, будто за крохотным питомцем. Она кусала губы, закатывала глаза, вертелась, будто не могла найти себе места.

Цифра схлопнулась, обратившись огненной птицей. Взмахнув крыльями, она заспешила к той двери, что слева. Только сейчас Рун понял, что видит лишь как автоматон шевелит губами, но ни слышит ни звука. Будто их с головой, как потолком, накрыл звуконепроницаемый купол.

Плохо, подытожил парень, когда дверь грохнула, едва не ударив его по спине.

Плохо, согласился с ним старый Мяхар. Из каменных плит пола выросли две кляксы. Оставалось только скрипеть зубами — не иначе Ска сумела выкинуть шестерку на опасность. С такой-то удачей и в самой первой комнате...

Бесовка радостно хлопнула в ладоши, ликуя от предстоящего представления.

Клякс Рун не любил с самого детства — наимерзейшие противники. Наимерзейшие, когда ты двигаешь фигурки, сидя перед доской. И самые жуткие, когда ты и есть та самая фигурка.

Кляксы тотчас же бросились в атаку. Рун перекатился в сторону, отпрянул прочь, уходя от размашистого удара. Клинок беззвучно вынырнул из ножен, располовинил одного из

наступавших — парня с ног до головы окатило жирной, липкой жижей. Завершив приём, юный чародей сплёл заклинание, направив его в руку — поток воздуха должен был размазать остатки несчастного по ближайшей стене.

Мана щёлкнула, ударив последнего из Двадцати по пальцам, но ничего не произошло. Рун тотчас же выругался, краем глаза уловив, как склонившаяся великанша притворно сердится и грозит пальцем. Он не слышал её, но по губам отчётливо прочитал, что магия здесь — вне правил. А он ведь знает, что бывает с плохими мальчиками, что идут против устоев?

Разрубленная клякса неспешно стеклась в единую лужу — Рун знал, что ещё мгновение и она примет прежнюю форму.

Вторая перетекла ему за спину, извернувшись от рубящего удара, больно ткнула парня в спину, едва не сшибив с ног. Её товарка, вновь целая и вытянувшаяся, довершила его падение; врезалась, придавив юного чародея к стене. Рун неосторожно вдохнул — гадкая и вязкая дрянь норвила залепить рот, нос, глаза и уши. Меч, выскользнувший из рук, заклацал по плитам пола.

Как же с ними бороться? Будь с ним его заклинания, так всего, что и требовалось, это окрасить несчастными стены и прижечь огнём. И с первым, и с вторым было туго.

Проклятье!

В игре, при должной доле удачи можно было выкинуть комбинацию и подружиться с противниками. Но, кажется, в этой партии, что затеяла бесовка, игровые фигурки должны были сами решать свои проблемы. С алчностью и азартом, властительница этих покоев сгребла кости для своего хода — не иначе, как рогатый с горбатым уже справились с уготовленной им напастью.

Трижды проклятье! Если он не управится как можно скорее, Ска пропустит ход. Нет ничего хуже в "замке" чем пропускать ходы...

Кляксы на мгновение замедлились, словно давая время чародею встать на ноги. Парень не замедлил этим воспользоваться: утёр рукавом лицо, отскочил от стены, словно мяч, выхватил из ниши факел. Кляксы грязевыми пятнами болтались, словно два болванчика. Надувались пузырями, будто готовили очередной неприятный сюрприз.

Рун ткнул факелом одному из них прямо в бурчащее маслянистое тело — огонь, вяло жующий промасленную тряпку с жадностью перекинулся на новую жертву.

Здравый смысл спешил одарить чародея тумакон — за поспешность и глупость. Вспыхнувшая клякса обратилась в живой поток пламени. Тая с каждым мгновением, словно свеча, она тем не менее бросилась в отчаянной атаке на чародея. Её товарка сторонилась пылающей сестрицы. А вот это уже на руку, подумал парень.

Пламя ключьями валилось наземь, оставляя на плитках пола лишь обгоревшие, жирные отметины. Огонь был беспощаден — он норвил укубить руки Последнего из Двадцати, лизнуть, будто леденец мягкую кожу, окрасить её волдырями ожогов. Летящие искры прожигали одежду.

Рун был стремителен, словно заяц. Не выпуская из рук факела он отвесил тыльной стороной ладони затрещину — клякса расплескалась, будто жидкий огонь. Кожа на перчатках съежилась от нестерпимого жара, в воздухе завоняло палёным.

Чародей не обращал на это внимания. Не обратил и тогда, когда огонь подпалил его плащ с краёв, зацепился за давно испорченную рубаху. Юного чародея интересовал лишь его клинок.

Мысль, родившаяся в голове толкала его на глупости. Что, спрашивал он самого себя, если ничего не выйдет, а это лишь пустая трата времени? Почему просто не подпалить вторую кляксу так же, как первую и выждать, когда она попросту сгорит?

Время — ответил ему старый Мяхар. Знаешь, сколько бесовка делает ходов за это время?

Время — вторил ему мастер Рубера и замолчал: меньше всего на свете ему требовалось разъяснять, почему не стоит тратить столь драгоценные мгновения на ожидания.

Клинок легко лёг парню в руку — будто Вигк только и занимался тем, что стоял над душой кузнеца, заставляя подгонять рукоять под ладонь юного чародея.

Ставшая крошечной горящая клякса была уже не столь опасна. Пусть шустро, но всё равно недостаточно она ползла к чародею — парень затоптал её сапогом, закончив страдания.

Выжившая противница косилась лоснящимися буркалами на факел, обходя чародея стороной. Рун не знал, есть ли у неё глаза, но лелеял детскую надежду, что они у неё должны быть.

Выставив перед собой факел, он вдруг ткнул остриём клинка прямо в жирное тулово. Чернилами брызнуло масло. Рун исполнил клинком пируэт, загородился факелом — возжелавшая ответить на его атаку клякса тут же растеряла большую часть своего энтузиазма.

Словно умалишённый он бросился к ближайшей стене. Ему вспомнилось, как в детстве ему часто попадало — и от матриарха, и от Гитры, да много от кого за неровность почерка. Разобрать в той мазне, что он остриём клинка и прилипшим маслом намалевал на стене слово "друг" смог бы разве что безумец. Ожившая клякса была жуть как похожа на такого рода безумца. Не думая о такой ерунде, парень прижег чернила, заставив их едва ли не мгновенно высохнуть.

Слова на стене вдруг озарились светом, давая понять, что парень все сделал правильно. Ещё мгновение назад готовая утопить его в своих чернилах клякса встала, как вкопанная. Она качалась из стороны в сторону, ушей Руна касалось бульканье, а сама она разом забыла про былую враждебность. Парень облизнул высохшие губы и выдохнул: ему казалось, он слышит, как дрожь от неизбежного восторга хлопает в ладоши краснокожая дьяволица.

Стены, хранившие монолитную единость вдруг изменили самим себе — сквозь них шустро проступили очертания дверей.

Ска буквально вырвала кости из рук бесовки. Её воля подсветила ему дверь — не тратя времени даром, Рун скользнул туда.

Четыре шага. Ему повезло оказаться в крохотной комнате — её можно было пропустить. Ска повела его дальше.

Если у удачи и была своя Архи, то Руну она сейчас представлялось угрюмой, насупившейся на весь мир девчонкой. На грани слёзной истерики. Будто заведомо записав юного чародея в свои враги, она наказывала его за неверие.

Ловушка. Рун едва не захныкал, как малое дитя — почему сразу после сражения была ловушка?

Огромная юла кружилась на одном месте посреди просторного зала. Казалось, ей достаточно одного неловкого толчка, чтобы она упала, зацепив лепестками каменный пол.

Лепестки то складывались во время вращения, то поднимались, обнажая бритвенно острые клинки.

Дверь за спиной чародея втянулась в стены, обратилась ничем. Бежать было некуда. Будто озорливый пёс наконец получивший свободу, жужжа как рой пчёл, юла сорвалась с места. Она неслась прямо на Последнего из Двадцати. Словно в отчаянии он встретил её клинком — кружащаяся проказница поняла, что ей отнюдь не рады, и после удара потянулась в сторону.

Лезвия высекали искры, едва коснувшись стен. Будто им было зверски больно, они тотчас же отталкивали нахалку прочь. Еще минутой назад шустрый вихрь смерти обратился в молниеносный. Рун едва успевал отбить мчащуюся на него погибель или рухнуть в сторону.

Бедолагу с ног до головы пробил холодный пот. Тело с каждым мгновением не без ужаса ожидало, что беспощадная сталь лизнёт — руку, ногу, щиколотку. И тогда конец, нет больше никаких охранков...

Парень соображал судорожно и плохо. Нутро требовало импровизировать — иначе из этой комнаты он выйдет разве что в виде фарша.

Здравый смысл противился импровизации всеми силами — что толку тратить на неё силы? Думай, пожимал он плечами, посмотри вокруг — должно же быть что-то, что выключит эту адскую машину! Где-то в недрах сознания зло ухмыльнулся мастер Рубера, приговаривая собственную мудрость, что только дурак дерётся с ловушкой.

Мудрец же думает, как её обмануть.

Рун поспешил прочь, но слишком поздно. Лезвие тотчас же вспороло рукав, брызнула кровью на стену — внутри чародея все взорвалось болью. Он рухнул на пол, закрывая порез ладонью. Под ней пульсировало тёплым и влажным, воображение спешно слало в голову мысль о том, что руки больше нет.

Рука была на месте. Стиснув зубы, чародей попытался встать на ноги и вдруг осознал, что нажал ногой на пластину. Та озарилась голубым, но не обжигающим пламенем. Парень понял, что это свет пробудившейся в нём надежды.

Пол был выстлан неравномерной плиткой — среди круглых особняком пробивались большие и овальные — ровно такого размера, чтобы на неё можно было ступить ногой.

Рун кошкой нырнул в сторону следующей, та зажглась, как и предыдущая. Здравый смысл заставил его проверить, ступить ногой на обычную плиту — свет тотчас же сгинул, будто его и не было.

Стоять можно только на этих плитах.

Юла, будто брошенная дева, в отчаянии спешила ему навстречу. Она норовила нырнуть лезвием под клинок, опробовать на вкус ноги чародея, ужалить в плечо, живот и спину.

Словно назло ему, ведая о каждой его неудаче, бесовка-великанша склонилась, подмигнула, показав язык и затрясла костями в ладони. Ска пропускала свой ход, где-то по ту сторону проигранцы ликовали своему отрыву.

Он сбивался ещё дважды. Кровоточили плечо и колено — Руну казалось, что он в любой момент утратит силы, упадёт — и проснётся уже в новом для себя качестве. Кровь алым потоком лилась под ноги, подошва ботфортов норовила заскользить по плите в самый неподходящий момент.

Сложность ловушки определялась белой костью. Позади пылали огнём уже четыре, Рун стоял на пятой плите, судорожно выискивая последнюю. Юла ударилась об угол, отскочила к середине, срикошетила, на мгновение задержалась на одном месте. Последнему из Двадцати в какой-то миг показалось, что она на самом деле живая. Будто дикая рыба-людоед

она идет лишь на запах крови и ничто её не остановит.

Силы норовили покинуть чародея вместе с кровью. Раньше ему это показалось бы детской глупостью — маг способен затягивать раны и восполнять силы напрямую из маны. Бодрствовать столько, сколько потребуется. Сейчас же его валила с ног невесть откуда навалившаяся усталость, делая каждое новое движение ватным, непослушным, до бесконечного тяжёлым.

Ловушка.

Чародей запоздало понял, что шестой нажимной плиты попросту нет. Глаз метался от одного зажженного овала к другому, тая тщетные надежды вычислить тайну узора, или системы по которой они расположены. Там, где должен был быть последний овал не было ничего. Бесовка послала юному чародею воздушный поцелуй, на миг оттянув край набедренной повязки. Лицо острозубой дьяволицы посетила самая зловещая улыбка, которую Рун только видел.

А что, вдруг спросил он самого себя, если надо прыгать наугад? Или нужна была особая последовательность, которую он не сумел соблюсти?

Визжа и кромсая воздух, юла понеслась на него. Лепестки, казалось, резали ломтями всю прошлую жизнь чародея на части. Рун выдохнул и вдруг осознал, что видит ту самую треклятую, шестую пластину — у самого входа.

Не допрыгну. Он сказал это самому себе уже в воздухе. Не допрыгну — слишком большое расстояние, нет места для разбега, да и разве может человек совершить такой прыжок без волшебства?

Он жаждал только одного — зажмуриться. Не получалось. Ноги, словно заведённые, перебирали, молотили по воздуху, коснулись твёрдого — оттолкнувшись от самой верхушки юлы он прыгнул еще раз.

Отчаяние взвилось в нем бурным пламенем — страх, потеря крови, собственное бессилие сделали второй прыжок слабым.

Недопрыгну, повторял он самому себе, уже представляя, как неловко приземлиться, не сможет устоять: инерция потащит его вперёд, заставит потерять равновесие, уронит. А юла — та вернётся к нему через мгновение и всё закончится. В конце концов, разве раньше чародеи не пропадали на дорогах?

Он швырнул меч, что было сил — клинок, будто молния врезался в нажимную пластину.

Рун неловко приземлился, не сумел устоять на ногах: инерция потащила его вперёд. Он выставил руки, чтобы удержаться — тщетно, кубарем покатился по полу.

Он пришёл в себя почти сразу же. Оборачиваться было страшно — сколько не повторяй себе, что чародей встречает смерть с достоинством, а встречаться с ней не хотелось.

Юла всё ещё вращалась. Утратив былую силу и скорость, она едва двигалась, несмотря на то, что уже отпружинила от стены. Руны казалось, что он в состоянии рассмотреть её во всех деталях. Конус иглы, вытянутое тело, прилегающие к корпусу лепестки...

Ему не хотелось вставать. Он бросил полный ненависти взгляд на Ска — заботливая автоматон вдруг стала безучастно к его горестям, стоило ему лишь стать чуточку меньше.

Огненная птица хлопнула крыльями, поднимаясь в воздух. Парень закусил губу — сдаваться было ещё слишком рано. Превозмогая боль из вновь открывшихся ран, он потащился вперёд.

Глава пятая, часть третья

Позади был десятый зал.

Рун едва стоял на ногах — злосчастные кости, а может быть и лишённые удачи руки Ска обрекали его на одно несчастье за другим. За ловушкой стояла загадка, загадкой — сонм мифических тварей. За ними — поединок, а там и новая ловушка...

С каждым шагом на него всё больше и больше наваливалось отчаяние. Если кому фортуна и играла сегодня на руку, так соперникам — они обгоняли его уже на пять ходов. Он бы не удивился, если бы они уже стояли у главных врат, а то и вовсе завершили игру. А то, что бесовка продолжает швырять кости — всего лишь часть её игры над ним. Он поднимал взгляд на её возвышающуюся титаническую фигуру и видел в глазах озорную жадность. Потирая руки, облизывая губы, она будто уже придумала вереницу унижительных игрищ для новой игрушки.

Когда дверь за спиной растворилась, он наконец улыбнулся. То ли Ска приноровилась лучше обращаться с костями, то ли правда ему наконец выпала удача, но перед собой он сейчас видел фонтан, полный блестящей, будто золото, воды. Журчанье было для ушей юного чародея сладчайшей музыкой. Он и сам не заметил, как на его лицо легла постыдная, детская улыбка. Сердце затрепетало от счастья, а здравый смысл отказывался слышать наставления призраков в голове — меньше всего сейчас ему хотелось хранить верность гордости Двадцати.

Слабость, которую он давил в себе одной лишь силой воли, наконец взяла верх и опрокинула его на колени. Будто томимый жаждой путник, он припал губами к источнику, зачерпнул горстью воду, умыл взмокшее от пота лицо. С трудом удержался последовать шальной мысли скинуть с себя всю одежду и искупаться целиком. Живительная влага ухнула в желудок, ложась бальзамом на душу. Рун пробовал за свою жизнь сотни вин, не раз и не два создавал собственный букет вкусов при помощи маны, но никогда не думал, что будет столь рад глотку простой, чистой воды...

Порез в пол-ладони, терзавший его ещё пару мгновений назад зарубцевался, словно от заклинания, начал зарастать новой кожей. Боль медленно, неспешно и очень нехотя покидала тело, цепляясь за нервы то в плече, то в пальцах, то в щиколотках.

Фонтан сил. Название карты опасности, что сумела вытянуть автоматон само всплыло в голове. А ведь были, кажется, ещё и сокровище и неожиданная встреча...

Парень ухмыльнулся — неожиданная встреча и в самом деле случилась парой комнат до того. Скоморох размером с дом ютился в крохотных стенах. Изливал похабные шутки, гремел бубенцами на шутовском колпаке, скалил кривые и гнилые зубы — откуда только проигранка его вытащила?

Последний из Двадцати выдохнул. Нутро и бунтарская натура говорили, что сдаваться — рано, что нужно идти дальше и до самого конца. Здесь ведь всё решает чистая удача — а вдруг, вкрадчиво шептала надежда на ухо, тебе повезет в самый последний момент?

Ни мастер Рубера, ни старый Мяхар не разделяли подобного энтузиазма. Чародей-разбойник засыпал Руна тысячью и одним размышлением: бесовке может быть несколько тысяч лет, а может и вовсе возраст не властен над её натурой, но перед тобой всего лишь не в меру капризная, избалованная могуществом и безнаказанностью девчонка. Всё, чего она жаждет от тебя — это поток развлечений. Ты правда веришь в то, что она играет честно и по

всем озвученным правилам? Если так, то почему ты размером с домохранца и лишён магии?

Мастер Рубера предпочитал упрёкам с наставлениями угрюмый взгляд. Парню хватало лишь чувствовать его на себе, чтобы память сама вытащила из своих недр брошенную учителем фехтования обиду — все беды, что попадутся на твоём пути, несносно-бестолковый мальчишка, ты навлечёшь на себя сам!

Вот, шмыгнул носом Рун, навлёт.

Ему страшно не хватало эмоций на лице Ска. Если бесовка извивалась в танце победного восторга, то на каменном лице стальной девы не отражалось ничего. Рун не знал, куда его ведут, не знал, обречён он или всё ещё смеет лелеять надежды, не знал...

Просто не знал.

Уши вдруг заложило — Рун глянул и увидел, как брошенный Ска куб кометой пролетел над головой, с грохотом рухнул где-то там, у тронного зала, откуда они начинали. И как только она бросает кости, что они вылетают, задался вопросом юный чародей. Игра никак не отреагировала на её вольность. Огненная птица вновь явила себя перед ним, заставляя встать. Рун хотел захныкать, словно малое дитя. Ему вспомнилось, как он сотни раз удивлялся стремительности взрослых собратьев: что бы не случилось, они вставали, творили, делали. Он спрашивал старого Мяхара, разве им не бывает лень?

Бывает, отвечал старик, загадочно умолкая.

Сейчас он понимал его как никогда лучше.

Бесовка вдруг изменилась в лице и нахмурилась — помимо прочего, фонтан сил даровал возможность сделать один ход вне очереди. Пусть и слишком незначительная, но победа! Парень готов был цепляться за подобные мелочи как за спасительную соломинку.

Рун нырнул в следующий зал, держа клинок наготове — ещё десять минут назад это спасло ему жизнь: брызжащий ядовитой слюной ядоплюй прыгнул на него с потолка и тут же напоролся на меч.

Спасло и сейчас. В заставленной книжными полками зале на него метнулись буквы. Пышущие жаром, озарённые свечением, они норовили ударить яркими лучами знаний по глазам, проникнуть в мозг, вытеснить бестолковщиной дельные мысли.

Но они боялись клинка. Мастер Рубера не раз говаривал на уроках фехтования, что противник может оказаться призраком, мыслью, принявшим осязаемый облик проклятием — в первую очередь следует понять, есть ли у него кровь. Всё, что кровоточит из вспоротых ран — боится клинка.

Фраза, глупая и липкая, из любовного романа, навязчиво лезла в глаза, закружилась вокруг летучим червём.

Рун вспорол её в том месте, где была запятая, разделил каждое слово, будто на уроке грамматики.

Удивился.

Будучи магом он творил всякое, обращал невозможное в обыденность, обыденность в невозможное. Но ещё никогда прежде его не атаковали книги. Разве что на самых из скучнейших из уроков Гитры, где вместо задора беззаботной юности он боролся с унынием и ворохом суффиксов с окончаниями. Сейчас у него получалось куда лучше, чем тогда.

Словно стая взбалмошных летучих мышей, полные историй фолианты взлетали со своих полок. Проказливые язычки закладок трепало потоками невесть откуда взявшегося ветра. Шуршали бесконечностью мудрости и приключений парящие книги, хлопая крыльями обложек. Руна осыпало дождём смыслов — будто оголодавшие крысы они облепили его с

ног до головы. Их беззубые, слюнявые дёсна впивались — в живот, ноги и плечи. Словно ошалелый, Рун поддался мимолётному ужасу, заревел медведем, сбрасывая с себя непрошенных седоков. Они повалились с него градом, находя гибель под его ногами: лопались, что перезрелые тыквы. Отчаянно и зло юный чародей отбивался клинком, рассекая новых противников.

Думать — это не сейчас, велел самому себе юный чародей, думать это обязательно будет потом.

Словно заклинания, с страниц книг слетали фразы и предложения. Будто обручи, они окружали собой Руна, норовили стянуться, заключить в плотные тиски слов. Держась подальше от остроты клинка, они выписывали из слов образы — перед глазами чародея из букв складывались кровожадные, готовые вцепиться ему в глотку хруставолки. Другие предпочитали вытащить из своих недр птиц ненасытей — с острыми, будто клинки, когтями, они возникали прямо над головой юного чародея.

Последний из Двадцати встретил их виранской сталью. Волк, лишившийся лап, был всё так же злобен, но бессилён. Рун рассёк его собрата — тухнувшими в воздухе буквами тот осел на каменных плитах пола. Спиной почуяв опасность, парень извернулся, ударил через плечо — словно готовая пойти на ужин, ненасыть нанизалась на меч что на шампур. Не раздумывая, парень приложил жертвой о стену. Вопреки разрубленному хруставолку птица лопнула с треском, будто глиняная чаша. Рун выдохнул, отступил — надолго его не хватит, надо было что-то делать.

Но что? Он спрашивал самого себя отчаянно и грозно, и с ужасом понимал, что не знает ответа...

Парень едва не взвыл, когда прозевал нависшую над ним угрозу. Каскад глаголов ударил его по щеке мокрой пощёчиной, лизнул нос, влился внутрь через глаза.

Последнего из Двадцати накрыл с головой самый настоящий сумбур чужих переживаний и сопливых фантазий. Словно он, наконец, обратился в долгожданную жертву, книги бросились на него, как изголодавшиеся крысы на добычу.

Рун широко раскрыл слезящиеся глаза, едва не выронил клинок из рук. Перед ним зашелестела страницами книга — желтое покрывало пустоты, жаждущее чужих переживания раскрылось перед ним в полной красе. Он вдруг ощутил, как пустота смотрит на него из глубин чистых листов, а сам он вдруг перестаёт быть собой. Волосы потянуло потоком невесть откуда взявшегося ветра. Боль, пронзившая чародея, кричала о том, что его разрывают на куски. На жёлтом полотнище начали появляться первые буквы. Сквозь плеяду наваждения смело пробивалась догадка, что его ЧИТАЮТ.

Рун рубанул наотмашь. Виранскую сталь хвалили не зря — жадный до чтения чужих душ талмуд издал похожий на выдох писк, прежде чем разлететься бумажным беспорядком по полу.

Его собратья тотчас же узрели незавидную судьбу, что ожидает любого, кто покусится на непрошеного гостя. Они отпрянули в стороны, разлетаясь по углам. Это ненадолго — Рун знал. Как и всякие мелкие твари, едва столкнувшись со смертью сородича нос к носу, они трусливо бегут. Чтобы уже через мгновение уверится в мысли, что если не у того неудачника, так у них точно получится оторвать от добычи кусочек.

Парень не кричал. На языке повисли с десятков ругательств и насмешек трусящему противнику — пусть он только посмеет сунуться! Будто бы простое сотрясение воздуха хоть раз имело толк...

Окажись здесь Гитра, наверно, она была бы не против навсегда слиться в экстазе, стать частью книги. Наверняка из неё получился бы пошлый, разнузданный до откровенного рассказ. Что-то подсказывало юному чародею, что из него самого уж точно ничего путного не получится.

От каждого его шага в воздух устремлялся ворох слежавшейся пыли — местные полки никогда не ведали ни заботы библиотекаря, ни старательной руки горничной.

Всё ещё полные ужаса, но голодные, книги вновь закружились в танце над головой Последнего из Двадцати. Сменили тактику — если раньше фразы лишь пытались изучить попавшегося им на пути чародея, то теперь норовили плетью ударить по плечам и спине. Рун был словно молния. Набравшийся новых сил из фонтана, он отскочил от книжной полки — не выдержав его веса, та с грохотом повалилась наземь. Меч вспарывал воздух, кромсая его ломтями. Книги валялись вниз изувеченными птицами. Низвергнутые и изрубленные, они вяло, умирая, шевелили остатками обложек. Тускнели некогда яркие форзацы.

Рун чуял бунтарский школьный дух. Сколько раз в детстве, устав от скуки уроков, он мечтал однажды ворваться в опостылевшую библиотеку? В фантазиях он представлял себя то старым Мяхаром, то мастером Рубера, что нещадно жалит своих врагов — без волшбы и магии.

Ему остро сейчас не хватало огня. Будто заведомо зная, сколь варварская душа оказалась в путах лабиринта, библиотека решила обойтись без единого факела. Жаль, подумалось парню — иначе бы здесь всё решилось куда быстрее.

Беспечность вышла ему боком — мгновение промедления стоило ему клинка. Стократно повторённая, засохшая на губах и опостылевшая мудрость из сборника "Философских размышлений" ударила по руке, ужалила будто змея. Рун ослабил хват рукояти лишь на мгновение, но книгам хватило и этого. Инициатива гулящей девкой спешила нырнуть из его объятий в сладкий плен противника. "Сказки и сказания" — некогда изученная и зачитанная же самим чародеем до дыр выпустила клещи захватов. Левую ногу обвило плющом легендой о Треклятом Луке. Правая же больше заинтересовала повесть о героях Щиторала.

Парня резко дёрнуло — еще пару мгновений назад гроза бумаг теперь потерял равновесие. Книги подвесили его вниз головой, будто кабанисью тушу.

Руки юного чародея отчаянно хватали воздух. В тщетных попытках вырваться, он уловил за страницы какой-то подвернувшийся под руку том. Он вложил в ладони всю злость, что сумела в нём скопиться — будто умалишённый, он напоследок, от бессилия хоть что-то изменить драл страницы из несчастной книги, беспощадно и безжалостно сминая, швыряя на пол.

Интересно, подумалось ему, что сейчас видит Ска? Что она думает, видя происходящее и не имея возможности ничего изменить. Прыгала на одном месте, хлопая в ладоши дьяволица — кажется, она только что приобрела себе еще одну забаву!

Строки щупальцами потянулись к рукам, будто тая надежды спасти уже угодившего под раздачу собрата. Тщетно — Рун сопротивлялся от безнадежности: когда на пол рухнули остатки изодранного писева, он стиснул отростки строк — те будто жгли огнём в ответ, но тщетно. Из последних сил, парень сопротивлялся как мог.

Он сопротивлялся, когда целый рассказ ушёл на то, чтобы обвить его вокруг тулова, он сопротивлялся, закрывая глаза, когда зашелестела исписанными бисерным почерком страницами книга. Отчаянно завопил — не от ужаса, от ярости. Всё нутро шептало ему

изнутри, чтобы он приготовился. В конце концов, подметил некстати проснувшийся сарказм, ты пробудешь строками не так уж и долго. Вечером тобой уже будет забавляться новая хозяйка.

Остальные книги тоже разявили голодную пасть — пустота их пугала, они жаждали наполнения историями, смыслами, чувствами. Тело тут же отозвалось — заныло, будто теперь его, что половую тряпку, рвали в разные стороны. Будто это в самом деле могло его спасти, он закрылся руками, пытаясь заслонить лицо.

Пытавшиеся его прочесть книги в ужасе завизжали. Мокрыми тряпками заспешили прочь стискивавшие его пути, Рун кулем полетел вниз.

Спина тотчас же застонала от удара, нечто подсказывало последнему из Двадцати, что ему жутко повезло не свернуть шею.

Глаза он раскрыл сразу же, едва нашёл в себе силы встать. Найти бы ещё в себе силы ответить, что это была за чертовщина?

Земля под ногами вдруг заходила ходуном, едва вновь не уронив чародея.

Парящие книги пылали огнем. Руно захотелось протереть глаза. Догадки в голове скакали одна за одной, пока вновь не раздался грохот. Парня бросило на один из поваленных книжных шкафов. Он резко развернулся — и вовремя: огненной птицей, роняя искры и обугленные обрывки страниц, на него неслась книга.

Он отскочил, посмотрел наверх. Титанических размеров бесовка неистовствовала, топая ногами и стискивая кулаки. Даже сквозь звуконепроницаемый купол Руно казалось, что она обвиняет застывшую стальным истуканом Ска в жульничестве.

Вокруг вспыхнул огненный вихрь, угрожая в любой момент пожрать чародея. Но автоматон вновь взяла в руки кости, небрежно швырнула их на арену. Путь, куда чародею двигаться дальше подсветился, как и прежде.

Рун поспешил.

Глаза, объясняла ему, не скрывая вздоха, Гитра. У автоматонов стеклянные, светоотражающие глаза, россыпь хитрых зеркал для оптических целей. Тусклый свет, пробивающийся сквозь мглу зловещего обиталища, стеклянные глаза, возможность направить спектр луча в нужное место. Дальше, сказала она, думай сам.

Жульничество! Обман! Не по правилам! Былая радость бесовьей матери словно испарилась. Она была готова рвать и метать.

Игра продолжилась несмотря ни на что. Ска одарила противницу взглядом, что-то сказала и на её лице отразилась издевательская улыбка.

Ярость из проигранки, казалось, можно было выжимать. Рун, радуясь догадливости своей служки, нырнул в указанную дверь — та поддалась очень легко и быстро, вывела его в коридор. Со всех сторон окружали двери — парень ждал указующего направления, но автоматон неуклонно вела его вперёд.

В тупик...

Глава шестая — Обмануть обманщицу

Когда он ткнулся руками в твёрдость каменной стены, его с ног до головы прошиб холодный пот. На негнувшихся ногах он развернулся, чтобы посмотреть на стальную деву, хозяйку его судьбы. Ему страшно хотелось её спросить только об одном — за что?

Тупик был очевиден и виден сверху. Бесовка, заметив оказию, вновь переменялась в лице. Дьяволица будто только и состояла, что из радости грядущей победы и гнева за то, что хоть кому-то удалось её надуть. Она сгребла кости, трясая их в кулаке. В ушах же юного чародея стоял звон — ему казалось, что это он зажат меж её взмокшими пальцами, это его она трясёт, будто угодившую в плен муху.

Так и будет, подсказывало ему воображение. Ужас — холодный и липкий намочил его рубаху до отказа, зло гоготал в ухо, забивал собой мысли. Ещё ход в пустоту. Вырванная с таким трудом маленькая, но победа ушла вникуда.

Сколько он тут? Руну в какой-то миг подумалось, что уже целую вечность. Ска глупым решением дала ему непрошенную передышку. Перехвалил, сказал он самому себе. Сглазил, поправила его детская вера в приметы.

В конце концов, вдруг сказал он себе, разве это что-то бы решило? У проигранцев был невероятный отрыв — они ускакали по лабиринту гораздо дальше, чем он. Пара, может быть тройка ходов — и для него всё кончено. Может быть, видя подобное, Ска решила...

Додумать он не успел. Нечто, словно снаряд, вновь пронзила пелену купола, с грохотом шмякнулось оземь. Кирпичные, высокие стены покачнулись, пошли трещинами. Рун вдруг ощутил, как его с ног до головы накрывает неприкрытая паника. Единственное, чего ему хотелось — это бежать, прятаться, укрываться. Отчаяние шептало ему, что отныне он не могучий чародей, Последний из Двадцати, несущий волю Шпиля, а лишь жалкий беспомощный жук под ногами титанов.

Грохот нарастал и приближался. Стены, крепкие, способные выдержать удар ядром усомнились в собственной прочности ровно в тот момент, когда в них вклинилась игральная кость.

Она была в три, а то и четыре раза больше самого чародея. Подпрыгивая на гранях, она крошила в ничто твёрдость кирпича, прокладывая незримый путь. Рун поднял голову, но только ради того, чтобы увидеть, как взбешённой фурией дьяволица набросилась на Ска.

Перед глазами парня тут же вспыхнула цифра, разрешавшая пройти юному чародею пять клеток.

Кто говорил, что нельзя ходить сквозь стены?

Не теряя времени даром, Рун метнулся в пролом. словно заведённая, белая кость всё ещё кружилась на одном месте, норовя выдать следующую карту опасности.

Потом, говорил Рун, потом! Стрелой он пролетел два малых зала насквозь. Былой страх всё ещё жаждал взять над ним верх, грозил, что он загонит самого себя в очередной тупик — и что тогда делать? Старый же Мяхар настаивал на том, что можно было бы остановиться на мгновение, перевести дух и хоть краем глаза увидеть, как борются друг с дружкой две горы. В конце концов, когда он ещё такое увидит?

Рун не слушал никого. Третья зала оказалась просторной, почти огромной.

И уже занятой. Горбатый и рогатый бросили на него удивлённый взгляд — по их широко разинутым ртам можно было понять, что Руна тут ждали меньше всего. Их бесовьи

морды через мгновение озарили ухмылки: может, они и не ждали подобной встречи, но уж точно были к ней готовы.

Рун сделал пару шагов им навстречу, встал в стойку. Ноги на ширину плеч, сердито бурчал мастер Рубера. За рукоять держи обоими руками, без щита дерёшься, дубина! Кабанис бы на тебе ездил, подойди ближе к стене, чтобы они не могли зайти тебе за спину!

Рун не огрызался на голос в своей голове, исполнял.

В руках придорожных бесов мелькнули нож и карты. Горбатый тасовал пресловутую, треклятую, обрешую юного чародея на эту злосчастную игру колоду.

Горбач лишь вскинул руку — Рун вовремя отскочил в сторону. Ему казалось, он воочию видел, как бешено вращаясь воздух вспорола брошенная карта. Задрожала, воткнувшись в каменную стену — парень не видел, слышал.

Рогач с залихватским гиканьем набросился на него, приземлился в метре, поднырнул под меч, но получил стальными костяшками чародейской перчатки прямо в вытянутый пятак.

Взвизгнул он так, что у парня едва не заложило уши. Кровь густо и обильно брызнула из разбитой рожи. В ответ он полоснул чародея кончиком ножа — рваная царапина нарисовалась у него рядом с коленом. Словно стрела, в грудь вонзилась метательная карта. Руна отшвырнуло прочь — сделав пару неловких шагов назад, он тут же завалился.

И сразу же заблокировал последующий удар рогатого. Улыбчивый и не в меру энергичный бес, залитый с ног до головы собственной кровью, был взбешён. Из его клыкастой пасти лился звериный, рычащий визг. В залитых безумием глазах жило неистовое бешенство.

Отбив удар Рун подтянул ноги, что есть сил двинул ими бесу в живот. На ноги он вскочил рывком — тотчас же заныли свежие раны. Всё нутро готова была сковать жуткая, пронзающая боль. Он едва не вскрикнул, когда резко дёрнулся прочь, уклоняясь от ещё одной карты. Если рогач был фонтаном ярости и едва ли не горел жаждой действия, то горбун напротив был спокоен и собран.

Юный чародей в один скачок оказался рядом с горбатым, но тотчас же осознал свою ошибку. Мастер Рубера не спроста велел ему держаться стены. Горбун испарился в чёрном облаке дыма, едва последний из Двадцати готов был пырнуть его мечом. А вот рогатом будто открылось второе дыхание. Голодным хищником проигранец налетел на чародея со спины, не давая ему и мгновения на спасение. В кривых, некрасивых руках мелькнул клинок, норовя вот-вот вонзиться в чародейскую плоть.

Рун попытался сбросить непрошеного седока рывком — получилось не очень. Бес цеплялся за одежду, волосы, щипался, скалил полную клыков пасть, будто в надежде укусить. Уха коснулся мягкий шелест, и парень тотчас же обернулся на него боком. Едва не оседлавший его рогач вновь обиженно заскулил. На этот раз карта вонзилась в него, прямо в козлоногую ногу. Парень не тратил времени даром — пользуясь замешательством схватил насевшего проигранца за хвост — тот издал писк мольбы и отчаяния, разом утратив всё желание сопротивляться.

Чародей рывком стащил его с себя, ответил скулящему бесу пинком в живот, отшвырнул его прочь. По полу загремел укативший невесть куда нож.

Горбун что-то бормотал себе под нос. Рун вытер драным рукавом кровь с губы, медленно приближаясь к противнику. Если игральные фигурки игроков встречались в одной комнате — должны были сражаться. Проигравший пропускал два хода. Обидней всего было потерпеть подобное поражение у самого выхода.

Обидно было бы и сейчас. Большая, отдающая золотом дверь так и манила к себе взор, как будто приглашая лишь толкнуть её — и ухватить долгожданную победу за хвост. Будто уловив направление мысли чародея, горбун скатал собственный хвост в раковину, спешно спрятал за спиной.

Если противник медлит, тратит время на ерунду, споткнулся или чихнул — не бери с него дурного примера. Бей — и пусть его неряшливость тебе на руку. Мастер Рубера любил честный бой, но и давать поблажек врагу не позволял. Рун в один скачок оказался рядом с проигранцем, рубанул снизу вверх — может и с запозданием, но бес снова растворился в воздухе. Парень ухмыльнулся — ему только того и надо было! Удар ногой с разворота выбил колоду из мохнатых рук — карты неряшливой кучей рухнули наземь. Будто разом утратив все колдовские силы, поваленный горбун взмолился сразу же, как юный чародей схватил его за хвост.

— Пощады, госпóда! Пощады! — в хриплом голосе проигранца читался неподдельный слёзный ужас. Учитель же фехтования завещал не верить клятвам простолюдина, не доверять любви лёгкой девки и уж точно не щадить нечисть.

Рун замахнулся клинком.

Внезапный удар подбросил его в воздух. Будто сама земля не желала его победы. Загрохотали разом порушившиеся стены — парня швырнуло на кучу обломков, какой-то шальный кирпич больно саданул под лопатку. Брызнувшее в лицо каменное крошево иссекло в кровь нос, губы и уши.

Во рту чародея стоял металлический привкус. В голове гудело, перед глазами всё плыло, рукой он шарил по земле, будто всё ещё тщетно надеясь отыскать клинок.

Его взору предстало то, что так жаждал увидеть старый Мяхар. Не было больше звуконепроницаемого купола — он лопнул, будто мыльный пузырь.

— Не честно! — гремели небеса над головой. — Не честно, не честно, не честно!

Бесовка сидела верхом на поваленной наземь Ска. Устроившие свару великанши одаривали друг дружку разве что не оглушающими оплеухами. Руну казалось, что он буквально чувствует жар их тел. На их фоне он был ничтожен; всего одно неосторожное движение и его размажет по полу очень тонким слоем.

Обе, что стальная дева, что дьяволица, не желали быть осторожными. Удары Ска могли переломить спину быку, но проигранке они казались лишь слабыми затрецинами. Будто забыв, что имеет дело лишь с механической куклой, бесовка впивалась ногтями в кожмит, оставляя рваные полосы царапин.

На их фоне, проворный что крыса, выскочил рогатый бес. Теперь вместо ножа в его руках покоился его же, чародея, собственный клинок.

Глаза рогатого давно залились кровью и яростью. Но он всё равно жаждал представления, игры, чтобы вымотанный, уставший и обескураженный противник молил его о пощаде. Ему нужен был тот, кого можно было бы с ног до головы осыпать колкими насмешками, прежде чем прибрать душу к рукам.

Подскочи он к чародею сразу же и вспори брюхо — и у него был бы шанс. Вместо этого с ним встретилась сама судьба: хвост его же собственной повелительницы был толст и необъятен, будто ствол многовекового дуба. Рун не знал, трещит ли у него в ушах, или он в самом деле слышит скрип её кожи, но хвост, будто гигантская змея опустился на проигранца.

Рун нашёл в себе силы встать. Игра вдруг намекнула ему, что он нарушит правила, если

сделает еще хоть пару шагов — он уже исчерпал лимит клеток хода.

Волосы на голове юного чародея встали дыбом от осознания происходящего. Он здесь, посреди пустоты, не так далеко от выхода, а рядом, будто обезумевшая влюблённая парочка по земле катаются титаны. И окажись он на их пути — не сможет даже бежать. Сарказм будто нарочно спрашивал, что лучше — быстрая и лёгкая смерть или же вечные унижения от той, кто меньше всего терпит желающих её обмануть?

Ска вдруг оттолкнула бесовку от себя, ударила ей ребром ладони в нос. Из глаз дьяволицы брызнули слёзы, раздался ушибающий стон. Автоматон довершила успех, врезав лбом проигранке прямо в челюсть. Спихнула с себя воющую от боли противницу.

— Ну вот и всё, господа. Игра твоя вуаль, а в картах была шваль. Готовься...

Горбатого проигранца вдруг накрыло огромной ладонью. Его голос тут же заглох. Рун поднял глаза, чтобы увидеть перед собой гигантское лицо Ска. Автоматон вновь смотрела на него, как машина смотрит абсолютно на всё. Правый глаз был украшен полосками шрамов, на голове не хватало волос.

Великанша вдруг зашевелилась и Рун увидел во второй ладони игральные кости.

Всего лишь несколько шагов до свободы, сказал он самому себе.

Всего лишь шаг до победы...

***

Ему снились кошмары. Краснокожая девчонка разрасталась до небывалых размеров, пыталась растоптать ногами, а когда он бежал — хватала, с безмолвным гоготом швыряя в свою пасть. В ужасе Последний из Двадцати проваливался в пучину, чтобы через мгновение всё повторилось вновь и с самого начала.

Проснулся он весь в поту. К спине неприятно липло покрывало. Вместо кровати было что-то вроде вороха подушек.

На нём совершенно не было одежды. Парень хлопал глазами: прежде чем он вспомнил и осознал случившееся, страх тут же зашептал ему на ухо, что сейчас крыша над головой, шурша и гроыхая унесётся в небеса, а его схватят, будто конфету и метнут в полный слюны рот.

Нет.

Он отрицательно покачал головой, вытер руками лицо. Страшно не хватало какой-нибудь тряпки под рукой.

Во рту было сухо как никогда. Будто заведомо зная, где искать, парень достал из под стоящего рядом столика кувшин. Не стал наливать в глиняные плошки, приложился прямо к горлышку.

Вино. Неплохое. Рун попытался определить год и не смог. Разве только что оно не виранское — на языке был незнакомый, пряный вкус.

Он помнил только то, что из последних сил прошёл последние врата. Здравый смысл уже делал пометки того, что следует сделать в первую очередь: научиться не действовать опрометчиво, распросить Ска о том, что это было такое...

В самой мгле он вдруг почувствовал на себе взгляд, холодок пробежался меж лопаток. Юный чародей разом развернулся, заготовив сразу два плетения — охранок и атакующий импульс. Оба не получились: он всё ещё был в покоях дьяволицы.

Властительница бесов шла к нему осторожно, будто бы вымеряя каждый шаг.

Абсолютно нагая — к неприкрытой маленькой груди добавилась столь же неприкрытая промежность.

Глаз цеплялся за её красоту, за нежность пушка на лобке, за соблазнительные изгибы бесовки. Кто бы мог подумать, едва взглянув на уродливо-козлоногого проигранца, что их мать окажется столь прекрасна?

Бесовья мать — лишь титул, напомнил ему старый Мяхар. Рун отмахнулся от старика что от надоедливой мухи.

— Где Ска? — вопрос вырвался из юного чародея сам по себе. Будто не знал, что спрашивать ещё.

Бесовка была миниатюрной — едва по грудь последнему из Двадцати. Чуть привстала на цыпочки, приложила палец к его губам.

За соблазнительностью она прятала робость. Её прежнюю, капризную манеру поведения будто корова языком слизнула. Сейчас она была само смирение.

Девчонка взяла его за руку, потащила за собой. В голове юного чародея плодились вопросы — ему жутко хотелось знать, что происходит. Боялся, что в любой момент всё резко переменится — бесовка хлестнёт его хвостом, что плетью, швырнет наземь, закует в кандалы.

Но ведь он победил!

Или нет?

Что, если игра восприняла попытку помочь ему со стороны Ска за явное жульничество, а всё происходящее сейчас лишь издевательская прелюдия к ожидающему его аду?

Невинно и неспешно она юркнула к смятой постели, где он спал ещё пять минут назад, настойчиво потянула на себя.

Рун заключил её в объятия — руки как будто только и ждали отмашки от хозяина. Ладони чародея прошли по изящному стану, коснулись мягкого, напрягшегося от томительной истомы животы. Скользнули по гладкой коже ниже. Бесовка закатила глаза, подняв руки, оплетая ими шею юного чародея, из клыкастого рта раздался сладострастный стон.

Парень повалил её на мягкость подушек, ощутив, как внутри просыпается буйный зверь. Он победитель, она — его добыча, больше ничего знать не требовалось.

Их время было заполнено блаженством. Дьяволица держалась недолго — её покорность быстро сменилась инициативностью и бесстыдством. Будто это не Рун брал её, как мужчина, а она его. Парень минуту от минуты чувствовал, как с каждой каплей любовного сока и пота из него будто уходят последние силы. На это было плевать — столь хорошо ему ещё не было ни с одной из женщин мира.

Правила. Старик-разбойник страдал от старческого же недуга — занудства и избытка знаний. Слово при жизни у него не было на это время, он одаривал своего ученика одним поучением за другим. Проигранцы всегда следуют правилам. Жулят — если что-то не запрещено правилами, оно разрешено. Но главное правило: бесовьи матери жаждут семени тех, кто сумел их одолеть. Ибо они воистину хитры, удачливы и достаточно безрассудны. Откуда, думаешь, берутся новые проигранцы?

Глава шестая, часть вторая

Рун вообще не думал о подобных вещах. Взмокший, словно только что вылез из реки, измученный и уставший, он тяжело дышал, опрокинувшись на кровать. В голове бурлило помутнение — память словно стыдилась вспоминать то, что только что было.

Бесовка закинула одну ногу на другую.

— Ты не он.

— Кто? — Рун не сразу понял, о ком речь. Проигранка будто бы и не слышала его вопроса.

— От тебя пахнет как от него, в тебе, наверно, где-то даже есть его изначальная частичка. Ты не такой, как он.

— И какой же я? — парень и сам не знал, чего хочет услышать. Прикусил язык, вдруг вспомнив, что в случае победы дьяволица согласилась ответить на три его вопроса. Она едва обернулась, одарила его ухмылкой.

— Глупый, безрассудный, горячий. Не умеющий задавать вопросы. Молодой, — она села рядом с ним, коснулась ладонью лицом, второй рукой аккуратно коснулась вновь набухающего желанием и силой достоинства. — И здесь у тебя меньше.

Она вдруг выдохнула, и откинулась, безвольно рухнув на подушки.

— Ты хоть помнишь, о чём ты спрашивал меня?

Парень отрицательно покачал головой. До него доходил весь ужас: дьяволица очаровала его своими прелестями, заставила вожделеть — и наверняка в порыве страсти он шептал ничего не значащие глупости.

И получал в ответ их же.

Будь здесь Ска, он сгорел бы от стыда.

— Выше нос, мой маленький колдунчик. Сделка есть сделка. Я повторю свои ответы. Ведь таковы...

— Правила, — закончил он за неё и кивнул.

Изнутри его будто жгло огнём любопытства? Он буквально смотрел дьяволице в рот, надеясь поймать каждое её слово.

— Поначалу ты захотел знать, кто стоял за покушением на Шпиль. Знаешь, мальчик, ты мог бы придумать вопрос поинтересней.

— Не играй с моим любопытством, — чародей нахмурился. Меньше всего ему приходилось по вкусу ощущение, будто его вновь, как марионетку, дёргают за ниточки.

— Ты спрашивал то, на что уже сам знаешь ответ. Кровавые крючья, Ата-ман — разве это тебе ни о чём не говорит?

— Простая шайка разбойников во главе с хорошо вооружённым ублюдком? И всё?

— Ты ждал заговоров и интриг? Козней с соседних стран? Малыш, поверь, но великие низвергались в моё исподнее бродягами, пьяницами и тем, кому больше нечего терять. Иногда их толкает жадность и жажда наживы, иногда — заскорузлая идея под ржавчиной собственных измышлений о том, что и как правильно. Но итог всегда один — иногда великанов давят под сапогом карлики.

Рун прокусил губу до крови. Что вообще заставило его задать подобный вопрос? Словно памяти только и не хватало что упоминания, как она принялась выстраивать в голове чёткую картину.

— Я же говорила, что ты не он, — повторила бесовка. — Он бы знал, что следует спрашивать в первую очередь. Впрочем, если тебя это хоть сколько-то утешит — Ата-ман собрал не простую шайку разбойников. Ему удалось найти... уникальных в своём роде людей. Мне хотелось бы, чтобы подобные им оказались в коллекции моих игрушек, но какая жалость — они не играют с незнакомцами на перекрёстках...

Как же, подумалось парню. Разбойники, что не любят бросить час-другой на откуп игре в карты? Скорее он бы уверовал в Архи.

— А вторым моим вопросом оказалась...

— Такая же незначительная мелочь, что и в первом. С тем же успехом ты мог спросить у меня о длине моего хвоста, — дьяволица соблазнительно подмигнула, поглаживая остроконечный отросток ладонью. Руну вдруг вспомнилось, как она придавила им собственного же собрата, чем сыграла ему на руку. Удача, что тут ещё можно сказать?

Властительница мрачных покоев продолжила: — тебе до зарезу было интересно, где остальные разбойники.

— Карта! — обрадовался чародей. Значит, он ещё не совсем утратил рассудок. Он осмотрел себя с ног до головы, будто забыв, что абсолютно наг. Дьяволица рассмеялась.

— Карта. Твоя мерзкая, противная, лживая кукла видела её своими глазами.

— Только видела?

— Ты просил её лишь показать, — пожала плечами безымянная бесовка. Разговора о передаче из рук в руки не было ни слова.

Парень сглотнул. Что ж, может это и не то, что он требовал от придорожных бесов, но то же неплохо.

Бесовка комкала в руках простыню, норовя в любой момент обратить её в дранину из тряпок.

— Если ты когда-нибудь надумаешь от неё избавиться — дай мне знать. Я соберу из этого набора гаек что-нибудь поинтереснее. И соответствующее её лживой натуре!

— Ты же тоже играла нечестно... — заступился за автоматона Рун, но бесовья мать приложила палец к его губам, заставила умолкнуть.

— А третий...

— Третий был не вопрос, а требование. Наверно, когда глас разума окончательно утонул в твоих розовых мечтах, твоими устами заговорила его наука.

Рун нахмурился, покачал головой.

— Что ты такое несёшь?

— Ты потребовал их хвосты.

У парня вновь пересохло в горле. Не сразу, но он сообразил, что бесовка говорит не про хвосты разбойников, а тех двоих проигранцев.

Она лишь хлопнула в ладоши, как с треском разверзлась земля. Из самых глубин преисподней потянуло чёрным, как сажа, дымом.

Бесы уже стояли на коленях. Поросячьи глазки налились крупными, едва ли не с яблоко, слезами. Мохнатые, кривые руки с узловатыми пальцами были сложены замком — проигранцы смотрели на чародея, как на свою последнюю надежду.

Вместе с дымом они принесли стенания — одно горше другого. Рун смотрел на них и вдруг ощутил себя неловко: зачем ему их хвосты? Чего он сам хотел этим добиться? Или глас старого Мяхара в нём?

Парень не знал. Знал только то, что из жутких, бесовьих завываний членораздельной и

понятной была разве что слёзная мольба оставить их хвосты при них.

Там, на игровом поле они были другими, стократ опасней и яростней. Сейчас же — просто жалкими.

— Мы что угодно, господá! — выводил хрипатые рулады горбатый бес. Его собрат шмыгал носом, что малое дитя и вторил ему.

— Что угодно! Что угодно!

— Ты только слово — как мы тут, там, здесь и тебе на блюде! — желание говорить в рифму будто бы выветрилось из них вместе с злорадством.

— Чего потреба, мы хучь с неба, хучь с земли, а достанем! Клинок царский, машину из земель виранских какую... Ты только хвост...

— Хвосты, — точас же поправил его рогач. — Хвосты не трогай!

— Мы всяко могём. В пределах разумного.

Рун суксился — кто ж их, безобразных знает, где у них предел, да ещё и разумного? Он обернулся к бесовке — та протягивала ему на ладони небольшой сапожный нож. При одном его только виде проигранцы запричитали пуще прежнего.

Парень присел на корточки.

— А если мне не сейчас нужна помощь? Потом, в будущем?

— Не изволь покою не знать, господá! Мы тебе — вона чё! — на мохнатой ладони, будто монета едва ли не золотом горела печать.

— Маргулитовая, — словно цепляясь за хвост своих надежд заговорил рогатый, страстно кивая головой и широко разводя руками. — Как мы тебе треба, так ты печать разломишь — тут уж и мы к тебе, как за картёжный стол, бегом побежим!

Рун кивнул, принимая дар из рук придорожных бесов. На их мордах тотчас же отразилась неудержимая радость. Выдохнув от разочарования, дьяволица вновь хлопнула в ладоши. На этот раз решила расступиться стена. В глаза юного чародея тотчас же ударил яркий, почти ослепляющий свет. Под ногами, будто сама собой и из ниоткуда разлеглась лестница.

— Твоя мерзкая вральная кукла там, наверху. Ждёт тебя.

Рун не успел сделать и шага, как она его остановила.

— Подожди, мой маленький колдунчик. Неужели тебе не хочется знать, кто такой Вигк? Обещаю, что за этот ответ не возьму платы.

Внимание Руна вновь было приковано к бесовке. Та жутко и самодовольно оскалилась.

— Вигк — виранец...

***

Руну казалось, что он будет отдыхать неделю, если не две.

Когда он поднимался по лестнице, то прятал в глубине души детский, почти наивный страх, что стены вот-вот сойдутся и раздавят его на середине пути. В конце концов, зачем бесовьей матери отпускать того, кто её обыграл? Потому что это не по правилам?

Ответа он не знал, но старался идти не ускоряя шага. Что-то подсказывало ему, что она неумолимо следит за каждым его шагом, и каждую же секунду сравнивает, сравнивает, сравнивает его со старым Мяхаром.

Вновь не в его пользу.

Молчали.

Тишина, сначала ватная и приятная теперь снедала его изнутри. На свободу рвались

тысячи не сказанных слов и сотни тысяч вопросов к Ска. Механическая кукла же занималась тем, чем и прежде — следила за костром, осматривала дорожное платье, чистила и без того уже сияющий ствол малурита...

Из котелка тянуло аппетитным и вкусным. Не неделю, сказал самому себе Рун — всего лишь до завтрашнего утра. Когда ты едва унёс собственную шкуру из преисподней, любая месть должна поймать совесть и подождать, в конце-концов, пару часов.

Ска в самом деле видела карту. Едва Рун вывалился из дьявольских палат, как первым же делом спросил именно об этом. Стальная дева шустро нарисовала ему веткой на земле — пресловутый Мик и в самом деле прятался в Храпунах.

Прятался? Словно желая угодить победителю пуще означенного, на карте были отмечены и передвижения беглых разбойников. Словно мотылёк на свечу, Мик немало времени сам скакал чародею навстречу. Не было только одного.

Ата-мана.

От того, что сообщила дьяволица, парню хотелось плакать и смеяться одновременно. В его руках оказалось столько информации, сколько он и подумать не мог. Полгода он потрошил умы всякой мелочи, а и надо-то было всего лишь сыграть партию в "замок" с проигранкой...

Излеченное магией от недавних ран тело вдруг решило напомнить ему фантомной болью о том, что это была за партия. Юный чародей зашёлся протяжным кашлем, плюнул себе под ноги кровью. К слову, если уж и говорить о том, как шла игра...

— Ска, чтоб на тебе кабаны ездил, что это, мать твою, такое было?

— Мои функции распознавания смысла давно не обновлялись, господин, я не...

— Не юли! — он был весь будто чан с взрывоопасным варевом. — Всё ты прекрасно понимаешь.

Автоматон бросила то, чем занималась, смиренно села напротив чародея, давая понять, что готова выслушать и принять абсолютно всё, что он скажет.

Рун прочистил горло.

— Ты загнала меня в тупик!

Он вдруг выдохнул, зажмурился и досчитал до десяти. В конце концов, он что, в самом деле хотел, чтобы перед ним оправдывалась автоматон?

Автоматон, вдруг заговорила в нём совесть, буквально вытащившая тебя из капризных и неловких пальчиков шаловливой проигранки. Не стоит ли тебе быть с ней повежливей, даже если она всего лишь механическая кукла?

— Послушай, я в самом деле тебе жутко благодарен. За всё. Уверен, что не сделаешь ты так, как сделала — всё сложилось бы иначе. Я просто хочу объяснений.

Ему показалось, что он звучал как неуверенный в себе подросток, густо покраснел.

— Мы играли против бесовки, господин. Я успела просканировать её — она относится к пятому архетипу. Азартные игры. Хитрость, изворотливость, обман. Бестиарий, хранившийся в библиотеке Шпиля характеризовал подобных ей существ как упрямых, но безобидных. Если с ними не играть.

Последний из Двадцати кивнул — подобное описание он помнил и сам.

— Их отличает стойкое нежелание играть честно.

— Проигранцы и демоны ограничены правилами, — поправил он её. Ска лишь отрицательно покачала головой.

— Правилами, которые обозначены. Всё, что не обуславливалось и не оговаривалось —

вне правил, а значит, поддаётся измышлению.

Механическая кукла поправила платье, встала, подошла к котелку. Крышка уже гремела, наружу пыталась вырваться стряпня. Ска по одному лишь запаху судила о готовности того, что варилось под крышкой.

— Она не собиралась играть честно. Ни с вами, ни тем более со мной.

Руну вспомнилось, как он болтался беспомощной букашкой в её пальцах. Хитрая улыбка до ушей, едкое замечание — в правилах не сказано, какого роста должен быть игрок...

Стальная дева протянула ему тарелку и ложку, юный чародей принял, чуть не обжёг руки. На ужин ему досталась варёная птица с ягодами и приправами. По краю тарелки особняком высилась россыпь лесных орехов.

— И в чём же она жульничала?

— Во всём, — сразу же отозвалась Ска, зло нахмурившись. Видимо, даже автоматам было не по вкусу, когда их пытались обмануть. — Это была её игра. Выстроенная ей от начала и до конца. Я проводила анализ. Вы желаете услышать полный отчёт?

— Желая отчёт в двух словах и много часов сна. И так...

— Кости. Она знала, что играет против автомата. Сама так захотела и решила. А значит знала, что я могу контролировать силу бросаемых костей и спрогнозировать результат.

— Такое возможно?

Ска решила не отвечать, продолжила:

— А потому кости всякий раз выдавали лишь то значение, которое нужно ей.

— Ты уверена? Почему не случайность?

— Существа, подобные ей обозначены как питающие страсть к всякого рода развлечениям. Ей незачем смотреть на страдания тех, кто всегда под её рукой. Но приятно обречь на неудачи тех, кто от неё независим.

Рун закусил губы — объяснение одновременно было логичным и излишне однобоким. Так и есть, вдруг пришёл на помощь механической кукле глас старого Мяхара. Думаешь, ты просто так ей нужен был в игрушках? Зачем ей вообще новые люди, если старые бессмертны и неистребимы в её забавах? Ей всякий раз нужен кто-то, кто ещё не успел ей надоесть. Или сможет показать что-то новое. Или...

— В игре, которую ведёт жулик следует жульничать, но так, чтобы игра не сочла это нарушением правил.

— Допустим, — отозвался чародей, весь обратившийся во внимание.

— Допустим, если случайно швырнуть кость на игральный стол.

Парень кивнул, вспоминая как вздрогнул, когда над его головой свистящим снарядом пролетел белый куб. Значит, Ска проверяла? А если бы игра сочла это за жульничество? Будто распознав его сомнения, автоматон добавила: — дьяволица осыпала своих подданных оружием и золотом, а иногда роняла на неудобных ей противников огрызок ногтя.

— Сучья падаль, — Рун ощутил прилив злости, вдруг накативший на него после этих вестей. Вот на что эта курва рассчитывала, сделав его игровой фигуркой. Автоматон не сможет распознать прямую помощь и косвенную. И при попытке провернуть подобное нарушит правила. Что она там говорила? Твоя вещь превратит тебя в мою.

По спине прошелся холодок — только благодаря тому, что Ска гораздо умнее своих стальных собратьев, он сейчас ест птицу, а не служит птицей у дьяволицы. Прежний аппетит сразу же куда-то пропал, он отставил ужин, положил тарелку наземь.

— Первые ходы я смотрела за её действиями. Мне нужно было понять, куда она ведёт своих подданных. Но вы шли иным путём, и отставали на несколько ходов. Это сыграло свою роль — чем дальше они уходили, тем более примитивным и простым становился лабиринт. И очевидной стала точка, где появится финальный зал.

— И потому ты притащила меня в тупик? — Рун, наконец, вернул разговор в то место, с которого они и начали. Ска не замедлила с ответом.

— Здесь не было иного выбора, господин. Зная о её натуре после полноценного анализа, я пришла к выводу, что вы всё равно окажитесь в тупике. Даже в шаге от главного зала. Я не помогала вам там, где могла, чтобы пропустить достаточно ходов. Едва финальный зал очертился, мне оставалось лишь привести вас к разделяющей вас же и его стене.

Она прервалась, как будто набирая побольше воздуха в грудь для признания: — И швырнуть куб с такой силой, чтобы он проложил вам путь.

Они вновь замолчали. Рун парился в киселе собственных размышлений и новой информации. Со слов Ска оно всё звучало так просто, как приготовить ужин. Окажись на её месте сам Рун — он бы никогда не додумался ни до чего подобного.

— Ты знала, что она могла разорвать тебя в клочья, словно тряпку?

Ска вновь ушла от ответа. Парень выдохнул: — Её силы не магические, саффиритовая лазурь бы тебя не спасла. Помнишь, как она заставила тебя болтаться в воздухе?

Ска не призналась, но точно помнила. Про такое точно не забывают.

— Моя задача — оберегать господина даже ценой собственной сохранности.

— Интересно, сколько проводов погорело в твоей голове, когда ты видела всё, что со мной творится и не могла защитить, а? — он усмехнулся собственной нелепой шутке, потом вновь зашлёлся кашлем. Пустил в себя поток маны вперемешку с заклинанием, выискивая источник проблемы, чтобы избавиться от него навсегда.

Он вдруг ощутил неловкость: не будь сидящая перед ним девушка лишь механической куклой, он хлопнул бы её по плечу, улыбнулся, одарил благодарностью и, возможно, лаской. Как было бы хорошо, будь сейчас вместо неё Виска — парень был уверен, что девчонка сумела бы справиться с задачей не хуже стальной девы. По своему, но не хуже.

А Ска ему попросту нечего было сказать. Либо не поймёт, либо не оценит. Здравый смысл был солидарен — он без зазрения совести обвинил бы хозяина в безумии, реши тот раскрывать душу перед механической куклой.

— Знаешь что, Ска? — вдруг начал он, словно извиняясь, послав глас здравого смысла куда подальше. Он взвешивал тысячи и одно слово, пытаясь найти нужное. Попрошал, взывал к воображению, пока призрак Гитры не выдохнул и не подсказал, что усложнение — враг хорошего.

Иногда что-то лучше просто сказать одним ёмким словом. Ска выжидательно смотрела ему в глаза, почти как живая: ей лишь чуть не хватало мимики лица. Слова благодарности, простое «спасибо» прозвучало так обыденно и так легко, что Рун удивился этому сам. Он увидел, что механическая кукла хоть и не подала виду, но была бескрайне довольна его словами. Сколько же ещё чудес, подумалось парню, сокрыто в её шестерёнках?

Кошмары о былом, Сон четвёртый

В хибаре было мрачно, будто в темнице. Чадили редкие, сальные свечи, дышала жаром крепко и умело сложенная печь. Из неприкрытых чугунок несло чем-то прогорклым и противным.

По полу пробежала наглого вида толстая мышь, застыла посреди зала. Она смотрела на чародея так, будто он имел наглость помешать её утренней прогулке и немедля должен сгинуть прочь.

Парень скривился. Он, конечно, всегда знал, что чернь живёт отнюдь не в мажбых палатах и далеко не во дворцах. Но каждый раз находилось жильё, способное удивить своей загаженностью.

В деревне его встретили стенания и плач — крестьяне до мокрых портков боялись, что явившийся к ним чародей принёс с собой только огонь. Будто это их в самом деле могло от чего-то защитить, они притащили деревянных истуканов Архи, и выставили перед дорогой. На влажной земле остались продольные борозды — тащили в спешке.

Рун лишь на мгновение задержал на них взгляд, облизнул высохшие губы. Едва завидев, что грозные божества не произвели на юного чародея должного впечатления, не нагнали страху и вовсе даже не заставили бежать в священном ужасе, селяне приуныли.

На самом деле парень не отказался бы хорошо отдохнуть. Ситр, будто решив, что сможет купить себе прощение за лишнюю информацию обмолвился о Йохане — якобы паршивец был чуть ли не правой рукой того самого Ата-мана. А отсюда до них — добрый день пути, и это если он наколдует себе муладира. Наколдовать было просто, превратить в зверюгу кого-то из местной черни — ещё проще.

Ситра он впаял в огромных размеров булыжник и слушал протяжные, жалостливые проклятия, что колко били ему в спину, когда он уходил прочь. Рун как будто желал сказать — не другим, самому себе, что от возмездия не уйти, не откупиться. Оно настигнет и горе тем, кто верит, что способен обмануть Последнего из Двадцати.

Здравый же смысл говорил, что так наколдовать себе ездовую тварь не просто можно, но и должно. Едва он смахнёт со стула подкамейника и на мгновение закроет глаза, как слухи дикими бесами бросятся по окрестностям, растекутся и проникнут в каждое ухо. Стоит ли верить, что Йохан хоть на мгновение задержится и не даст дёру? Если уж и идти, то по горячим следам...

У Руна от стоящей вони слезились глаза — не жильё, а кабанисий хлев. Взмахом руки он вернул себе возможность дышать — вместо вонючей гари нос теперь чуял лесную свежесть.

На столе лежала давно утратившая краску деревянная ложка, в чашке — недоеденная похлёбка из чего-то с чем-то. Рун даже боялся предположить, что там было намешано.

В свой дом его звал староста — моложавый и пронирыливый, будто ласка, разве что хвоста не хватало. По лицу несчастного крупными каплями бежал холодный пот, верный прежде голос дал слабину, а фальш улыбки и страх, поселившийся в глубине глаз, не укрылись от взгляда юного чародея.

Взвалив автоматона на плече, он не ответил и выбрал самую непримечательную хижину из всех домов. Хозяев — беззубого старика, будто никогда не знавшего о чистой воде и умывании в целом, и сопливого мальчишку он выгнал прочь — им обоим хватило лишь

взгляда Последнего из Двадцати, чтобы всё стало ясно.

Ситр не солгал и вывел его на личного автоматона матриарха. Юный чародей явился в самый пик — скупавший хлам купец, нарядный и готовый продать хоть луну, хоть солнце, лишь бы деньги водились, просил за испорченного автоматона сотню ровн и ни монеткой больше. Крестьяне скорее смотрели на него, как на забавного чудака — кто ж отважится купить добро чародеев, да ещё и из разграбленного Шпиля? Это зная-то о том, кто кличет себя последним из Двадцати...

Купец то ли не знал, то ли не желал знать, но тотчас же признал свою ошибку, когда перед ним явился Рун.

С пухлых щёк сполз здоровый румянец, обратившись мертвецкой бледнотой. Зубы выбивали чечётку, подвязанный язык вдруг запутался, завязался узлом. В горле, будто комом, застряли оправдания. Руну было его почти жалко, когда он медленно, выбивая из него слово за словом, уменьшал до размеров мыши. Наверно, подумалось ему, можно было обойтись лишь этим — не стоило проявлять излишнюю жестокость и швырять бедолагу словно того и ждавшим кошкам.

Автоматон была сломана везде и всюду. Чародей пытался её запустить — но вместо внятного ответа она выдавала ему порцию механических фраз о сбоях — один краше другого.

Сейчас, слушая монотонный голос стальной девы, парень тёр взмокшие ладони о штаны и думал о том, что поторопился. Надо было принимать предложение старосты — быть может сейчас было бы не так противно.

Автоматон матриарха застыла с безвольным выражением на лице. Едва Рун попытался её включить, как сначала в глубине стеклянных глаз вспыхнуло синим, и лишь затем свет сменился на отчаянный красный.

Наверно, знай Рун о механических куклах чуть больше, чем то, что они лишь служки для исполнения мелкой и не заслуживающей внимания чародея работы, он бы присвистнул от удивления. С уст рукотворной девицы слетало одно сообщение о сбое за другим. Будто вредная, живущая вторую сотню лет старуха, она жаловалась едва ли не на всё, из чего была собрана. Рун потёр виски, чуя, как медленно, но верно к нему подползает чудовищная мигрень.

Сарказм жалил чародея беспощадно злой гадюкой, спрашивая, на что же конкретно и в самом деле он рассчитывал? Что нелюди, сотворившие подобное с Шпилем продадут хоть сколько-то рабочего автоматона? Или на то, что в деревушке на два десятка домов каким-то чудом окажется хоть кто-то, способный к ремонту этих застенных машин? У чудес, гоготал он, тоже есть предел.

У чудес есть предел.

Это было противно. Руну вспомнилось, как Кианор забавы ради и на спор предложил превратить автоматона матриарха в лягушку. Механическая кукла долго пялилась на мальчишку взглядом не живых глаз, пытаясь понять, чего же хочет от неё капризный ребёнок. Саффиритовая лазурь, тонким слоем нанесённая на внутренний металлический каркас не давала ни одному из его плетений хоть на каплю приблизиться к задуманному.

Как и сейчас. Парень выдохнул — мир в который раз подсовывал ему нечто, с чем невозможно было справиться при помощи магии. Где-то внутри не уставал забавляться старый Мяхар — он, помнится, призывал Руна в первую очередь уметь делать хоть что-то при помощи рук, нежели творить одно лишь чародейство. Годы прошли, его наука в самом

деле теперь уже не казалось такой скукой — мальчишкой он и помыслить не мог о том, что такое когда-нибудь случится.

За спиной скрипнуло. Рун, стиснув зубы, обернулся — скорее инстинктивно, чем из любопытства. Заклятье, как будто проглотившее дом спешило рассказать ему о незваном госте.

Гость был ровесником юному чародею. Плохо выбрит, не ладно сложен, и, скорее, напоминал какую-то изрядно вытянутую пародию на человека. Как будто, на самом деле, никогда им и не был.

От него пахло чародейством. Либо безрассудный смельчак, либо глупец, здраво оценил последний из Двадцати. Иначе, зачем явился сюда с молотком?

Память нехотя, но напомнила, что едва он предстал пред очами деревянных истуканов, слышал звонкий стон наковальни, а один из бегунков-разведчиков доносил до него жар раздуваемых мехов.

Непрошенный гость не крался, а был вальяжен, будто только что завалился к самому себе домой.

— Проблемы, паря? — голос у него оказался на редкость скрипучий, едва ли не старческий. Он оживился ещё больше, стоило ему едва посмотреть на автоматона.

— Эк-кую красоту, да в твои-то хваталки! — он выпалил, хлопнув ладонями по коленям. Рун поймал себя на том, что тщетно пытается понять, восхищён он или же наоборот?

— Ты кто такой? — чародей одарил незнакомца изучающим прищуром. Необычность пришельца была видна невооружённым глазом. Двадцатый вглядывался, пытаясь понять, чья работа стоит перед ним. Нилтара? Касьи или Кирка? У них всегда была тяга к искажению изначального облика...

— Знания, дружище! — парень развёл руками, будто вот-вот собираясь заключить Руна в объятия. — Знания, умения, решение твоих проблем. Ну, по крайней мере, этой.

Он прочистил горло и указал пальцем на механическую тушу за спиной чародея.

— Это же служебно-комбатантный, верно? Юнит 47 модели? — Спросил он, настырно идя вперёд, чуть не толкая чародея прочь.

— Кузнец? — недовольно буркнул Двадцатый.

— Мастер. По автоматомам.

Рун покатал его ответ на языке, словно конфету. Ему хотелось радоваться, будто мальчишке, но здравый смысл спешил огорчить закономерным вопросом — откуда в этом захолустье мог взяться мастер, да ещё по автоматомам? Верить в столь подозрительную удачу Руну хотелось меньше всего на свете.

— Из-за стены? — Руну вспомнилось, что изредка вместе с торговцами, что спешили привезти в гружённых тюками бестиях рукотворные чудеса, бывало, тянули вереницы закованных в кандалы заключённых. Для чего и почему Матриарх позволяла отправлять на свои земли чужих преступников, парню даже не приходило в голову.

Этот был иным. Сколько парень не вглядывался в него, на нём не были ни единой татуировки. На виранца этот бродяга походил ещё меньше, чем на местного.

— Шаришь, братец! Ну-ка, подсоби мне самую малость. — незнакомец вскинул механическую куклу на плечо, пытаясь пересадить её с лавки на стул. Рун небрежно смахнул всё со стола, высвобождая место.

— Имя-то у тебя есть, "мастер по автоматомам"?

— Ха, а ты нетерпеливый, как я погляжу. Всё пучком, чувак, зови меня нескромно и будто волну — Чавьер.

— Чавьер? — Руна показалось, что чудак перед ним выбрал это имя прямо здесь и прямо сейчас. Застенные народы любили давать своим детям языколомные, труднопроизносимые имена. Это же... было и обычным и необычным одновременно.

Чавьер ловко, со знанием дела расстегнул пуговицы на остатках платья, сорвал рубашечную ткань. Присвистнул.

— Грудки-то ого-го, малец! Всё как у бабы и должно, одобряю. Поди, не раз ручонки ей под юбку пускал? Пострел-езде-поспел, а?

— Если это шутка, то очень неудачная, — последний из Двадцати чуял, что закипает. Какого иного селюка даже за подобные мысли он растворил бы на месте. Ничего, проскрежетав зубами сказал он самому себе, с этим всегда успеется.

Чавьер лишь пожал плечами в ответ. Закончив созерцать красивую, но какую-то безжизненную наготу механической куклы, он коснулся её шеи в области затылка. У него были неестественно длинные, узловатые пальцы. Ушей Руна вдруг коснулся щелчок, чародей вздрогнул от неожиданности.

На гладком кожимите, скрывавшем корпус, сначала проявились соединительные стыки, а через мгновение из них пыхнуло жаром. Облачка пара медленно, будто дым, таяли в воздухе.

Чавьер попридержал головной отсек, помог ему открыться, осмотрел содержимое внимательным взглядом.

Рун, глядя на механическое содержимое головы, чуял себя не в своей тарелке.

— Глянем-ка, чем у нас сиськи богаты — радостью или же... — он положил ей руки на грудь, надавил — правая чашка отскочила и оказалась в его ладони. Чавьер не глядя протянул её Руна — то вдруг почувствовал себя скверно. Ему на миг представилось, что кто-то точно так же разбирает Виску... Мастер же по автоматам удручённо вздохнул.

— Или, братец, или. Снаружи красота, внутри — унылота. Всякой дряни я ожидал, паря, но в твою красавицу то ли сильно вставляли, то ли долго пихали.

Рун пропустил сальность мимо ушей, прочистил горло и спросил.

— Починить сможешь?

— Не будь я Чавьер, и чтоб у молодого колом не стояло, если не смогу. Не парься, чувак, тят-ляп не делаю — как новенькой не обещаю, но побегает твоя малютка знатно.

— Сколько?

Чавьер вдруг обернулся. Вопрос о цене показался ему куда важнее механических потрохов.

— Ты же знаешь ответ: с чародеев деньгами не берут. Только услугами.

Рун знал. Чародею ничего не стоило обратить горсть камней в ровны, или, хотя бы, предать им такой вид на время. Даже за этого автомата виранцы брали с матриарха чародейством.

— Откуда ты знаешь, что я — чародей?

Чавьер посмотрел на Руна исподлобья, цокнул языком. Последний из Двадцати тут же ощутил себя полнейшим идиотом — о том, что он идёт сюда знал, наверно, каждый деревенский дурачок отсюда и до самого Достенья.

— Он как будто даже не знал, — не без насмешки проговорил мастер, — что же именно выдавало в нём чародея. То ли роскошный дорожный наряд, то ли молнии над головой, то ли

символ самих Двадцати на пальце.

Рун непроизвольно глянул на перстень. Искусно обработанный изумруд блестел, как никогда раньше и едва не светился в темноте.

— Не будь у тебя этой побрякушки, я бы даже не стал приходить.

— Объяснись, — набычившись, потребовал юный чародей, прикрыв память о Шпиле ладонью. Конечно, он жаждет мести и возмездия, но не ценой последней вещи, что осталась у него от матриарха.

Чавьер снова пожал плечами. Он делал это так часто, что можно было подумать, будто у него особый нервный тик.

— Там, откуда меня приколупали эти штуkenции зовутся риурмами. Слышал?

Рун кивнул в ответ. Виранцы звали риурмом любую вещь, хоть сколько-то связанную с магией. Теперь же он смотрел на перстень с новым открывшимся интересом — зачем Матриарху могла понадобиться виранская игрушка? И уж если на то пошло — какое именно заклятие на нём лежит? Он провёл рукой над камнем в надежде уловить хоть какие-то зацепки плетения, но ничего не обнаружил. Чавьер же усмехнулся в ответ.

— Ловок ты, однако, бро. Можешь не копать — не на похоронах. Этот перстень — ключ-активатор автомата, смекаешь? И вот так тебе повезло, что именно от этого. Клёво, ага?

Чавьер был до безобразия косноязычен. Он говорил незнакомые и как будто ничего не значащие Руну слова, но чародей сразу же улавливал их смысл.

Всё сходилось. Личный перстень Матриарха, её личный автоматон...

Ска.

Механической кукле не раз приходилось драть уши сорванцу и ловить его на проказах. Впрочем, доставалось и Кианору, и Виске, и Кирку с Касьей...

— Почему бы мне не ответить тебе отказом? Не боишься, что заставлю тебя силой?

— Мне говорили, что у Двадцати — репутация, — многозначительно вымолвил Чавьер. В его коробе, едва отщёлкнулись замочки, тут же нашлись дивного вида инструменты. Рун бы никогда не подумал, что их можно использовать для починки хоть чего либо.

— Нет теперь Двадцати... — юный чародей скривился от подкатившего к горлу комку.

— Может и нету, — согласился мастер, складывая на столе содержимое внутренностей Ска. — Но репутация-то осталась, а? Смекаешь?

С этим трудно было не согласиться, и Рун кивнул. По крайней мере, подумалось ему, в этом мире остался ещё хоть кто-то, кому не чужда дань уважения к Двадцати. Грех отвечать на такое силой.

Чавьер вдруг вытащил несколько искорёженных деталей — вырывал он их разве что не с мясом. По полу запрыгали просыпавшиеся заклёпки и крепёж, с языка мастера сорвалась незнакомая чародею ругань.

— Что? — любопытство буквально давило Руну на плечи. Чавьер же вытер изляпанные маслом руки о скатерть. Юный чародей попытался понять, стала ли та грязнее — и не смог.

— Да ни беса хорошего, мог бы и догадаться, что не на радостях. Видишь? — он указал в самый центр. Рун не без осторожности заглянул внутрь автомата. — Связующие контакты побиты, и повреждён слот.

Слот и в самом деле знавал лучшие времена. Питающий кристалл сместился в сторону. Широкие борозды царапин портили его красоту, будто шрамы.

— Однако, маже. Большой палкой в твою девчулю пихали — пробита насквозь. Либо

копье, либо не знаю — но врезали ей хорошо.

Руна вспомнилось, как великан орудовал ей, будто дубиной, сглотнул. Хоть и саффиритова лазурь, которой она покрыта едва ли не с ног до головы не пропускает сквозь себя заклинания и отменно держит удар, а всё ж не выдержала...

— Починим, — отвечая на немой вопрос чародея, отозвался Чавьер. Только детали придётся новые сделать.

— Сделать? У кузнеца?

Чавьер снова посмотрел на чародея, как на идиота.

— Тебе сделать. Я слышал, всякий маг горазд на всяческое. То полено в бабу превратят, то голубей в свиней. А захочешь — и булку прям из воздуха, как хер из штанов выудит. Смекаешь, агась?

Рун посмотрел на выложенные перед ним искорёженные железки. Не будь они из саффирита, он бы попробовал их восстановить. Глазами он искал хоть что и, коснувшись ладонью оставшейся на столе крынки, пустил в неё частицу маны. Глина обвилась чародейским плетением, для вида посопротивлялась, прежде чем превратиться в сталь. Рун старательно, будто скульптор, придавал ей нужную форму.

Чавьер оценил его работу на троечку, выдав какой-то замысловатый жест.

— Сойдёт для сельской местности, не на века ж делаем. А вот такую — сможешь?

Парень повертел в руках продолговатую шпильку, полную отверстий и канав.

— Где ты научился так обращаться с автоматами?

Механик скривился так, будто Рун спросил у него бесконечно личное, но всё же ответил.

— То там, то сям. Когда жизнь не мила — всякому научишься. Так ли оно тебе важно? Сделал?

Рун протянул ему очередную свою работу — шпилька оказалась из обычной стали, и потому Рун не без труда, но выудил из памяти металла прежнюю форму. Теперь Чавьер глядел на него с уважением.

— И в самом деле, растёшь прям на глазах, малец. Хвалю — ладную штуку сделал. Думаю, и мне сумеешь подсобить. Смекаешь-нет?

Рун понял, что речь пошла о оплате. Парень вдруг осознал, что его только что обвели вокруг пальца — он позволил помочь ему прежде, чем озвучил цену. Старый Мяхар цокал языком и качал головой — ему-то всю жизнь казалось, что из Руна выйдет толк. А получилась-то только бестолочь...

В сказках, что селюки рассказывали детям, завсегда был дурак, но с замашками, что чародея обманом заставлял то обломки луны с неба приволочь, то ещё какую оказию сотворить. Рун вспомнил, как Чавьер пару минут назад сыграл на нём, будто на лютне, упомянув всего лишь традиции и чародейскую честь.

— Если ты думаешь, что в уплату я самого тебя превращу в мага, или сотворю из ниоткуда все сокровища мира — то у меня для тебя мешок разочарований. Смекаешь-нет? — в тон мастеру сразу предупредил последний из Двадцати. Тот даже не обиделся и отрицательно покачал головой.

— Я похож на дурачка, пацан? Когда захочу попросить глупость — покидаю ровны в колодец.

— Чего же ты хочешь тогда?

— Самую малость. Тебе, наверно, даже понравится.

У Руна вспотели ладони. Коли кто заговорил о то, что просьба — тьфу и малейший пустяк, жди беды. Сдерут три шкуры, посыпят солью и заставят сплясать. Старый Мяхар, голос которого Рун начал слышать у себя в голове чуть позже, чем наставления мёртвого же мастера Рубера, вдруг поперхнулся на собственной насмешке, когда Чавьер изъявил просьбу.

Тут, наверно, поперхнулся бы кто угодно...

— Я хочу стать камнем...

Кошмары о былом, Сон четвёртый, часть вторая

У Руна просили разного. Иногда, набравшись смелости, сельские мальчишки просили фокусов. Когда он был парой лет младше — не отказывал, а сейчас не решался тратить ману на подобную ерунду.

Испив чашу отчаяния до дна, у него просили о пощаде и прощении. В грязных, наработанных и покрытых трещинами давно иссохших мозолей руках он видел то подкову, то погремушку, то старую тряпичную куклу. Родители, чьи отпрыски были наказаны за какую либо провинность не жалели слёз и стенаний, тщетно надеясь купить на них прощение.

Иногда в Шпиль приезжал вестовой с тревожными новостями — гигантский хруставолк, белая тень, ещё какая бестия являлась и норвила наворотить лихих дел. Без помощи чародея — никак.

Исцелить, расколдовать, защитить. Но вот чтобы кто-то просил превратить его в камень? Рун не знал, злиться ему или нет. Либо это очень жестокая насмешка, либо в голове мастера засело самое настоящее безумие. Ни то, ни другое было чародею не по вкусу.

— Что?

Чавьер пожал плечами. Создавалось впечатление, что голове попросту неудобно лежать на плечах и она пытается сбежать.

— Во у тебя сейчас наверно в мозгу баталия, а? У тебя от натуги штаны сзади рвутся, когда пытаешься нагнать очередного поганца и в камень его обратить, а тут к тебе — опа, приходят и сами просят!

Рун сглотнул. Чавьер явно осознавал, что просит безумное — а значит, не такой уж он и дурак. Застенный мастер щёлкнул переключателями внутри механической куклы — та вздрогнула, словно от удара. Открылся рот, глаза вспыхнули голубым.

— Это я проверяю, ты не мочи штаны почём зря. Всё пучком будет, задницей местной красавицы клянусь, смекаешь-нет?

Руна думалось, что автоматон не скажет ничего нового. Напротив, Ска выпрямилась, будто на приёме у матриарха, разве что поленилась встать.

— Я — С. К. А. Служебно-Комбатантный-Автоматон, юнит модель 47, порядковый номер...

Чавьер махнул рукой, эта информация ему явно была ни к чему.

— Блок памяти и личностная матрица, конечно, поцоканы, но не до того, чтобы уж совсем, смекаешь, а? — Чавьер весь из себя как будто превратился в живое воплощение мимики. Рун отвечать не спешил.

— С этой штукой, ну, риурм, перстень, кья знает, как ты её сам зовёшь — она признает в тебе господина.

— Сбой! Отсутствуют данные о... — автоматон не успела договорить, как Чавьер угостил её тумаком прямо по голове, рядом стоящий чародей вздрогнул от неожиданности.

— Ты не слушай, что она щебечет про сбой — так и должно быть.

— Берут меня, однако, сомнения... — Рун прищурился, как будто в надежде прожечь Чавьера взглядом насквозь. Тот по-прежнему был невозмутим.

И в самом деле, проглотив очередное сообщение о сбое, голубое свечение глаз сменилось зелёным. Рун удивился — он не думал, что Ска и в самом деле пройдёт

первичную загрузку. Неужели ей попросту не хватало, чтобы он хорошенько наподдал и превратил пару чашек в сменные детали?

— Что же, в ней не повредили ничего важного кроме питающего слота?

Чавьер ответил чародею широкой улыбкой.

— Зависит от того, чего хочешь услышать, братец. Если правду, то грудак ей разворотила — архи не поплачь. Живого места нет. Бронепластина пробита насквозь, несколько переломов в ручных связях. Нарушения... в матрице личности.

— Абра-кадабра, алаказам, — закончил за него Рун и выдохнул. — Мне это почти ничего не говорит.

— Ну а кто бы мог подумать, чарун. Если понятными тебе словами — иногда она будет сбойть и позволять себе малость лишнего. Не подчиняться...

— И зачем тогда она мне нужна? — Руну, в самом деле, при всём остальном разве что и не хватало служки, что плевать хотела на его приказы. Чавьер повторил свою привычку.

— Только иногда, а не всегда. Может, будет говорить больше положенного. Или проявлять инициативу. Тут плюс, как не погляди — думаешь, её виранцы своими кривыми ручонками понасобирали? Они только у Древних как подчистую слизывать горазды. Перья к жопе, хвост трубой, дым изо всех щелей, а выдумать чего умнее или разобраться в том, как работает — умишки не хватает. Смекаешь, паря?

— Что-то ты не очень своих сородичей любишь, — не без сомнения отозвался юный чародей. Чавьер лишь хмыкнул ему в ответ.

— Тут уж в какую сторону не крути, а всюду дуля, пацан. Тебе не к месту, не к почести. А девка твоя в самом деле не из говна леплена. Я таких в своей жизни пару-другую видел, хоть этих чурбанов наперечинил — тебе не сосчитать. Доходит-нет? Надумал чё? По рукам? А то как запустить не скажу.

— А как же репутация Двадцати? — Как будто обиделся Рун. Мастер лишь развёл руками.

— Так ты ничего и не обещал прежде-то. Но показать, что меня не под кустом нашли — надо.

Рун не спешил с ответом. Он знал, что любопытство губит, но сдержать его в рамках было выше всяческих сил. Парень выдохнул и вдруг почувал, что ему страшно душно в этом доме и хочется наружу.

Чавьер терпеливо ждал.

— Камень... Почему ты хочешь, чтобы тебя превратили в камень? — вопрос был глуп, нелеп и оскорбителен. Руну казалось, что мастер разозлится, осыплет его бранью, не станет отвечать. Чавьер же оказался иного мнения и пожал плечами.

— Потому что я всегда и был камнем, — он поднял глаза на чародея, и его лицо расплылось в широкой улыбке. — Я не шучу, паря. Я камень, который превратили в человека.

Сбрэндил. Теперь уже Рун был уверен на добрую сотню — ни один из Двадцати не обладал даже и близко таким потенциалом, чтобы наделить изначально неживое волюю, мыслями и сознанием. Всегда получались только огрызки. Виска развлекала себя тем, что превращала в двигающихся кукол симпатичных крестьянок, но никогда наоборот.

Чавьер кивнул — недоверие Руна будто отразилось у него на лице.

— Я и не ждал, что ты мне поверишь, да ты ведь сам спросил. Так ли тебе в самом деле важно — зачем и почему?

Рун согласился. Совсем неважно. Если кто-то в мире готов помочь чародею, а в обмен просит глупость — то это его, глупца, на это право. Парень облизнул высохшие губы, поймал на себе ворох чужих взглядов. Устав ждать, крестьяне пялились в давно нечищенное, затянутое паутиной окно. Наверняка хотели увидеть, как Рун призывает проблемных бесов на их тощие спины.

— Чародейка. Я... пригодился ей в одном деликатном деле. И она сделала это со мной. В "награду".

Застенные чародеи. Рун слышал, что у виранцев тоже есть маги, вот только их потенциал куда меньше любого из Двадцати. Либо Чавьер врал, либо... либо врал. Механик же, видя рост флегмы в собеседнике, ухмыльнулся.

— Да ты, я погляжу, мне не веришь! Да только мне твоей веры, что корове кизяк — никогда не требовалось. Смекаешь, а? По рукам?

Мастер как будто давно уже обратился в комок нетерпеливости. Рун посмотрел на протянутую ему ладонь, сказал самому себе, что обязательно ещё об этом пожалеет, и шлёпнул своим согласием в ответ...

***

На улице их ждали соглядатаи. Крестьяне почтительно держали дистанцию, забыв обо всём на свете. В хлеву завывали недоенные коровы, чей-то кабанис гулял по огороду и мрачно жевал всё, что попадалось на пути. Скулила собака на привязи.

Боятся, понял Рун. Ему хотелось бы улыбнуться — его всегда пытались убедить в том, что страх, в первую очередь, связан с уважением. Он верил без оглядки, но сейчас видел, что есть совсем другой, простой и незамысловатый страх, не пачкающий собой гордость уважения.

Селян обуревал страх, но любопытство злыми бесами хлестало спины. Чародей притащил мёртвую бабу в деревню — они никогда не видели автоматов, покрытых кожмитом, — и на добрых полдня заперся в хижине. А потом к нему наведалься юродивый.

Юродивый с тех пор не изменился — ни в ту, ни в другую сторону, а вот то, что они с чародеем ударили по рукам и условились — тут дело точно нечисто.

— В янтарь не превращай, — Чавьер не замолкал ни на секунду. Будто где-то внутри него жила навязчивая потребность говорить — и неважно что, и неважно с кем. — А то в янтарь сделаешь, а мне потом у какой бабы на сиськах до скончания веков болтаться! Кому-то, может, и в кайф, но не по мне такие пирожки. Сечёшь, малец?

Рун кивал головой в ответ.

Интуиция его не подвела и почивала на лаврах. Будто невзначай, юный чародей попытался опробовать образную структуру механика и понял, что влип.

Первое время он убеждал самого себя, что это ошибка. Его, чародейства, облика — но ошибка. Потому что буквально всё в Чавьере говорило, что он камень и уж точно никогда не был человеком. Застенная колдунья с деликатными просьбами к камню от этого реальней не стала, но Рун вдруг понял, что озадачен и пока не знает, что делать.

Его магический дар тоже не знал и крутил пальцем у виска. Хозяин, конечно, в своём праве, но превращать камень в камень — это уж увольте! Парень потерял собственный подбородок, уколол пальцы о небритость щетины — это здесь чародейство творилось исключительно на заплетании заклинаний. Что, если мифическая колдунья попросту

чародействовала иначе? Было над чем подумать.

Чавьер спешил ответить на так и не прозвучавшие вопросы. До беспамятства ему казалось важным, чтобы чародей знал всю его подноготную.

Рун пытался справиться как с собственным мышлением, так и с тем ворохом новой информации, что дождём пролилась на его голову.

— Мастер по автоматам везде пригож, пацан. Верно сечёшь, что тут не город. Во у тебя башка напряглась, там ведь так и крутится — чего этот безумец торчит здесь, в захолустье? Будет он хоть мрамор, гранит или ещё какая щёбёнка — да только каков смысл? С такими-то знаниями любой кузнец себе в торбу утащит!

Последний из Двадцати отрицать не стал: вопрос и в самом деле приходил ему в голову. Найти автомата в ближайшей округе — как минимум странно. Если, конечно, виранцы не изобрели и тайком не внедрили особую породу механических коров...

Последние, будто чуя, что размышления чародея касаются лично их, отчаянно замычали. Здесь, куда Чавьер вёл парня, царил дух навоза, парного молока и свежей травы. Пастухи провожали чародея со спутником взглядом, полным флегмы — какое им дело до них, когда в котомке припрятана бутылочка крепенькой? Если где-то и есть невозмутимость, подумал Рун, то она точно воплотилась в пастухах.

— Привязан к предмету? Или к месту? — Парень озвучил первую догадку, что пришла ему в голову. Чавьер же разве что не подпрыгнул на месте.

— Соображаешь, брат, уважаю! Гляди, — мастер вдруг начал разгребать траву, а после и землю. Его ладони вонзались во влажную почву не хуже доброй лопаты, пока на свет не появился сундучок. Простенький, оценил его взглядом Рун, но со вкусом.

Внутри на бархатной красной тряпице покоился клинок без ножен. Чародею стоило лишь бросить на него взгляд, как вдруг зашипало в носу и заслезились глаза.

— Чуешь, малой? Это её подарок.

Рун отшатнулся, словно от пощёчины — теперь он точно знал, что застенная чародейка не плод безумной выдумки.

От кинжала пахло женственной, аккуратной магией. Последнему из Двадцати будто когтями полоснули по щеке. Продолжи он глядеть на кинжал и готов был бы поклясться, что услышит почти змеиное шипение. Чавьер пожал плечами.

— Она такая была. В меру вредная, в меру наивная, в меру ревнивая... — мастер как будто хотел оправдать чародейку. Рун отрицательно покачал головой.

— По поводу последнего ты точно привираешь. В меру ревнивая? Знала ли она что вообще что такое мера?

Чавьер спорить не стал и развёл руками. Рун же прочистил горло.

— Ну, допустим, почему селяне это твоё сокровище не отыскали я понял. Они, наверняка, не знают, что это за штука, но стороной её обходят.

— Как есть, — согласился Чавьер.

— Но что мешает тебе взять этот кинжал и уйти восвояси?

— Всякое, — мастеру как будто было чуждо лукавство. Он облизнул высохшие губы, посмотрел на солнце, прищурился. — Твоя сестрица по мастерству напортачила. Сам кинжал держит мой облик таким, каков он есть. А вот это...

Он пальцем указал на малозаметную трещину на рукояти клинка, а Рун тут же понял о чём речь. Кинжал призван был удерживать — форму, облик, место... Трещина на рукояти испортила изначальный замысел — и теперь Чавьер в какую сторону бы не пошёл,

возвращался к кинжалу.

— Хитрить пробовал, — заведомо предупредил механик. — Кинжал сам привязан к месту. Здесь на меня пара пьянчуг напала, ну и... сам видишь, трещина.

— И как же мне тебя расколдовать?

Чавьер лишь закачал головой и ухмыльнулся в ответ, погрозил пальцем.

— Ты тут чародей, паря, тебе и ману в руки. Я ж тебя не спрашивал, как чинить.

Рун выдохнул, признавая его правоту. Поймал себя на том, что рассматривает собственные ладони — ещё чуть-чуть, и будто какой селюк плюнет в них и разотрёт.

В кинжале сидела защитная бестия с характером хозяйки. Рун не видел, но чувствовал почти волчий взгляд, устремлённый на него прямо из кинжала. Парень закрыл глаза — это всегда помогало отрезать от сознания окружающий мир и хоть на мгновение, но сконцентрироваться.

Совершенно некстати и как будто невзначай ему вспомнилось, как деревенский мальчишка лет пять, а то и шесть назад, набравшись смелости огорошил вопросом — на что способен чародей?

В детской глупости и непосредственности Рун ухмыльнулся и ответил, что на всё. В то нежное время ему казалось, что для магии попросту нет границ — главное придумать и воплотить задумку в жизнь, слепив её из маны. Прав был старый Мяхар — юность богата, а возраст, год за годом спешить отсечь то беззаботность, то безмятежность. Возраст тащил на колючей, драконьей спине этот вопрос из раз в раз насмехаясь над Руном.

На что способен чародей?

На всё ли? А рассеять, разбить чужеродное по составу заклинание — может?

Рун окружил кинжал магическими потоками. Чавьер, косноязычно выругавшись, выронил и короб и оружие из рук, попятился назад. Пастухи не без интереса смотрели, что будет дальше. От их костра несло сыром и тёплым хлебом. И сивухой. Хороший выдался денёк, скажет самый молодой из них после. Было что выпить, было что посмотреть...

Юный чародей скользнул всем собой в кинжал. Он на миг ухмыльнулся, представив, что же там такого увидели селюки. Для них не каждый день чародей по кинжалам скачет.

Магическая побрякушка встретила его забвением, окунула с головой в темноту, выбивая дух. Рун не сразу, но справился с собой, огляделся. Со всех сторон его окружали плотные, узкие стены заклинания. Не распознать в нём такого обыденного, до безобразия скверного проклятия было попросту невозможно.

Почуввав вторжение, проклятие ответило чародею. Слов не было, только истеричный призыв убираться прочь и никогда больше не возвращаться. Поняв, что Двадцатый не реагирует, проклятие окропило его ядом страха. Парень блокировал легко и непринуждённо — яд прошёл мимо его сознания, оставив лишь мрачное послевкусие в мыслях.

Решив, что долг платежом красен, Рун разросся — его неровный облик пошёл рябью. Облако помыслов, каким он был сейчас, спешило нарастить клыки, лапы и щупальца — и видят Архи, для того будут причины.

Проклятье настойчиво шептало. Её слова укором крошились о выставленный им щит равнодушия. Парень же вдруг ощутил, что его самого подташнивает от вдруг навалившейся образности.

Старый Мяхар любил водку, драку, девок помоложе и незамутнённые разумом юные уши. И если Кианор искал веселья в проказах, а Виска желала пристроить к своей извечной игре новую куклу, то вот Руну частенько нечем было занять своё время.

Старый учитель вздыхал: поговаривали, что вскоре он отдаст Архи душу — и надо искать учителю преемника. Рун слышал, но держался подальше — как будто этим можно было что-то исправить. Раздавлив внеочередной ком маны, старик довольно кряхтел, наслаждаясь разливающимся по костям могуществом. Чародей, неустанно говорил он, должен обладать хорошим воображением. Выдумка частенько побеждала выучку — говоря это, он опасливо оглядывался по сторонам. Услышь его тогда мастер Рубера и ссоры было бы не избежать. Чародей без выдумки, продолжал он, что птица без крыльев. Беда только в том, что...

Что воображение бьёт и в обратную сторону. Рун не раз и не два имел дело с проклятиями, несколько раз даровал свою милость обращённым во что-либо людям — благосклонности ради и хорошего настроения для. Но только сейчас он осознавал всю многомерность абсолютно чужих, выстроенных по непонятным законам заклинаний.

Кошмары о былом, Сон четвёртый, часть четвёртая

Только здесь и сейчас Рун понимал, сколь ленивы крестьяне, что живут под сенью защитного купола. Спроси любого из них — и они обязательно расскажут про тысячу дел, которые томятся в ожидании рабочих рук. А всё туда же — собрались, будто у кибитки бродячих артистов и смотрят, не надоедает же им.

Их взгляды липли к чародею, будто пиявки. Каждого — от мала до велика снедало любопытство: каких бисьяков тут только что случилось?

Каждый из них знал, что лезть в душу чародея — на грех нарываться, но уж гадать что у проклятого в голове — и вовсе уму не постижимо.

Они, подумалось Руну, наверно и не пытались постичь, тем более — понять.

Парень чувствовал себя бесконечно уставшим и голодным — наверно, согласился бы даже проглотить ту гадость, что стояла на столе.

— Видали, а? Вы видали? — рослый, но недалёкого вида детина не уставал теребить собственный затылок, оглядываясь по сторонам. — Юродивого-то нашего того-ага. В камень. Видали, люди?

Ему отвесили подзатыльник, призывая умолкнуть. Здраво, согласился с селянами Рун. Он бы тоже не решился злить вымотанного чародея.

Последний из Двадцати оглядел перстень на руке. Раньше он воспринимал его всего лишь как украшение или символ Несущего Волю. Матриарх бесстрашно доверяла почти детям ключ активатор от своего личного автомата — то ли знала способ, как его вернуть, то ли могла заставить явиться украшение даже из небытия. Помыслить о её безрассудности ему было попросту не под силу.

Изумруд переливался в солнечных лучах и приковывал взгляд. Рун переводил взгляд с него на лежащий на земле булыжник, который ещё недавно был несуразным, но человеком. Здравый смысл в недоумении плодил один вопрос за другим, валил в кучу ворох подозрений. Что, если Чавьер на самом деле дал дёру, оставив вместо себя каменюку?

Издевательство.

Насмешка.

Камень был тёплым и дрожал — проклятие покидало новую оболочку мастера по автоматам. Местный дурак не унимался.

— Да что же это, а? В каменюку — ни за что ни про что, а? Люди!

Его ударили сильнее, назревала драка. Юный чародей не обращал на потасовку внимания, чувствовал только жгущее чувство горечи.

Чувствовал себя обманутым. Гениальный механик из ниоткуда, мечтавший вернуть себе прежний облик гладко лежал в руке. Руну страшно хотелось отправить его к уже наказанным разбойникам — просто так, для коллекции.

Парень размахнулся и швырнул камень в придорожную канаву, пошёл обратно, к Ска.

Чавьер надул его будто мальчишку. Оставил автомата в запущенном, но деактивированном состоянии. И не рассказал Руну, что тому делать дальше.

Свежесть воздуха как рукой сняло, едва он открыл дверь хижины. Хозяева не осмелились возвращаться в жильё — то ли мёртвый вид Ска не давал им покоя, то ли страх перед чародеем, что обязательно и в любой момент нагрянет. Вместо них осталась лишь тесная вонь, сразу же ударившая парню в нос, заставившая отступить на шаг. Вот значит как

— стиснул зубы парень. Проклятие какой-то пигалицы из-за стены годами будто зубами держится, а его собственное — развеялось за какой-то час. На пару со злостью явилось и разочарование — вместе с царящей в его душе обидой получилась отвязная тройца.

Медленно он подошёл к Ска. И не поверил своим глазам: из под вороха изодранного в клочья платья, меж объемной груди был зажат лист бумаги. Рун ещё слишком мало знал Чавьера, но это точно было в его стиле. Наверно, знай местные селюки истинную историю того, кого величали юродивым — ощутили бы себя ничтожествами. Кто бы мог подумать, что наделённый волей и жизнью камень способен обучиться непростому ремеслу починки автоматов, да ещё и научиться писать? Из местных на последнее был способен разве что мельник...

Развернув лист, Рун понял, что поторопился с похвалой — быть может, где-то в виранских школах механик и блистал грамотностью и чистописанием, то здесь подобный трюк ему не удался.

Рун не без труда прочитал о том, что ему следует мягко и осторожно коснуться шеи механической куклы — сзади, прямо под волосами. Там оказалась задвижка, но сперва следовало надавить до щелчка ребристую, бугром выпирающую кнопку.

Рун исполнил — механическое нутро автомата проглотило кнопку. Задвижка защёлкнулась сама и в тот же миг заросла кожмитом. Интересно, подумалось чародею, а волосы кожмит тоже способен отрастить ей новые? Проверять, почему-то, не хотелось...

Он покрутил перстень на пальце — по телу пробежала дрожь, кольнуло будто иглой. В записке было велено провести изумрудом перед глазами Ска, что парень и сделал.

Автоматон вздрогнула, совершенно по-девичьи хлопнула глазами. Её взгляд стал живым, она обратила его на последнего из Двадцати.

— Приветствую, господин! Вы отсутствуете в системе как пользователь. Желаете удалить предыдущие настройки личности? Желаете очистить блок памяти?

Рун оба раза ответил отрицательно.

— Господин Рун... — она признала его сразу же, едва поднялась со стула. Юный чародей вдруг ощутил прилив какой-то абсолютно щенячьей радости. Когда она встала, платье окончательно соскользнуло с её плеч. Механическую куклу нисколько не смущала собственная нагота — если она в таком виде, значит, так нужно хозяину.

Рун, недолго думая, сорвал со стола провонявшую скатерть, накинул её на свою новую помощницу. Дерюга, едва коснулась её тела, в тот же миг обращалась в не очень красивое, но добротное, хорошо пошитое дорожное платье и плащ.

— Ты помнишь, что случилось? В Шпиле.

Она кивнула в ответ. На ум пришло предупреждение Чавьера — будет иногда своевольничать...

— Сможешь найти тех, кто за это в ответе?

Ему показалось, что на мгновение её глаза вспыхнули угрожающе алым. Кажется, отыскать обидчиков ей хотелось не меньше него самого....

Кошмары о былом, Сон Четвёртый, часть третья

Проклятие пыталось удержать его в собственных рамках. Заикленное на функции, оно стремилось применить её ко всем и каждому.

В Руна полетела чёрная брань женской ревности. Кем бы ни была та застенная красавица, ей страсть как хотелось сохранить облика Чавьера цельным и понятным.

Руна, разросшись, напоминал какую-то карикатурную, но всё равно боевую многоножку. Лапы стискивали каскады щитов, щупальца щерились клыками мечей, копий и палиц. Из ошмётков брани росли чернильные, влажно масляные фигуры, в самоубийственной атаке устремившиеся на чародея.

Это пока легко, говорил самому себе парень. Это ещё не защита проклятия, это даже не проклятие — так, охранок от излишне любопытных глаз и рук...

Руна врезался в кучу-малу из глиняных фигурок, перехватывая инициативу в свои многочисленные лапы. Он закружился, вихрем кромсая, раскалывая, разрезая. Те почти не сопротивлялись — им попросту нечего было противопоставить могуществу одного из Двадцати. Интересно, подумал Руна, а будь на его месте кто-то куда слабее — смог бы проверить подобное?

Они с проклятием как будто пробовали друг дружку на вкус, давая на откуп незначительные мелочи.

Юному чародею показалось забавным, что Чавьер — не обращённый камень, а проклятый — это открывало многие тайны. И почему только он сразу не догадался о чём-то подобном? Если можно проклясть мудреца на беспросветную глупость, то почему нельзя в обратную сторону? У заклинательницы из Вирании всё получилось.

Первичный пузырь защиты лопнул, пуская чародея внутрь, но сизнова меняя его изначальный облик. Будь у Руна плечи, он бы сейчас зябко поёжился. Это там, в преддверии он был в безопасности, но войдя в структуру проклятия он был уже не на своей территории. Почуввав добычу, на него ворохом обрушились маначерви. Голодные, истосковавшиеся по свежей мане, они готовы были высушить чародея до последнего.

Здесь отрастить себе рук и ног не получилось — облик оказался неподатливым и разламывающимся на ходу. Маначерви разве что не вопили от радости — беззащитная добыча явно была им по вкусу.

Руна нырнул в сторону, проскользнул меж двумя из них, едва не налетел на третьего. Четвёртый был проворен и разинул ярко зияющий прогал пасти. Внутри чудовища полыхал огонь — парень знал, что лучше не испытывать его жар на себе.

Юный чародей метался меж ними, словно затравленная крыса — ему казалось, что он буквально слышит зловеший, и в то же время довольный гогот проклятия. Он прогнал подобные мысли — рисовать заклинаниям человеческие черты первый признак безумия.

Не убьют — это Руна знал точно. Истрепят и выкинут прочь, будто скомканную бумагу. На миг ему представилось насмешливое недоумение крестьян — наверняка, услышав о творящемся, они побросали остальные дела и пришли поглазеть. Упиваясь ужасом, утопая в собственном страхе, но увидеть. Насмешка для могущества яд, когда она над ним.

Парень взъерепенился не на шутку. Он влил в свой облик целый поток маны — было обрадовавшиеся черви теперь вздрогнули. Ещё пару мгновений назад их ужин толстел прямо на глазах, обращаясь в лакомый кусочек, но теперь точно было что-то не так. Возможность

творить собственный облик вновь была на стороне чародея. Не став ждать, он поднырнул потоком под ближайшего червя — тот издал нечто, подобное на вскрик. Рун полоснул его снизу зазубренным краем того, в чём с трудом узнавалась ладонь. Рухнувший во мглу ничего противник извивался до тех пор, пока парень не добил его ногой.

Собратья недолго горевали по ушедшему из жизни. Втроём, закружившись в причудливом танце, они вцепились друг дружке в хвосты. Рун сделал шаг назад — все трое обратились в одного, огромного червя. Парень страшно жалел, что возможность менять мироздание по своей прихоти ему здесь неподвластно. Только облик, только фехтование, только память непослушного тела и навыки с опытом.

Парень скользнул, ушёл от удара хвостом, перекатился. Здесь, в чёрном ничего нутра проклятия, он был словно на ладони. Там, где с ним ничего не могли поделаться четыре юрких твари, одна большая и неповоротливая оказалась на удивление опасной.

Жар из пасти струей огня выплеснулся наружу, прошёл у юного чародея над головой. Маначервь выискивал жертву глазами, не тратя сил на лишнюю возню. Знал, паршивец, что сколько бы чародей не влил сюда маны в самого себя, а есть предел. Устанет, вымотается, и вот тогда можно будет брать тёпленьким.

Парень здраво рассудил, что бегство — худший из выборов, в особенности здесь и сейчас. Только хорошо спланированная атака поможет ему избежать клыков червя.

Будто вихрь он пронёсся прямо перед пышущим жаром носом, отвесил чудищу обидный щелчок — не выдержав такого нахальства, червь бросился за ним следом. Неповоротливый, тупой и глупый, он в то же время был повсюду. Кошмар — если бежать, но сплошной праздник если бить: где не режь, всюду попал.

Рун завертелся веретеном. Клыки маначервя сомкнулись, едва не вцепившись в его облик — и тогда он ударил. Руки, будто топоры, нещадно кромсали гигантскую тварь. Два выпада по носу, один снизу под челюсть — жар голубым пламенем вырвался из ран, едва не опалив чародея.

Последний из Двадцати отступил, но лишь на мгновение. Израненная тварь заколотилась в приступе бессильной ярости. Уходить было некуда. Извернувшись, червь вцепился Руну в тулово — огромные клыки сомкнулись в дикой силе укуса. Парню в миг показалось, что его разорвали надвое. Червь, не разжимая пасти, замотал мордой из стороны в сторону, в надежде растрепать и без того неплотный облик чародея. Рун знал, что если у того получится — ему конец.

В мысли вклинился мастер Рубера. Старый учитель фехтования любил свои усы и тишину, а ещё память о былых приключениях. Не ведая устали, он мог рассказывать, как побывал в чреве механической машины, и как его, лишённого сил пытался разорвать на части озлобленный бер. Рун никогда не думал, что ему пригодятся эти рассказы, а вон поди ж ты...

Ладонями парень ударил в самые основания клыков — маначервь не понял этого манёвра, но взвыл, когда его собственные зубы хрустнули. Качнувшись, он выплюнул добычу.

Здравый смысл отчаянно и сам не зная для чего пытался донести до юного чародея лишь одну мысль. Он смотрел, как спешно, преодолевая самого себя, Рун пытается встать на ноги, и говорил что здесь, на задворках заклинания не может быть чего-то, что похоже на боль. Маначервью не должно было быть больно, Руну не должно было быть больно — но было.

Чародей заскочил на хвост противника, едва не слетел с него, когда тот попытался сбросить его взмахом. Ладони вгрызались в ставшую податливой плоть, разрывая её в клочья. Червь изогнулся и заманаточил. Рун знал, что сам с такой громадиной не справится — он не знает полную структуру проклятия, а это сдерживает его силы и возможности. Но ему и не требовалось изрубить несчастного на ремни — если эта скотина сама изойдёт маной из ран, это тоже будет победой.

Руна швыряло из стороны в сторону, но он неустанно наносил удар за ударом. Зверюга под ним свернулась кольцом, а затем в отчаянии рухнула наземь. Последний из Двадцати соскочил в самый последний момент, отпрыгнул прочь — даже истративший силы и умирающий маначервь всё ещё был способен на сюрпризы.

Оценив его взглядом, парень, понял, что ошибся — этот был уже ни на что неспособен. Он распался на три прежних червя, но те напоминали собой месиво, нежели что-то угрожающее.

Бока юного чародея отзывались болью вопреки утверждениям здравого смысла. Тот рассерженной девой требовал хоть каких объяснений. Их у Руна не было — лишь догадки. Старый Мяхар бы сказал, что облик проецировал с собой ожидания. Рун ведь влил в себя больше маны, чем перетащил чашу весов в свою сторону. Когда захрустели ломаемые клыки червя, само сознание верило, что тому должно быть больно.

Объяснение было шито белыми нитками, но Рун схватился за него, будто за спасительную соломинку.

Теперь нужно было только отдохнуть и двигаться дальше. Маначерви — это одно. На них проклятие держалось, черпая ману отовсюду, откуда только было возможно. Прикопай Чавьер свой ножичек где-нибудь поближе к Шпилю, и то было бы едва ли не вечным. Но совсем другое дело — сердцевина. Если её не уничтожить, Чавьер так и останется человеком. В голове бродили пространные мысли о том, что стоило попробовать уговорить мастера отказаться от своей затеи. Разве плохо быть человеком? Дышать, есть, любить... жить?

Но он почему-то знал, что бывший булыжник вот уже который год лелеет мечты о своём прежнем существовании. Он говорлив, высказал предположение в голове чародея Мяхар, лишь по той причине, что боится собственных мыслей. Они ему мешают и претят. Руну вспомнилось, как однажды они с Виской слушали, как звучат цвета.

Непривычно. Рун знал, что не смог бы выдержать так всю жизнь.

Внутренний голос, принадлежавший уже только Руноу рявкнул, заставляя того идти дальше.

Серцевина, сказал он, ждёт...

***

Вместо сердцевины впереди его ждал лабиринт. Рун понял, что ошибался, едва увидел его. Заклинательница не напортачила, а, скорее, попросту перестаралась. Парень, навешивая на нерадивых селян какое-нибудь наказание, никогда не озадачивал себя защитой от других чародеев. Зачем? Кто осмелится явиться сюда и посмеет оспаривать волю Двадцати? До сих пор наглецов не находилось.

За стеной была совершенно иная жизнь. К востоку от Шпиля простиралась огромная и ненасытная Виранская Империя. Разделённые с ними скалами, лежали Шаурад и Ясилляй — вечно враждующие земли. Будучи мальцом, Руноу казалось, что по ту сторону купола если и есть жизнь, то очень унылая. И с магией там очень-очень плохо.

Матриарх же всегда избегала разговора об этом, говоря лишь то, что с магией там на самом деле иначе. Под иначе пряталась добрая тысяча смыслов, разгадать которые он был не в силах.

Сейчас подлая виранка смеялась над учениями Двадцати. Рун чуял себя ущербным: будучи Двадцатым и самым молодым из Шпиля, он обладал немалым магическим потенциалом. И никаким опытом — мастер Рубера говорил ему об этом при жизни, теперь шептал на ухо и после смерти. Можно подумать, учитель фехтования разорвал бы это проклятие сразу в сердцевину, минуя стражей и маначервей.

Здравый смысл отвечал на бесполезную обиду тем, что да — и Матриарх, и мастер Рубера, даже старый Мяхар врезались бы в самую составляющую проклятия и сняли бы его взмахом руки.

Руны же надо было попотеть.

Парню было до бескрайнего интересно, чем там занят Чавьер? Терпеливо ждёт, пока юный чародей блуждает по коридорам? Или его схватили крестьяне — для них разломать кинжал окончательно будет решением вопроса — как избавиться от угрозы. Поможет им в самом деле вряд ли: если они поломают всю только что проделанную им работу — он каждому из них уготовит участь похуже смерти.

Лабиринт блуждал, раз за разом приводя его к очередному тупику. В каждом из них ему мерещилась ухмыляющаяся рожа виранской колдуньи.

Ему страшно не хотелось этого признавать, но волшебница вряд ли уступала по силе и возможностям Матриарху. Парню всю жизнь твердили, что по ту сторону стены бродят разве что бесталанные бестолочи, едва способные зажечь огонь взглядом. Гитра на своих уроках не без гордости сравнивала их, говоря что каждый из Двадцати — это пламя огромного кострища, но каждый чародей из тех, кто остались за стеной — всего лишь тусклая, угасающая день ото дня свеча.

Стены лабиринта сжимались, вытягивались, менялись — пытаясь вернуться назад, Рун всякий раз оказывался в ином месте. Старый Мяхар, будто разом утративший свою манеру насмешничать в толк и бестолку, сейчас смотрел на всё это глазами юного чародея и восхищался. Структура, защитные механизмы, общая архитектура — Рун бы никогда не подумал, что старый пройдоха такой ценитель.

Будто вспомнив о том, как ему следует вести себя на самом деле, он крикнул и тут же сказал, что его ученик слишком правильный. Играет по тем правилам, что ему кладут на стол. И немного идиот — потому что когда правила меняют прямо на ходу, вздыхает, но продолжает следовать.

Будь у Руна здесь губы, он укусил бы самого себя до крови. Старик славился исключительно разбойничьей натурой — он бы не стал шататься от одного тупика к другому. С залихватским свистом, он бы проломился сквозь стены, оставляя за собой лишь развалины.

Рун с размаху ударился о ближайшую стену, поддавшись первичному порыву — и отскочил, словно мяч. Лабиринт, ему показалось, ухмыльнулся тщетности его попытки. Не теряя самообладания, парень попробовал ещё и ещё — с тем же закономерным результатом. Одним упорством здесь было не пробиться, Мяхар же, дав последний совет, сейчас предлагал думать самому. Ему-то там, в своём посмертии прекрасно, зло подумал юный чародей. Сиди в голове ученика, бубни на ухо что только в голову придёт, посмеивайся...

Образность, вдруг понял Рун. Он же сам зажимает себя в рамки чужого, навязываемого

ему образа. Подчиняется.

Решение лежало на поверхности. Чародей в один момент сменил собственную оболочку — из единого целого рассыпался на заклинательные, заполненные маной ленты. Кривыми, размашистыми надписями лёг на стены. Проклятие не сразу поняло, что случилось, отреагировало слишком поздно. Рун принялся менять его структуру под себя. Манатические потоки складывались перед Руном теперь в единое целое — ещё недавно крепкие, будто скала, стены обратились пряничным крошевом. Проклятие спешно ставило перед ним заслоны, пытаясь закрыть ход для его заклинательных плетений.

Бестолку: Рун уже знал, куда и как ему двигаться дальше. Кто бы мог подумать, что лабиринт, в котором он оказался попросту закольцован и не имел выхода к самой сердцевине? Наоборот — та была окружена стенами со всех сторон, как величайшее сокровище.

Парень пронзил прежде неприступную преграду, пронёсся вихрем, ощущая вдруг нахлынувший на него дух свободы и могущества. Да, кивал ему старый Мяхар, теперь ты понимаешь, как и зачем ломать не свои — чужие правила.

Стена перед ним обрушилась и пала сама, ещё до того, как Рун её коснулся. Проклятье поняло, что её заслон теперь не крепче соломы, а потому перестало тратить силы на его поддержание.

Рун остановился лишь на миг — тесные своды лабиринта вдруг сменились бескрайними просторами огромной пропасти. Здесь можно было чувствовать вкус красного и слышать, что говорит зелёный. Восприятие в образности переворачивалось с ног на голову.

Сердцевина стояла перед ним в образе обнажённой мраморной девы. Если она хоть сколько то похожа на ту заклинательницу, что прокляла несчастный булыжник на жизнь — то у неё явно всё прекрасно с самооценкой. Девчонка была страшно худа, вытянута и не обладала хоть чем-то, что можно было назвать женской красотой.

Но на её лице застыла извечность издевательской ухмылки — то ли она знала, что оказывает Чавьеру медвежью услугу, то ли заведомо издевалась над тем несчастным, кто будет его расколдовывать.

Кто вообще захочет его расколдовывать просто так?

Рун знал, что ответа на этот вопрос не получит никогда.

Цепи стальными плетями свисали со всех сторон — несчастная была прикована к земле, будто и в самом деле была способна к побегу. Парень перестал удивляться странностям абсолютно чуждой ему логики.

Подвох разве что не витал в воздухе — лабиринт ведь точно не был последним бастионом защиты. Парень на секунду остановился, пытаясь вспомнить, зачем же он это делает? Здравый смысл, поправив очки на носу и прочистив горло развернул список. Ска была ему необходима. Йохана он поймает — вряд ли это шибко умный из нападавших. В этом и была основная проблема — что не шибко умный, не сильно важный. Какой смысл ловить мелкую шантропу, которая не знает ровным счётом ничего?

А у Ска наверняка в памяти остались не только их лица. Автоматон, к тому же, обладала способностью находить людей по биотическому следу — грех было не воспользоваться таким даром.

Парень неспешно приблизился к изваянию — то было бесконечно холодным и неживым. Отростки рук окрепли, налились тяжестью и силой, обратившись в молот. Рун замахнулся и ударил от всей злости, что сидела в его груди, будто мстя самой виранской

ведьме за потраченные им силы и время.

Сердцевина рассыпалась на части, как самая обычная статуя. Из неё выпорхнул тот самый подвох, которого он столь отчаянно ждал.

Обломки вдруг восстали, соединяясь в некое подобие человеческих фигур. Цепи, до того момента лежащие мёртвым грузом, со звоном лопнули, даруя пленникам свободу. Фигуры двигались неспешно и как будто бы нехотя, но Рун понял, что они окружают его со всех сторон. Обрывками цепей они связались друг с дружкой, лишая юного чародея путей к отступлению.

Ближе стоящий голем получил молотом в голову — заменяющий её бульжник смешно отскочил в сторону, застыл у ног каменного же собрата. Рун добил несчастного, вложив во второй удар как можно больше сил — молот расколот и без того нецелое тело на половинки. Парень пригнулся: с ним говорило шестое чувство, а у него со зрением всегда было хорошо. С виду медлительная тварь, оказалась несвойственно големам проворной. Каменные руки замолотили по воздуху — пусть и неумело, но шустро. Юный чародей чудом избежал удара от третьего соперника, но четвёртому ударил по ногам. Тот завалился в пропасть, утянув с собой и пятого. Последний из Двадцати отчаянно желал, чтобы и все остальные последовали их примеру. Не вышло — оставшиеся братья по мрамору не шелохнулись и с места, лишь зазвенели туго натянувшиеся цепи.

Через мгновение интуиция зашлась кабаньим визгом: чародей растерялся лишь на мгновение, как его швырнуло, будто котёнка. Руна протащило по земле, пальцами он вцепился в скользкую поверхность, взглядом выискивая обидчика. Тот голем, которого он упокоил первым, сызнава был на ногах. В центре его царил ураган, стягивающий каждую утраченную частицу и возвращая её на место. Бульжник головы не менее смешно чем раньше подскочил и водрузился на каменную шею. Рухнувшие в пропасть тоже никуда не делись — их вытащили, как ни в чём не бывало. Страшно и неприятно звенели цепи.

Парень откатился в сторону, сбежав от прыгнувшего прямо на него голема: каменные ноги вонзились в землю, поднимая тучи пыли. Рун не успевая встать рубанул молотом-рукой наотмашь — противник, готовый вновь отвесить чародею доброго тумака зашатался.

Чародея швыряло из стороны в сторону. Долгие, изнуряющие тренировки мастера Рубера показались ему детской забавой. Каменные великаны окружали со всех сторон, осыпая градом ударов — Рун в который раз повторял самому себе что здесь боли не существует, она всего лишь миф, досужая фантазия, нелепое ожидание тела. Но каждый пропущенный выпад взрывался в нём едва ли не адской агонией. Вставая на ноги, последний из Двадцати бился из последних сил — големы крошились, падали в пропасть, не выдерживали и разваливались на части — но сколько бы он не старался, каждый раз они собирались вновь.

Насмешка виранской колдуньи.

Издёвка.

Думай, пожимает плечами старый Мяхар, не желая идти на поводу у ученика и хоть в чём-то ему помочь. Мастер Рубера, в кои-то веки, проявил завидное с ним единодушие.

Камень. Руна обдало горячим крошевом, когда он в очередной раз развалил противника. Усталость дикой лисицей подбиралась откуда-то из-за спины, обещая в скором времени лечь тяжким грузом на плечи. Голем навис над Руном громадой своего могущества, беспощадно обрушив на чародея свой кулак. Парень блокировал, в тот же миг вильнул в сторону — каменные собраты не желали ждать, когда один из них наиграется с ним. Они хотели Руна

все и сразу.

В область живота как будто вонзили клинок — Рун потерял равновесие и концентрацию, попятился. Следом левое плечо взорвалось болью. Подобие ног, что у него сейчас было, согнулись от той мощи, что пришлась на спину.

Камень. Форма...

Он как будто играл с самим собой в угадайку. Боль, что плотно вцепилась в разум чародея, отступала спешно, но нехотя. Очередной удар выбил из Двадцатого дух сопротивления. Отчаянно и теряя всякую надежду, парень свесился через край — его противникам следовало отвесить ему лёгкого пинка, чтобы окончательно закрепить свою победу.

Что они и сделали. Рун из последних сил вцепился отростками мнимых пальцев в край. Глянул вниз — бездна, бесконечно мрачная и голодная готова была с радостью принять его в свои объятия. Каменные воины возвышались неотвратимостью, тускло блеснула связывающая их цепь.

Рун страшным усилием подтянулся, бросил своё тело, обратил ладонь руки в нечто похожее на крюк — тот вонзился аккурат в стык звеньев. Дёрнувшиеся от неожиданности големы произвольно вытащили его назад. Цепь натянулась, когда Рун, будто выброшенная на берег рыба что есть сил потянул её на себя в надежде высвободить руку. Не выдержав, та звонко лопнула, прыснув осколками звеньев в разные стороны. Чародей инстинктивно закрылся рукой.

Камень. Форма. Цепь...

Головоломка сложилась, явив в сознании последнего из Двадцати счастливую улыбку. Голем, оторванный от братьев как будто выглядел обескураженным, когда Рун пинком ноги развалил его без особых усилий. Резко он развернулся к оставшимся, уже понимая, что их судьба предрешена.

Наверно, будь у проклятия и в самом деле хоть что-то человеческое, оно бы взвыло от отчаяния...

Глава седьмая — Храпуны

Меньше всего Рун любил встречи. Селяне же, будто забывая обо всех иных делах, спешили с головой отдаться этому ритуалу.

Стоило несущему волю лишь показаться даже не на горизонте — на тракте, ведущему в деревню, как впереди бежали слухи. Брехливыми собаками она лаяли местным в уши о том, что по их души едет разве что не главный бес-проигранец. И вот-вот утащит их души к бледным, даже не соизволив хотя бы раскинуть картишки.

Раньше это было особенной игрой. Представлением. Бродячие артисты в своих кибитках и представить себе не могли, что в грязных селюках умирает такой талант.

На каждого из чародеев у крестьян были свои улыбки, ухмылки, ужимки и прыжки. Старосты сменяли друг дружку — кто ушёл по старости лет, а кто и оказался очередным напоминанием нерадивым на позорном углу. Но все, как один, будто с самого детства изучали фальш непринуждённого разговора.

Чародея ждали. И даже когда не ждали — ждали. Баня, стол, девки — каждый староста будто в кармане держал их про запас, выкладывая на стол перед господином магом.

Когда Рун столкнулся с этим впервые — ему показалось, что крестьяне варят патоку слов, потому что она бесконечным потоком льётся из каждого открытого рта. Из каждой дырки, из каждого нужника, как будто доносился глас и славословие.

Первыми всегда встречали мальчишки. И сколько бы их не пороли розгами отцы, стремились перемахнуть через забор, спрятаться в кустах и ждать. Всякий раз они ждали пришествия если не великана, то кого-то сопоставимого с ним. Иначе почему маг — великий? В собственной наивности они были непосредственны.

Рун старался не трогать детей. Виска и Кианор были не столь благодушны — и потому частенько, едва юнец переступал черту деревни, то впереди старосты, вырываясь из рук мужичья, ему в ноги кланялись женщины. Завёрнутые в расшитую тряпицу, они несли к нему соломенные игрушки, молотки, гнутые гвозди, швейные иглы. Своих детей, что имели неосторожность досадить другому несущему волю. За наказанием у магов дело никогда не стояло.

Думая об этом, Рун стискивал зубы и сжимал кулаки. Сомнения гадкими червями роились в душе, проникали в мысли, подтачивали фундамент уверенности. Вчера ему пришло письмо. Белка соскочила прямо с дерева, разгрызла орех, швырнула скорлупу оземь — та расплылась письменами на земле. Ска, ломая ветви и на ходу бросая собранный хворост схватилась за малурит. Опасности рядом не было, но кто его знает? Боевые протоколы обязывают.

Писала Виска. Рун читал её послание — девчонка говорила о милых пустяках, о былом, но он чуял истинный смысл, прятанный за непринуждённостью.

Сначала она просила вернуться, потом, будто понимая, что Рун не слушает, перешла к угрозам. Затем настал черёд мольбы — как всякая женщина, Виска возлагала надежды на старое, давно проверенное оружие.

Парень ей не ответил. Как не ответил на то послание, когда Кианор избитым псом вернулся в Шпиль, и на последующее за ним. Рун просто не знал, что говорить.

Те, кто никогда не испытывал угрызений совести по свершённому пытались донести до юного чародея видение нового мира. Оно было столь же безоблачным, как и раньше, только

лучше. Лучше, больше, краше — об этом едва ли не кричало каждое из слов. Рун перечитывал послание — то, исполнив задачу, спешило осесть наземь и раствориться в утренней росе. Буквы таяли, будто майский снег — быстро и навсегда.

Рун знал, что они лгут — его если и ждут дома, то вряд ли с распростёртыми объятиями. Раньше он боялся вернуться домой, потому что будет выглядеть блудным сыном. Что осознал и вернулся, простите, пожалуйста! Раньше он превращал разбойников в камни из мести, потом — для суда, сейчас для успокоения собственной души.

Иногда, ночами, вместо былого он видел жуткого вида кошмары. Он возвращался в Шпиль — грязный и избитый, и находил его обновлённым. Его выходила встречать Матриарх — живая и невредимая; и сколько бы мальчишка не вглядывался в её шею, не мог найти разреза. Хмурил брови и теребил усы мастер Рубера, старый Мяхар наоборот — был полон сил, а изо рта у него разило кислой деревенской сивухой. Гитра, Нилтар, Пьон, Жирк — все живые, все довольные, готовые заключить в объятия блудного собрата. И Виска, что стыдливо пряталась за их спинами.

Он просыпался в тот миг, когда с неё платком спадало шёлковое платье. Или когда его руки касались её обнажённого и разгорячённого тела. Или когда, теряя разум, стискивая в руках девичью грудь, он валил её на кровать. Или...

Или.

У пробуждения каждый раз отыскивался особый момент. Из жарких объятий волшебницы он выпадал в мёрзлую, неприятную реальность. Как будто у Архи, отвечающего за сны было по особенному извращённое чувство юмора.

Тогда он кусал губы и смотрел на Ска. Механическая кукла делала вид, что не замечала его взглядов. На ум шла бестолковость слов Чавьера, когда они вместе обнажили автоматона.

Тогда становилось ещё труднее.

Иногда в разум мальчишки приходило безумие. Непрошенной гостьей оно перебирало его собственные мысли, вытаскивая на свет самые безумные и злые. Оно без зазрения совести звало последнего из Двадцати бродячим бездомным псом. Куда бы он не сунулся — везде его ждал только страх.

Парень гнал наваждение прочь, но с каждым разом убеждался в её правоте. В какую деревню бы он не пришёл, староста предпочёл бы встретить Безумку или спустить последние порты на пару с душой проигранцам, нежели повстречать унылого, задиристого на вид мальчишку в плаще и символом Двадцати.

Так было в любой деревне, что встречалась ему на пути.

Кроме этой.

Рун разинул рот от удивления, когда его ушей коснулась песня. Со стороны показавшихся на горизонте хат лилась музыка. Рун зачем-то вслушивался в тщетной надежде разобрать слова. Ска анализировала.

— Праздник? — высохшими губами спросил Рун у самого себя. Ска задумалась лишь на мгновенье, прежде чем ответить — и отрицательно покачала головой.

— Нет, господин. Календарь, заложенный в меня, не содержит праздника на этот день. Желаете провести...

Рун махнул на неё рукой. Если уж на их землях станут праздновать Виранские или ещё чьи празднества — у селян не останется времени для работы.

У этих и не было. Нескошенная трава бурьяном возносилась в человеческий рост. Захоти там спрятаться всадник — у него бы получилось.

Муладир под Руном протяжно заревел, мотая головой из стороны в сторону. На несчастную тварь навалился страх дурного предчувствия. Предчувствие кружило и над головой чародея, но перебивалось запахом свежей выпечки — значит, тут не одни лентяи живут! Рун посмотрел было на Ска — но той опасения были чужды.

Если только подозрения.

Память была коварна. Иногда ей казалось забавным, что Рун помнил ту или иную деревню едва ли не до дома. Не раз и не два, когда он исполнял роль несущего волю, она складывала в себя унылые образы полуразвалившихся домов. Мужичьё было старательно ровно настолько, насколько это было возможно — но из под их рук редко выходило хоть что-то красивое. Практичное — почти всегда.

Эта деревня была чужда чародею — слишком яркая, слишком сказочная, буквально сошедшая с книжной картинки. Цветастые платья, белизна рубах, едва ли не огнём горят красные сапоги.

Скоморохи и ряженные ходили колесом, плясали, сыпали из себя улыбками, словно из мешка. Музыкальные инструменты в их руках спешили сменить друг дружку, по дворам вместе с запахами съестного, разливалась полная огня музыка. Под такую провожают весну или встречают осень, почему-то подумалось чародею — с выводами он не спешил.

Внутри сидело маленькое сомнение, готовое цепляться за любую нестыковку. Но что делать, когда нестыковки здесь словно сорная трава?

Ска взяла муладира под уздцы. Животное, не желая участвовать в творящемся балагане, бешено смотрело по сторонам и норовило взбунтоваться. Прикосновения Ска его успокаивали мало, но шпоры на сапогах юного чародея уж больно сильно впивались в разнузданные бока.

Им навстречу выкатился мальчишка — вихрастый и с леденцом в руке. Парень вдруг поймал себя на зависти — до того, как родители продали его собратьям за несколько мешков муки, он никогда не знал, что такое сладости. Не говоря уже о леденцах.

Молча, ничего не говоря, не снимая маску радости с лица, он жестом указал на муладира, а после — на просторный сарай. Не узнать в нём скотный двор не смог бы даже слепой.

Рун покачал головой — мальчишка лишь пожал плечами и задал стрекача. Его сверкающие пятки будто только и говорили — что мне, дел мало, со всякими вредными чародеями договариваться?

Парень сглотнул, ясно ощущая, как непонятное потоком затопило сознание, а где-то в глубине души пробуждается паника. Так обычно всегда: ещё ничего не случилось, но паника тут как тут. Заранее...

В деревне, да и для деревни как будто никогда не существовало чародеев. Последний из Двадцати прекрасно помнил, что стоило ему лишь показаться на горизонте, так старшие хватили за уши младших, норовя упрятать их в чулан или погреб. Позорные столбы, стоящие в назидание наглецам, очень хорошо давали понять цену детской глупости...

Здравый смысл отчаянно, не смотря на слова Ска, цеплялся за праздник. У селян всё хорошо, к ним не наведалься бес возмездия и даже Архи не обошли стороной за павших господ — вон как столы ломаются. Ты постарел, буркнул ему старый Мяхар, а Рун потрогал ладонью собственную щёку. Пальцы колола жёсткая, почти кабанисья щетина. Постарел, продолжил старик, помрачнел и подурнел. В погоне за своим пониманием справедливости утратил былой облик.

Парень заглянул в корыто с водой и отпрянул от собственного отражения.

Разве так должен выглядеть настоящий чародей? Наверняка, местные приняли его за бродягу. Не удивительно, если сейчас его погонят палками или предложат объедки.

Парень скривился от подобных мыслей, и вдруг осознал, что его беспокоило в этой деревне больше всего остального.

— Ты слышишь, Ска?

— Что, господин? — если автоматон и поняла о чём он, то виду не подала. Рун не замедлил с ответом.

— Тишина.

Тишина гуляла по празднующим дворам, царила меж кибиток бродячих артистов, властвовала над горсткой столпившихся у бочонка мужичков.

Тишина...

Рун слышал музыку, но не слышал голосов. Даже скоморохи только корчили рожи. С их уст не прозвучало ни единой шутки.

— Где детский смех, бабьи сплетни, похвальба пьяниц? — Спросил парень и вздрогнул от того, насколько же громко прозвучал его собственный голос.

Словно желая отвлечь его ненужных вопросов, из хоровода выскочила девчонка. Хорошо сложенная, невысокая, платье подпоясано хозяйским кушаком. Передник взмывался в танце, нижняя юбка норовила бесстыдно задраться.

Она схватила чародея за руку, потащила за собой в надежде уволочь его в дикость деревенской пляски. Рун ощутил себя будто в капкане, не в силах противиться её воле. Взгляд зелёных глаз проникал в душу и заставлял забыть обо всём. Мира вокруг нет.

А что есть, молчанием спрашивал чародей и слышал ответ в собственной голове — лишь счастье.

Рука стальной девицы легла ему на плечо, стиснула. Ска с маловыразительным лицом смотрела то на чародея, то на его новую спутницу.

— Вам не стоит этого делать, Господин.

Решив, что с хозяина хватит, она вперилась взглядом немигающих глаз в девчонку. Будто две молодки не смогли поделить муженька — будь это простая деревня, и отовсюду бы уже слышались сальные шуточки.

Ска как будто вырвала его из хватки дракона — соперница, лишившаяся кавалера, готова была испепелить механическую куклу на месте.

— Что на тебя нашло? — Рун чувствовал себя неудобно. Ему показалось, что будь она настоящей девушкой, уже надавала бы ему затрещин.

— Вы хотите получить полный отчёт, господин? — в голосе механической куклы проскочило нечто похожее на ехидство. — Это что на вас нашло, господин!

Не будь она автоматомом, парень бы решил, что Ска попросту ревнует. А раз не так, значит дело в другом. Стальная дева поспешила объясниться.

— Магический фон, господин. Он зашкаливает.

Рун тотчас же проверил и едва не рухнул наземь. Вся деревня была будто окутана магическим покрывалом. Нахмурившись, юный чародей схватил за руку спешащего к столу старичка. Бородатый, в дряхлой одежонке, давно утративший зубы, он не сопротивлялся силе молодости. Улыбнулся, будто Рун только что одарил его золотом, уставился на чародея.

Вопросы, градом готовые излиться на голову несчастного застряли в глотке. Последний из Двадцати чувствовал, что ему почти больно говорить то, о чём он хочет. Так и не

подчинив собственный язык, он выпустил бедолагу.

Ска была рядом, ни на мгновение не выпуская своего хозяина из виду. Словно здесь и сейчас они были окружены стайей кровожадных акул, а она — его последняя надежда.

Наверно, подумалось чародею, так оно в самом деле и есть. Не сделай её создатели наполовину из саффиритовой лазури — кто знает, под какое бы чародейство угодила теперь?

Рун же больше всего хотел знать под какое чародейство угодил он сам. Магический фон зашкаливал, превосходя любые разумные пределы. Чародейством здесь и сейчас можно было объяснить многое, вот только что здесь происходит?

— Господин... — тихо окликнула чародея механическая кукла, но тот не обратил на неё никакого внимания. Здесь, говорил самому себе парень, мог бы быть мятежный чародей. Что, если пресловутый Мик на самом деле — один из тех, кого не успели обратить в дорожную колонну? Парень сглотнул, вспомнив, что его самого могла ожидать подобная судьба. Однако чародей вне Шпиля и подобной силы — нонсенс. Вокруг же было не заклинания — сколько парень не выискивал следы плетения, не было ничего подобного. А что, в отчаянии предположил здравый смысл, если эти доходяги умудрились выиграть у проигранцев и запросить...

— Господин! — На второй окрик Ска повысила голос. Рун нехотя обернулся к ней и обомлел. От неожиданности сделал шаг назад, будто собираясь трусливо бежать.

Бежать было не зачем и не от кого, разве что за кем. Нисколько не стесняясь сквозь толпу вышагивал навстречу вооружённый топором здоровяк. Топор он держал за поясом, за версту от него разило свежим молоком и древесной стружкой. Красный кушак, белая нарядная рубаха, широченная улыбка на лице.

Мик.

Разбойник напавший на Шпиль.

Не выказывая враждебности он шёл ему на встречу. На груди был вышит знак старосты деревни.

Может, подумалось напоследок юному чародею, у нас всё так плохо потому, что разбойников стали выбирать в старосты?

И улыбнулся собственной шутке.

Глава восьмая — Счастье, Сейчас-тие, Щасте

Меньше всего Рун любил встречи. Из лучшего крестьян рождалось худшее чародея. Простые и незатейливые, они делились с юным магом последним куском хлеба, но никогда — с улыбкой на лице.

Точнее всегда, но настоящей её было назвать сложно.

Мик улыбался чародею от всей души. Радужный хозяин, просторный дом, дородная крепкая женщина с хватом. С печи на Руна смотрел три пары до безобразия внимательных глаз.

От этого становилось неудобно. Парень всегда верил, что его возмездие священо и не ведаёт жалости, но обратить Мика бульжником сейчас и на глазах у всей семьи? Совесть орудовала плетью, в тысячный раз говоря ему "нельзя!" и ему нечем было ей ответить, кроме тишины.

Тишина.

Мик не говорил ни слова, его жена молчала, молчали дети. Молчаливое веселье разлилось за окном, будто дурнопахнущая лужа; Рун видел застывшую у входа в дом механическую куклу — зачем он только велел ей остаться снаружи? И что противней всего, молчали призраки учителей. Мяхар, Рубера, даже Гитра — словно устав от бестолковости своего ученика покинули его голову и оставили один на один с происходящим. Разбирайся, мол, как ведаешь и знаешь.

Рун пару раз порывался что-то сказать, но выходило скверно. Ему казалось, что стоит ему открыть рот, как слова беззвучием рассыпаются прямо в воздухе.

Свято место не оказалось пусто. Вытеснив учителей, их место занял глас звенящей тишины. Зачем тебе слова, дурачок, неустанно спрашивала она раз за разом. Слова только губят, делают хуже. Словами обманывают, словами скрывают и дарят телеги ложных надежд. Разве если убрать всё это — не наступит настоящее счастье?

Счаст-тье. Щасте. Сей час тие...

Парень покачал головой, прогоняя гнусное наваждение, вцепился в глиняную плоску, сделал пару осушающих глотков. Поперхнулся. Мик добродушным хозяином похлопал его по спине, одарил дружеской усмешкой.

И это-то один из тех разбойников, что напал на Шпиль? Вывернул руки матриарха, отрезал ей голову? Кровавый Крюк, гроза дорог, смерть чародеев?

Рун не верил собственным глазам. На языке последнего из Двадцати злыми бесами вертелись вопросы. Здравый смысл сопротивлялся пряничному мирку, что окружал его со всех сторон. Отчаянно и зло он множил вопросы, не давая парню с головой уйти в забытие окружающего.

Парень ощутил в себе дикое, неизбывное желание остаться здесь — всего на день-другой. Тишина, после первой атаки перешла ко второй. Она была согласна с чародеем почти во всём, кроме последнего. День, вопрошала она приветливым взглядом бывалого разбойника? Мик шурился, будто говоря, что дня-другого для счастья недостаточно. Может быть, лучше неделя?

Парень не торопился с ответом. Перед тем, как зайти в дом, он обменялся со Ска знаками. Автоматон кивнула в ответ, когда он показал ей три пальца — велел обследовать окрестности на предмет странного.

Потому что, видят Архи, странного здесь куда больше, чем хотелось бы.

Нутро чародея, привыкшее к тому, что за каждым кустом как минимум по разбойнику подсказывало, чуяло подвох за версту. Парень плёл одно заклинание за другим. Те рыскали вокруг чародея в тщетных поисках того, кто осмелился вытворять с его разумом шутки.

Не в силах подняться, последний из Двадцати улыбался хозяину в ответ. Мгновение — и вот перед ним уже сидят три внимательных пары глаз. Следят за каждым движением, тая надежду ухватить подвох за хвост. Двое мальчишек и одна девочка — коротенькое платьице, сопливое лицо. Рун вытащил из-за её уха монетку ровны, заставил нарисованные угольком глаза тряпичной куклы закрываться и открываться.

Мик вышел во двор, а хозяйка смотрела, чтобы дети не докучали излишне дорогому гостю.

Наивному гостю.

Бегунки, посланные чародем, возвращались к нему без новостей. Бабы, дети, старики. Веселье без смеха, песни без слов. Треклятая, гнетущая тишина молчания, беззастенчиво пожирающая один звук за другим.

Но больше нечего.

Чего он, в конце концов, хотел увидеть, немым укором вопрошали возвращающиеся поисковики. Рун злился, но сам не знал ответа на свой вопрос.

Гостеприимство разбойника оказалось навязчивым и гораздым на выдумки. После застолья — дети требующие чудес от чародея, за детьми явилась молитва Архи. Парень вдруг понял, что не может вспомнить, когда и в какой момент обеденный стол сменился алтарницей. Солнце, лениво катящаяся за горизонт, приглушённый свет, огрызок давно оплывшей свечи, чад и вонь подтаявшего воска. Рун стоял на коленях перед деревянным истуканом — плохо, но любовно выструганным из целиковой деревянной чушки. Сколько времени прошло? Где, проигранцы её раздень, шляется Ска? Парень попытался встать, но у него ничего не получилось. Как будто всё его тело само хотело преклонить колени перед досужими суевериями местных...

За молитвой явилась девица. Юному чародею казалось, что где-то он уже её видел, вот только память понуро жмёт плечами. Дочь, неописуемым жестом показал ему Мик. Не замужем...

Рун осматривал её с ног до головы, чуя, как внутри него самого нарастает омерзение. Он перевёл взгляд на бородоча, пытаясь получить ответ — что перед ним? Взятка? Убийца магов пытается откупиться от него своей дочерью, прямо как на базаре?

Маленькая, на полголовы меньше, чем Виска, оценивающе говорили ему глаза. Из под накидного фартука остро торчали бугорки груди. Взгляд в пол, рыжая копна волос, россыпь веснушек на лице...

Она смотрела на него снизу вверх, замороженно и осторожно — парень вдруг ощутил порыв дикой, необузданной страсти, и абсолютной власти над ней.

В нём пробудилось дикое, воистину звериное желание схватить этот хрупкий цвет за руку и потащить на задний двор — будто законную добычу. Парень вдруг поймал на себе взгляд жены разбойника — вместо отвращения он увидел там одобрение. Замужество, хозяйство, сколотят хату, пойдут детишки. Года! Уже пора!

За окном, будто море, разлилась ночь. Тьма заполонила собой всё, что только могла, редкие фонари несмело разгоняли мрак — но тот будто готов был в любой момент поглотить собой тщетность крохотного огня.

У девчонки было хрупкое, тонкое запястье — Рун даже представить себе не мог, что такое возможно. В голове буйствовала неизбывная страсть. словно обезумевший, парень потащил её через дом, на задний двор, в хлев.

Юный чародей сопротивлялся самому себе насколько мог. Твердил, что это безумие, варварство, что он маг и к тому же — один из Двадцати! Последний из Двадцати!

Но его собственное тело взбунтовалось против его же разума. Он плёл заклинания, но тело не давало выхода мане — бурлящим потоком, не имея возможности родиться заклинанием, она драгоценным могуществом растворялось во мгле.

Разве это не счастье, усмехнулась вдруг тишина. У парня зазвенело в ушах. Сейчас тие. Щасье. Слово расплывалось, било в голове набатом, стремилось измениться, из слова стать мантрой, из мантры — смыслом жизни. Свадьба, хата, дети.

Счастье?

Рубаха на девчонке затрещала под молодецким напором чародея. словно обезумевший, он стискивал клочок ткани, тяжело дыша, пытаясь придти в себя. Стог подгнившего сена, в ноздри била мерзкая вонь слежавшейся соломы и нечистот. Ржавые вилы топорщились тупыми зубьями в углу. Под ногами чародея — стоптанная обувь селян, он даже не заметил, что стоит на ней босиком. Куртка и плащ хламидой лежали у двери. Верхняя рубаха спряталась, а может и вовсе испарилась.

Чародею казалось, что отовсюду на него смотрит само любопытство. Холодный пот пробил его с ног до головы — под внимательным взглядом он ощущал себя ничтожной, безвольной букашкой. словно вновь оказался там, в игрушечном «замке» демоницы...

Будто на что-то рассчитывая, он поискал рукоять виранского клинка. Но трофей Вигка решил уйти в небытие вместе с поясом и ножнами.

Чародей неловко переминался с ноги на ногу, прежде чем посмотрел на неё.

Обнажённой она показалась ему ещё беззащитней, ещё, до преступного, младше, чем была. Из засидевшейся в девках в юную красавицу. Приглушённый свет крал очертания, тень мягко очерчивала привлекательную фигурку. Разгорячённая, раздвинув ноги, девица послушно ждала своего покорителя.

Рун коснулся небольшой, но упругой груди. В голове бурлили сравнения — у Виски больше, мягче, лучше...

Сейчас было плевать. Парень избавился от штанов и исподнего — последнее настырно не желало сниматься, словно в надежде удержать хозяина от ошибки.

Никакой ошибки тут нет, вдруг неожиданно для самого себя признал чародей.

А что есть, угрюмо спросил здравый смысл? Ответ лёг на ум сам собой.

Счастье...

***

Она была, будто дикая, необузданная кошка. Маленькая и щуплая, но в то же время, заполненная страстью от пят и до макушки. Извивалась, сидя верхом на последнем из Двадцати, словно разъярённая свирепая бестия. Руки то и дело змеями обхватывали чародея за шею, норовили заключить в кипучий жар объятий. Горячее дыхание будущей невесты обжигало кожу парня. Невесты, удивился Рун? Жены! Сколотят детишек, нарожают хату, что там ещё ему обещалось?

И заживёт!

Словно из тягучей, топкой трясины, рассудок вырывался из влажного морока — на миг, секунду, минуту. Спрашивал, что он тут делает, как попал и где отказался. Но стоило девчонке прильнуть к нему губами, как он тут же норовил вновь ухнуть в остроту забвения.

Она двигалась, будто всю жизнь постигала секреты женственности, а в умении ублажить мужчину ей не было равных. Рун взорвался внутри неё вулканом — раз, другой, третий! Девчонка была ненасытна. Стоило ему откинуться в изнеможении на спину, как она вновь и вновь капризно требовала его внимания. Руки чародея гуляли по её телу, пробуя упругость груди и мягкость живота. После спешили лечь на округлые, крепкие ягодицы. Руну казалось, что прямо здесь и сейчас он хватает жар прямоком из огня, гладит само солнце, укрощает неистовость пожара.

Маг?

Мужчина.

Всё, что было у него до того с Виской — лишь детские, неумелые забавы. Девчонка слезла с него, тяжело и часто дыша. Мокрая от пота, она даровала — ему и себе — краткий миг передышки. Рун чувствовал, что на следующий раунд у него уже не хватит сил. Но знал, что стоит ей едва вновь оказаться над или под ним — не сумеет себя сдержать.

А ведь он даже не знает её имени.

Девчонка выдохнула и улыбнулась. Убрала мешающуюся прядь волос с лица, оседлала чародея — умеючи и ловко, будто всю жизнь только этим и занималась. Руки Руна схватили её за грудь, сжимая и разминая, в надежде выдавить хоть звук, хоть стон среди этого пугающего, но чертовски увлекающего молчания.

Глухой звук пришёлся некстати. Девица, норовившая вновь утопить чародея в пучинах экстаза, вдруг обмякла, закатила глаза и, будто мешок, завалилась наземь.

Обнажённый Рун вскочил, словно ужаленный — перед ним стояла самая настоящая фурия. Ничего не выражающие, кроме злобы, глаза, зверский оскал. Лохмотья одежды висят и торчат во все стороны. Словно оружие возмездия, она стискивала в руках странного вида дубину.

— С-Ска?

Не сразу, но в стоящей перед ним демонице он сумел узнать механическую куклу. Утруждать себя объяснениями она не спешила; схватила свободной рукой его обмякшую любовницу за волосы, рывком отшвырнула в сторону.

— Ты что вытворяешь? — рассудок медленно, ползком, но возвращался к чародею. Он закрыл рот рукой — за последнее время это были его первые слова! Морок, долгое время затуманивавший разум, отступил, выпустил из своего плена. Смутившись своей наготы, последний из Двадцати щёлкнул пальцами — штаны с рубахой сами прыгнули на чародея.

Автоматон перехватила малурит покрепче, спешно извлекла изрядно подточившийся мелок. На смену негодованию явилось удивление — парень, прежде чем метать гром и молнии, хотел во всём разобраться.

Вместо ответов, Ска, не церемонясь, рванула его рубаху на себя — пуговицы спешили затеряться в соломенном покрывале. Резкий удар в живот выбил из чародея дух и дыхание — он гакнул, едва не согнувшись пополам. Несчастный живот кричал ему, что обезумевшая кукла вырвала из него целый клочок.

Парень поспешно сплюнул кровью, воззрился на взбунтовавшуюся служку и заметил в её руках извивающееся нечто. Тварь была похожа на крохотного, несуразного, абсолютно состоящего из одних лишь теней человечка. Парень не слышал, но готов был поклясться, что

оно отчаянно пищало, когда Ска швырнула её наземь и раздавила сапогом — ошмётки разлетелись в разные стороны, грязью прилипли к подошве.

Рун опешил, не находя слов и не спуская глаз с автомата. Что ещё она сделает? Каких чудищ выудит? Ответ не заставил себя ждать — Ска указала на отброшенную ей девочку. Удивление, ещё столь недавно осваивавшее трон, теперь спешило уступить место липкому ужасу. Парень разинул рот в безмолвном крике, попятился, едва не споткнулся.

Девчонка двигалась, будто проклятая тряпичная кукла. Недавнее изящество и миниатюрность тела вдруг пошла буграми. Нечто, сидящее внутри несчастной, рвалось из неё наружу прямо сейчас.

Мохнатые отростки разорвали кожу — кровь липкой жижей брызнула на стену, собралась в отвратительного вида комков. Раскачиваясь из сторону в сторону, дрожа и разрываясь, девчонка готова была лопнуть, будто вздувшийся пузырь.

Паук, выпрыгнувший из её чрева, был ужасен. На кончиках лап остались ступни и ладони, голова девчонки заняла центр тела.

Рун едва не взвыл, когда на бесчувственное лицо вдруг лёг зловещий оскал, а закрытые, казалось, навек глаза вновь распахнулись и вспыхнули алым, сузились во тьме до треугольников.

Раскачивались набухшие груди, остро торчали коричневые соски.

Он видел, как двигаются её губы, как выросшие из чёрного, паучьего тулова человеческие руки отчаянно жестикулируют.

Ска сдавила спуск до отказа — малурит ударил ей в плечо отдачей. Огненный шар, будто кравший свет отовсюду, откуда только мог, разросся, прежде чем стрелой метнуться к чудовищу.

Тварь взвыла хрипло и пискляво одновременно. Огненный снаряд швырнул её, что игрушку, впечатал в стену. Искры зарождающегося пожара потоком пролились на солому под ногами — пламя жадно набросилось на неё, разрастаясь с каждым мгновением.

Дверь позади чародея распахнулась от мощного удара, едва не слетев с петель. Мик, вооружённый топором выглядел более, чем устрашающе. Всклоченная борода, неистовость во взгляде, великан разве что чудом протиснулся в дверной проём — Руну казалось, что разбойник перед ним не осознает сам, что делает и что же творится вокруг. Как он сам ещё до недавнего времени.

Из-за дюжей спины выглядывали любопытные взгляды — женщина, прижимая к себе детей, не спешила прочь из нарастающего пожара — напротив, ей как будто хотелось увидеть, чем же оно всё закончится.

Потолок, верёвка, хлопок — мастер Рубера в тот же миг пришёл ученику на помощь с подсказкой. Рун кивнул внутреннему голосу: заклинание, будто девичья коса, заплелось, подхватило поток направленной в него маны. Крыша сарая, на пару с сеноволом ухнула от могучего удара, разлетаясь в клочья, просыпавшись ворохом сена. Верёвка, которой держали скот на привязи, вытянулась. Извиваясь змеей, она опоясалась вокруг ног разбойника, рывком повалила наземь, а после устремилась к его семье. Парень хлопнул в ладоши — порыв ветра небывалой силы подхватил связанных, будто осенние листья, вырвал сквозь прореху в крыше.

Он приземлит их мягко, по крайней мере, парень отчаянно надеялся, что всё сделал правильно.

Парень облизнул высохшие губы, унял взбудораженные, ещё не пришедшие в себя от

бесцеремонности Ска мышцы живота, и отчаянно пожалел, что при нём нет верного ему клинка.

Глазами он искал оружие — из подходящего под это описание здесь были только вилы. Парень вцепился в них, словно в последнюю надежду. В ноздри, помимо гари,шибанул острый дух навоза. Будто селюк, готовый перемахать с десятков стогов сена, он выскочил наружу. Мана текла по вилам, спеша изменить их форму хоть на что-то приемлемое. Внутри чародея спорили учителя — Мяхар кричал, что шест и пика есть лучшее оружие. Усы мастера Рубера стояли торчком — тот твердил, что нет ничего лучше, чем добротный клинок.

Всем не угодишь, улыбнулся самому себе юный чародей, когда в его руках оказалась шипастая дубина. С кончиков стальных клыков трещали искры молний, шар оголовья наливался маной.

Глава восьмая, часть вторая

Паучья дева пропахала собой землю. Соседский забор щерился обломками частокола, чудовище же смяло собой кусты.

Рун подскочил к ней, но тут же осознал свою ошибку. Кажущаяся неповоротливой туша замолотила паучьими лапами перед собой. В парня белесым плевком брызнула паутина — последний из Двадцати отскочил в последний момент. Плевок мутной жижей растёкся у него за спиной.

Зубастый шар переломил одну из лап на самом кончике. Бестия вздрогнула, когда трескучая искра прошла по всей её туше и громко щёлкнула напоследок.

Не конец, шепнул самому себе парень. Не конец, а только начало. Паучиха шустро оказалась на ногах — переваливаясь, будто вдруг оживший бочонок, она, переминаясь с лапы на лапу, пошла на него стеной. Нырнула в сторону в самый последний момент — малуристовый заряд прошёл буквально на волосок от её мерзкого тулова. Врезавшись в дом, снаряд растёкся хрупкой лужицей льда. Попади он в эту тварь — она бы попросту развалилась на части.

Паучья любовница оказалась рядом с чародеем в пару ловких прыжков. Воздух наполнила отвратительная, кислая вонь слежавшейся паутины — комок обвился вокруг руки чародея. Не теряя времени даром, парень отсек белесый шнур призрачным клинком прежде, чем противница сумела повалить его наземь.

В тусклом свете ночной луны и тухнувших за полупрозрачным куполом стены звёзд, бестия виделась невообразимо огромной и несуразной. Руну казалось, что её жуткие жвала щёлкают прямо над его ухом, что ещё чуть-чуть — и она вцепится ему в руку, ногу, шею, завалит наземь и вот тогда...

Страх, не уставал твердить мастер Рубера, плохой сосед. Путает мысли, выкидывает из головы правильные решения. Ты лучше...

Парень не слушал. Словно вместе с вторым дыханием, внутри него проснулась импровизация.

Двадцатый топнул ногой и тотчас же разделился надвое — призрачный двойник, залихватски размахивая шипастой дубиной над головой, бросился в атаку. Хитрый, словно лис, юный чародей рассыпался в воздухе на тысячу бабочек. Паучиха опешила, заметив подмену, но вполне естественно заюлила, пошла юзом, укрываясь от абсолютно бестолковых ударов двойника.

Чудовищная дочь Мика пронзила обманку, словно муху — смешно и как-то нелепо, фальшивый чародей закачался в её хватке. И тут же взорвался.

Несчастную осыпал ворох обжигающих искр — пятась, она споткнулась о собачью будку. Звоном отозвалась старая, покрытая ржавчиной цепь.

Чародей родился из воздуха — вынырнул напрямиком из ниоткуда, соткал себя обратно — бывшие вилы с размаху вмазались в крепкую плоть. Панцирь, покрывавший паучье тело лопнул, словно яичная скорлупа. Вместе с осколками наземь повалилась девичья ладонь, будто переспелые груши, отвалились некогда привлекательные груди.

Рун почувал, как к горлу подкатил тошнотворный комок. Вместе с мерзостью, что была у паучихи вместо крови, чародея будто с ног до головы окатили тьмой. Он чувал, как по его телу, не ведая стыда и сомнений, ползёт нечто.

Боль чудищу не нравилась, боль как будто была ей абсолютно в новинку. Будто ошалелый, чародей ждал от неё хоть крика, хоть стоны, но вместо них была лишь булькающая из ран жижа и хруст ломающегося панциря, скрип остервенело смыкающихся жвал.

Вместе с болью к ней пришла злость. Кипучем варевом она норовила пролиться прочь, бросая несчастную в опрометчивые атаки.

Парень чуял себя — магом? — мужчиной. Старый Мяхар грязно ругнулся, когда разум его ученика вновь принялся заполнять пьянящий дурман.

Парень ощутил себя героем. Перед глазами будто раскрыли сборник сказок — он воин и защитник, перед ним дракон. Позади народ, ждущий защиты, в руках дубина, в глазах отвага, сам он — храбрый парняга.

Неуместная улыбка норовила исказить боевой оскал последнего из Двадцати.

Паучиха отступила на пару шагов, не выдержав его напора. Острые, будто штыки, паучьи лапы сминали под собой всё — лавки, обеденный стол, заботливо выстроенную ограду грядок.

Краем глаза, на задворках сознания чародей видел, что она — тоже не в себе. Для тварей, подобных ей, вести себя подобным образом несуразно. Но разум отчаянно тонул в мареве всё завлакивающего морока.

Всё, чего ей хотелось — это поймать его, будто мальчишку, обвить руками, зажать в горячих объятиях. Рун впервые в своей жизни столкнулся с подобным — крайне враждебным проявлением любви.

Морок взял над ним верх. Не ведая жалости, он крушил дракона под весёлое улюлюканье ещё недавно трясущейся от ужаса толпы. Он оторвёт чудищу голову, а уже затем будет отдых, пир, невеста...

— Господин, берегитесь!

Окрик вывел его из устоявшегося равновесия. Сказка перед глазами спешила растаять, стать всего лишь испарившемся в одночасье сном.

На смену ей пришла суровая реальность. Рун спохватился — не он отважно побивал дракона, это его собирались самым бесстыдным образом побить. Туша паучихи нависла над юным чародеем грядущими неприятностями. Её лапы заработали, будто машины — остроконечные и сильные они месили землю там, где мгновение назад стоял чародей. Ему стоило немалых трудов не поддаться гнетущему искушению и не провалиться вновь — в забытье. Ведь там, подобострастно вздыхая убеждала его тишина, счастье. Сейчас-тие. Щастье...

Едва парень ушёл от прошлой атаки, как паучиха одарила его парочкой новых. Мастер Рубера хмыкнул, качая головой и повторяя про клинок, когда Рун неловко отразил удар, едва избежал следующего, но вот уйти от хитрой подсечки не сумел.

Мальчишкой он бухнулся в свежую грязь. В нос бил дурман переспелых, не убранных во время овощей. Звездотыквы мягко и противно лопались под руками, ладони скользили по влажной мякоти.

Дочь разбойника подхватила несчастного своими лапами. Губы бессловесно и жутко шамкали, в немых надеждах донести мысль. Оскал? Улыбка. Голова качается из стороны в сторону, будто у тряпичной куклы.

Она вскрикнула, едва чародей обратился жгучим пламенем. Поток огня он ударил ей в самую противную рожу — блестящие бусинки глаз, не выдержав жара, лопнули.

Ещё недавно готовая прижать его к плотной, ставшей невообразимых размеров груди, сейчас она спешила избавиться от парня.

Поздно. Не ведая жалости, он перескакивал с мохнатых лап на омерзительное туловище, плавил волосы, заставлял кожу съезжать клочьями. И всё только ради того, чтобы услышать её крик.

Чудовище не кричало. Выгнувшись в предсмертном экстазе, она вдруг сжалась, свернулась клубком.

Рун затушил своё пламя раньше, чем оно перекинулось на траву перед домом. Неплохо было бы вызвать дождь — пока пожар не распространился дальше.

Вокруг треклятой твари закружился ворох алых клинков — парень черпал силы из собственной злости. Иглами, одна за другой, они пронзали паучиху — та была уже безвольна и не сопротивлялась. Рун же вдруг осознал, что тратит ману почём зря и издевается над трупом.

Моргнул — по носу щёлкнула капля, над головой сгустились грозовые тучи. Собирался дождь.

Открывались двери, отворялись окна — любопытство, казалось, вот-вот явится сюда раньше самих людей. Рун не обращал внимания, когда показались хозяйева двора, чей огород они только что столь бессовестно превратили в грязное месиво. Его взгляд был прикован к трупу паучихи — в липкую лужу у самых его ног выкатился человек. Бесформенный, словно маленькая туча, неясный, будто полуденная тень — он на пример юного чародея пялился в всё собирающуюся толпу. В каждом его движении чувствовалась нервозность — он будто не знал, куда себя деть...

Люди высыпали на улицу, будто горох. Рун вдруг почувал, что он тонет в плеяде обращённых на него взглядов. Словно загнанный зверь, он обернулся — крестьяне смотрели на него.

И улыбались.

Не так, как радуются убийству чудовища. Нелепо, по-кукольному, неестественно.

Ужас пробежал по телу юного чародея холодными мурашками. Парню вдруг стало зябко и неудобно. За неловкостью спешила злоба — что эта челядь себе позволяет? Почему она позволяет? Что с ними всеми не так?

Он вздрогнул, когда плеча коснулась холодная ладонь. Ска была поблизости. Ей не требовались слова — первым делом она оборвала жизнь тени, что закопошилась у неё под ногами. Тот прыснул ошмётками в стороны не хуже собрата. За молчанием механической куклы крылось многое: понимание, осознание, а главное — решительность. Всё ещё ничего не объясняя, она схватила его за руку и потащила чародея за собой...

Слабость обуяла чародея сразу же, едва механическая кукла остановилась. Почти опустошённый, он рухнул в высокую, давно не ведавшую косы, траву. Воздух заполняла предгрозовая свежесть — ночные тучи вот-вот норовили разразиться ливнем. Копящаяся под утро роса приятно холодила кожу лица.

Первым вопросом стал — что это было?

Румка, вдруг уныло заговорила в его голове Гитра. Парню казалось, что даже будучи плодом его воображения, она хмурится и поправляет очки. Румка, она же, если верить черни, подменка, лесная хочунья, страстунница. Бестиарий от года Основания, страница семьдесят семь...

Рун отмахнулся от надоедливой зануды. Но не признать её правоты не мог. В самом деле, румка. Тварь, что принимает человеческий облик — обычно красивой девицы.

Чтобы спариться — Гитра будто находила особое удовольствие в подобных подробностях. Парень выдохнул и зажмурился — если бы румка была главной проблемой.

Главная проблема — что это такое было?

Перед глазами вновь был сгусток тени, спешивший сползти с несчастной, когда ту покидала жизнь. Крохотным человечком он озирался по сторонам, будто в надежде высмотреть того, на кого можно перекинуться.

Он видел перед собой только слепую улыбчивость крестьян, пока не кончил так же, как его недавний собрат — под сапогом Ска.

Механическая кукла была равнодушна, как и обычно. Приводила себя в порядок, поправляя платье, волосы, отрачивая новый кожмит... Рун осмотрел её с ног до головы, задаваясь лишь одним вопросом — знакомо ли ей понятие усталости? Усмехнулся, покачал головой, удивился глупости, что лезет ему в голову...

— Ска, проведи магический анализ окружения.

— Не желаете прослушать отчёт о предыдущем анализе? — выдала автоматон. Ну да, вспомнилось ему, ведь именно за этим он её и отправил. Кивнул в знак согласия.

Ска как будто всю свою механическую жизнь готовилась к этой минуте. Наверно, умеи она радоваться — растянула бы издевательскую улыбку до ушей.

Объяснение было полно разочарования. Ручьём оно пролилось на плечи чародея, оставляя в его душе ничего, кроме неприятного осадка.

Ска была непреклонна. Здесь не было магии в каком либо её проявлении. Ни проклятий, ни заклятий, ни хоть чего-то, что могло бы походить на плетение.

Вдруг, испугался чародей, это абсолютно иная магия, не требующая плетения? Застенная, о которой говорил тогда Чавьер. Здравый смысл отчего-то приходил в неопиcуемый восторг при одной только мысли, что её невозможно уловить стандартными методами.

Смысл приходил в восторг, сам же Рун спешил навстречу пучинам уныния. Он скривился так, будто вместо ужина ему подсунули ворох лимонов...

Парень осмотрелся — и едва не присвистнул. Чего-чего, а находить уютное местечко для отдыха Ска всегда умела. Сегодня вот ей показалось, что лучше места для отдыха хозяина, чем кладбище попросту не сыскать. Совесть же спешила отчитать мальчишку — не приди автоматон вовремя, он бы точно здесь оказался. В частичном виде...

Румки, сыпала знаниями Гитра, заставив стариков в голове Руна пристыжено молчать, предпочитает мужчин. Спаривается с ними. Поджидает в лесу, избегает поселений...

— Господин изволит провести ещё один анализ? — вмешалась в его размышления механическая кукла. Парень отрицательно покачал головой — теперь уже не было нужды. Всё вокруг будто подсказывало ему, что всё это время он искал причину странностей не в том и не там.

Что причина под самым носом.

Избегает людских поселений, настырно и настойчиво повторила в его голове учительница. Ему вдруг вспомнился её прижизненный неприятный взгляд из под очков — и тут же стало не по себе.

Но это верно — румка, она же подменка, или какие ещё ей там забавные прозвища придумала чернь, меньше всего стремилась оказаться в деревне. Там сложно быть

незнакомкой, там кумушки сверлят ревнивым взглядом, а мужички норовят отвести на сеновал. Недалеко и до вил.

А эта была мало того, что в деревне, так ещё и как будто дочерью разбойника. Разбойника, что стал добротным хозяином и гостеприимным добряком.

Не сходилось всё, что только могло не сходиться. Парень кривился собственным мыслям.

— Как ты узнала, что мне грозит опасность? — Рун потёр изумруд перстня. Вопрос был глупым: словно он в самом деле ожидал, что автоматон сумеет описать предчувствие не бессвязным набором нулей и единиц.

Ска поёжилась, как будто бы от холода, заговорила лишь после небольшой паузы.

— На меня напали, господин.

— Вижу, — Рун кивнул. Не порвала же она самой себе платье развлечения ради. Словно ему нечем больше было заняться, пошёл в сторону кладбища.

Невысокий частокол едва выглядывал из-за высокой травы. Холмики могил ограждал круг из камней, доски надгробий — почерневшие и сгнившие, уныло торчали из земли. Ночной ветер трепал тряпки памяти, норовя сорвать их в любой момент.

Над всем безобразием возвышалась покосившаяся и недоделанная статуя архи умиротворения. Не самый умелый каменотёс бросил работу на половине.

Либо здесь жили исключительные скептики и ярые неверы, либо это ещё монета в копилку странностей.

— Крестьяне? — после недолгих раздумий поинтересовался парень. Возбуждённое воображение рисовало картину того, как обезумевшие, с пеной на ненастоящих улыбках, мужланы пытаются повалить механическую куклу наземь. Руки, трясущиеся от вожделения и нетерпения хватают, рвут платье, лезут под нижнюю юбку...

Он покачал головой, прогоняя мысленное наваждение. Он осмотрел механическую куклу ещё раз — дело точно было в другом.

— Можно сказать и так, — вопреки ожиданиям чародея, ответила автоматон. Рун прикусил губу. Ска поправила волосы, спрятала их под капюшон и продолжила. — Местные индивидуумы не воспринимали меня, как нечто живое.

А вот это уже было интересно. Юный чародей вглядывался в лицо Ска, ловя каждое её слова.

— Я не существовала для них. Только как объект.

Рун кивнул. На обычных-то автоматов люди глазели не щадя очей, а уж такой шедевр как Ска и вовсе могли принять за обычного человека.

— Все, кроме одной. Вокруг меня вилась девчонка. Светлые волосы, простое платье, глаза — цвета индиго. Рост — семнадцать виш.

Ниже меня на голову, сделал вывод чародей, автоматон, недолго погодя, добавила: — биологический возраст — неизвестен.

Парень едва не поперхнулся возмущением. Ему вспомнилось, как в босоногом детстве он находил странную забаву в том, что автоматон мог всегда и с точностью сказать, сколько лет человеку, птице или дереву — стоило лишь увидеть. Правда, сказать насколько стар старый Мяхар затруднялись даже они, а за подобные расспросы относительно матриарха как-то огнём вспыхнули уши и задница Кианора...

Чародей прищурился — кем бы ни была эта самая одна, она явно была существом интересным. Раз уж сама Ска не смогла дать адекватную оценку...

— Она напала на тебя?

Стальная дева отрицательно покачала головой.

— Напротив, господин. Когда она поняла, что я пытаюсь её проанализировать — подошла ближе. Пыталась обнять. Я отстранилась. И только тогда сенсоры сообщили мне о повреждении нижнего слоя кожмита. В брюшной полости.

Рун, раскрыв рот, вспомнил, что нечто подобное провернула с ним другая девица при входе в деревню.

— Странное существо, паразит, пыталось..."присосаться" ко мне — Ска как будто пыталась подобрать подходящее слово. Последний из Двадцати не без омерзения вспомнил того теневого человечка, что вырвала у него автоматон. Живот в тот же миг сызнава застонал от боли. — Сделав вывод, что по объективным причинам я не являюсь подходящим кандидатом на роль носителя, паразит пытался бежать.

Паразит. Пара-зит. Рун покатал слово на языке, будто пробуя его на вкус. Видел ли чародей когда-нибудь до того румку вживую? Парень лишь отрицательно покачал головой себе же в ответ. Он был тих, дабы из всех голосов учителей, что бесстыдно оккупировали его голову, меньше всего ему хотелось сызнава пробудить Гитру.

Та как будто затаилась и ждала подходящего случая.

Глава восьмая, часть третья

Рун прятал тяжесть собственных размышлений за бессмысленностью действий. Касался лоскута ткани, испорченного непогодой и могильной землёй. На таких крестьяне, не умеющие писать, вышивали цветом символы — рода, старшинства, примерного возраста. Раз в год, на поминальную середину, эти тряпицы меняли на новые. Суеверность в селянах спешила их запугать байками о духах отцов и дедов, что обязательно накажут за короткую память.

Румка не только вела себя странно — временами она будто просыпалась, вываливалась из забытья. Парню вспомнилось, как он сам был подвержен тому же самому и мог её прекрасно понять. Интересно, спросил он у пустоты, если ему виделось, как он возмужал, а светлое будущее едва ли не стелило перед ним в дорожку, что же тогда видела она? И, останься он здесь, не явись ему на помощь Ска — женился бы на паучихе?

Здравый смысл сказал, что с него сегодня уже хватит извращений хозяина и он хочет отдохнуть. Нервно хмыкнул призрак учителя — старый Мяхар тешился от одной только мыслью о подобном. Свадебка, невестка, пир на весь мир, Виска с досады грызёт локти в кустах, заливаясь горячими слезами. А потом бы и детки пошли.

Клешноногие.

Рун сплюнул.

— Что это были за твари ты, конечно же, не знаешь? — Не без подвоха поинтересовался чародей.

— Я смогла распознать в них паразитов. Анализ опасности вам, господин, указывал на её наличие в девяносто шести процентах, пятнадцати сотых. Протоколы изначальной безопасности затребовали исполнить операцию по вашей безопасности.

Парень выдохнул. Хорошо, наверно, быть Ска. Ни тебе забот, ни волнений — всё за тебя решит протокол. Где, когда и зачем оказаться...

— А больше ничего интересного ты не заметила?

— В деревне нет собак.

— Что? — недоумеая переспросил чародей и тут же, не дожидаясь, когда автоматон повторит, вспомнил. Кукла-то его права как никогда. В хлеву полным полно сена, но ни одной коровы. Ни следа какой либо другой скотины — ни кур, ни кабанисов. Даже никакой заваливающей кошки не нашлось.

Будто животные разом вымерли или ушли.

И что, недовольно поинтересовался внутри чародея капризный ребёнок. Он желал ответов — здесь и сейчас, а философское топтание на месте вгоняло его в скуку. Рун выдохнул, надеясь, что внутри его головы ему останется хоть закуток личного пространства. А то что ни день, так разум туда всё новых и новых гостей подселает...

Малец дело говорит, крикнул старый Мяхар. Какой прок от такого знания? Рун же закусил губу — интересно, как он выглядит в глазах Ска во время своих размышлений? Как сумасшедший? Качает головой невпопад, губы шевелятся и бесконечно шепчут выдуманные ответы выдуманными голосами...

Но прок от этих знаний точно был. Юный чародей, наконец, поднялся с земли, окинул взглядом механическую службу. Решил, что лучше изложит свои соображения ей — пусть будет хоть какое-то живое общение...

— Если бы животных просто оставили и не кормили — они бы сдохли от голода.

Ска решила, что комментировать столь очевидный вывод — как минимум оскорбить господина, а потому промолчала. Рун же, делая шаг за шагом, словами накручивал мысль на маховик догадки.

— Значит, ушли. Или их выпустили. Говоришь, не обращали на тебя внимание?

Ска лишь утвердительно кивнула в ответ. Рун тут же прикинул, что если людьми управляют те самые паразиты, то они не замечают Ска лишь по той причине, что не видят в ней чего-то, что делает для них человека человеком.

Допустим, вмешался мастер Рубера. Сложив руки на груди, он жмурился и топорщил усы, хмыкал и дивился недогадливости ученик. Окажись ведь мечник сам на его месте — так разгадка была бы прямо под носом. Допустим, повторил он, они не видят. Но что тогда за девчонка? Если это она подсаживает внутрь людей паразитов — то почему посчитала иначе, чем они? Она не пыталась ударить Ска, чем же она тогда руководствовалась?

Парню оставалось разве что пожать плечами на этот вопрос — откуда ему, в самом деле, знать?

Значит не значит...

Вот если бы точно знать, что к животным девица даже не подходила...

Рун хмыкнул — даже это знание не привело бы его к хоть сколько-то здравому выводу. Парень вытащил из кармана маргулитову печать, вздохнул. Капризный муладир остался где-то в деревне, как и виранский клинок. Как и мешочек с обращёнными в камни разбойниками — где и когда он успел со всем этим расстаться, парень не помнил. Хорошо хоть, что эту побрякушку держал в кармане штанов... Соблазн разломать её и спросить с проигранцев был велик. Вряд ли они знают, а если пошлёт рогатого с горбатым выяснять — вряд ли скажут чего то, что уже не сказала механическая кукла.

Румки умеют испытывать страсть. Гитра заговорила с придыханием. Рун гнал от себя близко подползающее безумие прочь. Последнее, кажется, в его понуканиях не нуждалась вовсе и проходило мимо. Страсть, не унималась учитель, вкладывая в слово всё больше и больше личного смысла. Истинную, человеческую, отнюдь не животную. Некоторые румки даже разговаривать умеют... То, что вы ищите хватается за тех, кто умеет испытывать на себе, а не только переводить в информацию.

Интересно, подумалось чародею, была ли она при жизни в самом деле такой? Или он попросту додумывал её образ из абсолютного нечего?

Но если она говорит правду, то они имеют дело с крайне опасной тварью.

Парень, будто чётки, перебирал в уме всё то, что уже знал, пытаясь свести воедино. Перво наперво — девица. Лезет обниматься к незнакомым, стремится схватить их за руку, останавливается у дверей — будто хочет зайти и попросту не может. Паразиты с её рук живут от неё отдельно, различают живое от неживого. Избегает встречи с животными — вот почему едва он оказался в деревне, у него пытались увести муладира...

По телу юного чародея пробежала дрожь. Предположения сыпались оно за другим, но особняком среди них стояла только одна.

Счастливица.

Гитра разве что не потирала ладони, предвкушая все объяснения что выплывет на голову нерадивого ученика. Он имел неосторожность быть невнимательным к её урокам и ветрено относился к знаниям — что ж, теперь ему точно от неё не укрыться.

В дело вмешался старый Мяхар. Прочистив горло, он гаркнул, велел оставить

мальчишку в покое. Он знает, сказал он чуть погодя и тише.

Рун знал.

И что это за тварь, и чем опасна, и как с ней бороться...

Знать бы ещё, что это в самом деле она — было бы гораздо легче. Можно было бы сделать вывод, стоит ли ввязываться в авантюру или же...

Или же что? Совесть заняла главенствующую позицию, осыпав парня ворохом вопросов — он последний из Двадцати, или кто? Неужели он позволит какой-то дряни властвовать над его землями и чернью?

Здравый смысл спешил охолодить чародея — он-то как никто другой лучше знал, что эмоции крикливы до бестолкового, тут же, почти как и везде, нужна холодная голова.

Следовало принять во внимание, что сейчас он слаб. Румка, может, и не выкачала из него силы досуха, но уж точно оставила его куда дальше пика возможностей. Сухая мана осталась, как ему надеялось, точно там же, где и муладир с клинком. Оголтело и безраздумно бросаться в бой было глупо — да и на кого? На догадку?

— Мы должны вернуться в деревню, Ска.

В кои-то веки автоматон не стала с ним спорить и отговаривать. Впрочем, кажется, она не совсем осознавала, чего же именно хочет от неё господин с подобным заявлением. Что она взвалит его на закорки и потащит напрямик куда надо?

Он выдохнул, вытирая грязные руки о не более чистые штаны. Ответы на вопросы можно было получить у неизвестной девчонки, что спешит обниматься со всеми и каждым. Или у теневых человечков. Найти первую могло быть не просто, а вот вытряхнуть вторых из какого-нибудь доходяги — не в пример легче.

У Руна даже был человек, остро нуждающийся в хирургическом вмешательстве.

Мик...

***

Рун понял, что творится неладное сразу же, как увидел, что деревня буквально светится изнутри. Память села на закорки страху, напомнив, что он вместе со Ска не придумали ничего лучше, как кидаться огнём среди жилья из досок и соломы.

Теперь, хмыкала совесть, горит-с. Наслаждайся!

Парень старался её не слушать, упрямо шагая вперёд. Даже если каждый житель одурманен — вряд ли бы они стали стоять столбом посреди пожарища. Почему-то вспомнились бедолаги, что первые попались чародею под горячую руку. Желая знать ответы и не желая выслушивать неуверенное мычание селян, он огненной птицей тогда оставил их без всего. В тщетных, абсолютно бестолковых надеждах селяне выстроились в цепь — до самой речки. Кадки с водой кочевали из одной пары рук в другую. Из девичьей в старухину. Из старухиной в детскую. Словно каждый из них был звеном одного большого усилия.

Руна вдруг стало стыдно — за себя тогдашнего, за себя теперешнего. За собратьев — не сумев договориться и придти к единому мнению, они успели разругаться вдрызг и намять друг дружке бока. Почему-то осознание, что даже немые селяне умудряются, в отличии от них, находить спасение в единстве больно ранило юного чародея.

— Пожар? — спросил он у Ска. Та тут же отозвалась.

— Нет, господин. Кострище. В воздухе присутствуют элементы разжигающих масел.

Последний из Двадцати сглотнул, пытаясь представить это кострище — получалось

скверно.

Огонь столпом едва ли не уходил под самые небеса. Языки пламени, казалось, голодно и жадно тянулись к недоступным звёздам. Ночная мгла силилась укутать деревню покрывалом покоя, но каждый раз трусливо бежала прочь.

Здесь было светло почти как днём — ещё чуть-чуть, и Руну казалось, что он сможет разглядеть каждую соринку под ногами.

Вместе со Ска они укрылись в канаве. Парень закусил губу с навалившейся на него досады — в юности-то ему казалось, что чародей бьёт громом, появляется молнией, карает ещё быстрее, чем думает.

А вместо этого, словно подзаборный пьяница, едва-едва выглядывает из полной нечистот канавы.

Ска в самом деле оказалась права — это было кострище. Крестьяне тащили к нему всю нехитрость собственных пожитков. Воодушевлённые, не убирая улыбки с лица, швыряли в самый жар всё и по очереди. Девчонка, чумазая, как сама грязь, едва-едва находила в себе силы, чтобы поднять над головой деревянного игрушечного коня. Молодая селянка в рваном платье подтаскивала к рыжему всеяду резную колыбельку. Пустую, выдохнул от облегчения Рун. Старик же, будто в него вновь вдохнули силы и молодость, прощался со своей клюкой...

Пламя облизывало их лица светом, крася щёки лихорадочным румянцем. В глазах бушевала едва ли не огненная буря.

Праздник, спросил у самого себя чародей, будто вновь вернулся в прошлое. Какой уж тут, к дорожным бесам, праздник?

Рун приподнялся, когда очередь жертвующих огню собралось в толпу. Непривычно молчаливую, тихую толпу — парень буквально слышал, как трещит всепоглощающий огонь, как шелестит на ветру грубоватая одёжка селян.

И как звонко цокают каблучки по каменистой, вымощенной дороге. Рун прищурился, вглядываясь в силуэты, и едва не крикнул, когда понял, что происходит.

Первой вытолкнули женщину. Связанные руки, кандалы, на шее — обрывок цепи. В глазах нечто, что можно принять за безумие вперемешку с равнодушием. Лихорадочный взгляд несчастной норовил зацепиться за каждого. Лицо пересекала вязь татуировок, уходящая под просторную, не по размеру огромную рубаху. Рот растянулся в счастливой, идиотской улыбке.

Виранка. Рабыня. Рун закусил губы, пытаясь не задавать себе глупых вопросов — откуда она тут и что делает? Знал, что ответа не дождётся...

Дети дрожали от страха. Сквозь треск кострища парень слышал, как безвольно и подавленно они шмыгают носами. Мальчишки погодки, один — вихрастый и рыжий. Второй выше собрата, но тощ, словно сам голод. Грязные, вымокшие от пота рубахи липли к телу.

Не узнать в массивной фигуре великана, стоящей у самого костра, будто жрец, Мика не смог бы разве что слепой. Он обернулся, неприятельски и тупо сверкнули бельма задурманенных глаз.

Разбойник всё так же был похож на добродушного хозяина — того и гляди предложит войти в дом, преломить хлеб.

Сегодня он собирался проводить гостей прямиком в пламя. Словно кот, учуявший сметану, он в один скачок оказался перед виранской рабыней. Несчастливая молчала, будто не в состоянии осознать, что же происходит. Скорее всего, подумалось парню, именно так оно

и было. Виранская чернь всегда ходит под мыслительной властью тех, кто выше по статусу, сильнее, выдался заслугами. Матриарх говорила ему, что некоторые из них настолько привыкают к своему рабскому положению, что опускаются ниже черни — и не могут принимать решения сами.

Эта точно была из таких. Она высматривала в толпе хозяина: того, кто скажет и подскажет, как же жить дальше.

А вот мальчишки...

Детей чародею было жалко. Совесть же, натянув гаденькую улыбку, спешила спросить, с каких это пор ему вдруг стало жалко сельских мальцов? Не он ли сам раздавал им чародейские наказания? Быть может, и за дело, но исключительно жестокие.

Парню нечем было отвечать самому себе.

Ска держала его, удерживая от глупости поспешных решений. Её прикосновение будто разгоняло прочь его решительность — едва готовый вскочить в любой момент, он искал причины не вставать.

И находил.

Мик тем временем схватился за обрывок цепи на шее несчастной, потянул на себя. Не устояв, девчонка нелепо споткнулась, едва не упала.

Разбойник не злорадствовал. Руну вспомнилось, как бородач мерзко потирал ручонки, когда Ата-ман расправлялся с мастером Руберой. Широкая, довольная улыбка, нетерпение, жажда чужой крови. Словно будь его воля, и он обязательно съёс бы голову стоящему рядом с ним несуразному подростку.

А сейчас он был иным, абсолютно спокойным. Лица не покидало выражения счастья — будто разбойник всю свою сознательную жизнь только и мечтал, что пихать беззащитных женщин и детей в пламя гигантского костра.

Счас — шелестела друг о дружку одежка крестьян. Тье — как-то мрачно выдыхал ночной ветер.

Счастье. Сейчас тие...

Рун сплюнул, не поддаваясь очередному наваждению.

— Ска, видишь дом? — юный чародей кивнул в сторону большущего, протяжного сарая. Не иначе, как поминальный зал, где собирались на прощание с умершим.

Автоматон лишь хлопнула глазами в ответ, Рун расценил это как "да". Она послушно ждала от него дальнейших указаний. Парень едва не кусал собственные губы от волнения — сейчас, говорил он самому себе, главное не ошибиться...

Ошибки окружали последнего из Двадцати со всех сторон. Злыми бесами они прятались едва ли не в каждом его решении. Сыпали соль сомнений на раны здравомыслия, в попытках отговорить парня от задуманного, пойти на попятный.

Здравый смысл был сегодня не на его стороне. Взяв на вооружение банальный страх, он беззастенчиво вопрошал, что будет, если пришедшая ему на ум догадка — всего лишь красивая и мрачная, но отнюдь не верная фантазия?

Убьёт всех и вся?

Прямо как Цурк, о котором Рун только слышал, что остановил сердце у половины окруживших его крестьян и кричал о том, как они счастливы? Потому что второй половине обнаглевшей черни он вскипятил кровь...

— Я возьму на себя виранку и Мика. Ты прихватишь детей. Прорвёмся к дому, закроемся на засов.

Где-то внутри её механических мозгов аналитический блок обещал дать сбой. Как минимум, он точно не понимал, что задумал хозяин. Запереть самих себя в деревне, полной безумцев? А если выломают дверь? Или подпалят? Не легче ли самим сдаться им на милость?

Мик неторопливо вытащил из-за пояса нечто, похожее на нож. Неважно сделанный, — в деревне не было нормальной кузни, — он не без труда вгрызлся в бичёвку, даруя женщине свободу.

Свобода нужна была ей меньше всего остального — несчастная не разминала затёкших запястий, без ужаса смотрела на тех, кто её окружает.

Смотрела с надеждой. Её взгляд встретился с Миком — тот, стоящий с кухонным тесаком смотрелся как-то смешно и нелепо. Ожидание в глазах виранки гасло с каждой секундой — на смену ему спешила обычная паника.

Ей не собирались отдавать приказов, её никто не желал взять под своё крыло и попечительство. В глаза ей смотрел самый настоящий ужас, имя ему было самостоятельность. С каждым мгновением девчонка была всё ближе и ближе к осознанию.

Ска выскочила первой. Ботфорты её сапог угрожающе зашлёпали по земле — из прячущейся в тених невидимки? она мигом обратилась в топающего на всю округу бегемота.

Это правильно, шепнул самому себе вынырнувший за ней следом чародей, пусть лучше все смотрят на неё, чем на него. Здравый смысл хотел знать только одно — на кой ляд им нужна ещё виранка и дети?

Парню нечего было ему ответить.

Механическая кукла врезалась в толпу, будто клин в старую древесину. Сильные руки расталкивали народ, словно кегли — ненавязчиво и без сопротивления люди валились наземь. Отвлёкся занёсший над девчонкой клинок Мик, посмотрел на новых гостей стеклянными глазами. Нелепо и неуклюже он размахнулся, пытаясь отмахнуться от механической куклы. Словно от назойливой мухи. Ска рухнула наземь, ловко присев, избегая удара. Словно натянутая пружина, она выстрелила. Врезалась великану головой в грудь — тот охнул, заваливаясь на подступающую ему на помощь толпу. Виранка, будто разом почувшавшая решительность механической куклы, одарила ту полным надежды взглядом — тщетно. У Ска точно не было того, что ей требовалось.

Дети завопили, что есть сил — бессвязно, громко и чересчур звонко. Стальная дева, не церемонясь, одаривая любого, кто осмелился подойти к ней хоть на шаг добрым тумакон, схватила их за шкирки. Словно нашкодившие котята в ожидании своей участи они повисли в тупом ожидании своей судьбы.

Главное, молил Рун, чтобы Ска не выломала дверь дома — тогда вся задумка проигранцу под хвост, ничего не выйдет...

Словно бур он последовал за механической куклой, взрезая толпу, раскидывая прочь потоками ветра. В миг он оказался у кострища, зачерпнул горсть огня, сдул её с ладони. Пламя огненной птицей прыснуло на подступающих к чародею крестьян — те в миг отступили, в воздухе тотчас же завоняло гарью подпаленных волос.

Рун схватил виранку, но та оказалась тяжелее, чем он думал. Под хрупкостью и изяществом форм как будто засела целая котомка гирь. Парень плюнул, влил в себя манны — под рукавами дорожного платья затрещали наливающиеся мощью мышцы. Наверно, задумчиво отозвался старый Мяхар, было бы проще сделать её самой легкой пуха и повернуть тот же фокус с разбойником, чем...

Юный чародей как будто не слышал. Мана потекла по венам, тело мальчишки разрослось. Он взвалил Мика, словно мешок, на плечо, в два огромных прыжка оказался у дверей. Ска уже вскрыла дверь — лишь краем глаза Рун видел, как небрежно она швырнула детей внутрь. Не заходила внутрь, застыв стражем, приняла из рук юного чародея ношу, спешно затащила внутрь. Заклинание, что действовало на чародея иссякло, возвращая его к прежним размерам, наваливая на натруженные плечи дикую усталость. Рун лишь успел развернуться, прежде чем увидел горбатого старика, что замахнулся клюкой.

— Господин, осторожней! — Ска, только что протиснувшая массивную тушу разбойника внутрь, бросилась ему на помощь, но было уже поздно...

У Руна разом и резко потемнело в глазах, боль в виске ударила. Словно тысяча игл. Безвольно и беспомощно, он ухнул в пучину небытия...

Кошмары о былом, сон пятый

Сегодня он здесь ради этого чистого, полного звёзд неба. Луна стыдливо выглядывала из-за туч полумесяцем и походила на прикрытый бледный глаз. Ночной воздух здесь, на самой вершине шпиля бил в ноздри, будоражил, казался невероятно свежим и приятным. Хотелось расставить руки навстречу ветру и представить себя пресловутой птицей — главное, не рухнуть вниз.

Рун не стал рисковать. При одной только мысли о том, куда он забрался, руки и ноги сводило судорогой. Пальцы норовили вцепиться в любое крепление, как в самую последнюю надежду. Мальчишка отважно боролся с собственным страхом и понял, что на месте. Когда в ноздри ударил резкий, шибкий дух.

Старик почти нагишом лежал на черепице, ухмыляясь в свой беззубый рот. Как только на горизонте явится солнце, он спустится, а набедренная повязка сменится роскошно пошитым плащом. Всклоченная борода будет уложена в красивые пряди, а веселье, пляшущее в глазах старика, обратится если не мудростью веков, то строгим знанием.

Но это завтра, знал мальчишка. Завтра, не сейчас. Потому что сейчас — веселье.

Старый Махяр не отрицал. Он заметил крадущегося к нему парнишку ещё задолго до того, как то показался — Рун не понимал, как старику это удаётся? Что его выдавало? И тут же находил внутри себя ответ — он-то взрослый, чего ему стесняться? Захочет — наколдует, что ему, запретят? Послушает, плюнет, да разотрёт — повезло ему. Рун не скрывал своей зависти к годам старика. Он же, закрихтев, приподнялся, качнул кувшином в руке в сторону мальчишки, сделал немаленький глоток. Словно дорогому гостю, протянул кувшин как угощение: Рун припал к нему губами, надеясь отведать чудного взрослого напитка — вина. Поморщился, ибо вместо него в кувшине был кислый до бесконечности яблочный сок. Как такое вообще можно пить?

— Пришёл? — Словно утратив зрение, спросил Мяхар. Рун сел прямо перед ним, будто для пушей наглядности; старик потрепал его по голове, дыхнул винным духом.

— Везёт тебе... — мальчишка осмелился высказать свою зависть. Давно мечтал, думал, что будет звучать круто, а получилось глупо.

— Ты так думаешь? — старик точно не страдал от уверенности. Сомневался он почти в каждой мелочи, выискивая в ней каверзный, грызущий изнутри подвох. Не бегая по поручениям Матриарха, он либо торчал в Шпиле, либо спорил с каждым, до кого мог дотянуться. Другие взрослые считали его странным, Рун считал счастливым. Но скажи он ему об этом, старый чародей наверняка бы нашел и здесь повод для спора.

— Спать тебе не надо ложиться, вот. Лежишь тут, на звёзды смотришь. Колдуешь. Когда захочешь. Вино, пьёшь...

— Сок, — Мяхар мягко запротестовал. — Яблочный. Куда в мои седины вино? Будешь ещё?

— Вино, — настаивал Рун, удивляясь собственной наглости. Сейчас, ждал он, сейчас Махяр стукнет его закливанием по голове, подхватит, словно нашкодившего котёнка и притащит вниз, к остальным. Скажет — поглядите-ка! Сам мал, а спорить горазд! Неплохо бы проучить!

И ведь проучат так, что на всю жизнь запомнится...

Не ударил, не подхватил, не потащил. Лишь усмехнулся, отрицательно покачав головой.

— Экий паршивец, а? Мелок, что твоя горошина, а наглости на целую кукурузу! Ну-ка, говори, принёс?

Парень вместо ответа разжал кулачок, показал содержимое старику. Тот потрогал глиняный комок на ладони, всё ещё сомневаясь. Потом понимающе крякнул, взял себе, растёр меж пальцев, блаженно зажмурился. Сухая мана была под запретом, и хранилась лично у Матриарха — только сейчас до мальчишки дошло, что поймай его кто-нибудь с этой ношей, и уж ругали бы его точно не за ночную прогулку.

Старый Мяхар бы и ругал — одним из первых прискакал бы и устроил хорошую взбучку. Оправдывайся потом, что для него же и старался: он лишь плечами пожмёт, а остальные взогреют пуще прежнего. И Виска опять будет смеяться...

Рун показал мысленный язык вредной ябеде. Кулак было бы лучшее, так ведь она потом жалобиться побежит. Девчонка, что тут скажешь...

Старик выдохнул, шмыгнул носом, гаркнул так, что Руна хватили опасения — а ну-ка сейчас все разом как выскочут, как выпрыгнут, как поймают их тут на крыше? Словно заранее, мальчишка выдумывал себе оправдания — одно вральней другого. Живое воображение тут же нарисовало мальчишке завиральцев, что варят в котлах маленьких лгунов; и ему показалось, что их грязные лапы уже хватают его за пятки. Парень неуютно поёжился...

Мяхар же встал, потянулся, словно надеялся разрастись и проломить макушкой саму Стену. Он дёрнул из курчавой бороды волос, растянул его меж рук. Парнишке казалось, будто он видит, как мана потоками течёт по старым, но ещё полным силы рукам. Волос в миг скатался в рулон, а после побежал белесыми, молочными узорами по воздуху. Ковёр, казалось, ткался из серебряных лучей лунного света. Старик заскочил на него, потопал ногой — летающий ковёр протащил его по воздуху. У Руна от одного только этого зрелища захватило дух. Мяхар, словно всю жизнь только и летающий на коврах, вознёсся под самые небеса, соколом спарировал вниз, рассек тучные барашки облаков, остановился чуть далее края крыши. Бросил на Руна взгляд, позвал жестом. Было разбежавшийся Рун вдруг понял, что на самой вершине Шпиля. Страх неприятной змеей ползал в душе, жалил ядом, лил его на раны старых обид.

Мальчишка смотрел вниз не без опаски. Знал, что стоит ему сделать неровный шаг, поскользнуться, камнем ухнуть вниз — как его подхватят. Сам он делал под собой облака — мягкие, что пуховые одеяла. Матриарх однажды поймала его — и её заклинательский хват был нежен и осторожен, словно объятия матери. Старый Мяхар ловил, будто клещами. Мастер Рубера же был строг, а потому ловил только взглядом стремительно падающую вниз точку.

Знал, что подхватят.

И всё равно боялся. Унять нервную дрожь было сложнее, чем сделать первый шаг. Мягкий ворс ковра казался ненадёжным. Что он обманчиво твёрд, и обязательно скинет ступившего на него наглеца в бездну.

— Ну, смелее! — грозно и не шуточно нахмутив брови прикрикнул старик. Мальчишка облизнул разом высохшие губы и представил, что если он сыграет труса — его ждёт унылый поход в кровать. Днём учитель, ночью друг махнёт на него рукой, обидится. И не дай Архи обо всём этом узнает Виска! Вредной занозой будет издеваться над ним: впереди ждали приключения, а Рун оказался тот ещё сикун — даром что портков не обмочил.

У него в голове буквально прозвучал её смех — и тогда он решился. Зажмурился,

поддаваясь внутреннему животному страху, разве что не завопил, но сделал шаг навстречу.

Навстречу приключениям.

Он облизывал эти слова, повторяя их что мантру. Они помогали успокоиться — даже теперь, даже сейчас. Ворс летающей тряпки принял его легко и мягко, на миг мальчишке показалось, что он продавил его насквозь, и в отместку тот вот-вот сбросит его вниз.

Нет, не сбросил. Облегчение бальзамом лилось на встревоженное, бешено колотящееся сердце. Восторг — мальчишеский, неизбывный вытеснял собой прежний ужас, нацепил на лицо Руна довольную, до небес, улыбку.

Ковёр летел быстрее ветра. Последний не желал уступать треклятому ни в чём, а потому от обиды трепал волосы мальчишки, норовил накидать жуков и мусору в бороду старика. Зная что делает, Мяхар тотчас же оградил свои и Руновы глаза защитным заклинанием.

Сунул мальчишке в руку упругую, будто лук, и столь же изящно изогнутую палку.

— Удочка. Звёзды ловить, — буркнул он на вопросительный взгляд юного чародея. Рун сразу же расцвёл, будто получил власть над миром. Как ловить удочкой звёзды он знать не знал, но само по себе оно звучало страшно увлекательно.

— Ты хотел, чтобы я вместе с тобой поймал звезду?

Старик лишь закрыл глаза и отрицательно покачал головой. У мальчишки перехватило дыхание — если не для этого, то для чего же тогда? Воображение терялось в догадках, любопытство грызло несчастного дикими псами. Он заёрзал, будто ковёр под ним горел огнем.

Но торопить нельзя, это юнец знал как никто другой. Придёт время, ласково шептало терпение, и он обязательно всё расскажет — сам. Парнишка удручённо выдохнул. Ему-то, терпению этому, говорить ой как легко, а самому Руну киснуть в бестолковости ожидания...

Но делать было нечего.

— Дай-ка, — старик принял у него из рук удочку. Крючок хищно и зловеще сверкнул во мраке ночи — мальчишка смотрел во все глаза: какую наживку выберет старый Мяхар? И на что вообще можно поймать звёзды?

— Скажи-ка, малец, знаешь, что такое счастье?

— Ага, — не особо раздумывая над ответом ляпнул мажонка. Будто боясь что-то забыть, он принялся перечислять, загибая пальцы. Счастье ребёнка зиждилось перво-наперво на игрушках. Рун тут же прикусил язык, осознав, что вопрос явно не так прост, как хотелось бы. Если старик и жаждал ответа, то точно какого-то другого?

Но какого?

Парнишка перебирал в голове всё, что только было возможно. Едва ли не со слезами на глазах, в каком-то диком отчаянии он пытался разгадать загадку счастья. Мяхар не отвечал — насадил на крюк ком холодной маны. Он не отвечал, но мальчишка точно знал, что говорит неверное. Старый разбойник, словно издеваясь, опробовал на вкус его догадку, что счастье — оно в тех, кто рядом. Опробовал и поморщился. Рун не сдавался — счастье в его следующей догадке ходило под маской дружбы. Мяхар лишь хмыкнул.

Словно умирающий из последних сил воин, мальчишка выдавил из себя, что счастье — это магия и выдохнул. Ему вдруг показалось, что за время размышлений он страшно вспотел и вымок.

Он сдался, но никто не обратил на это внимание. Ветер был всё так же быстр и вездесущ, Мяхар налаживал снасти, ковёр звонко хлопал кисточками на краях.

Старик забросил удочку — леска нырнула не вниз, а ушла вверх, в ближайшее облако.

Рун смотрел за происходящим с открытым ртом. Будто чародей решил показать ему доселе невиданный мир. Воображение работало за него — над головой не небосвод, а бескрайний простор космического океана. Будто и нет никакой стены, что защищает их Шпиль и поданных от всех ужасов, что снаружи. Юнец смотрел во все глаза — то на старика, то на удочку в его руках. Как будто внутренний охотничий инстинкт заставлял его ждать, когда законная добыча клюнет на наживку. И тогда...

Что тогда? Парень не знал, просто решил довериться тому, что увидит.

— Счастье, — крикнул старик, вставая во весь рост, — вот за ним-то мы с тобой сейчас и летим, слышь, малой?

Рун кивнул в ответ. Возвращение к разговору показалось ему странным и как будто неправильным. Мяхар вдруг схватил удочку обоими руками — её дёрнуло вперёд. Словно она ожила и единственным её желанием было вырваться из цепкого плена рук старого чародея.

Как будто в самом деле что-то понимая, Рун бросился на помощь. По-своему, поддетскому, глупо и неразумно. Обхватил старика тонкими руками вокруг живота, принялся изо всех сил тянуть на себя.

Импровизация молчала, вся магия, что томила в юном теле и норвила сплестись в многосложные заклятья, оказалась бессильна. Нерешительность заставила его действовать так, будто он простой мальчишка с ближайшего села, а не один из Двадцати.

Потом за это, конечно же, будет стыдно. Окажись на месте Мяхара Рубера — уже пришлось бы делать три десятка отжиманий с плетением.

Старик был добрее мастера фехтования. Стиснув зубы, он тащил с неба — что? Рун на мгновение отвлёкся и посмотрел. На том конце удочки, пойманная на крюк, была самая настоящая звезда. Не видь мальчишка этого собственными глазами, счёл бы это несуразным сном. Где и когда это видано — тащить удочкой звезду?

Здесь и сейчас.

Грязные ботфорты сапог впивались в ворс ковра, пачкая и оставляя на нём в следах едва ли не комья земли. Когда это старый маг успел так изгваздаться, Рун не знал и знать не хотел. Следуя его примеру, парень повалился на спину — пойманная звезда не желала покидать небосклон. Руну казалось, что небеса над головой разразятся громом — детская фантазия попросту не могла представить себе мир иначе. Как можно что-то вырвать так, чтобы оно не разломалось? Мяхар же, когда мальчишка признался ему в подобных рассуждениях, лишь заметил, что парень никогда не дёргал морковку из земли.

За спиной была пропасть — Рун оглянулся назад и лишь увидел тряпичный, трепещущий край. За ним — бесконечность простора, километры лесов, монетки редких озёр и нити ручьёв с реками. Ещё чуть-чуть, говорила пропасть — и я поглочу тебя, наглый мальчишка! Немедля отступись или будет хуже!

Парень зажмурился, боясь смалодушничать и закричал — то ли от вдруг заполнившего его с ног до головы отчаяния, то ли от невероятного для его роста и тела усилия.

Вытяните, смеялся страх. Сейчас вы вытяните звезду — и она сверху ударит по вам метеором. Если не сорвётесь вниз сами, будто переспелые груши, то ваша "добыча" врежется, словно снаряд — и тогда вы уже рухнете наземь. Успеешь ли ты, мальчишка, юркнуть в сторону, обратиться птицей, воспарить вверх?

Рун не слушал, Рун тянул.

Небеса чавкнули. Будто кто-то раздавил в кулаке яйцо. Парнишке казалось, что стоит

ему сейчас хоть на мгновение открыть глаза, как он увидит над собой лопнувшее небо. Что медленно, словно ленивая муха, небосвод начнёт ронять наземь осколки небесной тверди, а взору откроется ужасная, источающая кровь, рана бытия.

Мальчишка дёрнулся, подался назад, но не упал вопреки собственному ожиданию — старый Мяхар держал его за плечи. Рун проморгался, посмотрел старику за плечо — купол стены и сам небосвод никуда не делись. Может, всё ему просто приснилось?

Мысль казалась как здоровой, так и правильной. Всегда так — обещаешь самому себе не спать, а до самого солнца играть с заклинаниями, а вдруг обнаруживаешь себя спящим, на подушке и под одеялом

За спиной старого разбойника нечто источало свет, как тысяча свечей.

— Молодец, пострел. Я думал, ты в портки напорешь, а ты вона как — хват оказался! — Мяхар подмигнул ему по свойски, а Рун кивнул, будто в самом деле что-то понял. На четвереньках, не унимая любопытства, парень выглянул, посмотрел за стариком — посреди ковра в предсмертных конвульсиях билась самая настоящая звезда. Рун потянул к ней руки — жадно и совершенно по-детски, но тут же в нерешительности отдёрнул, бросил взгляд на учителя. Мяхар не возражал и даже напротив.

Не говоря ни слова, мальчишка едва коснулся гладкой, мерцающей поверхности. Он гнал взапой здравый смысл — тому позарез требовалось знать, что же это за звезда такая, где у неё рот, чтобы схватиться за сухую ману и попасться на крючок. Там где магия, шепнул он слова самого же старого Мяхара, там нет смысла искать логику. Тот, кто изрёк данную мудрость сидел рядом, сложив руки на груди, внимательно взирая на юного чародея,

Словно спохватившись, Рун громко икнул. Ему казалось, что здесь, на летающем ковре, с удочкой в руках и звездой под боком он по-настоящему счастлив. Потому что здесь — всё, а там, дома и на подушках почти что унылое ничего.

— Это, — неуверенно ляпнул он, оглаживая горячие бока пойманной звезды, — это и есть счастье?

Старик лишь отрицательно покачал головой.

— Это для счастья, — мрачно отозвался он. — А вот счастье ты сейчас скоро увидишь...

Былое любопытство мигом сошло с мажонка — он вдруг осознал, что ему совершенно не хочется знать, куда, зачем и с чем они летят.

Но было уже поздно...

Кошмары о былом, сон пятый, часть вторая

Мальчишка рад был бы отвернуться, но смотрел во все глаза. Приоткрыв рот — то ли от удивления, то ли от нахлынувшего ужаса, он смотрел на тело перед собой, как на точку.

Разум говорил, что это человек.

Похож на человека.

Глаза неустанно и насмешливо вопрошали — это-то человек? Вот эта куча грязного, вонючего тряпья и есть человек?

С каждым мгновением глаза подмечали всё больше деталей. Мозг мальчишки пытался намекнуть, что это не лучшее зрелище для глаз ребёнка. Но старый Мяхар был неумолим — стоял за спиной тенью, лил на юного чародея всю тяжесть своего молчания.

Несчастный умер от переизбытка чувств. Сначала мальчишка думал, что бедолага страдал от жуткой боли, но теперь понимал — всё как раз наоборот. Он находился на пике собственного счастья до самой последней минуты. Будто здесь, среди еловых шишек и бесконечности муравейников он и мечтал провести всю свою жизнь.

Вот и провёл, подметил в голове Руна абсолютно недетский сарказм. Мажонк испугался собственных мыслей, неуверенно обернулся. Непонятно откуда у него внутри проснулось опасение, что Мяхар, решив что это будет забавной шуткой, попросту испарился.

Старик был на месте. Он не один из механических служек Шпиля, но в его глазах будто весёлыми бесами скакали строки информации.

— Что видишь? — хрипло и мрачно спросил он. Рун закусил губу, не ведая точного ответа. Покойник пролежал здесь не первые сутки, но падальщики и паразиты будто обходили его стороной. Лишь по посиневшей от зябкого осеннего холода коже бежали струйки муравьёв. Мальчишка обошёл тело вокруг — если Мяхар привёл его сюда, наверняка желал показать не уродство смерти. Хотел, чтобы юный ученик хоть чему-то, да научился. А Кианор-то, поди, греет сейчас свои телеса в теплоте одеял и в ус не дует. Рун, казалось, даже не знал, завидовать ему или нет.

Воздух был заполнен трупным смрадом. Мальчишка зажимал нос рукой, не давая зловонным миазмам отравлять лёгкие.

Мяхар же, устав ждать, сделал смелый шаг в сторону тела, смачно чавкнула грязь под сапогом. Навис, словно коршун, неторопливо присел на корточки. Рун отстранился, когда старик бесцеремонно дёрнул ткань рубахи мертвеца. Парень будто боялся, что в любой момент покойник спросит с них, почто они тревожат его вечный сон — и вот уж тогда их не спасёт никакая магия.

— Охранки вешаешь? Напрасно, малец, — выдохнул учитель даже не оборачиваясь. Руну же стало стыдно — за свой страх. Впрочем, увидь его здесь мастер Рубера, так наверняка похвалил бы за расторопность. Опасность-не опасность, а охранок держи в плетении — пригодится...

— Видишь? — длинный, узловатый палец старика ткнулся в взбухшую под кожей опухоль. Черная, будто мазут, грязь потёками растекалась по животу. Она жутко блестела в лунном свете и казалось живой. Мажонк вздрогнул, едва не попятился в ужасе, когда Мяхар со всего размаху запустил в эту грязь руку. Это уж точно пострашней любой из крыс будет! Рун сглотнул, при мысли о последнем, тая надежды сохранить штаны сухими...

Опухоль хлюпнула, когда на неё опустилась пятерня старого чародея, вдруг пошла

волнами. Мальчишке отчего-то казалось, что вот-вот на покойнике лопнет кожа.

— Это паразит, — так и не дождавшись справедливого вопроса выдохнул Мяхар. — А теперь сюда и внимательней!

Старик продемонстрировал ему измазанную чёрным ладонь. Рун, словно по приказу, прищурился. Мальчишка проверил магический фон, но было пусто — здесь и близко не пахло хоть каким либо заклинанием.

— Это паразит, — повторил Мяхар. — Подселяется к человеку. Обычно не сам, через посредника. О чём нам это говорит?

Рун прикусил губу до крови, рассматривая жижу на ладони старика. Тот будто знал, что мальчишка не найдёт достойного ответа, но всё равно решил проверить его догадливость.

В догадки парнишка играл не очень. Старик сызнава выдохнул, посмотрел на повисшую в небе луну. Ждать до бесконечного долго он не собирался.

— Что посредник получал что-то взамен?

— Здоровое рассуждение. Но невнимательное. Ты вокруг посмотри, может, заметишь что странного?

Рун, будто спохватившись, уцепился за подсказку. Сначала он огляделся — лес как лес, чаща как чаща. Тихая, безмолвная, какая-то излишне пустая...

— Здесь тихо, — неопределенно выдавил из себя парень. Старик ответил ему одобрительным кивком.

— Тихо и пусто. Паразита может любая швара посадить, много ума для этого не требуется. Бедолага тут лежит не первый день, но падальщики не спешат на трупный дух.

У мальчишки от описаний последнего вдруг закружилась голова. Мяхар, будто не замечая этого, продолжил.

— Взгляни на селюка. Видишь тут? И тут? — Старик был неуважителен к смерти и покою другого человека. Он бесцеремонно вытер ладони о рубаху несчастного, не боясь запачкать себя смертью. А после кивнул на раскинутые, будто желавшие объятий руки.

Рун, сам не заметив того, подхватив кураж любопытства, нагнулся над покойником. Он менял виды зрений — одно за другим, всё как учила Гитра, пока не заметил тончайшие струйки сиреневого дыма. Разглядеть их во мраке ночи было практически невозможно.

Струйки, что нити, опоясывали руки, ноги и туловище несчастного. Самая жирная струна тянулась с груди, от того места, где бугрилась опухоль.

Мальчишке вдруг вспомнилось, как Виска, забавы ради, обратила крестьянку в тряпичную куклу. Дергала за ниточки, заставляя ходить, искусно взмахивать руками, открывать рот.

Играла.

Что, вдруг задался вопросом мажонков, если что-то или кто-то делал с селюком точно так же? Ещё один маг? Кто-то из его собратьев балуется?

У Руна нервная дрожь пробежала меж лопаток, ставя в ружьё армию мурашек. Почему-то представилось, что прямо сейчас на них с старым Мяхаром выскочит Виска. Поправит волосы, уберёт мешающуюся прядь, задорно и зло рассмеётся.

И нити её плетений поплывут к их рукам, обращая кожу и плоть — соломой. Парнишка вздрогнул.

Старый чародей не разделял его опасений, был спокоен и как будто заболел флегмой.

— Нити... как у девчачьей куклы, — слова рваными комками летели с губ мальчишки. Он часто заморгал, глаза слезились. Старик кивнул в ответ.

— Дело говоришь, малой. С бабой, как ни на есть, дело имеем...

— Ты говорил, что покажешь мне счастье... — в голосе Руна проскользнуло нечто, похожее на обиду. Будто под кремом праздничного пирога оказались опарыши.

— Ничего на его лице необычного — не подметил? — пространно и как будто вникуда буркнул Мяхар. Его юный ученик сглотнул, посмотрел на покойника уже в который раз. С опаской — будто с остекленевших глазниц должны были вот-вот посыпаться жуткие проклятия.

Не посыпались.

— Улыбается.

— Мертвяки чаще живых лыбятся, пострелёнок. Посмертный оскал, слышал?

Рун если и слышал, то не запомнил. Протестующе затряс головой.

— Нет, не так. Он как будто... как будто...

— Ты правильно с куклой сравнил, — похвалил его старик, а у мальчишки прям отлегло от сердца. — Куклам на мордахе улыбку рисуют. Потому что так краше, так приятней. Так можно запечатлеть всю фальшь счастья хоть на столетия вперед? Понимаешь?

Рун не ответил, а старый разбойник лишь махнул рукой — ни проигранца, мол, мальчишка, ты в этой жизни не понимаешь. Мяхара как будто злило до глубины разбойничьей души — не смерть случайного селяка, а что какая-то бестия позволяет себе подобные фокусы.

Рун потонул в вопросах к самому себе. Что сказал бы старик, узнай, что Виска тоже играет, да что там, не стесняется напрямую превращать понравившихся ей крестьянок в игрушки? Или ей можно, остальным нельзя? И разве он не знал о том, что она так делает — но не позволил себе ни разу поймать её за руку?

Мальчишка чуял, что где-то здесь дрожит хрупкая стена понятий хорошо и плохо — знать бы ещё только, что первое, а что второе.

На ум шло только то, что Мяхар никогда не питал к девчонке особой любви. Если не сказать даже, что он смотрел на неё с каким-то омерзением.

Теперь причина подобного была ему понятна...

— Это всего лишь крестьянин... один, — Рун сказал и прикусил язык. Ему казалось, что старик обернётся на носках своих ботфорт, грязь противно заскрипит под каблуками. Мяхар же лишь одарил его взглядом через плечо.

— И что же ты такое хочешь сказать?

— Крестьянин. Один. Тут хруставолки, да какой только чуди нет...

Учитель ухмыльнулся, взвесив довод ученика на весах собственной справедливости. Крякнул, перепрыгивая через валун. Изредка старик припадал к земле, проводил пальцами там, где на взгляд мальчишки не было ничего, кроме пыли.

Довод в самом деле был непростым. Старый Мяхар, прихватив с собой ученика, был здесь по собственной воле. Символа "Несущего волю" у него при себе не было, а это значит, что он не исполняет поручение Шпиля.

Занимается самодеятельностью.

Скакать из одного конца Стены в другой только потому, что какая-то тварь расправилась с неосторожным крестьянином? Так, сказала однажды Матриарх, недолго дойти и до того, что Двадцать превратятся в фокусников на побегушках черни.

Старый Мяхар её точно слышал — вряд ли ему сказали что-то новое. Но разбойник всегда был себе на уме.

— И что же ты, один из Двадцати, позволишь всякой мерзости творить, что ей вздумается?

— Нет, но... — Рун поймал себя на том, что ему совершенно нечего ответить. Мяр продолжил.

— Сегодня она убьёт одного крестьянина и это не будет для тебя проблемой. Завтра она утащит к Бледным ещё семью, затем село. Там дойдёт и до города. Разве крысам дают время на расплод?

Мальчишке вдруг стало стыдно. В лицо ему дул зябкий, не по весеннему холодный ветер, но щёки разве что не пылали огнём.

Внутри боролись два противоборства — одно говорило строгим, но материнским голосом Матриарха, второй же был сед и бородат, хрипел не хуже самого старого Мяхара.

Кто же из них прав?

Спину жгла пойманная звезда. Это много потом, оказавшись дома, под умиление Гитры, он запросит книг из библиотеки и узнает: то, что сейчас в его сумке зовётся ночежаром. Библиотекарь, сладко выдохнув и качнув необъятной грудью, расскажет, что эти существа редки, а уж поймать такую — огромная удача. Что состоят они сплошь из обрывков людских снов, и пожирают любой морок вокруг себя. Она будет рассказывать о них с бурным возбуждением и неумной восторженностью — но много потом...

Мяхар велел хорошенько запечатать звезду. Упрятанная в сумку, теперь она вела себя тихо, но старик не дал себя обмануть. Заклинание с его пальцев текло в сумочные замочки вместе с старческим, приглушённым шёпотом. Мана струйкой затекала в замочные скважины, обещая, что сколь бы пленник не бесился, ему не выбраться.

До сумки она чуть не выскользнула из рук мальчишки — не ожидавший, что добыча ночной рыбалки может попытаться дать дёру ему и в голову не пришло. Мяхар был настороже — сколько он уже переловил таких звёзд одним только Архи известно...

— Пришли, — невесело буркнул старик, едва они вышли из чащи. Руну надоело лупить глаза сквозь тьму и он одарил себя ночным зрением. Мир тут же заволокло яркой синевой, выделяя ранее скрытые мглой очертания.

Перед ними лежала заброшенная деревушка.

Мальчишка, в любопытстве, сделал несколько шагов вперёд, старик же, напротив, был лишён спешки.

Почти рядом с ними стояла сгоревшая изба — огонь царствовал в ней десять, а может и больше лет назад. Покосившиеся, осиротевшие без хозяйского присмотра дома смотрели на пришельцев пустыми глазницами окон.

Смотрели недружелюбно.

Руну в тот же миг стало неуютно. Он зябко поёжился, будто на холоде, обхватил плечи руками.

— Зачем мы здесь? — вырвалось у него. Он тут же пожалел о собственном вопросе, ибо чародей-разбойник ухмыльнётся и скажет — за счастьем!

Мяхар не ответил, промолчал. Мальчишка тут же развернулся: страх успел нашептать ему всякого. Старик никуда не исчез, стоял там же, где и до того, просто Рун для него как будто перестал существовать.

Глаза старшего чародея горели красным — мажонк это видел даже сквозь чародейскую синеву. Что это за плетение, какого рода заклинание и что же пытается высмотреть здесь старик — Руну было непонятно.

— Оглядишься здесь хорошенько, малец. Я стар, вижу не очень — глаза уже не те. Сумку чтобы с плеч не снимал! И помни — здесь нет людей...

Рун повторял его последние слова в голове, будто чародейскую мантру. Нету тут людей, чего ж непонятного? Откуда бы им здесь взяться, коли все и всё бросили? Ушли...

Куда ушли?

Мальчишка облизнул высохшие губы, пролил на неудобный вопрос бальзам объяснений, что место, наверняка, гиблое.

Или здесь завелась какая-нибудь чужь...

Чужь, что тянет к людям свои нити, окутывает вокруг мороком, заставляет быть счастливым — через силу. Мальчишке представилась толпа счастливых кукол — одинаковые улыбки, одинаковая радость...

Он вздрогнул, чуть не врезался в верстовой столб. Словно всю жизнь только его здесь и ждала, руку обожгла высокая, почти до пояса крапива.

Парень зашипел, потирая нарастающие на коже волдыри раздражения — и увидел его перед собой.

Дом как дом. Двор, крыша, забор прячет за собой нехитрое хозяйство. Высится над всем чердак — прежний хозяин мог себе его позволить. А ещё он был почти новый, ничуть не покосившийся. Время выбрало его в любимые игрушки, а от того лишь чуть лизнула краску — та облупилась местами, обнажая гниющую сырую древесину. Что ж, пожал плечами Рун, если уж тут и можно было назвать какой-то дом странным, то точно этот.

Словно на что-то надеясь, он обернулся — старый Мяхар с упоением рассматривал землю под ногами, оглаживал ладонями табличку указателя, перебирал в руках разноцветную тряпицу с вышивкой. Мажонок решил, что разберётся со всем сам — в конце концов, не за его ли спиной пойманная звезда? Помимо жара, она ещё придавала ему сил и уверенности.

Юный чародей перемахнул через невысокий забор, мягко и пружинисто приземлился на ноги. Едва не присвистнул — во дворе цвела и пахла раскидистая яблоня. Плоды манили его поскорее забыть про наставления учителя, взобраться по твёрдой коре повыше и сорвать. Можно было бы подлететь или заставить яблоко само прыгнуть ему в рот — но разве так было бы интересно?

Рун обречённо выдохнул и покачал головой. Прошелся по огороду — когда-то здесь плодоносили квигурцы и тороматы, а сейчас земля зарастала бурьяном. Вилы, грабли и чем там ещё обычно орудовала чернь, ржавели в дальнем углу. Кольями в небеса уходили истлевшие от времени рукояти.

В дом он прыгнул через окно и тут же понял, как опростоволосился — сначала следовало пустить сюда бегунка, глянуть что тут есть! Мяхар сказал, что людей тут нет, но крысы — крысы вполне могли бы быть.

Было поздно. В воздух тут же поднялось облако пыли, Рун закашлялся. Полы скрипели под несмелыми шагами.

Будь я сильнее, упрекал себя мальчишка, вывернул бы этот домишко наизнанку. Заставил бы его самого выложить перед ним всю подпольную, а после бы обратился в собачью конуру — так, может, было бы и красивше...

Старый Мяхар действовать столь опрометчиво не спешил, хотя и мог — у него-то уж точно, Рун не сомневался, силёнок бы хватило на целую деревню. А если и так, то и ему не стоит. Тут надо вдумчиво...

Магическое зрение давало возможность младшему из Двадцати видеть всё, что было вокруг. Едва пыль улеглась, он смог разглядеть очертания толстого, способного пережить ещё тысячу лет стола. Стулья походили на диковинных образин — изломанные и почти безногие они валялись по углам.

Кошмары о былом, Сон пятый, часть третья

Крыс, к большому облегчению, не было. А если серые паразитки и были, то очень надёжно прятались. Мальчишка уже почти сплёл бегунка-разведчика, но испугался. Что, если эти пронырливые твари здесь и в самом деле есть? Сможет ли он сдержать собственный страх, зная, что они где-то поблизости? Они где-то поблизости и бесконечно смотрят на него в ожидании удобного момента...

У мальчишки волосы встали дыбом на загривке, когда он нутром ощутил на себе чей-то внимательный изучающий взгляд. Коленки предательски дрожали, Рун и сам не заметил, как ровное дыхание сменилось тяжёлым и напуганным.

— Кто здесь? — голос дал петуха, но юноше уже было плевать. Мысль разобраться во всём и самому из смелой теперь казалось ему глупой. Может, билась в недрах его головы мысль, ещё не поздно завопить во всю глотку и позвать старого Мяхара?

Старик явится в огне и клинках и, конечно же, даст любому неприятелю бой. Если он, этот самый неприятель, есть.

Что, вопрошал въедливый сарказм, если тебе просто всего лишь показалось? Что скажет учитель? Выругается нехуже разбойника и разочарованно покачает головой. Скажет, что сдрейфил, словно малая девка.

— Я не девка! — выкрикнул мальчишка и тут же зажал самому себе рот, насколько громко прозвучал его собственный голос.

Громко и бестолково.

По лбу прокатилась капля холодного пота.

Его ушей коснулся мягкий, детский смешок.

Словно загнанный в угол зверь, юный чародей развернулся. Охранок облачил его тело в непробиваемую броню. Вот только супостат нападать не спешил.

Будь здесь Кианор, подумалось Руну, точно бы обозвал его трусливой тряпкой. А эта егоза Виска бы ещё и поддразнивала — ей только повод дай, проходу не даст.

— Эй? — Окликнул пустоту мальчик, но тишина стала ему ответом.

Рядом стоящая печь давно растеряла куски своей побелки. Будто из открытых ран, из трещин выглядывали рыжие кирпичи.

Рун отмерял каждый свой шаг, боясь любого странного звука. Мастер Рубера на своих уроках гнать страх поганой метлой. Ага, ему-то легко говорить: наострил свои усы, шмыгнул носом, и то на безумку, то на ещё какую приключившуюся оказию с клинком на голо. Быть смелым, когда страх лаской вьётся у твоих ног — задачка не из легких.

В чулане царствовал извечный беспорядок. Там, где раньше правили бал запахи еды, теперь воняло чем-то кислым и противным. Рун неприязненно поморщился. Доски полок обвисли, одна из них рухнула и одиноко валялась на полу. Мальчишка вздрогнул, когда под ногой захрустело — и как он только сразу не заметил черепки?

Внезапный грохот заставил его вздрогнуть — нечто за его спиной соскочило с полатей печи. Истлевшие донельзя половики едва-едва скрадывали шумный топот чьих-то резвых ног.

От навалившегося со всех сторон ужаса, Рун едва не потерял дар речи. Страх подстегнул его бежать, что есть мочи, закливание само легло в руку. Змеем он нырнул в сторону, вылетел из чулана не разбирая дороги. Возвращая себе облик швырнул в дверной проём

спальни пульсар.

Кидал наугад, не целясь, по заветам мастера Руберы — даже сейчас, когда мальчишка потерял голову, его наука пригодилась.

Попал.

Он понял это сразу же, как только после оглушительного треска услышал тихий и слабый стон. Ещё не до конца вернув себе чародейское зрение, мажонк глянул в дверной проем.

Фигурка скорчилась у алтаря Архи, напоминая бесформенную хламиду. Кровь в жилах младшего чародея застыла — ум спешно перебирал, с чем же он прямо сейчас столкнулся. Здравый смысл вдруг принялся обвинять его в беспечности и недостаточной трусости. Если и были причины драть глотку и звать Мяхара на помощь, то сейчас они пытались встать на ноги прямо перед ним.

Едва чародейское зрение после каскада обращений вернуло ему возможность видеть, как он узрел потирающую лодыжку девчонку.

Ей явно было больно. Где-то внутри Руна на мгновение проснулась совесть, вооружённая иглой. Высокомерие задушило её в зародыше, справедливо напомнив гласом Матриарха, что чародею не пристало думать о черни, как о равном.

А если она не чернь, а чародей? Вопрос был робкий и юнец не знал, какой дать на него ответ. Захлопал глазами, будто в надежде, что девица перед ним растворится мороком.

Не растворилась, выпрямилась во весь рост, недобро сверкнули глубоко посаженные глаза. На щеках грязь, волосы растрёпаны и торчат, будто колья. Вместо одёжки она использовала рваный мешок. Кусок бечёвки служил ей вместо пояса.

— Эй, ты... — голос Руна звучал хрипло и неуверенно, но былой страх отступил прочь. Никакая это не чудь, это всего лишь самая обыкновенная девчонка. Чумазая, грязная, наверняка голодная...

Что она тут делала?

Не желая отвечать, малышка шумно шмыгнула носом и, громко хлопнув ладонью по борту старой лавки, что когда-то гордо звалась кроватью, провалилась сквозь стену.

По крайней мере, мажонку именно так и показалось. Игнорируя рёв здравого смысла, Рун прошёлся по комнате. Он отчётливо слышал влажные шлепки по воде где-то под землёй.

Он разом оказался возле лавки, дёрнул её на себя — та оказалась тяжёлой и не сдвинулась с места, будто приросла. Рун шустро влил в себя новые силы — бывшая кровать отскочила прочь, будто пушинка. Взгляд младшего мага уставился на кольцо, прибитое к полу.

Как он и думал.

Дверь в подпол на случай прихода лихих людей. Или разбойников, почему-то подумалось мальчишке, едва он вспомнил про Мяхара? Интересно, спросил он у пустоты, если прошерстить память старика — что можно будет увидеть?

Словно не ведая, что творит, Рун потянул кольцо. Из подпола на него хлынула темнота и холод...

***

Подпол оказался глубже, чем ему казалось. Вниз вела плохо обструганная лесенка — парень едва не посадил занозу, пока спускался. Ход был узок и мал — сюда мог проскочить разве что ребёнок. Сумка мешалась и, забыв обо всём, Рун скинул её, оставил наверху.

И почти сразу же пожалел.

Страх треклятой змеёй, что так и вилась вокруг мальчишки, теперь взялся за него в полную силу. Яд обвинений в беспечности лился ему на плечи.

Разве не говорил ему старый Мяхар, что в деревне нет людей? Говорил. Разве не должен был его ученик позвать, едва заметит что-то необычное? Должен был. И, самое главное — разве его не предупреждали нигде не расставаться с тем, что лежит в сумке? Предупреждали, но он пренебрёг... Теперь, насмешливо и зло шипел страх, кто знает, что будет?

Мальчишка вихрем пожелал взлететь назад, но вдруг закрывшаяся перед самым носом дверь подпола больно шибанула его по затылку. Голова тотчас же загудела, будто встревоженный пчелиный рой. Ныл затылок, просил хозяина хоть чуть-чуть помассировать его ладонью.

Рун встал на четвереньки. Внутри юного чародея закипало самое настоящее варево из ярости и злости. Будто забыв свой недавний постыдный страх, он представлял как великаном вырвется отсюда. Дом станет домишком, разлетится в щепки! А с девчонкой он сделает...

Мажонк вдруг понял, что совершенно забыл про неё, будто никогда и не было.

Подпол был стар и грязен. Словно ветхий, на ладан дышащий старик, он чихал ему в лицо ворохом пыли. Половицы под ногами на все лады пели оду времени протяжным, почти звенящим в ушах скрипом. В ноздри била едкая вонь сырости. Полки, некогда ломившиеся от снеди, теперь хвалились разве что пустыми бутылками и склянками. Словно вновь готовые хоть сейчас прыгнуть в печь, особняком стояли покрытые жиром и копотью чугунки.

Но ни следа девчонки — будто её и в самом деле тут никогда и не было.

Тут нет людей, разве что не скрипя зубами повторил у него в голове голос старого Мяхара.

Мальчишка кивнул темноте и неизвестности перед собой, будто издевательски соглашаясь с её условиями. Сейчас, думалось ему — сейчас я быстро заставлю сумку вновь оказаться у меня в руках, и вот тогда-то уж мы посмотрим, кому кого следует бояться...

Она вышла перед ним раньше и сама, прежде чем младший из Двадцати успел закончить очередное хитрое плетение.

Мальчишка тотчас же опустил руки — пульсар, заготовленный для удара, сник под тяжестью сомнений, а после и вовсе рассеялся, оставив юного чародея один на один с девчонкой.

Руну стало не по себе. Где-то внутри пробудился доселе незнакомый, почти сладостный ужас. Он один на один с незнакомой ему девчонкой, и просто не знает, что делать. Его ровесницы из Шпиля это одно — их-то он каждый день видит. От их насмешек разве что спина не хрустела.

Но с этой...

По телу бежала до странного приятного дрожь. Мальчишка хорошенько разглядел — даже сквозь тьму! — её лицо. Голубые, почти небесного цвета, глаза чарующе блестели в темноте. Страх недоверия с её мордашки спешил сойти на нет, смениться добродушной улыбкой.

Мажонк и сам не понял, как до жуткого ему вдруг захотелось оказаться в её объятиях. Чтобы она обхватила его своими крохотными ручками, присвоила, сделала своим.

Морок чёрной пеленой застилал глаза, а разум ученика Мяхара тонул в нём без остатка.

Словно ещё на что-то надеющийся, но изначально обречённый, он цеплялся абсолютно за всё.

Здесь нет людей. Здесь. Нет. Людей.

Он повторял это про себя, будто спасительную мантру — не помогало.

Будто послушный верный пёс он подошёл ближе. Маленькие ручки новой знакомицы стискивали чёрную, как сама ночь, тряпичную куклу, зло блестели чёрные же пуговицы глаз. Рун бросил на игрушку лишь мимолётный взгляд — та вдруг ответила ему хищной улыбкой.

Маженок не успел испугаться. Юркая тварь молнией метнулась к нему. Зарождавшийся в его глотке крик едва зачался и тут же потух в бесконечности висящего вокруг безмолвия.

Кукла была бесцеремонна. Ему вспомнилось, как Кианор жадно и беспощадно вырвал из рук Виски её новую игрушку и сорвал лоскут тряпичного платья — им двигало какое-то до безумия пошлое любопытство. Теперь всё изменилось: Рун ощутил себя беспомощным деревянным болванчиком в руках кого-то огромного и могущественного. Девчонкина кукла обратилась в жидкий, неприятно холодный липкий комок. Бесцеремонно лезла под одежду, лужей растекаясь по всему телу.

Морок, что на мгновение выпустил жертву из своих паучьих лап, теперь взялся за мальчишку с утроенной силой.

Рассудок помутился. Мир перед глазами вдруг заходил ходуном. Былое желание налепить на себя охранок-другой, и сдобрить всё это третьим испарилось, будто его никогда и не было. Грязный подпол спешил заверить младшего из Двадцати, что всё как раз наоборот. Подпол — это там, наверху. Потому что стоит тебе только сделать шаг, высунуться наружу, как подхватит под руки вереница забот и гадких обязанностей. Уроки, ровесники... учителя. Чёрная жижа вытаскивала из самых потаённых уголков юного чародея всю мерзость гадких мыслей — и делала их стократ хуже. Учителя — негодяи, ровесники — сволочи! От уроков магии и вовсе давно болит голова...

То ли дело здесь, внизу, где нет добра, зла, хорошего и плохого. А есть только она.

Девчонка теперь не казалась ему крестьянской приبلудой. Словно луковица цветорада, она скидывала один неприглядный слой за другим, обнажая красоту.

Зачем, вдруг спросил себя мальчишка, куда-то идти, когда рядом есть она? А если рядом она — это же счастье.

Сейчас-тие.

Щасте...

Внутри пробудился самый настоящий вулкан блаженства. Рун ощутил, что всё это время бежал по пути самообмана, гнался за какой-то ерундой, но теперь увидел свет истины. И эта девочка — такая светлая, такая живая, в ней искра, а вокруг и везде — лишь мрак невежества.

Мальчишка пытался выразить новые чувства в словах; язык не слушался. На лицо легла добрая улыбка. Нечто внутри откуда-то из недр вытаскило образ бесконечно улыбчивого и столь же бесконечно мёртвого селюка.

Сомнения и треволения отступили сразу же, как только новый смысл жизни юного чародея заглянула ему в глаза.

Ей хотелось, чтобы он улыбался — и он готов был от пяток до ушей обратиться в огромную улыбку. Она пожелала развлечений — и он принялся выплясывать ей на потеху. Звонко хлопали ладоши.

Пока не явился он.

Рун не сразу осознал опасность, что изволила рухнуть на них непосильной ношей. Бес из самых глубин, слуга Бледных корявыми пальцами рвал небо над головой. Ночь, казалось, заливали кровавые раны. Бесконечная синь безоблачного неба трещала, будто гнилая древесина: бес был старателен и непреклонен. Топорщились вверх круто завитые рога, мхом торчали волосы из ушей. Зелёная кожа, повсюду увитая уродливыми бородавками, некрасивый крючковатый нос, толстые губы. Глаза пылали жарким пламенем, готовым поглотить всё, чего только коснётся проклятый взгляд.

Нечисть перед юным чародеем бесновалась в собственной нерешительности. Словно посланник Бледных жаждал лёгкой поживы, но оказалось, что здесь могут дать по зубам.

Мальчишка ударил первым. Не помня самого себя, он бросился на угрозу, лелея внутри себя лишь одну мысль.

Защищать её — это тоже счастье.

Первые удары Руна потонули в защите нечисти. Бес извивался, будто змей, размашисто шлёпал по воздуху кончик мохнатого хвоста. Брошенная юным чародеем сосулька хрупнула, осколками разлетевшись по полу, а хват чародейских рук из под земли поймал разве что воздух.

Взбешённый наглым отпором, рогач жутко взревел — из клыкастой глотки повалил кислый сивушный дух. Рун попятился от него прочь, нырнул в сторону. Вовремя — едва противник пришёл в себя, как бросился на мальчишку. Когтистые лапы молотили прямо перед мажонком — земля, не желая терпеть осквернения грязных ударов, комьями вздымалась в воздух.

Она смотрит, думал Рун. Это счастье. С его рук вырвалось проклятие — гремучими гадюками они выросли из его рук, беспощадно устремились к бесу. Рогатый великан оказался скор на выдумку: из-за его спины одна за другой возникали огненные птицы. Стремглав, в отчаянной атаке они обрушивались на одно проклятие за другим. Чавкаяще лопалась пузырившаяся, остаточная мана, Руноу в лицо вдруг ударил жар, заставил прикрыть глаза рукой. Посланцу Бледных только того и нужно было. На бесконечно уродливой морде отразилась тень победного торжества. Пол под ногами мальчишки вытянулся, черной завесой потянулся вверх — с запозданием, но младший из Двадцати понял, что вот-вот окажется в маническом мешке.

Смекалка сработала на опережение. Поток воздуха ударил сверху, едва не прибил Руна к земле, заставив упасть на колени — это ничего, сказал он самому себе, это так надо. Было сомкнувшаяся над его головой завеса лопнула, словно гнойный пузырь — мальчишка выскочил наружу.

Вокруг царствовал огонь. Мир, светлый, красивый, заполненный лично его, Руновым счастьем, был почти уничтожен.

Девчонка жалась к стене. Крохотные ручки сжимали обрывки тряпичной куклы — ошмётками во все стороны торчали потроха солома. Зажмурившись, она ждала своей незавидной участи — нависший над ней великан стискивал в своих руках самую настоящую смерть.

Умереть за неё — честь! Честь? — переспросило насмешливо внутри чужеродное нечто — не честь. Счастье.

Он метнулся, заслонив её собой от смертельного удара. Боль пронзила мальчишку с ног до головы и почти вывернула его наизнанку. Он взвыл, будто волчонок и заскулил побитым псом. Словно ядро, юный чародей пролетел сквозь потолок. Старая древесина норовила

наделать ему заноз даже сквозь изрядно истрёпанную рубаху.

Инерция протащила его по земле, ударила о остатки забора.

Бес вынырнул сразу же, едва мальчишка только открыл глаза. В голове бушевал только один вопрос — эта тварь убила её? Нет, отвечали чувства, елеем и бальзамом ложась на больной вопрос. Не убил, ты бы почувствовал. А теперь — дерись.

Кошмары о былом, Сон пятый, часть четвёртая

Исчадие Бледных стояло над ним, словно рок, во всём своём отвратительном могуществе. Бугрились валуны каменных мышц — им не требовался панцирь брони, о них хрустнет любой клинок. Уши пряли, будто у лошади, с рогов валил дым. Из пасти угрожающе торчали шипы клыков — бурая, будто яд, слюна капала с них на примятую, пожухлую траву. Земля под его копытами дымилась.

Из глотки чудища доносился утробный рык. Будто даже эти звуки давались проклятому с трудом и он тряс головой в попытках выдавить их из себя силой. Когтистая лапа потянулась к мальчишке.

Рун сам не понял, как вновь оказался на ногах. Боль не спешила покидать своих позиций, продолжая терзать тело мажонка, но всё же отступала прочь.

Сук, обломок забора прыгнул ему в руку. Заклинание вспыхнуло искрой, пробежалось от обломка до острия. Старая древесина обрастала сталью, крепла прямо на глазах. С залихватским криком, будто вепрь, он бросился на чудовище.

Бес встретил его затрепачной — мокрый обидный шлепок обжёг щеку. Второй удар ослабил руку — новоявленный меч отскочил в сторону. Мальчишка беспомощно повис в хватке великана. Руки и ноги опутывали нити паутины — бес будто обратился в многоногого паука и пеленал мажонка, что муху.

Страха не было, вдруг понял Рун. На плечи ему ложилось разве что покрывало разочарования — он подвёл своё счастье.

И от того было больнее всего.

Младший из Двадцати упражнялся в плетении заклинаний, но треклятый рогач сковал его мощью собственных преград. Плетения, стоило им едва сойтись с друг дружкой в дивном танце, тут же распадались, обвисали верёвками и таяли нерастраченной, сладкой маной.

Паутина забивала мальчишке рот, нос и уши. Словно мешок зерна, его грубовато швырнули наземь.

Рогач хрипел и кашлял — воображение зачем-то подсовывало ему свои видения того, как это происходит.

А потом его будто пронзили насквозь. Мальчишка лишь хрипло охнул, когда из него потянули само нутро. Ему казалось, что вся ясность мыслей, что была до сего момента, скомкалась листом писчей бумаги. Внутри него закричали мысли — о пощаде, отрицании, в тщетных обещаниях расквитаться.

Бес рывком вырвал их из него. Сожаление о утраченном счастье ушло, а его место заняла лишь мрачная, ничего не говорящая пустота. Мальчишка ощутил, как мерзко звенит в ушах, как лица вдруг касается холодный, ночной воздух, а бродяга ветер тащит воистину могильный смрад этого места.

— Ж... ой, шлан... ец? — звуки, в коих он не сразу узнал слова, касались его ушей. Мальчишка потрогал собственный нос — на нём не было никакой паутины. Несмело и не сразу, но он открыл глаза.

Беса не было. Посланец Бледных с огненным взором испарился, растаял и ушёл в небытие. Вместо него над мальчишкой сугулилась суховатая фигурка старого Мяхара.

— Живой, спрашиваю, малец, нет? — Мяхар держал его магической хваткой за шкуру, словно нашкодившего котёнка. Стонал живот, головная боль напоминала сознанию, чтобы

то не торопилось приходить в себе.

Хуже будет.

Рун не знал, куда уж могло быть ещё хуже. Царивший в голове сумбур и хаос собирал вещи, уступая трон осмыслению. Последнее хищно улыбалось и обещало проблемы.

Рун осмотрелся по сторонам и не увидел того, что именно бы здесь не обещало ему проблем. Успокаивал разве что взгляд старика — флегматичный и спокойный. Мальчишка не сразу сумел разглядеть в глубине глаз старика самую настоящую заботу.

Не материнскую, как у матриарха, не учительскую, как у мастера Рубера. Мяхар готов был оберегать мальчишку точно так же, как себя самого.

То есть, никак, скрипнул голосом разбойника сарказм и затих.

Всё стихло, ожидая скорую грозу — буря спешила сюда на всех парах и Рун чуял это всеми фибрами души.

— Живой, нет? — Мяхар встряхнул его сильнее, будто в надеждах, что из карманов юного чародея вот-вот вывалится ответ.

Рун поспешил кивнуть. Тогда и только тогда его поставили наземь. Ноги непослушно подкашивались, младшему чародею казалось, что он заново учится ходить.

Мяхар ругался — на себя, про себя и для себя. Узловатыми пальцами вытирал кровь с разбитой скулы — интересно, спросил мальчишка, кто это его так?

Память неприветливо улыбнулась. Догадка вспарывала остатки морока страшным — Рун, нахальный мальчишка, бился не с бесом, а с собственным учителем.

И потому, наверно, до сих пор жив. Стыд, учуяв пустоту в душе Руна, поспешил заполнить её собой от и до. Мажонку казалось, что у него покраснела даже макушка.

— Это... это я? — он спросил, словно в самом деле сомневался. Старик поспешил отвернуться, словно пряча от детских глаз свои синяки.

— Нет. Не ты. Идём.

Мяхар в одночасье сменил заботу суровостью. Мальчишке показалось, что у старика на все случаи жизни есть своя маска. Сейчас строг, через мгновение насмешлив, затем безумен... кто ж его разберёт?

Вокруг бушевала бесконечность пожара. Огонь устрашающий сейчас больше походил на огонь домашний. Трещало, как из камина, веяло уютом и теплом. Руну подумалось, что не хватает только кресла и одеяла, в которое можно было бы закутаться.

Он покачал головой, прогоняя неважные мысли прочь. Ночь была коротка, а за горизонтом на небосвод торопилась монетка солнца. Оно лениво выглядывало, будто намекая младшему из Двадцати что сам он едва разменял первый десяток лет, но сегодня стал намного старше, чем когда либо.

А если ещё и сможет осознать и принять случившееся...

Опыт скрипел песком на зубах. Мяхар, не останавливаясь и прямо на ходу подхватил тускло блестящий шар. Звезда, вспомнил мальчишка, рыбалка. Только вот она была много ярче, чем сейчас, что с ней случилось?

Память и здесь не удержалась от болезненного укола, ненароком намекнув на некоего сорванца, что опрометчиво и сломя голову бросился на непредназначенный ему удар.

Юный чародей сглотнул, когда они подошли к дому. Или к тому, что ещё пару часов можно было назвать людским жильём, а сейчас лишь его ошмётками. Мяхар грузно перевалился через обломок стены, но на удивление мягко спрыгнул в подпол. Рун не сразу, но последовал его примеру.

Смотреть, отчего-то, было жутко — девчонка утратила свой прежний облик. Рун зажал рот ладонью — он помнил её совершенно иной. Чумахая, грязная девичья мордашка сменилась морщинистой маской. Чёрные буркала глаз хлопали, на толстых, покрытых чешуёй щёках виднелось нечто, похожее на застывшие бороздки слёз.

Руки были страшно худы. Из-под подола мешковины — ну, подумалось юному чародею, хоть это-то нисколечки не изменилось, — торчали тростинки ног. Она подобрала их под себя.

Трёхпалые ладони оглаживали чёрную тряпку, что в мороке казалась ему игрушкой.

— Берегись! — выкрикнул парень, когда она вдруг резко оскалилась и швырнула комок ткани старику в лицо. Мяхар безмолвно поймал её, отшвырнул прочь — Руна показалось, будто тряпица тут же зашепила уползти прочь.

— Сам сделаешь? Или боишься?

Рун не сразу понял, что спрашивали у него. Здесь, внизу, перед неказистым "счастьем" он чувствовал себя до странного потерянным. Остатки звезды тускло мерцали на вытянутой старческой ладони.

Рун вдруг понял, что абсолютно не смел. Что быть героем и грозой чудовищ лучше на одних лишь словесах, что здесь и сейчас это стократ тяжелей...

Он принял звезду в руки, будто мяч. Теперь она казалась ему до странного маленькой — неужели с этакой-то крохой у него не получилось пролезть через дверь? Или это она сейчас попросту стала намного меньше?

Парень смотрел на звезду в своих руках, осознавая две вещи. Первым было озарение: только что он принял и взял на себя право убить. А вторым оказалось понимание того, что он попросту не знает, как и что делать дальше.

Мяхар был терпелив. Его голос наставительно гремел за спиной.

— Сплети семёрку и десятку, пропусти их сквозь звезду, а затем бей. Неважно, куда попадёшь и сколько эта бестия будет дёргаться. Или боишься?

Рун не знал, что ответить. Просяще блестело то, что было у счастливицы за место глаз: умирать ей хотелось меньше всего на свете.

Буря обрушилась вместе с дождём. Руна по голове щёлкнула капля-другая и он отвлёкся, чуть не выронил звезду. Ему почему-то казалось, что его будущая жертва бежит.

Нет, сидела там же, где и до того. Вместе с дождём к ней пришло отчаяние.

Молния сверкнула перед глазами, раскат грома заполнил собой уши. Грязно и некрасиво выругался Мяхар — теперь уже совсем не про и не для себя.

У Руна всё похолодело внутри, а сам он понял, что не способен сделать даже шага в сторону.

Он хорошо знал, кто сейчас стоит за их спиной и смотрит снизу вверх.

— Делай что должно, пострел, — буркнул старик. — Я разберусь.

Старый разбойник разберётся, понимал Рун. Пуще остального смысл его разборок, почему-то, понимали зад и уши. Ибо стоило ему лишь обернуться, как он увидел бы перед собой Матриарха.

Она была злей сто тысяч бесов — не нужно было смотреть ей в глаза, чтобы это осознать. У мальчишки по спине пробежала нервная дрожь, маршем выстроились холодные мурашки. Ветер зачинающегося утра был ничуть не теплее, чем вечерний. Словно впитав в себя частицу Матриарха, что прилетела на нём, он был просто злее.

Счастливица, казалось, сжалась и стала ещё меньше. Казалось, что если до того ей

грозила просто смерть, то сейчас нечто похуже.

Мальчишка вдруг понял, что только сейчас заметил, что у неё нет рта. Нос крохотной кочкой торчал на морщинистой кожей, а вот того, при помощи чего она могла бы говорить...

Потому и молчала, вдруг подсказал Руну пришедший в себя здравый смысл, потому и тишина.

Младший из Двадцати шикнул на него — как будто сейчас самое подходящее время для догадок! Память неохотно подсказала — плетение номер семь из стандартного учебника и номер десять. Сплести и пропустить через звезду.

Добыча ночной рыбалки, кажется, стала ещё меньше — ей вряд ли хотелось, чтобы сквозь неё проходило сплетение губительного яда и вынужденного старения? Что вообще можно было получить из подобных заклинаний, да ещё через звезду? Рун не знал, а его будущая жертва и знать не хотела...

Здесь, сейчас и перед ней он ощущал неловкость. Перед ним тварь, но разум всё ещё хранил в себе облик той, кто принесла ему счастье. Не чужое, не своё, а его собственное, личное, точно такое, каким оно ему виделось. В какой-то миг ему показалось, что он понимает того бедолагу из лесу.

Он умер по-настоящему счастливым. Многим ли дарована такая участь?

— Извини... я должен... вот так! — Слова валялись из него комьями, застревали в глотке. Проказник ветер вдруг решил, что неплохо было бы поиграть с любопытством мальчишки.

Большая ли будет беда, если он услышит, о чём говорят взрослые?

Маги не дерутся, вспомнилось ему наставление Матриарха. Ну да, как же, мастер Рубера вот был совершенно иного мнения! Маги — разговаривают.

Эти находили слова в молчании. За них говорили другие: листва шелестела женским голосом, что дрожал от возмущения. Матриарх стиснула кулаки и грозно прищурилась — ей была отнюдь не по нраву выходка старого разбойника.

Тот норовил ответить ей скрипом старого пня. Спокойствие, мудрость, бесстрашие. Если что-то когда-то и могло навести тень ужаса на душу старого Мяхара, то грозные, но женщины точно не входили в этот список.

— Ты использовал его, как наживку! — громом без молнии разразилось небо.

— Этот опыт он не забудет никогда. Поймёт. Осознает. Примет. Не согласна? — ручей с старческим голосом журчал мягко, тихо и вкрадчиво. Успокаивающе, вдруг догадался мальчишка. Старик пытается успокоить матриарха.

Номер семь и номер десять, настойчиво напомнил ему здравый смысл. Вынырнув из пучин собственного любопытства, мальчишка уставился на несчастную счастливицу.

И отшатнулся — ещё мгновение назад жавшаяся в углу фигурка теперь стояла перед ним. Смотрела снизу вверх прямо в глаза — так, наверно, встречает свою смерть воин.

Что она хотела ему этим сказать? Что совершенно его не боится? Мальчишка терялся в догадках. Осторожно, боясь оступиться, он сделал шаг назад. Счастливица перед ним, любившая играть людьми, словно куклами, сейчас как будто сама обратилась в подобную.

— Не согласна. Он — один из Двадцати. Когда мы нашли тебя — ты представлял из себя жалкое зрелище, — ветки закачались от внезапного порыва ветра. Тот гнул их сильнее с каждым мгновением, словно в надежде заставить их коснуться земли. — Мы приняли тебя в семью, закрыли глаза на прошлое — и так ты хочешь отплатить?

Рун сплотнул. Его разрывало меж велением Мяхара добить несчастную бестию и

дослушать разговор до конца.

— Йа... я не хочу тебя убивать, — зачем-то и вдруг начал оправдываться мальчишка. — Просто так надо, понимаешь?

Он по взгляду видел, что не понимает. Невозможно объяснить ту надобность, по которой хочешь отобрать жизнь...

Затрещал огонь, где-то вдали развалилась давно отжившая свой век печь. Рун как не пытался вслушаться в этот звук, не сумел разобрать сказанного. Если старый Мяхар хотел, чтобы его услышала только та, кто надо, то он своего добился.

Младший из Двадцати сглотнул, в душе из ниоткуда родилась обида, и мальчишка сам не мог толком разобрать на что же именно.

— Ему не место за стенами дома. Слышишь?

Рун опустил руку со звездой, едва разобрал это в далёком ночном стрёкоте цикад. И разочаровался — его что же, больше никогда не выпустят из дома?

Счастливица подло и коварно набросилась сразу же, едва выпал момент — липкая, трехпалая ладонь закрыла ему рот, но он успел вскрикнуть. Стремительная, будто поток, она нырнула прочь. Скользкой тварью она удираала прочь, ловко карабкаясь по обломкам. Рун чуял себя бестолковой чушкой. Он швырнул ей вдогонку ловчее заклятие — и конечно же мимо.

Старый Мяхар явился чуть ли не из под земли. Угрожающе и хищно сверкнули глаза учителя, когда он увидел лишь удаляющуюся фигуру чудища. Прищурился, перевёл полный укора взгляд на мальчишку — Руну захотелось провалиться сквозь землю. Он как будто раздумывал, стоит ли задать пареньку трёпку в воспитательных целях или не стоит. Остановился на последнем — в конце концов, неужели он в самом деле ждал, что у мальчишки так легко и запросто получится отнять жизнь? Не сам ли он велел делать что должно? Просто должно у каждого разное...

— Она...

— Я поймаю её. Потом, — Мяхар старательно скрывал за спокойствием разочарование; получалось так себе.

— Мы ещё не закончили, — в этот раз Матриарх говорила так, что её слышали все. Рун вздрогнул, понимая, что будет дальше. Он повернулся к ней лицом, встретился взглядом: не пристало встречать Матриарха спиной.

Ему казалось, что её лицо при виде того, что с ним всё в порядке смягчится.

Но женщина будто обратилась в камень. Такое не смягчают — только крошат. Он молчал, ожидая вердикта, понимая, что любое оправдание перед ней будет недостаточно.

— А с тобой я разберусь завтра днём. Сейчас — в кровать!

Она щёлкнула пальцами и ещё до того, как мальчишка осознал случившееся, оказался в своей постели.

Вокруг была знакомая комната, у кровати дежурила автоматон-служка — теперь-то он уж точно не посмеет дёрнуться даже в уборную. Рун обиженно накрылся одеялом с головой — слёзы бессильной злобы душили его, не давая успокоиться. Ему казалось, что он будет проклинать старого Мяхара за эту ночную вылазку, треклятую счастливицу, которой удалось дать дёру. И, конечно же, Виску — не иначе как эта прохвостка обо всём рассказала Матриарху! Но вместо проклятий думы занимала молчащая, скверная, тягучая пустота.

Хоть бы, сказал самому себе мальчишка, всё это был просто сон...

Глава девятая, Взаперти

Осознавать свою уязвимость всегда противно.

В особенности для чародея.

Так, наверно, чувствует себя неуловимая мышь, угодившая в примитивную, но мышеловку.

Последний из Двадцати чувствовал себя куда как гаже — имея возможность сворачивать горы и поворачивать реки вспять, он уязвим перед самой обыкновенной дубиной.

Треклятый старикашка! Рун пообещал самому себе, что как только всё это закончится, он обязательно отыщет седого паршивца и превратит его в калоши. Почему именно в них, парень не знал, но голова болела чудовищно.

Попади он чуть ниже или ударь сильнее — и всё. Здравый смысл решил, что нет лучше времени, чем сейчас, чтобы высыпать на голову несчастного свои размышления. Чуть сильнее — и можно было бы возвращать чародея на то же кладбище, где он был пару-тройку часов назад. Воображение вторило, рисуя чудовищные картины отвратительно скорченных разбойничьих рож. Обращённые в булыжники Кровавые Крючья, верно, готовы были бы издохнуть с жуткой досады — всё, чего и требовалось, так это вредного, одурманенного старикашку с хромой ногой...

Рун потёр ушибленный затылок, снял боль заклинанием — то приятным холодом разливалось по телу, успокаивая встревоженные нервы. Приподнялся на локтях, огляделся по сторонам.

Изба была самой обычной — таких в каждой деревне с десяток. Это ничего, отозвался Рун, не оставляя попыток встать, это хорошо.

Встать ему не позволила она.

— Хозяин! — в возгласе было всё и сразу. Восторг, радость, жизнь и ужас. Виранка выскочила из вечернего полумрака, стукнула лбом, тут же, будто дикая кошка, отпрыгнула прочь.

Парень чуть не взвыл — сначала его лупят клюкой, теперь норовят ушибить прямо в лоб. Столь успешно делать ему больно, пожалуй, ещё не получалось ни у кого.

Виранка сверлила его взглядом. Невесело блестели глаза, в которых читался самый обыкновенный испуг. Последний из Двадцати только сейчас сумел рассмотреть её хорошенько — карамельного цвета кожа, чёрные, разве что не обсидиановые волосы. Маленькая, узорно плетёная косичка свисала с правого боку, едва касаясь плеча. Взгляд Руна приковывала объемистая, едва уместяющаяся под платьем грудь. Швы платья разве что не трещали от натуги, каждый раз натягиваясь до предела на вдохе. Парень покачал головой — девичьи прелести он оценит как-нибудь потом.

По лицу бежали татуировки — рабыня и в этом не было никаких сомнений. Она жалась спиной к лавке в ужасе от одной только мысли о том, что сделала хозяину больно и...

Он остановил собственные размышления. Хозяину? Когда это он успел стать её владельцем? Либо он слишком долго спал, либо она точно его с кем-то путает.

Вопросы спешили в его бестолковую голову один за другим. Юный чародей подавил в себе стойкое желание сразу же кликнуть Ска и воспользоваться её аналитическим блоком — знал, что у механической куклы, наверняка, сейчас совершенно иные заботы.

На почти негнущихся ногах, не обращая внимания на жалостливые подвывания девчонки, он подошёл к окну. То, что он там увидел его удивило мало — селяне, словно послушные овцы, стояли перед двором и упражнялись в корчиньи жутких рож. Будь Руну лет десять и он согласился бы с тем, что у них получается очень даже неплохо.

Очарованные бездействовали. Парень облизнул высохшие губы. Старый Мяхар, с коим он только что говорил во сне, сейчас заливался соловьём, усмехаясь над тем, как недалёк был его ученик от гибели. От смерти прошёл на самый волосок — ошибись он в том, с какой тварью имеет дело, и крестьяне, не вываливаясь из окутавшего их морока, выломали бы доски двери, разбили раму окна и давно бы вошли внутрь. Ска могла бы устроить кровавую баню в попытках защитить хозяина. Не самый худший исход, расхохотался в его голове старый разбойник. Он сразу же заверил, что здесь и сейчас чародей больше напоминал абсолютно беспомощный мешок картошки, и уж точно никак не кошмарный сон любого из Кровавых Крючьев. А тот дедок не промах, словно в пику добавил он, тебе бы у него поучиться...

Рун в сердцах сплюнул — когда уж даже собственные размышления норвят встать на сторону противника.

— Ты... перестань ныть, — он поморщился, рявкнул на девчонку. Сработало сразу же: она заткнулась. На четвереньках, будто пёс, ожидающий похвалы, поползла к его ноге.

Она как будто не осознавала, как и что происходит. Понимала ли дочь застенной Вирании, что от гибели её сейчас удерживает разве что неписанные законы дома.

Счастливица не войдёт сама в тот дом, куда её добровольно не пустят. Того же самого не сделают те, кто стал её куклой.

Здравый смысл горазд был вопить, что у этого правила тысяча и одна условность, что если бестия существует, то никакие писанные нормы ей не указ. Но происходящее было очевидно — они застряли в плотной осаде.

— Господин, вы пришли в себя, — голос Ска звучал будто музыка для его ушей. Ну, хоть кто-то из тех, кого он рад видеть по-настоящему здесь и рядом.

Девчонка тёрлась своей грудью о его ногу, сладостно зажмурившись, и обхватив её руками.

— Не знаешь, как это снять? — он похлопал виранку по волосам.

Из-за спины автомата выглядывали мальчишки — место страха временно заняло любопытство. Интересно, подумалось Руну, заглянет ли Мик на огонёк?

Ска будто бы читала его мысли.

— Объект Мик связан и не представляет угрозы. Паразит не извлечён. Желаете провести его допрос лично?

Отдирать от его ноги новоявленную рабыню она не спешила.

Рун облизнул высохшие губы — из Мика можно будет вычленишь, как и что тут произошло, но вот придумать, как выбраться из сложившейся ситуации ему предстояло самому.

Сарказм злым бесом потирал ручонки — что, чародей? Загнал себя в угол? В следующий раз, может, прислушаешься к гласу рассудка, прежде чем опрометчиво кидаться в самый жар?

Руну нечего было ему ответить. Бледные с ним, пусть язвит сколько влезет.

— Общая информация?

— Желаете полную статистику? — механическая кукла разве что не расцвела, но тут же

сникла, когда господин отрицательно покачал головой.

— Долго я был в отключке? Ты, отвяжись! В жабу превращу!

Приказ снова подействовал на виранку лучше любого кнута. Рун цыкнул — надо разобраться с ней как можно скорее. Если она будет таскаться за ним хвостиком, ему даже в отхожее место сходить не удастся. Понять бы ещё только по какой причине она считает его хозяином...

— Два часа, семнадцать минут. Точное время относительно секунд назвать не...

— Не требуется, — парень тут же дал отмашку. — Так что там с информацией? Пока я выбыл, случилось что-нибудь необыкновенное?

Ска задумалась, прежде чем ответить, а парень выдохнул и поправил самого себя.

— Что-нибудь, что было бы достойно моего внимания?

— К дому выходила девица. По жизненным циклам не является человеком. Говорила через субъекта Мик. Призывала вас выйти к ней на разговор.

— Конкретно меня? — Рун был ошарашен.

— Она звала вас по имени.

В голове юного чародея старый разбойник устроил самый настоящий пир двусмысленности. Были там насмешки и такого толка, что Руна по имени нонче уже каждая тварь знает — от самой Стены и до Шпиля. Не желая униматься, весело подшучивал по поводу того, что куда бы он не сунул свой нос — всюду его ждут старые неприятели.

И выдохнул на последних словах. Повторил — старые и неприятели. Так уж выходит, пострел, что иногда они возвращаются, если ничего не сделать. Ты однажды пожалел и не сделал, я — не успел и не сделал. А проблемы из снежного кома прикатываются ледяным валуном — и ты уже у стенки.

Не убежать...

Рун судорожно сглотнул — вот уж точно, сейчас он пойман в самый настоящий капкан, куда загнал себя сам.

— Угрожала? — спросил он у Ска после недолгого размышления, но та лишь отрицательно покачала головой.

— Требовала, чтобы вы и только вы вышли к ней, господин. Предлагала обмен. Всех на вас одного.

Недопитая кукла, вдруг вспомнились чародею слова Мяхара, для этих тварей, это как не оконченная игра. Не даст им покоя.

Чародея на чернь не меняют, грозно добавил пробудившийся мастер Рубера — и сложно было не признать его правоту. Парень на мгновение представил, как выходит на заклятие к той образине и...

Шикнул на разыгравшееся воображение, заставив его заткнуться. Сверкнул очами на виранку — та, кажется, вновь ползла тереться своим выменем о его ногу: неужели они точно так же ведут себя в Вирании? Если так, то это отвратительно.

Словно придя к какому-то своему внутреннему выводу, девчонка смущённо улыбнулась.

И молча принялась скидывать одежду. Если кого ей и удалось впечатлить, так это стоящих здесь же мальчишек. Рун же почувал, как его с ног до самой макушки заливают нечто похожее на смесь стыда и злости. Старый Мяхар хрюкнул от восхищения, сказав, что он верно выбрал тех, кого спасать. Сам бы, мол, поступил точно так же.

— Это что, безумие? — предположение далось ему не сразу. Что вообще творилось в голове этой несчастной? Последний из Двадцати поморщился, будто от головной боли —

только этого ему сейчас и не хватало!

— Оденься, живо!

— Хозяин хочет другого, — настырно ответила виранка, пытаясь занять соблазнительную позу. Рун опешил — на его памяти он видел не так много рабов, способных противиться воле хозяина. Рабов-виранцев тем более.

Ладно, сказал он самому себе, отчаянно ища в недрах сознания согласие, ладно. Если уж вокруг творится настоящий хаос — глупо пытаться его упорядочить. Лучше понять, как это использовать себе во благо. Глупец, подметил мастер Рубера, становиться частью безумия, мудрец же правит и властвует, возвеличиваясь над ним.

Жаль, подумалось Руну, что учитель фехтования решил тактично умолчать, каким же образом достичь этой цели.

Чародей набрал побольше воздуха в грудь и выдохнул.

— Ска, собери всех в... главной комнате, чтобы были стулья и стол. Притащи нашего разбойника. Проверь каждый засов — счастливица не посмеет ломиться в закрытые двери без приглашения. Но войдёт там, где открыто и неприкрыто. Ясно?

Он бросил взгляд на девичьи прелести виранки — рабыня спешила показать себя лицом. Прикрывать такие формы жалкими кусками тряпок, вдруг заговорила в недрах его сознания Гитра, не иначе как преступление. Парню же показалось, что та попросту завидовала — и молодости, и красоте, и объемам...

— И заставь её одеться, пока я не превратил её в жабу!

Ска ответила как всегда "дагосподином", склонила голову в церемониальном поклоне.

Парень вышел в чулан — стол, лавки, битая временем статуя Архи...

Нет уж, сказал он самому себе, здесь ему покоя точно не найти: если уж Ска и притащит всю ватагу, то только сюда.

За чуланом шла спальня — у парня всё вдруг поплыло перед глазами, когда он увидел стоящую в углу кровать. Ему показалось, что сделай он на шаг больше и обязательно увидит разодетую в мешок девчонку. А если отодвинет кровать, там обнаружится ход в подпол.

Ход и в самом деле обнаружился — стоило поддеть пальцами нужную доску, как она тут же с лёгкостью поддавалась. Его явно держали в порядке, а, возможно, и пользовались раз-другой. На спешно покрашенных досках виднелись царапины от ногтей.

В окна смотрели десятки лиц — послушные куклы ширили рот в счастливых, добродушных улыбках. Рун осознавал, что они сейчас чувствуют — истинное наслаждение быть полезными своей хозяйке. Вот только во всю эту прекрасную картину никоим образом не вписывались дети и виранка.

Дети среди одурманенных были — парню вспомнилось, как мальчишка молча предлагал увести его муладира в стойло. Чародей тогда отказался — знать бы теперь, где сейчас его непослушный вредный трофей.

Скот счастливице не нужен. Животинка, раздумывал здравый смысл, скорее всего уже отправилась к бледным.

Рабыня добавляла в общую копилку раздумий совершенно иные вопросы. Почему она разговаривает? Дар речи позволен только тем, кто вхож в высшую касту — чтобы говорить от лица всех, кто стоит под его началом. Молчаливые, они мало чем отличались от местных одурманенных. Только если местные селюки тонули в мареве собственного счастья, то черни виранцев была чужда самостоятельность.

Впрочем, поспешил заверить себя чародей, он не так уж и хорошо знает особенности их

мироустройства и устройства как такового. Может, это "сломанная" рабыня, а потому-то и оказалась здесь? Тогда почему видит в нём того, кто ей нужен больше всего на свете? А уж её поведение и вовсе выходит за рамки разумного — там, под мясницким ножом разбойника она испытывала страх лишь по утрате жизненных ориентиров. Смерть для неё воистину стала бы избавлением. А сейчас она резко преобразилась...

Парень покачал головой — совершенно не о том он сейчас думает. Следовало расставить приоритеты — поговорить сначала с Виранкой, потом детьми и лишь затем выдрать паразита из Мика, или же сделать им очную ставку?

Последнее бы только усилило общую разрозненность. Если все разом примутся говорить на свой лад — то он сам станет звеном в общей цепи сумасшествия. Если он чего и хотел, то вряд ли этого.

Парень подошёл к окну — народ за стеклом оживился, будто обратившись в единую, живую массу. В каком-то нелепом стремлении они тянули к нему свои руки. Будто он болезный, лишённый счастья в этой жизни, а объятия смогут вернуть его в лоно их одной большой, общей семьи.

Руну вспомнилось, как ещё совсем недавно его заставили переспать с румкой. На ум почему-то пришёл её отвратительный паучий облик, неестественно качающаяся из стороны в сторону голова. Его едва не вывернуло наизнанку, в горле застрял тошнотворный ком.

А может, вдруг спросил он самого себя, просто поговорить с счастливцей? Через Мика.

Сарказм хмыкнул, страшно желая знать, что же такого должна была ему поведать бестия? Как он себе представляет их разговор? Отпусти всех, пожалуйста, и убирайся восвояси? Рун прикусил губу — требовать подобное сродни желанию вытащить из голодного рта надкусанный бутерброд.

Он покачал головой, но поставил себе пунктик, что вытаскивать из разбойника паразита лучше не спешить.

Не дожидаясь, когда за ним вернётся Ска, он сам зашагал в чулан.

Детей звали Лий и Бек — стандартные, понятные короткие имена. С виранкой было сложнее. Юный чародей на мгновение закрыл лицо рукой — выговорить её имя было чуду подобно. Парень сомневался, что сможет, даже если заколдует собственный язык.

Вигк-то оказался не таким уж и непроизносимым...

Иолькьяматчитль.

Рун решил, что будет звать её Читль, о чём сразу же и заявил. Едва она его увидела, вскочила, но парень был наготове. Те тряпки, что служили ей одеждой, стали её узилищем и будто прилипли к лавке. Крепко и надёжно, не давая свободы, завязались узлом рукава. Прежде чем рабыня успела сказать очередную глупость, Рун удалил с её лица рот. Вернёт сразу же, как только станет нужно. Читль, в отместку, страшно надула щёки.

У мальчишек горели уши. Лий ни на что не обращал внимания и грыз невесть откуда взявшийся сухарь — даже представление с виранкой не отвлекло его от столь увлекательного занятия. Бек, тощий и вытянутый, дрожал — то ли от ужаса, то ли от холода. Грудастой рабыни он сторонился, будто огня — как будто после случившегося она стала для него прокажённой...

Мик походил на жертву паучицы — парень даже задался вопросом, не перестаралась ли Ска. Механическая кукла замотала разбойника в тряпицу рваной простыни. Руки ему стягивало чьё-то платье. С ног обвивалась змея толстой, прочной верёвки — такой разве что скотину держать на привязи.

Глава девятая, часть вторая

Парень выдохнул, вдруг ощутив себя в дерьме по самые уши. На плечи спешила лечь самая обычная лень — может, вдруг спросил себя чародей, поддаться ей и пустить всё на самотёк?

Момент слабости был скоротечен.

— У него рот закрыт. Кусается? — парень указал на разбойника. Автоматон поспешила объясниться.

— Он повторяет одно и то же, господин. Это будет мешать вам сосредоточиться, господин.

Парень согласно кивнул, пусть всё остаётся как есть. Дать ему слово он всегда успеет. Когда он спросил детей о случившемся, тут же пожалел. До этого их сдерживала плотина напряжённости, а теперь их будто прорвало. Не жалея слёз и не щадя ушей Руна, Лий и Бек, перебивая друг друга, рассказывали странное.

В какой-то миг юному чародею показалось, что над ним просто издеваются. Лий заикался, Бек шмыгал носом, на пару они были ещё теми рассказчиками.

— Магов-то того! Натянули, что портки на грязну ногу! Мы как узнали, так праздновать! — Бек утёр нос рукавом. Лий вторил ему, согласно кивая.

— Тят-тятка го-грил, что т-теперич-ча за-за-зажив-вём!

Рун прикусил нижнюю губу — у него вдруг запыхали щёки. То ли от стыда, то ли от злости. Ему чудилось, что Ска сейчас пялится ему в затылок. Ему вспомнилось, как спеша в Шпиль, домой, он обратил двоих мальчишек в настенные рисунки — и тоже за радость над горем чародеев. Сейчас же ему хотелось скрипеть зубами от вдруг накатившей злости.

— Стальной болван прибежал — у! Большой, как самовар! Дудки из него всякие торчат, при ходьбе скрипел, что старый пень. Что ни шаг, то дыму как с пожарища! Новая хера, кричал! Типа, вот-вот нам всем на тыловины-то и агась, наступит! — Бек размахивал руками, словно в тщетных надеждах взлететь. Не смешно дул щёки, пучил глаза. Старый Мяхар в голове Руна сравнил мальчишку с рыбой.

— Не хе-хе-хер-ра, а э-э-э... Эр-ра! — сотоварищ по рассказу боролся то ли с возможностью Руна понимать сказанное, то ли с собственным языком. Чародей сдерживал нарастающее раздражение — и на их слова, и на манеру речи. Последнему из Двадцати на миг представилось, что будет рассказывать ему Читль, едва он вернёт ей возможность говорить — и ему стало грустно.

— А опосле энтой, херы, или как там её, — Бек будто не слышал Лия, продолжил: — всяко разно понеслася! Чудь! Поначалу корова издохла, после Ирв, ну тот, что у бондаря выпорот был, так с дерева бухнулся, и ноги-то того — отказали! Йока старая — мы её ведьмой величали, так издохла на следующий день. Не зря, видать, ведьмой-то кликали, а? А с неба в речку якая-то чудина упала, когда мы с Лиём купаться ходили. Почитай, как токомучо мисяц сгинул. И тута вот эта вот! И ага!

— А-а, а, а по-т-том вы-вы-выдран-нок был! Л-лю-лю-л-людей ун-носил! — добавил напоследок Лий, сжавшись так, будто оный самый зверь прятался прямо у него за спиной и горазд был уволочь мальчишку уже сейчас.

Парень выдохнул, утёр пот со лба. Зубы скрипели от злости — и ради этих паршивцев он рисковал? Здравый смысл искал утешения в том, что перед ним всего лишь дети. Если бы

его с самого детства пугали, что однажды по его душу явится грязная чернь, чтобы вырезать почти всю его семью и посеять раскол среди оставшихся — он бы показал всю праведность жестокости и бессердечия к каждому встречному селюку. И несказанно бы радовался каждый раз, что в мире стало хоть на одну, но угрозу меньше.

Рун рявкнул здравому смыслу держать язык за зубами. Его с детства подобным не пугали, а зря — может, он бы сейчас и не оказался в подобной ситуации.

Ладно, проговорил он себе, но всё это ещё ничего толком не проясняло. В деревню ввалились геройствующие головорезы, "стальной болван" — Руно понравилось, как обозвали Ата-мана мальчишки, решил взять на заметку, — провозгласили новую эру. И сразу же после начались проблемы — одна за другой. Мелкие, на взгляд чародея и уж точно никак не связанные. Вопрос в том — эти-то почему не попали под влияние счастливицы? Или они решили что-то упустить в своём рассказе? Или он упустил сам?

— Последнее. Повтори последнее, — вдруг спросил он.

— Когда эта вот, что ага? — Бек развёл руками, будто указывая на всё вокруг. В незатуманенном мысленном взгляде юный чародей видел разве что беспросветную бестолковость.

Лий решил не вмешиваться, а вместо того испуганно сжался.

В иные дни он спустил бы с них шкуры. Или превратил бы в говорящие сапоги — пара из них вышла бы что надо! Но парень держался...

— Данный индивидум заявил, что совершал омовение во время аномалии, — Ска вдруг заговорила не менее витиеватыми оборотами. Что ж, подумалось чародею, с неё-то хоть спрос маленький.

— А ещё! — Беку не терпелось продолжить, но юный чародей остановил его жестом, прибавив к нему успокоительного заклятия. Плетение врезалось мальчишкин прямо в лоб и тот вдруг обмяк на мгновение, потерял к разговору всякий интерес.

— Что упало в реку, когда вы купались?

От елея в собственном голосе стало тошно даже самому Руно. Бек, только что получивший приказ умолкнуть, вдруг снова оживился. Но вопреки ожиданию юного чародея, вдруг заговорил Лий.

— Чу-чу-чудь! Яр-ркая, как зве-зве-езда.

Чудь и яркая. Прямо как звезда. Сны как будто торопились лечь на реальность, таща за собой ворох подсказок.

Гитра внутри парня звонко хлопнула в ладоши, потёрла руки и отстранила прочь стариков — здесь и сейчас настало её время!

Но-че-жар — сладостно шепнул её призрак. Небесная рыба. То, что люди принимают за падающую звезду. Бестиарий, тридцать седьмой подпункт, бестии низшего порядка. Разбиваясь оземь, выплёскивает содержимое своего брюха.

Могла ли эта тварь не просто плюхнуться в воду, а разбиться? И что бывает с переваренными в её чреве снами, если они попадают вводу. Гитра звонко захлопнула книгу собственных знаний, намекнув, что чародей должен быть умён и догадлив. Если эти качества ему не присущи — незачем ругаться на то, что в книгах не записано всего...

Рун сглотнул, собрался с силами.

— Место, где... куда чудь упала, реку — помните где?

Мальчишки закивали с утроенной силой. На этот раз первым затараторил именно Бек.

— Тама ча! Где кустейники напротив Бабьих Юбок, ну, это если к сенокосу идти! — тут

же выпалил он. Рун немного поморщился — у мальчишки явно была хоть и не сильная, но сопротивляемость к манатическому воздействию. Ладно, уверил себя парень, с этим разберёмся как-нибудь потом.

Внутри юного чародея росло желание вспороть их бестолковость магией и вытащить наружу ворох воспоминаний.

Мастер Рубера неодобрительно покачал головой. Немного подумав, Рун с ним согласился — по что тратить ману, когда есть иной подход?

— Отвести сможете?

Вопрос был риторичен. Впрочем, если Бек был готов хоть сейчас в калоши и напротив этих самых Бабьих Юбок, то Лий явно трусил. Тоже хорошо, взвесив все за и против сказал себе Рун: ему не нужны оба, только один. Только бы всё это не было лишь красивым совпадением...

Парень выдохнул, переводя дух. С одной проблемой он почти разобрался, две другие сидели на очереди.

Он щёлкнул пальцем, и прорезь рта с полными губами вернулась на лицо рабыни. Та пискнула от неожиданности, словно напуганный щенок.

Виранка. Рун поморщился. Застенные жители разве что не в очередь выстроились, чтобы повстречаться ему на пути. Изредка к ним отправляли узников — но те не имели ни собственного мнения, ни голоса. Как будто не люди, а жалкие существа.

Вигк был другим, Читль должна была быть такой же. Главное здесь, что только должна была — вместо этого девчонка была готова брать пример с болтливых сопляков. Рун понял, что не знает, о чём я спрашивать, едва к ней вернулась возможность говорить.

— Откуда ты здесь? — Рун заговорил сразу же, перенимая инициативу в свои руки. Читль, казалось, ударила в раздумья, прежде чем ответить.

— Меня бросил здесь калеуталькч, — она игриво потёрла плечо, бросила на Руна взгляд из приопущенных век. Чародей одарил Ска озадаченным взглядом, та поняла всё без слов.

— Единый глас. Бывший. Невозможно перевести на понятный вам язык, господин. У вас отсутствует само понятие. Желаете...

— Не желаю, — резко отозвался чародей. Рун знал, что такое невозможно, но ему показалось, будто у него вспотели глаза. Воображение нарисовало ему пошлые образы рабыни и служки, только и ждущих его желаний.

Старому Мяхару такие мысли были по нраву. Рун гнал их от себя прочь из последних сил.

— Этот твой... — Рун знал, что повторить то щебечущее, почти птичье слово ему будет не по силам, — Где он? Что делал здесь? Как давно это было? Отвечай!

Последним выкриком он хотел её напугать. Получилось так себе: голос предательски дал петуха. Чародей отвернулся и прочистил горло.

— Он умер. На священном ипукальтлак-али... — певуче проговорила рабыня, набирая побольше воздуха в грудь для дальнейшего объяснения.

— Обряд. Сражение. Дуэль между равными, — Ска не заставила себя долго ждать с пояснениями. И опять нет внятного понятия, осознал Рун. Насколько же, выходит, они разные?

— Постой, погоди минутку, — вдруг выпалил чародей, зацепившись за последние слова. — Что значит, между равными?

Читль невинно хлопала глазами — вопрос явно был не к ней. Ска лишь пожала

плечами. Равным виранцу мог быть разве только что другой виранец. Одного с ним статуса, иначе невозможно. Насколько для застенного народа все остальные были людьми — приходилось только догадываться.

Если так, заговорил мастер Рубера, плохо дело. Это значит, что виранцы за последние полгода разве что не табунами бегают по землям Двадцати. Цела ли, хитро прищурившись спросил он в голове своего ученика, стена? Тот поборол тут же зародившийся порыв ринуться к окну и посмотреть на небо. Некстати вспомнились слова Вигка.

Парень вытер вспотевшие ладони о штаны. Обратить бы назад мерзкого старикашку, осыпать ворохом вопросов — так ведь не ответит...

Он хотел было озадачить Читль вопросом, что это была за дуэль, но сразу же понял, что та лишь невинно хлопнет ресницами: откуда простой рабыне знать о том, чего хотят хозяева?

Простой ли?

— Ты... Откуда ты так хорошо знаешь наш язык?

Читль прислонила палец к губам, будто собиралась в него дунуть. Лицо девушки искажилось маской глубокой задумчивости. Она как будто пыталась вспомнить и не могла.

— Смеею предположить, господин, что перед нами переводчик. Вероятно, павший виранец был высокопоставленным лицом с не менее высокопоставленными целями.

В словах механической куклы был смысл. Рун потерял внезапно хачесавшуюся переносицу.

— Ну, ладно. Но почему она видит во мне своего хозяина?

— Не могу знать, господин, — Ска склонилась в извиняющемся поклоне. — Первичный анализ данных не дал вразумительных результатов. Для повторного требуется ваше разрешение, господин.

— Почему ты видишь во мне хозяина? — он обратился напрямую к Читль. И получил столь же прямой и исчерпывающий ответ. Девушка лишь улыбнулась и заверила, что всё это лишь потому, что он и есть её хозяин.

Перед последним из Двадцати возник ещё один тупик. Рун чувствовал, как барахтается, шлёпает ладонями по гладким стенам новой загадки, но не может найти выхода. Головная боль, ещё недавно покинувшая его, решительно возвращалась в родные пенаты. С сестрой лихорадкой и братом ознобом.

Юный чародей поёжился, но не поддавался желанию обхватить самого себя за плечи.

Может, всё дело в том, как оно происходило, когда парень пытался спасти виранку?

Виранцы брали под полный контроль тех сородичей, что считались статусом ниже, превращаясь в единый глас. Генерал мог видеть глазами своих солдат, подавлять их страхи, отдавать приказы каждому и лично. Стоящие у власти разделяли виранскую чернь меж собой, говоря на собраниях от голоса всех, собравшихся под его началом.

Единственное, чего не мог виранец с низшей ступени, так это шагнуть выше и посягнуть на право старшего. Общество, где одни способны подавлять других. Этому нельзя было научиться, виранцем можно было только родиться.

Знания о виранских культуре и быте напоминали чародею нехитрый товар в придорожной лавчонки. Что-то и ничего одновременно. Не густо, хмыкнул Мяхар. Гитра вздыхала, что юнцу требовалось быть внимательней на её уроках — быть может быть тогда...

В голове всё смешалось в кучу. Что он делал до того, как получил клюкой от

зловредного старикашки? Бежал, хватал за руку, спасал. Что, если это самое касание за руку и стало переломным моментом, привязавшим виранку к чародею на доступном и понятном ей уровне?

Нет, покачал головой парень, это тогда следовало признать, что он сам и есть виранец. Причём, не самого худшего толка, раз так легко взял под контроль Читль.

Не взял, ответил он самому себе. Рун попытался увидеть мир глазами рабыни, но всё было тщетно. Значит, случилось что-то другое — только вот что?

Загадка.

Один-один, ничья. Если Читль и проблема, то пока ещё непонятная. Рун перевёл свой взгляд с неё на сидящего перед ним Мика. Разбойник не сводил с него своего взгляда. У парня волосы на загривке встали дыбом, стоило ему осознать, что всё это время головорез не спускал с него глаз. И слышал, что тут происходит. И уж наверняка нашёл слова с понятиями, чтобы объяснить всё счастливице.

Младший из Двадцати помянул придорожных бесов, грязно ругнулся на самого себя — как можно было оказаться таким растяпой? В этот раз призрак учителей решили хранить молчание, не спеша переубеждать несчастного в обратном...

— Ска, вытащи из него паразита, сейчас же!

Механической кукле разве что только и требовался его приказ. Автоматон размашисто впечатала свою пятерню в самый низ живота, разве что не запустив её в срамной уд. Вздрогнула Читль, вдруг и некстати захныкали Лий с Бекон. Этого-то, подметил про себя Рун, ему уж точно не хватало для полного счастья.

Паразит выдался длинным, словно червь — смолянистой массой он лип к коже разбойника, отчаянно не желая расставаться с носителем.

— Стой, — сразу же предупредил стальную деву юный чародей, — не дави. Подержи в руках. Это... Это нам ещё может пригодиться.

Маслянистая масса в ладонях Ска принимала очертания уже знакомого человечка-разом лишившийся дома, он был жутко недоволен. Разбойник дёрнулся, будто в него пальнули молнией из малурита. Изо рта выскочила тряпка кляпа — её выдавило рвущимся наружу словесным потоком. Страшно скорчившись, он силился покинуть насиженное место, и лишь через минуту отборнейшей брани плюхнулся назад. Рун помнил, что это больно, но не до такой же степени...

Разбойник по-мужицки плюнул на пол сразу же, стоило ему придти в себя. В глазах проявилась осмысленность — несчастный осознавал, что находится не в сказке из своих снов, а вовсе наоборот.

Волосы, мгновенно взмокшие от пота, слипшимися колтунами висели вниз, липли к лицу. Разбойник выдохнул и обвёл всех собравшихся взглядом.

Усмехнулся.

Криво, хищно, по-разбойному. Руну нехотя хватился своего кошелька и содержимого карманов.

С такой ухмылкой не сидят связанными перед опасностью, а налетают на купеческий обоз. В мутных буркалах внимательных глаз Рун видел только желание быть сильным. Он прямо сейчас и не разбираясь, что происходит, повалил бы на скамью Читль, прибил бы сопляков, если вздумали хоть пискнуть и оторвал голову чародею. Со Ска он тоже что-нибудь придумал, дали бы только волю.

— Привет, сопляк, — сказал он и тут же расхохотался. Его смех разливался по комнате

жутью. Казалось, даже одурманенные по ту сторону стен отпрянули прочь.

— Молчишь, ар-ро? Может быть, напуган? Проверь, сухи ли штанишки? Если ещё да — развяжи меня и мы с тобой поиграем.

Глава девятая, часть третья

Рун едва сдержался, чтобы не отвесить наглецу хорошей затрешины. Это будто стало для последнего сигналом и он продолжил.

— Мне жутко не терпелось поиграть с тобой, ар-ро. Всех убили, а один ушёл. Ай-яй-яй. Кто потом скажет, что Мик хорошо сделал свою работу, когда один ушёл?

— Не всех, — зачем-то выдавил из себя Рун и тут же прикусил язык. Как будто ему в самом деле хотелось, чтобы Кровавые Крючья вернулись довершить начатое. Мик лишь покачал головой, продолжая гнуть свою линию.

— Ты последний. Двадцатый. Когда нам сказали, что ты идёшь по следу, я ждал. Ты обманывал старика, предпочитая мелких трусливых сошек.

— Что же ты не поспешил мне навстречу, а бежал с остальными?

— Ар-ро, сопляк, ар-ро. Устав ждать, я пошёл лично перерезать тебе глотку.

— Ты хоть осознаёшь, что происходит? — парень ощущал, как терпение песком утекает сквозь пальцы. Мик не просил пощады, не ползал на коленях и вряд ли догадывался, зачем люди плачут. Рун заглянул ему в глаза и отшатнулся — в них сверкнула сталь. Мик убивал потому, что не понимал причины не убить...

— По ту сторону этой деревянной залупы добрая сотня человек. Еганая сотня и все жаждут только одного — притащить твою задницу к той кабанисьей ведьме. Ар-ро, пароу иблиштах! — Мик спешил разбавить свою речь разбойничьей бранью. Юный чародей жестом дал знать Ска, что вот сейчас он как-нибудь точно обойдётся без её разъяснений незнакомых слов.

Парень выдохнул. Выходит, Мик направился сюда по собственной воле вопреки желанию Ата-мана. Последний явно не желал, чтобы этого здоровяка постигла участь остальных — наверняка, он знал немало.

В руках автоматона по-прежнему извивался паразит. Чёрные хвосты тенями шлёпали по кожмиты, норовили освободиться и юркнуть под платье, поближе к животу. Что ж, их там точно ждало разочарование. Стальная дева отстегнула флягу с пояса и умудрилась затолкать несчастного в неё.

— Ты осознаёшь, что делал в Шпиле? — от глупости собственного вопроса у парня огнём вспыхнули уши. Перед сидящим рядом с ним великаном он чувствовал себя мальчишкой — глупым и бестолковым.

Мик растянул рот в очередной улыбке. Не человек, а коллекция ухмылок на все случаи жизни. Сейчас он меньше всего походил на того добродушного хозяина, коим его встретил последний из Двадцати. Рун нехотя поймал себя на том, что тот Мик нравился ему куда больше.

— О, ар-ро, я помню и осознаю всё до мельчайших подробностей. Хруст шеи чародейской суки, и как чавкали мозги под моим сапогом — я хотел бы возвращаться в тот миг каждый раз, как закрываю глаза!

— Слушай, ты! — Рун сделал ему шаг навстречу, скинул с себя ладонь Ска, когда та пыталась его остановить. Оживившиеся разом призраки учителей увещевали его быть осторожным, предупреждали, что это чудовище нарочно выводит его из себя. Парень не слышал их за гласом собственной злости — та призывала покарать наглеца здесь и сейчас же! Рун собирался вытащить знания из паршивца точно так же, как из других. Только для

этого мерзавца всё будет в разы болезненней.

Воображение рисовало ему сладостные картины того, как погань перед ним захлёбывается собственными соплями и молит о пощаде. На чародея же глядели полные уверенности глаза. Упрекнуть разбойника в трусости не посмел бы никто.

Грохот заставил последнего из Двадцати вздрогнуть, отпрянуть прочь. В каком-то оцепенении он смотрел в спальную комнату. Грохот тотчас же повторился.

Подпол, подсказал ему наконец взявший бразды правления в свои руки здравый смысл. Подпол, где можно спрятаться от лихих людей. Не думал же ты, что селюки столь беспечны и глупы, чтобы прятаться в месте, из которого нельзя сбежать?

И через которое нельзя было бы проникнуть в дом...

— Развяжи меня, ар-ро! Сукин сын, сопля подсапожная, еганый кабанис! Развяжи сейчас же!

Мик закачался на стуле. Рун не обратил на его крики никакого внимания. Стрелой он метнулся в спальню, плетя на ходу чародейскую сеть, но было поздно.

Лавка, которой прикрывался ход, будто ожила и отскочила прочь. Толкаясь, будто боясь не успеть, один за другим, как из бездны, в дом пробирались одурманенные счастьем.

Их глаза вспыхнули огнём, едва завидели Руна — будто чародей был им сейчас дороже всего на свете. Парень спохватился — неужели он сейчас будет потрошить одурманенную чернь? Клинок из остекленевшей слежавшейся пыли, явившийся в его руке тут же растаял. Следовало действовать иначе и мягче.

В следующее мгновение мир решил взорваться действием. Словно давая мирозданию сигнал к началу, истошно завизжала Читль — девчонка тщетно пятилась, уперевшись в стену, бесполезно перебирали ноги по голому полу. Лий глазел во все глаза, Бек нырнул под стол, закрыв голову руками. Мик ревел не хуже буйволка, соревнуясь в громкости крика с виранкой. Он пытался встать на ноги, отбиваясь от налетевшей на него Ска — механическая кукла осыпала великана сталью ударов.

Перед Руном возник старикашка. Верная клюка была наготове, зло и хищно блестел набалдашник. Словно спрашивал — помнишь нашу прошлую встречу, чародей? Сейчас напомним...

Рун выставил перед собой щит маны — клюка врезалась в него, спружинила прочь, как от подушки. Парень тот же час врезал кулаком в живот противника: тот согнулся по полам. Счастье-счастьем, но на боль они ещё реагировали не хуже прежнего.

Вторым противником юного чародея оказалась пухлая девица. Круглые щёки, две косы, цветастый фартук. Словно коршун она набросилась на последнего из Двадцати. В Руна как будто бы врезался булыжник — вместе с ней он повалился наземь, но тут же растёкся лужей под ней. Поток воды ударил под дых моложавому пареньку, выбил зубы излишне ретивому детине, прыснув струей в лицо.

Не победить, философски заметил мастер Рубера. Первый, третий, десятый — на сколько тебя хватит, парень? Здесь целая деревня, если не больше, у тебя под рукой нет ни комка сухой маны, а силы — не бесконечны.

Уходить, шепнул на ухо Старый Мяхар и подмигнул. Доверься, пострел, я не подведу! Рун кивнул мысленному образу — уж что-что, а убежать Мяхар умел лучше всего остального!

Мик взорвался скопившейся в нём за время унижительного плена яростью. Он сорвал с себя Ска, будто надоевшую бирюльку, с отвращением швырнул прочь. Глаза разбойника разве что не вспыхнули огнём. Одурманенного, что осмелился подойти к нему первым он

встретил могучим ударом — у бедолаги тот же час хрустнула шея и тот повалился замертво. Могучие руки великана работали неостановимо, с небывалой лёгкостью и проворностью.

Разбойник будто попал в своё русло.

***

Топорик из-за пояса — Рун успел выругать самого себя за подобную беспечность — тут же сверкнул в тусклом, ночном свете, с чавканьем вошёл в череп одного, другого, третьего наступавшего. Дёргаясь в предсмертных конвульсиях, чувствуя лишь боль, они ширили счастливые улыбки.

Руну было не до созерцания. Бежать! — кричал в нём старый Мяхар и был стократно прав. Стыдливо помалкивал мастер Рубера — для него не было ничего позорней бегства, но даже он сейчас признавал правоту этого довода.

Чародей вынырнул из спальни потоком. Верещала жавшаяся к лавке Читль, встав на цыпочки, будто надеясь вытянуться в целое ничто. Ска спешно вставала на ноги — наверняка в её кремниевых мозгах уже успел сложиться какой-то план действия.

Спрашивать было некогда.

Лий и Бек, зажав друг дружку в объятия, молчали от охватившего их ужаса.

Бежать, повторил в голове учитель, будто не слыша едкий глас сарказма. Тот неумолимо вопрошал: бежать? Куда? Как? За стенами дома вас ждут те же самые счастливые, что хотят ворваться в дом. Или, вдруг игриво и зло ухмыльнулся он, ты ждёшь, что разбойник уложит тут всех в одиночку, а ты останешься с чистенькими руками?

Этот может, кивнул на Мика здравый смысл. Выпустить из него паразита было ошибкой. Он окрасит здесь кровью всё, до чего только сможет дотянуться — но каждый после расскажет, что это ты устроил кровавую бойню.

— Ар-ро! — Мик завывал словно волк. Первые победы обернулись крахом — топор увяз в очередном теле. На разбойника навалились толпой, норовя вот-вот утопить под грудой тел.

Рун обвинил мальчишек заклинанием — то вышло кривым, поспешным и несуразным, но своё дело сделало. Парень на лету подхватил две скорчившиеся деревянные чушки, повалившиеся на пол. Наверняка, обоим было жутко больно, но у чародея не было ни времени ни сил на стабилизацию и обезболивание процесса.

Одержимые прорвались — разбойник если и задержал их, то ненадолго. Толкаясь и мешаясь друг другу, они тянули к юному чародею скрюченные пальцы. В мутных глазах не читалось ничего иного, кроме как желания схватить, утащить, вернуть в лоно счастливого плена.

Парень швырнул одну из деревяшек Ска — та поняла всё без слов. Юркнув к столу, Рун смахнул на пол солонку — соль просыпалась порошком прямо у него под ногами, и тут же изошла дымом. Счастливые на мгновение отпрянули прочь, чтобы через мгновение увидеть перед собой с десяток столпившихся в кучу Рунов. Словно перепуганные крысы при виде кота, они ринулись прочь — бездумно, неразумно, не глядя. Игрушки счастливицы настигли троих из них сразу же — пальцы впивались в эфемерные тела, тянули за одежду, волосы, руки. Чародеи из соли рассыпались насмешкой, оставляя преследователей ни с чем.

Рун бежал как никогда в жизни. Мяхар хлопал в ладоши, по коленям и хрипло смеялся. Его ученик явно хорошо усвоил урок — если уж бежишь, то будь подобен лисе. Обмануть того, кто хочет поймать тебя в силки — не жульничество, а правда жизни.

Невидимость спадала с них, словно рвущиеся лохмотья. Читль споткнулась, едва не покатила кубарем — приостановившийся Рун подскочил к ней коршуном, рывком

поставил на ноги. За злобой треклятый — на свою и виранки голову — он прятал собственный страх. Ска удирала лучше. Краем глаза он видел, как механическая кукла, зажав под мышкой обращённого в деревяшку мальчишку, легко и воздушно перепрыгивает через забор. Желавшие ухватить её за платье успевали лишь зачерпнуть горстью воздух. Рун потёр изумруд на кольце — благо, что автоматон умеет распознавать бессловесные приказы.

Он потащил за собой рабыню. Ушей коснулась гнетущая, давящая тишина — очарованные счастьем были безмолвны в своём преследовании. Заметив, что их одурачили, они бестолково, словно не ведая, что делать дальше, озирались по сторонам. Рун не верил в Архи, но молился изо всех сил, чтобы те даровали им ещё мгновение, ещё секундочку, ещё минутку — перед глазами маячили верхушки деревьев. Лес, как будто раскрывая им свои объятия, был готов принять беглецов и укрыть под сенью прохлады. А сам, как будто, с каждым шагом юного чародея становился всё дальше и дальше...

У Читль оказалась нежная кожа и по-детски крохотная ладошка. Рун не вёл, а почти тащил её за собой, словно мешок. Объемная грудь мешала при беге, несчастная задыхалась, но не смела сказать ни слова. Отвлёкшись всего на мгновение, парень обернулся, заглянул ей в глаза и едва не ужаснулся.

Рабыня была счастлива как никто другой. Хозяин дал ей поручение бежать, хозяин дал ей смысл жизни. Может ли быть в мире хоть что-то лучше этого? Читль не знала и знать не хотела.

Парень же, будто беря с неё дурной пример, не знал, что ему делать с рабыней. С виранской рабыней, вдруг вмешалась в разговор Гитра. Сладостно выдохнула в голове бывшего ученика, взяла на вооружение его воображение. Удавались ей, почему-то, исключительно пошлые картинки...

Рун готов был надавать самому себе затрещин — если и нужно сейчас думать, то уж точно не об этом. Здравый смысл ему вторил, предлагая подвести итоги — счастливица и её кодла за спиной, он чудом сумел уйти из её лап. Мана если и не закончилась, то плескалась на дне — если он хорошенько не отдохнёт или не раздавит ком сухой маны, то очень скоро свалится без сил. На ум почему-то шли учения матриарха — маг без маны превращается в бессильную тушу, в бесполезный мешок. Слабость берёт над ним власть.

Рун сглотнул. Итоги нравились ему всё меньше. Попытки найти хоть что-то хорошее оборачивались ни в что. Он не сумел вытащить из Мика хоть каплю полезной информации, а вот выпустить на свободу этого зверя — очень даже.

Он смахнул с лица каплю пота, оцарапал щёку деревяшкой — мальчишка словно мстил ему за своё превращение. В каплю нырнула мана, заставила ту растянуться тонкой, длинной струей. Потацилась, словно паутина от одного дерева к другому — когда идущий по их следу хвост пересечёт её, парень тотчас же получит сигнал.

Читль задыхалась. Руна не покидали мысли выпустить её руку и идти дальше без неё. Бросить виранку и будь что будет. Парень ждал осуждения или одобрения от призраков учителей в своей голове, но те решили целиком и полностью доверить выбор ему. Совесть, ухмыляясь и точка свои кинжалы неоднозначно поглядывала на парня, только и ожидая повода...

Рун решился на передышку. Остановиться сразу не получилось — ноги готовы были нести бестолкового хозяина куда угодно, лишь бы подальше. Читль, стоило ему едва выпустить её руку, тут же рухнула наземь. Взмокшая, будто скаковая лошадь, она перевернулась на спину — тяжело и душно вздымалась грудь. В уголках рта почти комками

слиплась слюна.

Он сам согнулся, прислонился рукой к дереву. Пот заливал лицо. Рун обнаружил, что стискивает деревянный чурбан до побелевших костяшек. Хоть бы, говорил он самому себе, это оказался куда более способный к разговору Бек — тот живо отведёт их к озеру. Почему-то заикающийся мальчишка доверия у чародея не вызывал.

Парень снял перстень с пальца — жаль, подумалось ему, что можно при помощи этой штуки отдать приказ, а узнать хоть что-то о состоянии своего автомата нет.

— Ичпалу тк'алум хичу. Ткальчи? — Читль говорила на знакомом ей языке. Рун сначала тупо уставился на неё, а потом покачал головой, словно говоря, что не понимает. Рабыня вздрогнула, ткнула пальцем в сторону, обвела ладонью лес. В глубине её глаз промелькнуло что-то похожее на ужас.

— Ты это... не спеши, — изо рта чародея вырвался сиплый хрип. — Может, повторишь?

— Ичпалу, господин. Хичу. Ткальчи?

Рун закусил губу — понятней её вопрос не стал, если это вообще был вопрос. Несчастливая дёргалась, словно в неё ударила молния. Уже справившись с былым бессилием, девчонка была на ногах. Рун подивился — ему бы такой резвости. Рабыня выходила из себя. Испуганная, она закружилась на месте, глядя вверх — словно кто-то вот-вот должен был броситься на неё с верхушек елей.

Чародей подавил в себе желание отвесить ей пощёчину — вот только паники ему сейчас и не хватало. Вместо этого он вслушался — может, виранка что-то учуяла там своими шестыми чувствами, что неподвластно ему?

Натянутая струна лопнула так, что Рун вздрогнул. Её пересекло нечто огромное, стремительное и злое.

— Ткальчи? Ткальчи? Ткальчи! — она повторяла так, словно это стало новым смыслом её жизни. Страх заставил её забыть понятный чародею язык. Не зная, как донести до него мысли, она в бессилии рухнула на колени, закрыв лицо руками.

У парня разом пересохло в горле. Он облизнул высохшие губы, осторожно положил чурбан, прислонил его к пню. В воздухе вдруг запахло неприятной свежестью, ветер потянул холодом идущих по душу чародея неприятностей. Раскачивались ветви, шелестела листва, вкрадчиво смеясь над несчастным — оно идёт, а ты один и без оружия.

Рун не собирался сдаваться без боя. Глазами высматривал хоть что-то, что может сойти за таковое. Проверил запас маны — той не хватит на слишком хитрые трюки вроде недавнего. Что-то попроще ещё получится выжать, но это точно, заверил самого себя парень, на крайний случай.

На крайний случай всегда оставляли пару-другую ровн — вдруг пригодятся? Заботливые матушки пеленали детей в роскошь самовязных платков и шарфов — вдруг крайний случай явится в облике колючего холода? Жены помоложе перепрягивали от мужей бутыль сивухи — ну, так, на крайний случай...

Глава девятая, часть четвёртая

Когда Читль протяжно взвизгнула, Рун понял, что крайний случай явился к нему собственной персоной и во всеоружии. Парень выругался, потом ещё раз и ещё. Всё тело будто оцепенело, стало непослушным — Рун чувствовал себя столбом, что вкопали в землю.

Волколак. Тот самый, следы которого вывели его тогда на проигранцев. Вытянутая морда, пасть, что капкан, наполнилась плеядой острых клыков. Вместо глаз две красные, зло блестящие в ночи точки — то ли залиты кровью, то ли жаждой крови.

От него тянулась нить в сторону деревни — ещё один одурманенный, точно так же как и румка. Сколько ещё у счастливицы таких в запасе?

Если у неё и были ещё козыря в рукаве, этот точно один из главных.

Оборотень припал на передние лапы, вскинул большой, по кошачьи пушистый хвост.

— Нет! — выкрикнул юный чародей, наконец сдвинувшись с места — тварь в мгновение ока бросилась на Читль. Рабыня успела закрыться руками и сесть на корточки: страх обездвижил её точно так же, как и Руна до того.

Вихрь клыков и когтей жутким палачом обрушился на несчастную. Ударом лапы негодяй опрокинул виранку наземь, второй полоснул по оголённому плечу — глубокие борозды тотчас же заалели кровью. Изодранная кожа свисала клочьями, запах свежей крови ударил зверю в ноздри, заставил восторженно взвять.

Рун бросился на чудовище всем телом, сбил в сторону. Кубарем они покатались по пологому склону. Опавшие иглы елей на пару с шишками больно впивались в чародея. Ворох колючек цеплялся за одежду.

Волколак пришёл в себя почти мгновенно. Едва приподнявшись на лапах, он мотнул головой из стороны в сторону, вздыбилась серо-бурая шерсть, из пасти вывалился розовый кончик языка. Не медля, он прыгнул к последнему из Двадцати — Рун перекатился. Тело стонало от боли — торчащие из земли булыжники оставили ему на память немало синяков.

Импровизируй, шептал в ухо мастер Рубера. Ласково, вкрадчиво, будто малому ребёнку. Парень облизнул высохшие губы — сил на импровизацию было немного. Окажись с ним клинок, возможно, у него и был бы шанс. Оборотень, разинув клыкастую пасть, широко расставив лапы сделал в его сторону бросок. Булыжник впился в мохнатый бок снарядом, зверя швырнуло в сторону. Затрещало надломленное, давно высохшее деревце. Может, сказал самому себе парень, сил у него не так уж и много, но швырнуть пару камней магическими руками он ещё в состоянии.

Людоволк сначала удивлённо, а после яростно поднял морду, ощерился, показал оскал.

Рун не медлил. Зачерпнул горсть песка и еловых игл, швырнул в сторону клыкастого недруга. Мана, подобно червю, сплетала его волю в заклинание — песок тотчас же искрами прыснул в глаза волколака. Оборотень обиженно завыл — жертва сопротивлялась пуще обычного. Из пасти нёсся гортанный, хриплый рык.

От игл он ушёл, закрыл обожжённые глаза лапой, ударил наотмашь и вслепую. Рун выдохнул — а паршивец ведь едва не пустил его только что на ремни.

Подвывая и скуля от нанесённой обиды, оборотень начал осторожничать. Тактика напора и нахрапа сменилась терпеливым ожиданием. Лишённый зрения, он всё ещё видел — запах чародея выдавал того с потрохами.

Рун перешёл в контрнаступление. По капле, экономя на всём, сейчас он не вальяжно

просил у природы, а брал с варварской грубостью. Волколака будто плетью ветвями огрело ближайшее дерево — не ожидавший подобной подлости оборотень подпрыгнул, будто щенок. Трава под лапами чудовища нещадно сплеталась, обвивалась вокруг мохнатых щиколоток, мешая двигаться. Дикие осы, злые и разбуженные, спешили из своего гнезда на неудержимый зов. Рой завился вокруг несчастного зверя — жалили зло и беспощадно.

Волколак взвыл. Попятился от вдруг нахлынувшей на него боли, но уже через мгновение, не обращая на неё внимание, в один скачок оказался у Руна. Парня, будто мешок швырнуло в сторону от оплеухи. Рука, до того послушная, заныла и обмякла, сделалась непослушной. Раскрытая рана тот же час запульсировала свежей, горячей кровью. Перед глазами стоял град искр — всё тело охватила агония. Зверь, размашисто и зло, ещё одним ударом перевернул его на спину. Красные глаза на мгновение прищурились, оборотень придавил парня лапами к земле. Наслаждаясь его мучениями, выпустил когти — Рун, не выдержав, наконец, закричал. На мгновение его взор проявился он увидел в разинутой пасти чудовища собственную смерть.

Сейчас будет больно, сказал он самому себе. Больно ещё чуть-чуть, а потом всё. Тишина, спокойствие... благодать.

Оборотень вдруг удивлённо успел обернуться, вздрогнули слишком поздно учуявшие опасность ноздри.

Людоволка швырнуло прочь, будто тряпичную куклу. Руну казалось, что он бредит — ведь не может же быть то, что он сейчас видит перед собой не бредом умирающего.

Здравый смысл был полностью согласен с Последним из Двадцати. Он с радостью бы принял, окажись здесь Ска. Учув опасность для хозяина, механическая кукла бросит всё и постарается закрыть собой. Он даже не удивился, будь это Читль. Израненная и оглушённая виранка вряд ли походила на ту, кто способен вот так запросто смахнуть волколака, будто крошки со стола, но ведь всякое бывает. Архи, восставшие из мёртвых учителя, Виска верхом на ворохе заклятий и собственной настырности, кто угодно.

Но только не он.

Мик стискивал в руках ствол обломленного дерева. Вздувшиеся мышцы бугрились и разве что не ходили волнами. По всему телу от напряжения проступили очертания паутины вен. При нём не было топора, коим он орудовал в деревне, но разбойник неплохо справлялся и без него.

Великан даже не бросил в сторону юного чародея взгляда. Перехватив импровизированную дубину поудобней, он свалил вновь поднимающегося на лапы волколака. Людоволк по-звериному взвыл — на этот раз уже от отчаяния. Умеют ли оборотни быть счастливыми? А когда они в зверином облики? Рун не знал.

Разбойник ударил снизу вверх, толкнул несчастного торцом дубины, не ведая жалости что есть сил опустил на переднюю лапу.

Послышался жуткий хруст. Несчастный тотчас же забился в конвульсиях — боль мешала ему сосредоточиться, собраться с силами и атаковать в ответ. Не помня самого себя, волколак катался по земле, почти как...

Почти как человек, добавил Рун и удивился, насколько легко ему далось подобное сравнение.

Мик был кровожаден. Отшвырнув дерево прочь, он схватил людоволка за задние лапы, подтащил к себе. Зверь извернулся, тотчас же клацнули клыки, разбойник выругался — пасть оборотня едва не сомкнулась капканом на его плече.

— Ар-ро, кабанисий выродок, гузно патрисье, — великан знал толк в грязной брани. Его кулак врезался в челюсть бедолаги, будто каменный молот. Оборотень зашатался, не выдержав удара, норовя вот-вот вновь оказаться на земле. Разбойник помог ему утратить равновесие — толчок и подсечка опрокинули зверя на спину. Довольный своей будущей победой, Мик захохотал. Могучие руки легли на края челюстей. Волколак отчаянно и протяжно, будто побитый пёс взвыл и заскулил. Мохнатые лапы мокрыми тряпками шлёпали по рукам головореза — борозды свежих ран, одна за другой покрывали Мика — тот, казалось, не обращал на это никакого внимания. На волчий скулёж он ответил своим басистым рёвом.

Ар-ро, вырвалось из глотки разбойника. Ар-ро, вторил ему чавкающий хруст ломаемых челюстей. Оборотень закатил глаза. Ар-ро, булькнула хлынувшая из него потоком кровь. Зверолюд сделал пару шагов из стороны в сторону — его тело как будто двигалось само, а после завалился в россыпь еловых игл. Багровая лужа, растекающаяся под несчастным портила белый и без того измазанный грязью волчий мех. Разбойник приподнял павшего недруга за хвост — двумя пальчиками, будто боясь испачкаться. На лице отразилось что-то вроде омерзения.

— Ар, гутькая твою мамку, ро, сукин потрох, — смачный плевок густой слюной осел на спине людоволка. Мик направился к юному чародею, на ходу лишь поглаживая свежие царапины.

Рун страстно, до последнего желал провалиться в блаженное забытие, но даже забытие боялось приближаться к нему, когда рядом маячил этот головорез.

Мик остановился лишь на мгновение. Зябко поёжился, повёл плечами — разбойника тотчас же охватил яркий свет. Раны, одна за другой, зарубцевались, оставив после себя едва различимые шрамы.

Рун опешил. Маг? Этот чурбан, головорез и убийца — чародей? Такого попросту не могло быть!

Отрицание лилось на чародея из самой глубины души.

Кто угодно, вновь вторил Руну здравый смысл. Кто угодно, но только не он.

Мик красовался. Парень понял это по его неспешности, лёгкости и лишённых хоть капли настороженности взглядов, что он бросал на чародея. Ему нравилась власть — не над бессильными, наоборот. Способные сопротивляться лишь распяляли внутренний огонь головореза. Руну сейчас казалось, что он читал разбойника перед собой, словно раскрытую книгу.

Убьёт, подумал Последний из Двадцати, когда из плохо скроенных ножен вынырнул бандитский нож. Но Мик, следом за ним, вытащил верёвку...

Глава десятая, На ножах

Довольство, переполнявшее голову Руну не скрывала даже ночь. Будто бесчувственную тушу, он швырнул свою ношу наземь. У Руны от удара о землю перехватило дыхание. Вновь открылись едва затянувшиеся раны — парень чувствовал, как кровь стекает с рубахи по всему телу.

Страшно хотелось вымыться и пить. Верёвки туго стягивали руки и ноги — в завязывании узлов Мик был едва ли не усерден, чем в убийствах.

Рядом лежала Читль — всё ещё без чувств. На виранку головорез решил изодрать собственную рубаху — вот уж от кого, а от него Рун никак не ожидал подобного благородства. Что и говорить, пожал плечами внутри него Мяхар, иногда разбойники умеют удивлять. Или ты не знаешь?

Парень знал. Понять бы ещё только, из какого огня, да в какое полымя он прыгнул.

— Удивлён, ар-ро? — как-то обыденно и как будто невзначай, не оборачиваясь, спросил Мик. Ярость и злоба, в коих чародей видел разбойника до того, сменились холодным взрослым спокойствием. Если кто и был сейчас сама рассудительность, так это собрат по большой дороге старого Мяхара.

— Зачем ты меня спас? — Рун ответил вопросом на вопрос. Великан, наконец обернулся, уставив руки в бока. Полный презрения взгляд сменился громогласной насмешкой.

— Один раз сопляк всегда сопляк, — разбойник в три гигантских шага оказался рядом с Руной. Проворно припал на колени, шею юного чародея тут же коснулась холодная сталь клинка. Руну показалось, что у него зашевелились волосы на голове. Мик дышал ему кислотой нечистого дыхания в ухо.

— Если ты правда уверен, что я спас твою шкуру, то я удивлён, почему ты ещё жив, ар-ро.

Он толкнул чародея ладонью в лоб, повалил его наземь. Шишки неприятно кололи спину, вновь заныла рана.

— Сверчки, паучки, осы. Травка-муравка. Ар-ро, мажонки, что ещё осталось у тебя в арсенале? — головорез заметил, как прищурился парень, ухмыльнулся. — Я видел, как ты бился с этой образиной. Уверен, что "могучая двадцатка" там, в объятиях бледных была бы просто счастлива видеть, во что они выродились.

— Ты! — Руна захлестнула волна возмущения. Он заёрзал по земле, будто червь. Стать меньше, стать тоньше, стать потоком — это всё, что ему требовалось, чтобы оказаться на свободе.

Заклинание рассыпалось ещё в устах, не успев даже родиться.

— Колдуешь, ар-ро? Напрасно. — Разбойник кольнул его носком сапога в бок — это почти мгновенно урезонило чародея. Парень зло сверкнул очами на своего мучителя. — Мы твоих еганых собратушек зарезали не потому, что были беспечны. Хочешь, я расскажу тебе, что делал с каждым из них? О, в особенности с той сукой, что у вас была за жожака?

— Заткнись, мразь!

Мик приподнял чародея за грудки одной рукой. Этакой лапищей он мог бы запросто отвернуть голову. Как Матриарху, некстати вспомнил последний из Двадцати. Непрошенные слёзы заблестели в уголках глаз.

Мик как будто этого не замечал. Сейчас он был погружён в пучину собственного

могущества. Рун осознал, что был не прав — великан не испытывал удовольствия от сражения с равным или могучим по силе. Он наслаждался их бессилием перед ним. Их покорности после поражения, своему праву победителя брать поверженных, будто трофей.

— Она визжала — то ли потому что было слишком хорошо, то ли потому что мой богатырь оказался слишком большой для её старой дырочки, то ли потому что я сломал ей запястья. Знаешь, когда главная из Двадцати тебя умоляет — это забавно.

Рун был будто закипевший чайник. Протест, бушевавший внутри него, жаждал выхода наружу.

— Кто она тебе, сопляк? Может, что-то вроде мамки? Мамка твоя хотела увидеть мой конец. А вместо этого, — разбойник нагло и самодовольно, словно вспоминая приятное ухмыльнулся. — Вместо этого взяла его за щёку.

— Я вырву твой язык!

— Попробуй, шакалёныш. Ар-ро, она кричала что-то вроде того же самого. Они все кричали.

— Только дай мне высвободиться, — желание не просто убить, на разбить великану лицо в кровь душила чародея. Воображение подкидывало дров в пожар ярости, ярко рисуя, как разбойник, стоя на коленях, выплёвывает собственные зубы. И ревёт о пощаде.

— Пузо не надорви, ашулан. Я тебя поласкаю, несильно, только не блажи. А потом елеем и на ель. Усёк, ар-ро?

Рун не понял почти ничего из того, что сказал головорез. Мик не унимался.

— Если бы ты только мог вырваться, уже бы сделал. А я мог бы прирезать тебя — прямо здесь и прямо сейчас. Но какой в этом барыш, ар-ро? Я обыскал твои обноски, сучёныш. Но мошны с камнями не нашёл.

Теперь настала очередь смеяться для чародея. Рун ширил в улыбке разбитые губы, смех напоминал хриплый кашель. Парень ощутил во рту металлический привкус.

— Что, хотел спасти своих? Заставить меня расколдовать их? Поищи по дороге к местному сортиру — говорят, каменщик из них выкладывал.

Рун видел, как тяжело вздымается могучая, обнажённая грудь великана. Мелкие полоски шрамов рассекали её разве что не паутиной — по ним выходило, что Мика резали едва ли не каждый день.

— Не обмочил штанов, сопляк. Молодец. Ценю, ар-ро!

— За мной придут. Знаешь, что убили не всех? — парень блефовал: вряд ли кто из нынешних обитателей Шпиля, кроме Виски, всерьёз интересовался его судьбой.

— Ар-ро, — в голосе Мика скользнуло нечто похожее на разочарование: — а ведь начинал как мужик с яйцами, а теперь торгуешься, будто шлюха? Мне плевать — если кто-то придёт спросить с меня за твою голову, сделаю с ним тоже самое, что и с тобой.

Разбойник взял лопату, взвесил в руках — в его огромных лапищах она казалась едва ли не детской игрушкой. И откуда он её только взял? В деревне? Парню показалось, что он заметил на кончике засохший бурый след.

— И что же ты сделаешь?

— Ар-ро, не люблю мозгляков что мало болтают и много спрашивают. Ты не бойся, больно не будет — я тебе ту же участь приготовил, что и ты нашим.

— Обратишь меня вкамень? Ты маг?

Мик покачал головой в ответ.

— Не обязательно же бормотать поднос околесицу, чтобы сделать из человека камень.

Немного глины из Грязнушек, немного воды и болотной пыли. Знаешь, сопляк, что такое болотная пыль?

Рун не ответил, а Мик же решил, что пояснение не стоит слов.

— Залью тебя этой дрянью. Прямо здесь, в этой яме. Побарахтаешься с минку, а там застынешь. Мы тебя у плевательного столба поставим, ар-ро.

Рун поёжился. Превращаться в памятник при жизни и вовсе не через заклинание ему не очень хотелось. Он посмотрел на головореза — тот вонзил лопату в мокрую, влажную землю. Этот может, парень, поддакнул из глубины души Старый Мяхар.

Разбойник работал неспешно, будто там, чуть поодаль отсюда не было деревни полной безумцев.

Рун сглотнул от одной только мысли об этом. На ум пришёл кошмар того, что головорез из Кровавых Крючьев перебил там всех до единого, от мала до велика. Что ему стоило? Оборотень для него оказался лишь грязной беспомощной шавкой.

— Ты маг? — Руну казалось, что у него онемели губы. Повторять собственный вопрос было глупо — вряд ли Мик горел желанием отвечать.

Зато чародея охватила лихорадка. Ему как будто важней всего на свете было знать, как раны сами собой затянулись на его могучем теле? Что за свечение его охватило? Почему ему самому не удаётся прочесть и простейшего заклинания? Бывает ли верёвка из саффиритовой лазури?

Великан вместо ответа загадочно улыбался. Он был словно колода сплошь состоящая из одних только козырей.

Неужели, спросил у пустоты чародей, он собирается заливать его своей глиной прямо здесь, в лесу? И где он её возьмёт?

— Ты маг? — парень едва ли не пропел, будто мантру.

— Ты маг? — передразнил в тон ему разбойник. Отставил лопату в сторону, вонзил в землю, вытер ручищей взмокший лоб. — Тебя дразнит сама только мысль о том, что кто-то может что-то не будучи из твоей поганой братии. Хочешь поиграть, ар-ро?

Рун промолчал, Мика это не остановило.

— Давай я прямо сейчас развяжу эти веревки и мы схватимся. Можешь творить что захочешь. Но взамен я буду делать с тобой, что захочу. Ар-ро, соглашайся, сопляк, не упускай мой шанс!

Глава десятая, часть вторая

Рун знал, что он не в лучшей форме. Мастер Рубера внутри парня задумчиво теревил подбородок. Подвох лежал на самом виду, знать бы где. К собственному убийце призрак учителя оказался совершенно равнодушен.

Старый Мяхар говорил, что он лучше заложит душу, тело и последние портки проигранцам, нежели решиться выйти один на один против этой громады с тем, что осталось у Руна.

Размышления чародея разбойник принял за сомнения, хмыкнул.

— Ар-ро, соплячок, что случилось? Мужики разговаривают кулаками. Неужто... струсил?

Рун не струсил. Нож тотчас же вспорол верёвки — мёртвой змёй она обрезками валилась юному чародею под ноги. Парень тотчас же ощутил свободу. Заклинания, до того не знавшие выхода стремились огнём сорваться с его уст. Парень не спешил — знал, что вместо пламени едва полыхнёт крошечный огонёк. Лучше, сказал он самому себе, подождать, пока головорез не выложит все карты на стол.

Последний из Двадцати потёр затёкшие запястья, Мик дал ему минутку-другую размять ноги. Рун сверлил разбойника взглядом, не сводил глаз — неужели уверен, что чародей не даст дёру прямо из под его носа? Можно не обладать огромным потенциалом, но сотворить ещё одно заклятие невидимости, или обратиться ветром, ручьем, залечь в земле до того момента, как не восстановится чуть больше маны. Способов было множество, знал ли о них Мик?

Разбойник сложил руки на груди, ожидая, что станет делать его жертва. Словно объевшийся сметаны кот, он снисходительно посматривал на пойманную в мышеловку мышь, словно раздумывая — съесть или подождать?

— Зачем тебе она? — вдруг спросил парень, кивнув на Читль. Здравый смысл и богатое воображение готовы были предложить тысячу и один вариант использования разбойником юной пышногрудой девицы. Но Рун хотел знать наверняка.

— Ар-ро! — вместо ответа взревел разбойник. У него был тяжёлый размах, Мик бил без предупреждения. Рун отскочил — на его стороне были молодость и проворство. Головорез не отставал — он работал руками, будто машина. Из ноздрей великана разве что не валил горячий пар. Сосредоточенно и методично, он пытался поймать парня в захват. Тому пока хватало уроков мастера Руберы, чтобы уйти.

— Тебе нужен я, отпусти её.

— Ар-ро, какой байный парень! — взревел ему в ответ гигант и шлепком ладони вмазал по стволу ели. Не успеет парень пригнуться — и всё кончилось бы на этом. Рун выбрал момент, и врезал кулаком в каменный живот Мика. Тот и в самом деле оказался разве что не каменным, юному чародею показалось, что было бы больше смысла, лупи он просто скалу — та хотя бы начала крошиться.

Мик его тычка не оценил, тут же ответил размашистой оплеухой. Парня будто смахнуло в сторону потоком бури. Интересно, как с ним тогда смогла совладать Ска? Рун, вставая на ноги вспомнил, что не совладала — он отшвырнул её точно так же, словно игрушку.

Мик нёсся на него, будто бронтозон. От тяжёлой поступи дрожала земля, от ударов, казалось, на осколки готов был крошиться сам воздух.

— Я поиграю с ней немножко, ар-ро. Всегда приятно иметь под рукой мягкие сиськи. Ар-ро!

Бульжник, через который парень перескочил, уходя от удара тотчас же пошёл трещинами, гулко и звонко лопнул.

Мик вновь открылся — несмотря на могучее тело, он полагался не на мастерство и ритм, а лишь исключительно на грубость своей силы.

Чудовищной, притягательной, эротической силы — высказалась Гитра, хоть её никто и не спрашивал. Наверно, она единственная, кто по доброй воле желала бы оказаться в тисках объятий этого великана.

И как его только верёвки держали? Рун начал догадываться, что разбойник оставался связан лишь по той причине, что хотел таковым остаться.

— А после я пуцу её на жаркое. Когда идёшь так далеко — всегда нужна корова. Понимаешь, ар-ро? Я забрал кусочек с вашего старого хмыря. Усач дрался, как буйвол. Наверно, он был единственный, кого можно уважать, сопляк. Уважаемый. И вкусный.

— Ублюдок! — выкрикнул парень. Великан вновь подарил ему шанс и парень понял, что нельзя его профукать и в этот раз. Заклинание юркнуло сразу в обе руки. Кулак налился приятной тяжестью, норовя железом врезаться в челюсть разбойника. Рун схватил голову разбойника за перед рубахи и ударил.

Ничего не произошло — кулак как обычно врезался в разгорячённую плоть. Мик лишь пошатнулся, сделал шаг назад и не дожидаясь, пока с Руна сойдёт оцепенение, ответил.

Его ладонь сомкнулась на плече Последнего из Двадцати будто тиски — едва упокоенная рана тотчас же дала о себе знать вновь. Рун взвыл, забился пойманной птицей в силках.

— Что, дружок, не сработало заклинание? Ар-ро! Ах ты...

Рун выхватил рукой покоившийся на груди великана нож из ножен. Клинок тотчас же оставил на руке разбойника кровавую отметину. Парень принялся жалить мерзавца не глядя, бездумно, без разбору. Клинок, что кровожадное жало, вонзался в руки, плечи, грудь — Мик безуспешно пытался закрыть лицо. С размаху он ударил чародеем оземь — из Руна вышибло дух, нож ненужной железкой отлетел и затерялся в траве. Будто мешок, великан швырнул Последнего из Двадцати — несчастный кубарем покатился по земле.

— Кабанисий сын... еганый мажонок, дупна стракиматы... — разбойник, несмотря на раны, стоял. Его покачивало из стороны в сторону. Не выдержав, согнувшись, он привалился к стволу огромного дуба. Руки лапищи отчаянно царапали кору, хватаясь и обламывая. Лицо голову разбойника пересекал здоровенный разрез, кровь хлынула наружу. Отчаянно, Мик пытался закрыть рукой свежие раны, но вдруг выпрямился и расхохотался. Свечение, будто изнутри, вновь охватило мерзавца — раны с его тела исчезали прямо на глазах.

— Ар-ро, какой же ты глупый, а ещё один из Двадцати.

Рун едва встал на ноги — досталось ему хорошо. Направленные на Мика заклинания рассыпались, шли прахом. Сам разбойник хрустел плечами, стискивая кулаки.

— Двадцать лет в каменоломнях Вирании, сопляк. Ар-ро, мы добывали саффиристову лазурь. Пыль творит чудеса, когда впитывается в кожу. Сотни умерли от отравлений. Я выжил.

Он сверкнул очами не хуже волка. Саффиристовая лазурь, пыль которой впиталась в кожу несчастного, объясняет, почему на него не действуют заклинания, не объясняет как и почему он справляется с любыми ранами.

— Меня невозможно убить сопляк! Я неуязвим! — в Руна полетели бульжники. Парень сбил их направление, отвёл от себя. Все силы уходили на обезболивание. Словно на что-то тая надежду, он извернулся, выскользнул из очередного захвата. Лопата будто сама легла ему в руки. Потёртая знавшая лучшие годы рукоять казалась излишне толстой и неудобной — будто её специально делали для ручищ Мика.

Разбойник не унимался. Схватка не ярила его, но раззадоривала. В глазах мерзавца плескался боевой азарт. Теряя самообладание, Мик поддавался ему всё больше и больше с каждым своим промахом.

— Я заставлю эту виранскую шлюху отработать за все двадцать лет! А ты — ты будешь на это смотреть и молить о пощаде: потому что если мне не хватит её, я возьмусь за тебя!

Мастер Рубера говорил, что в схватке расстояние решает немало проблем. Чем дальше противник от тебя, тем лучше. Чем дальше ты можешь нанести ему урон — тем замечательней. Если получится не давать ему сделать и шага ближе — великолепно.

Мастер был прав если и не во всём, то во многом уж точно. Если бы не упустил одну крохотную деталь.

Мик не боялся боли. Будто сакральная жертва, он бросился на лезвие лопаты — то мягко и легко вошло ему в грудь. Он рубанул ребром ладони — дерево рукояти тотчас же надсадно хрустнуло, в руках парня остался некрасивый, излохмаченный обломок.

Рун нырнул в сторону, перекатился, оказался у самых ног великана — подсечка удалась ему на славу. Обрубок деревяшки врезался в колено — Мик неуклюже взмахнул руками и повалился, едва не раздавив чародея.

Расхохотался.

— Валяй, сопляк, сколько захочешь. Как скоро ты выдохнешься без своих волшебных штучек? Моя усталость тебя не спасёт. Ар-ро, мне это даже нравится!

Рун отчаянно просил совета у старших. Те уповали на импровизацию — чего ты хочешь, парень, спрашивали они. Думаешь, мы не справились с этой образиной из чистой случайности?

Парень не думал. Разбойник во всём своём могуществе был прав как никогда — даже будучи столь огромным, он был невероятно вынослив. И готов был исцелиться от почти любой раны. В голову Руна вкрались сомнения, возможно ли вообще отрубить паршивцу голову?

— Ар-ро, сопляк, ар-ро, иди сюда! Покажи мне, что ты мужик! Что у тебя есть яйца! Иначе, балаю Рудокопом, я начну не с неё, а с тебя!

Рун знал, что подойти к Мику ближе — подписать себе смертный приговор. Бежать? Этот если и не проворней, то быстрее. Каждый шаг великана был за два чародейских.

Плохо, подытожил свою судьбу Рун. Гитра вдруг выдохнула и спросила — ведает ли парень, кто самый главный враг чародея? И не дожидаясь, тут же ответила сама — его голова. Маг, обезображенный безумием, страшен, ибо не осознаёт, что творит. Или не осознаёт собственного могущества в абсолютно спокойном, тихом безумии.

Рун по новому взглянул на разбойника — решение лежало на самом виду. Его невозможно ранить и превратить в пузатую кастрюлю. Но он всё ещё человек.

Вспомни, вторила не унимающаяся Гитра — Большого Ну-у задушили во сне, а досужая сказка про утонувшего чародея вовсе не сказка.

Потому что даже будучи облачён в чародейские доспехи маг, в первую очередь, человек. Он может стать твёрже камня и питаться солнечными лучами, но вне заклинаний уязвим

точно так же, как все остальные.

Мы с этим жили, сказала Гитра.

Мы с этим умерли, мрачно отозвались Рубера и Мяхар.

Грудь великана вздымалась от тяжёлого дыхания. Рубаха пошла разрывами, норовила лопнуть от напряжение. Разгорячённый, но отнюдь не уставший, Мик ритмично дышал ртом. В глазах бородача играл восторг собственным могуществом. Рун перед ним — слаб и жалок. Урони он на паршивца скалу — и тот бы точно не пережил. Но сил на скалу не было, было на другое.

Рун пустил звуковую волну в толщу земли. Та побежала, рассказывая ему обо всём. Как очарованные стоят у края самого леса и смотрят на бесконечно высокие верхушки елей. Как прячутся в норах пушистый зайлинги, и недовольно топорщат уши, слыша шум наверху. Как плачет и стонет, будто брошенная дева, старое дерево-пискушка.

И как задорно журчит холодный ручей. Всего в сотни ри, чуть дальше, если на юг.

Рун проскользнул у паршивца между ног. Бахвалящийся своим достоинством головорез глухо ухнул, схватился за промежность. Юный чародей уязвил не только его слабое место, но и задел гордость. Мик взревел едва оправившись от боли — ему хватило пары мгновений. Словно машина Древних, он устремился в погоню за едва ушедшим чародеем. Рун не оборачивался — ему не нужно было видеть, чтобы понять: время пустых разговоров кончилось. Разбойник в ярости из-за его последней выходки. Здравый смысл ухмыльнулся и покачал головой — что поделать, теперь пан или пропал. По крайней мере, убьёт за один удар, и уже плевать на все предыдущие угрозы головореза.

Рун таил надежду, что у него получится. Подземные течения, словно боязливый червь, перетекали из одного русла в другое, то глубоко ухая под землю, то едва не пробиваясь ключом среди россыпи кустов. Он тащил чародея к себе, словно на привязи. Рун, даже без магии, чувствовал себя легче чем прежде. Он не бежал — почти парил, ловко перепрыгивая с камня на камень. Он отдался целиком и полностью на откуп интуиции, вильнул в самый последний момент к многовековому дубу. Вовремя — лапища Мика поймала лишь воздух. Грация резко остановившегося мальчишки была неведома великану. Инерция толкала и гнала его в спину, судьба сунула под ноги некстати оказавшийся булыжник.

Мик споткнулся, могуче ударившись оземь. Рун почти чуял ту волну боли, что ураганом пронеслась по телу его противника.

Разбойник словно оставил её на потом. Не давая себе и мгновения на передышку, он вновь оказался на ногах — только лишь для того, чтобы пятка юного чародея использовала его спину, как опора.

— Я сожру твои уши, еганый мажонок. Ар-rrrrro! Как у той суки, ты слышал?

Рун не слышал. Сознание последнего из Двадцати ловило совсем иные сигналы. Парню казалось, что он слышит как растут иголки на елях. Ну губах чувствовался вкус свободы. Мир как будто разом поменял свои краски и перевернулся с ног на голову.

Ручей оказался сразу за холмом. Бил прямоком из под каменистой насыпи. Вода призывно журчала, предлагая прямо сейчас припасть к её холодным, освежающим источникам. Разгорячённый Рун прыгнул прямо в середину. Ноги ушли под воду по колено, в рассыпную бросились стайки до бестолкового любопытных рыб. Здесь, сказал самому себе чародей. Здесь, кивнул ему мастер Рубера. Может, сказал призрак в голове чародея, ученик из тебя был и не самый лучший, но место для смерти ты выбрал хорошее.

Красивое.

Парень сглотнул.

Великан показался почти сразу же, не давая последнему из Двадцати перевести дух. Даже сквозь ночную мглу было видно включенную бороду головореза и раскрасневшуюся донельзя морду.

Разбойник ухмыльнулся — прохладная водичка была точно тем, что ему нужно. Он бросился в неё едва ли не с головой.

— Решил выбрать смерть котят? — вырвалось из его хриплой глотки. Не сбавляя шага даже в воде, он схватил оказавшееся под рукой бревно переправы. В его лапищах она едва ли не казалась крохотной палочкой.

Великан наступал. Бешено вихрилась вода под его шагами, брызги россыпью летели в стороны. Рун смотрел на разбойника, зажав кровоточущую рану на плече и видел то же самое, что и мастер Рубера.

На него идёт смерть.

У парня дрожали коленки, словно у мальчишки онемели ноги и язык.

На него идёт смерть.

Здравый смысл не боролся с образами ужасного будущего, будто заведомо сдавался. Рун вдруг ощутил, что совершенно ничего не помнит от волнения.

На него идёт смерть.

Импровизация непослушной девой была везде. Она теребила жалкие остатки маны, высекая простые, до безобразного заклинания. Она спешила ударить в мозг, ловя самые неподходящие идеи, что попадались ей на пути. Словно ей больше нечем было заняться, разгоняла кровь в застоявшихся членах.

Поток воды брызнул разбойнику в лицо, ударил струёй. От неожиданности, Мик попятился. Вокруг его ног обвивались верёвки водорослей — великан тотчас же забился, словно пойманная в силки дичь. Рёв головореза уже в который раз пронзил насквозь ночную тишь. И потонул, когда несчастный, в своих тщетных попытках споткнулся и всем своим весом завалился в ручей.

Вода фонтаном взметнулась к облакам. Мик в своём желании жить был подобен вихрю. Вдруг осознав, что случилось, он спешил вырваться из треклятых пут, кои всё больше и больше опутывали его, увлекая пусть и в неглубокую, но пучину.

Рун выдохнул — смерть, что только шагала на него, теперь была загнана в ловушку. Импровизация принесла в охапке детский, почти щенячий восторг. Bravo, похлопал в ладоши Старый Мяхар. Неказисто, незатейливо, я бы сделал иначе, но — bravo.

Добивай, хрипло буркнул Рубера. В старике не звучал глас мести, просто учитель фехтования привык устранять угрозу раз и навсегда.

В конце концов, подначивал он юного ученика, превратить в камень эту образину у тебя не получится. Иногда даже магия бессильна.

Из-под воды вынырнула голова Мика — разинутый рот жадно хватал прохладный ночной воздух. Голову и лицо застилала промокшие насквозь волосы, борода слиплась и была ни на что не похожа. Чародей хотел, чтобы из этой мерзкой пасти неслись жалкие мольбы о пощаде, но разбойник, кажется, умел уходить с достоинством.

Парня это злило — Мик оказался не просто "не таким", он был далеко не ровня даже тем, кто осмеливался сопротивляться.

Рун набросился на великана, не давая ему поднять голову из воды. Время предательски застыло, отказываясь идти вперёд, краткий миг растянулся до вечности.

Могучая рука схватила его за шиворот — головорез не понимал, что творит и в попытках спастись его руки искали опору. Рун не сразу, но вырвался из захвата: лишённый воздуха Мик оказался отчаян, но уже не так силён, как прежде.

Юного чародея, с ног до головы, будто яд заливала абсолютная, сладкая власть. Тот, кто убил его учителей, надругался над той, кого он считал матерью теперь целиком и полностью оказался в его руках. Рун и сам не заметил, как на его лицо легла улыбка, а руки стиснулись на бычьей, необъятной шее великана.

Утоплю, словно котёнка. Потому что могу, потому что...

Его вдруг взяли за руку. Он ударил непрошенного гостя наотмашь, но тот не унимался.

Наглецом, что решил помешать свершению благородной мести, оказалась Читль. Злость, бурлившая где-то внутри парня жутким варевом, неистовствовала заставила его посмотреть на виранку, как на противницу. Что эта рабыня себе позволяет? Разве не он тут власть разве...

Читль, отпрянувшая в сторону от своего господина, вдруг набралась наглости — и сбила его с ног...

Глава десятая, часть третья

На берегу было холодно.

Впрочем, Рун не знал, где ему сейчас было бы не холодно.

Всё тело трясло от спазмов. Он чувствовал стыд — вымокшая насквозь одёжка сушилась на берегу. Читль бросала на того, кого считала господином, заинтересованные взгляды — кажется, виранка точно знала, как и чем можно согреть хозяина.

Её нисколько не смущала его нагота. Всё было наоборот — нагота рабыни заставляла чародея чувствовать себя неловко. Словно растеряв всякий стыд, она скинула с себя те тряпки, что нашла для неё Ска и была очень довольна собой.

Мик хрипел и сопел. Разбойник наглотался воды, но и только. Память отказывалась вспоминать и вообще запоминать несусветную глупость того, как он вместе с Читль тащил эту тушу обратно, на берег. Здравый смысл не переставал задавать глупые вопросы: как? Зачем? Для чего?

Парню нечего было ему ответить.

Верёвок было много. Рун взял их вокруг разбойника сам, чувствуя, как на плечи мягким покрывалом ложится усталость. Мутная и тягучая. Сейчас, глядя на связанного великана, он терзал самого себя тысячей сомнений. Ему казалось, что ещё не свили той верёвки и не выдумали того узла, что могли бы хоть сколько-то удержать головореза на месте. В душу вползал скользкий червь опасения, что как только мерзавец сызнава откроет глаза, он вновь и силой подарит себе свободу.

Чародей в своей трусости поглядывал на рядом лежащие булыжники — если выбрать один из них потяжелее и что есть сил опустить поганцу на голову...

Сможет ли его эта способность залечивать раны исцелить что-то подобное? Парень сомневался, но опасался.

Тишина была мягкой и приятной. Читль, словно не понимая, что делает, вдруг оказалась в опасной близости от чародея. Лунный свет был бесстыж и красиво ложился в ложбинку меж груди. Что и говорить, у виранки были очень действенные женственные чары. Интересно, вооружись подобными счастливица — насколько бы ей стало проще?

Чародей напрасно гнал от себя мысли. Сопrotивляясь, он говорил самому себе, что сейчас ему стоит озаботиться совершенно иными проблемами. Надо было вернуть мальчишке прежний человеческий облик. Рун пощупал глубину колодца собственных сил и неутешительно покачал головой. Будь сейчас жива матриарх, она назвала бы это мановым цейтнотом. Одна за другой в копилку неурядиц летели монеты насущных проблем. Теперь он отважный чародей, сумевший одолеть главного боевика Кровавых Крючьев и при этом самому остаться в живых, но совершенно без чар. Всё равно что голый, подумалось парню. Он осмотрел себя и ухмыльнулся.

Сил нет, Ска где-то бродит с другим превращённым мальчишкой, под боком пусть и связанная, но почти живая гора, а позади целая деревня одурманенных.

В детстве парню казалось, что у взрослой жизни больше преимуществ. В наивной глупости ему хотелось как можно раньше стать старше — вот бы использовать то заклинание состаривания, о котором тогда читал в библиотеке...

Думалось, что жизнь станет много проще. Где-то позади останутся страхи, словно мелкие неурядицы, а любую проблему можно будет решить чародейским знанием. Скажи

ему кто тогда, что с каждым годом он отсекает от себя разве что беззаботность юности — он бы рассмеялся тому глупцу в лицо.

А теперь уже было не смешно.

Его руки сами легли на её плечи — рабыня была отнюдь не против. Словно всю жизнь только и ждала, когда это случится. От девчонки исходил самый настоящий жар.

— Почему ты меня остановила? Там, у ручья. Почему не дала утопить? — он спрашивал, чтобы не молчать. Словно проверял, а не очередной ли это морок?

Не морок,

У неё были нежные, маленькие руки.

— Ты знаешь, что он хотел с тобой сделать? — парень кивнул на разбойника. Мерзавец не спешил прийти в себя — если честно, чародей не знал, что делать с ним дальше. Тащить за собой на привязи, будто быка?

Читль не отвечала. Бормотала что-то на своём родном языке — её разум заливал экстаз. У Руна в постели бывало не так много женщин, но что с ними делать он знал.

Виранка не отвечала, но точно знала или догадывалась, что разбойники творят с пленницами. Наверняка, ей о подобном рассказывал прежний хозяин.

— Почему? — повторил вопрос парень, не особо надеясь на ответ. Быть может, виранка знала о том, что в первую очередь Мик нужен живым самому чародею? Или ей попросту стало жалко великана? Ведь он перевязал ей раны и обработал той едкой вонючей дрянью, чтоб не болело.

Иногда она шипела от сладкой боли, иногда её ногти бредили рану на плече. Рун делал вид, что не обращает на это внимания. Он сыпал ей на голову все свои непонятки. Будто королева этой ночи, виранка оставляла без ответа его вопросы о том, почему она мнит его своим хозяином. Гордо и по-женски игнорировала его раздумья о том, что она делала здесь вместе с своими соотечественниками. И лишь отрицательно покачала головой, когда он спросил её о Вигке.

Гордый и острый на язык виранский офицер, взявшийся из ниоткуда и направивший его прямо сюда. Может, он был вместе с Миком в сговоре?

Рун ещё раз осмотрел спящего великана и покачал головой — ну уж нет. С кем-кем, а с этой образиной Вигк бы точно не нашёл общего языка. И ещё имя — Вигк...

Трудно произносимое для Рунового языка, но далеко не виранское: уж очень выделяется среди заковыристых и длинных имён застенного народа. И почему только ни он, ни Ска не обратили на это никакого внимания?

Перебиваясь с родного ей виранского на понятный чародею, утопая в собственных сладострастных стонах, девчонка рассказывала. Руну было стыдно — почему-то он представлялся самому себе палачом из сказок. Раскаляя докрасна стальные пруты, размалывая пальцы жертвы в жерновах, пронзая иглами насквозь, работники плахи и топора вытаскивали из несчастных любое признание. Пот, боль, кровь... Рун, кажется, нашёл иной подход к добыче информации. Гитра в голове чародея молчала, но парень, знал, что ей больше всего на свете хотелось, чтобы хоть кто-то пытал её саму точно таким же способом.

Виранцев было много. Может быть, сотня, может быть больше. Словно извиняясь перед новым хозяином, Читль ответила, что потеряла связь с сородичами сразу же, как сгинул в небытие её бывший военный офицер.

Что они тут делали и как попали, девчонка не знала — стал бы кто-нибудь из высшей касты обсуждать или рассказывать что-то подобное простой рабыне? Память несчастной

была забита обрывками воспоминаний о том, что её сородичи искали в этих землях нечто. Хозяин, пользуясь её знаниями местного языка, опрашивал крестьян. Руна почему-то представлялись вооруженные вилами да косами селюки, мокрый дождь, почти ливень, вымокшие до нитки люди. Виранцев воображение изображало заляпанных дорожной грязью, уставших, до неприятного грубых и злых.

Он знал, что точно было не так. Наверняка, таких, как Читль было несколько — бывший её владелец получал информацию прямо из голов подвластных ему сородичей. Наверняка грелся где-нибудь в шатре, у костра, под тёплым одеялом, разослав рабов с поручениями.

Читль подтвердила его домыслы. Рун удивлялся ей — в виранке точно было что-то испорчено и сломано. Ему вспоминались предыдущие визиты застенного народа — говорил всегда один, другие же походили на разодетых истуканов. Один — глас многих, это виранский закон. У парня вдруг зачесался язык.

Молчаливость виранцев Читль была чужда. Ему вспомнилось, как он спрятал её болтливый рот там, в деревне, чтобы хоть ненадолго заткнуть её словоохотливость. Здравый смысл бился в истерике — она же всего лишь рабыня, она жила среди себе подобных, должны были сформироваться определённые привычки! Но всё говорило об обратном.

Они валялись в траве и предавались утехе, словно дети. Что, вдруг спросил самого себя Рун, об этом подумала бы Виска? К бледным Виску, кричало всё мужское в чародее. Он перевернул Читль на спину, глядя в её блестящие от обожания глаза. Податливая, послушная, красивая, она была здесь и вся его. Пусть на Виску играют проигранцы, а ему хорошо здесь и сейчас.

Искали кого-то или что-то. Место. Читль вспомнила не сразу. Чернь была не уверена, чесала затылки и косилась на представителей застенного народа с опаской. То ли их смущали вопросы, на которые виранцы не скупались, то ли вооружённые малуритами солдаты — суровые и неподвижные, будто истуканы, но в любой момент готовые пустить свои ружья в ход...

Читль получила свою свободу недавно. Рабыня внутренне сжималась от ужаса, вспоминая об этом. Ей было противно осознавать собственную волю, а точнее весь тот ужас, в который превратился её мир.

Рабыня прижималась к нему всем телом, словно боясь, что новый господин исчезнет. До Руна не сразу дошло, что и сейчас и до этого она исполняла лишь его волю. Пусть он и не осознавал, но что-то внутри него было уверено, что Мик нужен живым — и Читль его остановила. Там, в лесу, когда за ними гнался оборотень, парень чувствовал опасность, жаждал, чтобы его предупредили — и виранка кричала во всю глотку. Сейчас он хотел согреться и коварная виранка знала хорошее лекарство от холода...

В ней было что-то от Ска. Услужливое, послушное, механическое. Когда Рун спросил её о прежнем хозяине, она лишь отрицательно покачала головой. Те, кто стоят выше — стоят выше. Знать лишнее о господине непозволительно и не дозволено.

Рун понимал почему оно так. Из автоматов виранцы перед тем, как продать извлекали всё из памяти и уничтожали то, что возможно было уничтожить.

Словно узрев его размышления о её братьях, Ска появилась внезапно. Призраком ночи вынырнув из теней, она приближалась к Руну.

Когда он увидел механическую куклу, стремительно идущую к ним, едва не спихнул с себя гордо восседающую на нём Читль.

Парню казалось, что сейчас всё повторится вновь — удар малуритом по любовнице, её

превращение в чудовище, паразит на пузе...

При мысли о последнем у чародея вдруг застонал живот.

Виранка заметила автоматона, но не потрудилась прикрыться, скорей наоборот: словно пыталась показать Ска, что у неё всё в нужных местах краше и больше.

Напрасно — для Ска её как будто не существовало; стальная дева смотрела сквозь неё.

Рун приподнялся на локтях.

— Господин, у меня новости.

Парень облизнул высохшие губы, вытер капли пота со лба, выбрался, наконец, из под рабыни. Напротив Читль, стыд ему был всё ещё знаком — неловко закрыл себя разбросанной по поляне одежкой.

Он знал: когда Ска говорит, что у неё есть новости — ждать хорошего не приходится.

— Говори, — велел он, подавив спазм в горле. В голове юного чародея всё ещё царил сумбур и какое-то непонятное чувство вины за свою слабость. Рун гнал их прочь — сейчас уж точно не до этого!

— Одурманенные, господин. Когда мы ушли из деревни, я укрылась и проследила за тем, что будет дальше.

Рун пытался вспомнить, давал ли он ей подобного приказа или это то самое своеволие, о котором ему говорил Чавьер?

— Желаю услышать полный отчёт, — выдохнул парень, опережая автоматона и чуя, что ещё очень об этом пожалеет. Механическая кукла кивнула в ответ.

— Они толпой покинули деревню.

— Что, собрались все в одну кучу и двинулись? — у парня перед глазами, почему-то, стоял взвод игрушечных солдатиков. В детстве так хорошо было представлять, что они выстроились в ряд и вот-вот строем пойдут в атаку.

В детстве. Здравый смысл не ведал занятия лучше, чем цепляться к словам. Впрочем, Рун был совершенно не против: в его голове начинала вариться каша из разрозненных догадок. Воображение рисовало Старого Мяхара, что вооружился иглой и белой нитью — сейчас будет всё это сшивать воедино...

В детстве. Старый Мяхар услужливо молчал и не поддакивал, давая чародею возможность самому вспомнить и понять. Счастливица, которая здесь, ведёт себя точно так же, как обычный ребёнок. Она обрадовалась новым гостям и сама вышла им навстречу: разве есть что-то важнее для ребёнка, чем встреча с новыми игрушками? Игрушку берут в руки, рассматривают каждую деталь, нагружая воображение. То выдаёт на гора одну забавную игру за другой! И тут вдруг игрушка вырывается из рук, кусается, оставляет кровавый след на руке. Злая, плохая игрушка! К ней как к родной, всё для неё, а она! И ребёнок злится. Рун бы так точно разозлился — сразу же вспомнился отправившийся по их душу оборотень. Вспомнилась несчастная румка: у счастливицы были свои, искажённые представления о том, как стоит удерживать гостей.

А сейчас она не смогла придумать ничего лучше, чем собрать всех скопом и пуститься в погоню. Зачем? Парень от напряжения укусил губы и тут же услышал хриплый смех.

Нехотя обернулся.

Мик ухмылялся. Поверженный и связанный, он не ведал вкуса отчаяния, скорее наоборот.

— Молодец, парень...

— Глядите-ка, оно разговаривает, — вырвалось у чародея. Разбойник оценил его

сарказм по достоинству.

— Ты молодец парень. Арро, ты мужик. У тебя есть яйца. Многие пытались меня убить по-всякому. Меня пронзали насквозь, пытались удушить удавкой, ар-ро, заклинали сотнями проклятий. Но ещё никто не пытался меня утопить. И одурачить.

— Одурачить?! — юный чародей непонимающе заморгал, но Мик продолжил:

— Тебе почти удалось меня утопить, ар-ро. Еганая вусня, как же думало стрекчит! Твари, о которой ты думаешь, удалось меня одурачить.

— Откуда ты знаешь, о чём я думаю? — парень сложил руки на груди. Внезапная разговорчивость и покладистость пришедшего в себя головореза его насторожила.

— Ар-ро, у тебя всё на моргале набрякано, мажонок. Хочешь сделку?

Внутри чародея тот же час очнулся Старый Мяхар, отбросил шитье в сторону. Если уж что пройдохе и было по душе, так это азартные игры, женщины и сделки. Мастер Рубера как-то упрекнул старика в том, что из него мог бы выйти хороший проигранец — не хватало только рогов, копыт, да меха из ушей — благо, что это быстро можно было устроить.

Мяхар не огрызался, а задумывался над справедливостью упрёка — и, хоть учитель фехтования не подавал вида, его жутко бесило.

— Сделку? — парень прищурился и приструнил разбушевавшихся призраков в голове. Он уже точно не в том возрасте, чтобы легко и запросто бросаться в любую авантюру. Мик часто закачал головой.

— Да-а, ар-ро, сделку. Пакт. Пацанское соглашение. Или как вы это в своей чаровне кликаете?

Рун выпрямился во весь рост, разбойник вновь зашёлся кашлем. Юному чародею вспомнилось, что откачивала поганца виранка.

Парень присел на ближайший бульжник.

— Какая сделка у меня может быть с тобой? Лев крысе не товарищ.

Мик расхохотался в ответ. Он напряг мышцы, пытаясь высвободиться, Рун напрягся.

— Тебя пугает сама мысль о моей свободе. Ту, что делает из людей послушных слуг, ты боишься меньше того, что я попросту разорву эти хлипкие узлы. Ар-ро, не делай вид, будто вправду веришь, что это способно меня удержать.

— У меня всё ещё хватит сил швырнуть тебя связанного в ручей. А вот смогу ли я при желании вытащить твою тушу назад — большой вопрос.

Рун подавлял кипящую в нём ненависть. Она желала, чтобы чародей так и поступил — прямо здесь и прямо сейчас. Вода вздыбиться, разбойник забарахтается, словно выброшенная на берег рыба. И души павших собратьев из Шпиля будут отомщены.

Чародей был холоден к собственной горячности. Мертвецам всё равно, кого ты убьёшь, а кого притащишь россыпью бульжников на суд тех, кто выжил.

Этого — не притащить. Парень нехотя признавал, что головорез прав: пока жива эта тварь, он не почувствует себя в безопасности.

— Если я высвобожусь, я пойду за тобой всюду. Даже бледные не уташат тебя в свои чертоги прежде, чем я наиграюсь с тобой. Может быть я притащу то, что от тебя останется в Шпиль — и поиграю с теми, кто там выжил. Там остались те, кто с сиськами? Я обещаю позабавиться с ними прежде, чем выпотрошу их. Им будет приятно перед смертью.

У головореза зло блестели глаза, а Рун холодел от ужаса. Бородатый людоед не бросал слов на ветер — можно было точно быть уверенным, что он сделает так, как говорит.

Глава десятая, часть четвёртая

Руки чародея не ведали покоя. Взмокшие от волнения, они жаждали разного. Левая хотела вытереть саму себя о штанину, правая — вклеить поганцу затрещину. Рун не давал им власти, застыв, будто истукан. В какой-то миг ему вдруг почудилось, что здесь и вокруг нет больше никого, кроме них двоих.

Разбойник не сводил с чародея испытующего взгляда. Последний из Двадцати боялся дрогнуть перед ним и показать свою слабость.

— К Шпилю? Не к Ата-ману? Уверен, он заплатил бы тебе за мою голову куда больше.

Разбойник, к удивлению чародея, сплюнул.

— Ар-ро, пацан, для чего мне деньги? То, что хочу я беру силой. Этому петуху в своих железных шмотках мне больше нечего предложить. Он даже не сумел дать то, что обещал.

Рун сверлил связанного перед ним поганца взглядом. Что и говорить, головорез был стократно прав. С тем, что у него уже есть сейчас, не требуется особых усилий, чтобы заполучить желаемое. Конечно, вытрясти всё из чародея, который находится на пике своих сил он вряд ли сможет — не спасёт даже ввешаясь в кожу саффиритовая лазурь. В конце концов, подытожил мастер Рубера, не один Рун настолько умён. А явись Мик в Шпиль один и без всей той кофлы мерзавцев...

Другой вопрос задумчиво отозвался Мяхар, что мог пообещать главарь Кровавых Крючьев великану?

Убийца его родных был словно старый сундук: прост с виду, но по самую крышку заполнен тайнами.

— Хочешь получить от меня то, что не смог дать он? Это и есть твоя сделка?

Мик сызнава позволил себе наглую ухмылку, у Руна стало противно на душе. Разбойник издевался над ним, дивясь чародейской глупости. Здравый смысл постучал по лбу Последнего из Двадцати, будто в самом деле надеясь, что ему отзовется ум. Этот образина, упрекал он парня за бестолковость, только что собирался разорвать тебя на части и изнасиловать наперёд Читль. А после отрезать уши и сожрать, что останется. Пообещал, будто притащит жалкие останки чародея напрямиком к Шпилю и продолжит потеху — уже с теми, до кого сможет добраться. Вряд ли ты, братец, нужен ему хоть сколько-то живым...

— Ар-ро, ты забавный парень. С яйцами, как у мужика, но головой что телка. Что ты можешь сейчас? Швырнуть заклинанием пару камней? Заставить корни вылезти и пощекотать мне пятки? Ар-ро, почему ты ещё жив?

Разбойник устало выдохнул, блаженно закрыл глаза. Расхохотался. Рун стоял, униженный смехом, не зная, что делать дальше. Кусать губы от своей беспомощности? Разбойник прав куда ни плюнь — может быть, полгода назад он встретился бы с одним из Двадцати. Но сейчас-то перед ним стоит глупый, маленький мальчишка, всех сил которого...

— Ар-ро. В детстве мне мать рассказывала про Двадцать, пацан. Что вы огромны, как скалы. Глаза горят огнём, в руках саму расправу держите. И знаешь что я скажу тебе? Я наслаждался тем, как булькала ваша кровь под моими ногами. Нравились визги вашей старухи. Была там и та, что помоложе. но её убили раньше, чем я подрос. Без умения творить магию вы всего лишь кучка беспомощных, напыщенных селян. Ар-ро.

После последней фразы ему разве что не хватало поднять палец к небу, как будто

завершая собственную мудрость. Разбойник продолжил.

— Я смотрю на тебя, на то, как ты ничтожен, как жалок и слаб — и задаюсь всего одним вопросом. Почему ты ещё жив? Почему я не прибил тебя сразу же, как только была такая возможность?

Ска, слышавшая разговор от начала и до самого конца, сделала угрожающий шаг в его сторону. Если её хозяин слишком запутан, чтобы одарить поганца пощёчиной, то за ней дело не станет. Рун остановил её жестом, решив не проверять крепость протоколов терпимости. Но, видят Архи, Мик сумел вывести из себя даже автоматона.

— И всё-таки я жив. Не одной твоей милостью ради, понимаю, — Рун кивнул. Покатал готовые сорваться с губ догадки на языке. — Ата-ман. Я хочу знать об Ата-мане каждую мелочь.

— Я могу рассказать тебе всё, что ты хочешь знать про ту гниду. Что знаю сам.

— Взамен? — Рун почуял вдруг прокатившуюся по всему его телу волну омерзения от самого себя. Совесть гласом матриарха крикливо вопрошала — в действительности ли он готов пойти хоть на какое-то соглашение с её убийцей? Чувство мести подливало масло в огонь — он уже слишком далеко зашёл, чтобы поворачивать назад. Сарказм не унимался — его единственный вопрос был полон яда: на какую ещё низость он готов пойти, чтобы свершить задуманное?

Рун плавал в мутном вареве собственных размышлений. Разбойник не спешил, не торопился назвать ему цену за свои знания.

— Ты можешь жечь меня огнём. Подобные тебе твари, мажонок, горазды на такие уловки. Получить желаемое не мытьём, так катаньем. Ар-ро, наверно, трудно быть магом и не осознавать, насколько же ты погань.

Рун вдруг поднялся на ноги и зло прищурился.

— А ну, повтори!

— И что же ты сделаешь, мажонок? Ар-ро, я закинул в твою глотку если и не то, что хотел, то уж точно острый крюк. Ты жаждешь расквитаться с каждым, кто тебя обидел. Но сейчас споткнулся об меня. Я тот камень, что расшибёт тебе лоб.

На этот раз парень не смог её удержать. И даже не пытался. Мик играл желваками на скулах — удар если и не причинил ему боли, то уж точно не пришёлся по вкусу. Механическая кукла нависла над ним клинком. Руну вспомнилось, как высвободившийся разбойник отшвырнул её прочь, будто котёнка. словно предупреждая, что ещё одна такая выходка станет последней, Мик напряг мышцы. Связывавшие его верёвки затрещали — разбойник мог высвободиться в любой момент.

У парня вдруг застонало плечо — Читль впиалась в него ногтями. Рабыня пряталась за спиной того, кого считала хозяином и искала защиты. Когда её взгляд встретился с глазами разбойника, она посерела.

— Ар-ро, сопляк. Уйми свою туху, иначе я выдеру её на твоих гляделках. Всё, что я хочу от тебя — это бабы. Бабы, которые с тобой...

***

Сначала ему показалось, что он ослышался. Чародей ошалело переводил взгляд то на Ска, то на виранку. Механическая кукла была безмолвна и непоколебима — кивни Рун голововорезу, что согласен, и она не сказала бы ни слова. Парень потёр изумруд перстня на

пальце, проверил, легко ли его при случае снять. Активирующий ключ словно сросся с рукой чародея.

Читль взяла с неё дурной пример. Потупив глаза, она ждала указа — такое вообще возможно, чтобы виранец-раб мог сменить хозяина? Среди сородичей застенного народа это было нормой, но чтобы виранец мог стать подконтрольным не виранцу?

Давно ли ты заделался виранцем, ухмыльнулся ему старый Мяхар. Парень облизнул губы и решил оставить вопрос без ответа. Потому что теперь у него появились вопросы поважнее — какого проигранца Мик просит его об этом?

Догадки сыпались одна за другой. Возводили стены нерушимых доводов на хлипком фундаменте — и разваливались сами собой. Парню хотелось покачать головой, прогнать злое наваждение.

Мик не спускал с него глаз. Ждал — и ответа и реакции. Будто у него по-прежнему всё время мира торчит в кармане...

Хуже всего, что последний из Двадцати не знал, что ответить. Совесть не кричала, а твёрдо стояла на отказе — какие у тебя могут быть сделки с головорезом? Сам же говорил — крыса льву...

Но с другой стороны выходило не лучше. Мика ничто не сдерживало. Дважды он намекал на то, что сможет освободиться в любой момент. Дважды он намекал, что из всех сил чародея остались лишь жалкие фокусы. Скажи Рун сейчас «нет» — и эта груда мышц завершит начатое. Парень вдруг поймал себя на том, что с осуждением смотрит на Читль — если бы не она, он бы утопил поганца раз и навсегда.

Одной проблемой в мире стало бы меньше...

На саму Читль было больно смотреть — она будто читала мысли юного чародея и полностью осознавала свою вину. Вот ведь, подметил Рун: ещё с десятков минут назад они предавались любви, словно одичавшие подростки и не знали забот. Теперь же всё круто изменилось...

Мастер Рубера не лукавил душой, когда говорил, что жизнь подкидывает в камин спокойствия сушину проблем. Того, кто зажжёт огонь искать не придётся — словно грибы после дождя они появляются сами.

— Зачем она тебе? — похолодевший чародей кивнул на рабыню. Едва былой страх схлынул, здравый смысл трусливо побежал искать компромиссы. Рун боялся, что ещё чуть-чуть и он обязательно их найдёт: ведь уже принялся лить елей мыслей о том, что виранка будет ему лишь обузой на шее.

Читль почти механически одевалась. Её платье ещё не успело до конца просохнуть, ткань липла к телу выделяя привлекательные очертания груди. Словно просясь наружу, торчком стояли твёрдые соски — то ли от вечернего холода, то ли от ещё не схлынувшего возбуждения.

Ей было одновременно всё равно и не безразлично. Руну стало не по себе от одной только мысли о том, что способен сотворить с ней этот нелюдь. С другой стороны, возражал здравый смысл, он перевязал ей раны, не поскупился на болеутоляющую мазь — любая знахарка или травница из местных за такое чудо запросила бы по меньшей мере корову. А Двадцать бы даже не стали возиться с подобной мелочью. Впрочем, разбойник точно не был похож на того, кто платит за то, что забирает...

Мик следил за виранкой взглядом. Великана забавляла её нерешительность, как и всё остальное. Руну казалось, что он прочтёт в зло блестящих глазах разбойника хоть что-то

отдалённо похожее на похоть, но напротив. Мяхар крякнул — если что головореза привлекло — так это не сиськи.

— Я уже говорил тебе. Мой шишак давно мечтает о чехле посисястей. Знатно ты с ней кувыркался. Но, признайся, парень, ты туг на ухо?

— Что? — удивился Рун.

— Я сказал — бабы. Механическая тоже. По рукам?

Рун позволил себе мгновение нерешительности. Мик изо всех сил строил из себя неотесанного варвара и глоткодёра, но таил в своих карманах один козырь за другим. На что ему Ска? Готовить по утрам и проводить анализ грязных портков на популяцию вшей?

Сыграем? — плясал в глазах головореза игривый огонёк. Мокрый и взъерошенный, Мик сейчас походил на проигранца небывалых размеров. Юному чародею казалось, что ещё чуть-чуть, и он высвободится, вытащит из-за пазухи колоду карт, покажет ловкий фокус.

Старый Мяхар кивнул за юного чародея — чего ему терять? Сыграем, ответил он. Сыграем, побьемся об заклад, ударим по рукам, что там ещё нонче среди воровских шаек принято?

В конце концов, продолжал шептать старик в голове Последнего из Двадцати, ты здесь не единственный пройдоха. Мы тоже не зря десятки лет проигранцев без хвостов оставляли. Под его напором, Рун едва заметно кивнул.

— Господин? — Ска лишь подняла бровь. Вряд ли она испытывала к Мику нечто похожее на отвращение, но становиться его личной игрушкой не горела желанием. Взгляд Читль жёг юному чародею спину — Руну казалось, что он буквально слышит, как замерло сердце в её объемистой груди.

Разбойник прищурился — кивок его устраивал мало. А вот за слово чародея уже можно было хвататься обоими руками.

— Согласен, — выдохнул парень. На удивление самому себе вышло как-то слишком легко и просто. Бесы сомнений, ещё пару мгновений назад тяжким грузом висевшие на языке будто разом испарились, оставив его в неопределённом одиночестве.

Настало время для разбойника уйти в размышления.

Парень закинул ногу на ногу, оперся локтями в землю.

— Согласен, но с парой условий. Сначала...

— Никаких условий! — верёвки на разбойнике вдруг не выдержали и наконец лопнули. Исполин высвободился, вскочил, но тут же застыл на одном месте, широка разинул рот от удивления.

Где-то глубоко в Руне хитро ухмыльнулся старый Мяхар.

Рабочая часть лопаты была неудобна, но он стискивал её до побелевших костяшек. Металл охлаждал разгорячённое тело, острый край едва коснулся нежной кожи на шее Читль.

Рабыня стояла не шелохнувшись — если хозяин жаждет её смерти, значит в этом был смысл её жизни.

Рун был напряжён, словно натянутая пружина. Краем глаза он видел Ска — интересно, что было раньше? Мик высвободился из своего игрушечного плена, или она оказалась на ногах с малуритом наперевес? Ствол магического оружия смотрел прямо в его бородатую рожу. Начертанная на деке руна обещала вогнать в противника всю мощь огненного снаряда. Выдержит ли он, если оторвать ему голову? Или спалить заживо?

Проверять никто не хотел.

— Пат, ар-ро, пат... — Мик, мгновение спустя, повержено поднял руки. Рун не давал

себе расслабиться — знал, что повернись он к головорезу спиной хоть на миг и это станет его последней ошибкой.

Нож по-прежнему был у глотки виранки. Парень чувствовал себя чудовищем: в кого он, в конце концов, превратился? Из карающего меча Шпиля он стал ничем не лучше, чем придорожный разбойник. Держит рабыню в плену, угрожает, заигрывает.

— Пара условий... ар-ро, — на манер головореза произнёс Рун. Получилось у него довольно скверно и жалко. Мик не шелохнулся — он весь был будто застывшая гора.

— Ты расскажешь мне всё, что я захочу узнать. И сможешь справиться с тем, что здесь творится. Понял?

Мик не ответил. На его лице играли желваки, сжимались и разжимались пудовые кулаки. Юный чародей нутром чувствовал, что разбойник решает, что делать дальше. Дикие, поросычьи глазки поглядывали и в сторону Ска. Малурит выстрелит огнём, но это будет всё ещё заклинание. Шкура из саффиритовой лазури спасёт, но вот насколько хорошо.

Парень вдруг плюнул себе под ноги. Слюна вспыхнула, изошла на нет сиреневым дымом — на месте плевка оказался крохотный паучок. Зло перебирая лапками, он поводил жвалами, прежде чем прыгнул на ногу Читль. В одно мгновение мерзкая тварь оказалась на плече виранки, скользнула прямо к её шее — рабыня напряглась.

— Что ты сделал, сопляк? Ар-ро, клянусь рудокопом...

— Тебе нужна виранка, верно? Не для того, о чём ты говоришь. Нужна живой и здоровой. Эта тварь, что я подселил к ней, прикончит её сразу же, едва со мной что-то случится.

— Кабанисий сын, еганый виллод, потрох сучиный, хруставолкова сыть... — с уст разбойника полилась самая что ни на есть бессильная злоба. Едва он сделал шаг в сторону, как Ска выстрелила.

Огненный поток вырвался из сферы, струёй ударил в бородатую рожу головореза.

Сначала вспыхнули волосы, воздух тут же наполнился палёным смрадом. Мик взвыл, разом обратившись в живой факел. Огонь охватил кожу, едкими каплями пролился на штаны — плохо просушенная одежда разве что шипела в ответ, но не спешила гореть.

Великан рухнул наземь, перекатываясь на спину, сбивая жгучее пламя. То шустро сошло на нет — саффиритова лазурь отчаянно и не безуспешно боролась с порождением чар.

Мик, скорчившийся на земле, походил на нечто невообразимое и бесформенное. Кожа бугрилась следами свежих, но малых ожогов. Парень закусил губу — выходит, не так уж и неуязвим этот поганец.

— С-сука, — кашлянул гарью разбойник. От его тела валил пар. Он скривился, когда ствол малурита вновь ткнулся ему в щёку — Ска времени даром не теряла. Рун подошёл к лежащему опасно близко. Мику стоило лишь протянуть руку, чтобы схватить чародея, но он не спешил.

— Что ж, ар-ро, или как ты там говоришь? Роли поменялись? Если со мной что-то случится — девчонка умрёт. Я нечаянно упал и утонул в луже? Моё проклятие свернёт ей шею. Споткнулся и напоролся на торчащий из пола гвоздь — проклятие заставит её выbleвать внутренности. Может быть через рот, а может и...

Рун врал безбожно и беспощадно. Единственное, на что хватило его сил сейчас, так это создать лишь видимость.

— Ты получишь Читль, но автоматон останется со мной. Остальное ты слышал. Мне приказать всадить в тебя ещё заряд или достаточно?

Глава одиннадцатая, Лихорадка

У костра было почти тихо. Ночь лежала мягким покрывалом, трусливо ползла темнотой к огню — и столь же трусливо бежала прочь.

Воздух был приятен и свеж. Ухали, хлопая крыльями, ночушки, стрекуны не умолкали не на миг в своей любовной песне.

У Последнего из Двадцати щёки разве что не горели огнем. Он чувствовал, как к нему из темноты ползёт жуткое зло — простуда. Жар охватил лоб, озноб пробирал тело. Парню мечталось о шарфе и первом снеге. И паре часов на отдых.

Когда-то ему казалось странным, что Старый Мяхар временами пропадал из Шпиля, а возвращался донельзя довольным и счастливым. Взрослые молчали не желая смущать детский ум излишними подробностями. Сам же старик всегда говорил, что уходит отдыхать.

Юный ум негодовал — где, как не дома, среди сородичей можно найти отдых? Сплести совместное заклинание, поваляться в кровати до самого полудня, отдать время на откуп играм и игрушкам?

Мяхар лишь смеялся в ответ — он умел разбивать детские представления о мире камнем собственных взглядов, но не решился в тот раз. Это потом Рун узнал, что старый учитель менял чародейский халат на грязные лохмотья. Что заклинаниям и всемогуществу предпочитал кривой разбойничий нож и выходил на дорогу.

Грабил, насиловал, убивал.

По возвращению на него смотрели, будто на мясника. Будто кровопийца, насытившийся чужой жизненной силой, он вновь был полон тяги к жизни. А теперь, здесь, на поляне, среди сплошных угроз, ему казалось, что он чуточку начал его понимать.

Хворост уютно, почти по-домашнему трещал. Ска поймала дичь на ужин. Мик проявил недюженые способности и умудрился приготовить восхитительно прожаренное мясо. Не окажись этот великан тем, кем оказался — из него мог бы в самом деле получиться радушный хозяин и владелец корчмы.

Сейчас он спал. Поодаль от остальных, охраняемый Ска. Механическая кукла не желала спускать глаз с головореза и упрекнуть её в недоверии было невозможно.

Парень обнял колени. Поначалу Мик молчал, но за ужином — за ужином вылил ему на голову всё, что он хотел знать. И щедро добавил от себя того, чего не хотел знать вовсе...

Перед сном к парню подошла Читль. Молчавшая до сего момента, она пугала юного чародея вдруг несвойственной ей отстранённостью. Из разговорчивой болтушки, она превратилась в ходячего истукана.

Не мудрено, оправдывал её здравый смысл. После того, что случилось, после того, что ты сотворил сам... как бы вёл себя на месте рабыни?

Рун предпочитал не задумываться — это спасало, как и прежде. Иногда, говорил ему Мяхар, нужно просто делать. Плохо-хорошо — разве ты играешь с кем-то в эту игру? Чародей идёт напролом, чародей идёт к своим целям, чародей — превыше.

Ты не согласен?

Рун вновь не нашёлся, что ответить. Его вдруг начала колотить дрожь.

Но вместо вопросов Читль вновь предложила ему себя. Взятка? Своеобразное прошение, попытка умиловить хозяина, чтобы не отдавал её в лапы этого чудовища? Парень не знал, а она ему не ответила.

Странная, сейчас она спокойно лежала рядом — у парня не хватило смелости прогнать её прочь. Несмотря на всю пышность своих форм, она, почему-то, казалась ему маленькой птичкой. Ему вспомнилось, как аккуратно она ела за ужином, хотя наверняка голод грыз её изнутри не меньше самого чародея.

Уснула она быстро — выбившаяся из сил, свернулась в комок, словно мокрая кошка. Он не удержался от того, чтобы провести рукой по волосам, коснуться нежной кожи...

Как же страшно хотелось, чтобы Мик лгал насчёт неё. Рун отчаянно вглядывался в Ска, надеясь, что та взглядом даст ему понять, что разбойник лжёт.

Не лгал. Правда будто бы всё это время жгла язык великану, а сейчас, наконец, он получил возможность выговориться. Парень отчаянно и напрасно пытался уловить в его словах хоть каплю сожаления, сострадания — тщетно. Мик наслаждался едва ли не каждым словом.

Рун вновь посмотрел на свернувшуюся у его ног рабыню, пытаясь осознать — изменили ли для него хоть что-нибудь слова головореза? Мысли спешили нырнуть в сон забытья. Они брали на вооружение усталость, дергали за нити воображения. Читль в одночасье обернулась Виской — Рун потянулся к ней, чтобы через мгновение осознать свою ошибку. Перед глазами мелькнуло нечто — на ум, будто на стол тут же легла догадка, что это ещё одно письмо — из шпиля! Но едва приглядевшись он видел, что это лишь спинка стеклянного жука. Будто нарочно дразня ночных хищников, он вынырнул на опасную прогулку.

Гитра бы сейчас сказала, что это странно — им не свойственно. Мастер Рубера потеребил бы свои усы в поисках очередной житейской мудрости — и обязательно бы нашёл. Промолчал бы в этот раз разве что Мяхар.

Совесть ела чародея поедом. Старухой с гнилыми зубами она неумолимо шептала ему на ухо вкрадчивые гадости. Он гнал её прочь — безуспешно. Будто не ведая иной радости в жизни она плюхнула перед ним суму. Что черви из неё ползли грязные, серые упрёки. Маленькие бусинки маслянистых глаз сверлили чародея насквозь.

— Прочь. Пошла прочь, погань.

Голос заставил чародея вздрогнуть. На мгновение охолодившись от опустившейся на него пелены дурного морока, Рун озирался по сторонам. Всё так же, всё тоже — костёр, Читль, всё ещё не обращённые обратно в людей мальчишки стоят неприкаянными чурбачками.

— Ска? — у парня оказался на редкость сухой, хриплый голос. В голову вползла непрощенная мысль о глотке воды. — Ска, это ты?

Нет ответа. Волнение на пару с тревогой норовили осесть в чародею нервной дрожью. Не без ужаса в темноту вглядывалась старуха совести. Щурила на пару с юным чародеем свои подслеповатые глаза.

Не Ска, подсказал здравый смысл. Механическая кукла стережёт мирно храпящего головореза чуть поодаль и бросила бы свой пост только при крайней необходимости.

А ещё она вряд ли настолько жива, чтобы в той же лихорадке, что и чародей гонять воплощение совести.

Тучи рассеялись, на фигуру чуть поодаль лёг лунный свет. Он шёл не спеша и налегке. Как всегда.

У Руна застонала голова. Он зажмурился в тайной надежде, что проснётся — иногда это помогало.

Поздний гость не исчез. Зыркнул на старуху, замахнулся кулаком — убоявшись гнева

несчастливая растворилась в воздухе. Рун чуял, как во рту на буквы рассыпаются слова. Теперь уже хотелось глотнуть не воды, а чего покрепче.

Он почти не изменился. Или был таким, каким Рун успел его запомнить. Только бледнее и прятал взгляд остекленевших, совсем не живых глаз.

Старик кряхтел едва ли не при каждом шаге, но ему всё ещё ни к чему были трости и посохи путника. Крепко стоял на ногах. С мешочка на поясе засыпал едкий, вонючий порошок в берестяную кожу. Воздух тут же наполнился смрадом сырого курева.

Прикурил от костра, зыркнул в сторону — неплотный туман, коим обратилась старуха, тотчас же рассеялся насовсем.

Рун смотрел не веря собственным глазам. Впалые щёки, борода, по щеке и до самой шеи бежал шрам — подарок от "друга", шутил старый чародей, не желая прятать его магией.

Старый, как сам разбой.

Хитрый как сама хитрость.

Мяхар.

Он не просил слов и оправданий, просто курил, даже не глядя на своего ученика.

— Что, пострел, досталось тебе?

Рун слабо кивнул головой. Мертвец посмотрел в ту сторону, где была Ска — будто чуял там собрата по ремеслу. Того, кто лишил его жизни. Не видящим взором положил глаз на Читль, одобрительно цокнул языком.

— Ну ничего, малец, такая уж жизнь. Счастье, помнишь? Оно там у каждого своё. У неё для каждого — тоже своё.

Помолчали. Тишина висела в воздухе столь всезаглушающей плотной завесой, что казалось, будто её можно было резать ножом.

Сотни раз парень представлял, что спросит, что скажет перед лицом явившихся к нему мертвецов. Будет оправдывать выживших из Шпиля? Или самого себя?

А мертвецам не требовалось ни того, ни другого.

— Это правда, — вдруг сказал Мяхар. — И про Шпиль, и про нас. Про неё — тоже.

Рун снова кивнул в ответ. Ему казалось, что его собственный голос будет звучать сейчас жалко как никогда. Парень закрыл глаза лишь на мгновение, лишь на секунду, как вновь увидел перед собой тушу горлопанки. Вспомнил, как оно всё было...

Судя по виду несчастной птицы, Ска поймала её прямо на лету. Стальная дева не шибко жаждала оставлять хозяина один на один с Миком хоть на мгновение, но не подчиниться прямому приказу была не в силах. Где-то внутри её бронированной головы зрел бунт против его опрометчивых решений, но протоколы подчинения не позволили ему родиться в нечто большее.

Это хорошо, подумалось парню, только бунтующего автомата ему здесь сейчас и не хватает. Сейчас же она не сводила глаз с разбойника и тут же схватилась за малурит, едва он потянул свои лапища к добыче.

— Ар-ро... сырой не жрут. Она у тебя совсем железная? Или иногда понимает?

Рун пропустил укол мимо ушей, но знаком дал понять, чтобы автомат успокоилась.

Юный чародей закусил губу — оставалось только дивиться тому, насколько быстро всё менялось. Ещё пару часов назад они удирали из осаждённого одурманенными дома, а Мик на части разорвал волколака. Час назад парень лежал с Читль — и им было хорошо вместе, как никогда. Разбойник был связан и не в себе. А вот теперь они все здесь, как ни в чём ни

бывало. Сверкнул нож — и откуда Мик только доставал эти железки? Если каждый уважающий себя головорез и таскал засапожный нож, то у Кровавого Крюка точно были и поясной, и заштанный, и подштанный...

Разделять птицу разбойник умел. Рун представил, что ему пришлось бы это делать самому и его чуть не вывернуло. Раньше и всегда он полагался либо на чародейство, либо на Ска — оба варианта не давали осечек.

— Он обещал мне её, — вдруг начал Мик, кивнув на Ска.

— Что?

— Ата-ман. Обещал твою игрушку мне, — Мик говорил отрешённо и как будто не с чародеем. — Уговор. Ар-ро, сопляк, ты сам хотел всё убаять.

Что ж, подумал Последний из Двадцати, если не сейчас, то когда? Кивнул, велел продолжать.

— Зачем она тебе? — вопрос набил оскомину самому чародею, парень скривился. Сколько раз он уже успел спросить разбойника о подобном? Но тогда ему нужна была не Ска, а Читль...

— Это игрушка Древних, пацан. Ар-ро, ты и сам ведаешь, что она такое.

Рун лишь кивнул ему в ответ. Наверняка не знал, но догадывался. В памяти до сих пор были живы картины того, как вился вокруг неё Чавьер, разве что языком не цокал. Как глазел на неё Кианор — тогда парню казалось, что собрат видел в ней лишь помеху, а теперь — сомневался. Да и тот паршивец, что вывел его на Ска...

Не сходилось. Механическую куклу он нашёл изломанной донельзя — Чавьер не зря же сказал, что её уродовали специально — получить характер таких повреждений в бою возможно, но как-то слишком уж много совпадений. И они тиснули её обломки за сто ровн несчастному бродячему торговцу. Руну на миг стало стыдно — наверно, он поступил с бедолагой слишком жестоко. Но лишь на миг — уверенность своей извечной правоты вновь подлила масла в огонь эгоизма. Поганец радостно наживался на гибели тех, кто охранял эти земли испокон веков. Не устыдился, не убоился, поддался собственной жадности...

Парень бросил озадаченный взгляд на стальную деву — та лишь блеском глаз давала понять, что паршивец не врёт. Или сам хорошо верит в то, что говорит...

— Как вижу, Ата-ман не сдержал своего обещания? Что это вообще был за человек? Когда я только отправился по душу вашей братии, каждый пройдоха с пеной у рта утверждал, что Кровавые Крючья были чем-то стихийным. Внезапно появились, внезапно распались... Где он тебя отыскал?

Мик сверкал глазами прежде чем ответить. Либо выдумывал подходящую сказку, либо не особо желал говорить на эту тему. Его взгляд задержался на рабыне — необычайно молчаливая и притихшая, она то и дело шмыгала носом, уставившись в пустоту. Наверно, в этом занятии её могла превзойти разве что Ска по ночам — сон ей тоже был неведом.

Огонь зарумянил свежие мясные бока. Жир каплями тёк в костер, аппетитно шкворчал и шипел. Руну вспомнилось, что изжарить мясо на костре оказалось задачей не из легких, а для него самого и вовсе невыполнимой.

— В Вирании, на рудниках, — наконец, пробасил головорез.

— Ты виранец? — Рун спросил и захотел укунить себя за язык. Мик посмотрел на него, как на глупого.

— Меня взяли отсюда. Ваша... старшая сука, как вы её там звали? Её милостью за разбой я был продан этим чертям, чтоб на их жопы проигранцы играли!

Рун не перебивал, хотя и страшно хотелось ответить на очередное оскорбление Матриарха. Мик, словно чуя, что ему дают послабление, вновь наглед. Парень ждал, что великан-людоед вновь вот-вот примется поигрывать мышцами.

Юный чародей вертел в голове детали догадок, отчаянно надеясь сложить общую картину. Кое-что прояснялось — разбойник не убил его точно так же, как и Читль, но по другой причине. Чародей нужен был ему живым для приманки — убей он Руна сразу и где потом искать эту его Ска?

Может, потому и хотел немного прикопать — вряд ли ослабевший в магии маг способен выбраться из подобного плена без посторонней помощи. И просто прекрасная возможность для пыток.

То, что Мик погнался за ним, словно дикий зверь в попытках прибить в гипотезу не укладывалось, ну так разбойник и не всё рассказал.

Рун слушал дальше.

— С рудников я бежал. Ата-ман поначалу обещал мне месть — но бздеть сызнова под еганую стену, чтобы пришлѐпить с десятков засиранцев — такая себе идея.

— И ты отказался?

— Я хотел сорвать с мудицы все его железки, оторвать думило и сожрать уши. Ар-ро, если бы ты только знал, пацан!

Рун задумался. Мик не из местных — его притащили из-за Стены. Но как? Кто позволил? Невозможно пройти через магический заслон. В голове эхом прозвучал противный смешок Вигка о том, что стена вот-вот развалится и уже дала хорошую такую трещину.

— Он оказался сильнее?

Мик расхохотался на вопрос, покачал головой. У юного чародея перед глазами возникла картина того, как заключѐнный в механический виранский доспех мерзавец ломал мастера Рубера.

— До этого не допрыгалось. Падлюка оказался ловок на обещания и сладок, что пизда в соку, на слова. Он сказал, что я смогу взять всё, что захочу. За годы среди виранских тварей я уяснил кое-что — они повѐрнуты на еганных технологиях Древних.

Рун опешил. Меньше всего он ждал столь умных слов от кого-то вроде разбойника-великана. Под мохнорылой личиной, оказывается, прятался крепкий ум...

— И зачем тебе автоматон? Ска... — юный чародей запнулся: имя, что он присвоил своей механической кукле вряд ли могло сказать Мику хоть о чём-нибудь.

Но сказало.

— Служебно комбатантный автоматон — вот почему ты кликаешь её Ска. Ар-ро, сопляк, тут не нужно много ума, чтобы догадаться.

Парень сглотнул. Мясо, наконец, изжарилось, а в чародее вдруг пробудился голод. Ска взяла предназначенный господину кусок, проанализировала его на токсины. Что ж, верить разбойнику не стала бы даже автоматон...

— Я искал подобных ей, собирал, ломал, чинил. И продавал знания.

— Значит, дело всё-таки в деньгах? — прищурился Последний из Двадцати.

— Ар-ро, пацан, разве за неё платили деньгами?

Рун не ответил, потупил взгляд. За автоматонов, подобной ей брали только магическими услугами и ничем больше. Вот только те знания, о которых говорит Мик — остались ли они ещё у Ска после всего того, что с ней случилось? После стольких лет,

поломок? Стали бы виранцы отдавать чародеям в руки то, что сами ценят больше всего на свете?

Парень обратил взор к стальной деве, но та осталась беспристрастна — Мик говорил правду от начала и до конца. Может, вдруг подумалось ему, он поторопился и не так уж умён головорез, сидящий перед ним?

Глава одиннадцатая, часть вторая

Рун вдруг качнул головой, прогнал наваждение стоявшее перед глазами. Не было костра, ужина, скалящего зубы Мика. Но Читль была — девчонка по-прежнему спала, не замечая сидящего напротив неё призрака. Мяхар задумчиво курил, поймал на себе взгляд своего ученика, улыбнулся, помахал ладонью у него перед лицом.

— Знаешь что, малец — не каждая правда то, чем она является.

— Он солгал?

Старый разбойник решил оставить вопрос на откуп тяжкому молчанию. Рун закусил губу, зябко поёжился.

— Не солгал. Я знал этого зверя ещё до того, как ты появился в Шпиле, пострел.

Морок напомнил себе юный чародей. Голоса учителей в его голове — всего лишь сумбур собственных мыслей. То, что сидит перед ним игра света и теней, капелька воображения, колотящая его с ног до головы лихорадка...

Ему хотелось дать внятное оправдание тому безумию, что слышит в голове день ото дня. Откинувшись на спину, парень устремил взор в ночную синь. Засыпать, когда никто не следит за костром — опасно. Спать без огня — холодно.

Мяхар затянулся, чуть прикрыл глаза, крикнул от нахлынувшей волны благодати. Что он там курил? Судя по запаху — лист сяминики.

— Все разбойники, кто покрупнее придорожной тли, знают друг дружку. Не в лицо, так в дело, не в дело, так в угрозу. Ты знал, что на одного разбойника приходится с два десятка крестьян? Каждого не ограбишь, а то и вовсе попадёшь в чародейские силки...

Рун не ответил. Вспомнил, каким уставшим возвращался с таких походов Нилтар и Рубера. Оба не смотрели в глаза ухмыляющемуся Мяхару, каждый по своим причинам. Но то, что между мастером фехтования и старым разбойником очень давно и на всей скорости проскочила чёрная кошка — было очевидно.

Однажды Нилтар забавы ради посадил главаря разбойников в бутылку и оставил посреди одной из деревень — грязный, измождённый крошечный человечек стал предметом насмешек женщин, стариков и детей на долгие годы.

Рун много раз навевался мимо той деревушки, как несущий волю, всякий раз надеясь, что Мяхар поступится верностью Шпиля, расколдует собрата по бывшему ремеслу. Но старика не в чем было упрекнуть.

— Помнишь, как ты бежал напегонки с Кианором? — вдруг поинтересовался старик. Парень кивнул в ответ — разве такое забудешь? Кианор казался — казался? Да он таким и был! — толстым неповоротливым бурдюком. Он уже знал, как стать стройней, поменять форму, придать себе красивый вид — но не делал ничего подобного. Юному Руну казалось, что он запросто обставит жирдяя и хоть раз, хоть в этот один единственный раз сумеет поставить его на место!

Мяхар не вмешивался. Рун знал, что старик не сдержит собственного любопытства, а потому заметил его на одной из покатых крыш башен шпиля.

Кианор обставил его легко и запросто. Неповоротливый и толстый, притворно неуклюжий, он бежал что Архи — лишь колыхалось объемистое брюхо. Рун же выбился из сил куда раньше, чем рассчитывал в тщетных надеждах нагнать старшего собрата.

Потом, хлюпая носом от обиды и сдерживая злые слёзы, он оправдывался перед старым

Мяхаром как перед собой.

Что было заклинание — хоть и договаривались без магии, но оно точно было! Иначе как он так сумел? Иначе как он смог? А ещё, после тренировок у мастера Рубера было тяжело бежать и...

— Я успокоил тебя тогда, сказав что ты всего лишь пришёл вторым. А Кианор предпоследним. Автоматон взвешивает правду на своих аналитических весах. Искажённая правда — тоже правда. Я ведь тебе тогда не соврал...

Парень вновь кивнул в ответ. Мотай на ус, приговаривал ему здравый смысл, запоминай и учись. Не каждый день к тебе по ночам ходят мертвецы...

Читль вдруг перевернулась во сне, громко охнула, обратила на себя внимание.

Это была женщина. По юности Рун подглядывал за спящей Виской — в её несуразном, крохотном виде. Любительница превращать крестьянок в кукол во сне больше походила на маленького сжавшегося котёнка. Не девка, не дева — просто невыросшая девчонка. Даже в своих заигрываниях она была по-детски наивна.

С Читль было иначе. Даже во сне она лежала так, будто маня к себе. Уж в чём, а в этом Мик был точно прав — от виранки за версту разило неприкрытой женственностью. Рун прогнал постыдное желание растолкать рабыню и проявить свою мужскую ненасытность. Не при учителе же! И он творил с ней это всего пару часов назад!

Зов плоти стих сразу же, стоило лихорадке стать чуть сильнее.

Читль, прошептали его губы.

Мяхар не сводил с рабыни глаз — он смотрел на неё и как на женщину, и как на источник будущих проблем. Кивнул каким-то своим мыслям, поймал на себе взгляд ученика.

— Что, малец, не думал-не гадал?

Не думал-не гадал.

Сумбур случившегося казался чьей-то злой насмешкой. Здравый смысл сложил руки на груди — если уж кто и мог сейчас разобрать весь тот хаос, что бурлил в его голове, так это только Мяхар.

Старик швырнул недокуренный огрызок прочь, зло сверкнул на него очами — он ярко вспыхнул и обратился пеплом едва до того, как коснулся земли.

— Ты всяко знай, что проблемы — они не на деревьях растут, да шишками по голове лупят. Разговор-то ваш с этим громилой точнёхонько помнишь, пострел?

Рун вновь прикрыл глаза. Сон, крутившийся не столь далече от чародея, тут же принял его в свои объятия. Кто, как не он лучше вытаскивает любое слово из памяти, норovia превратить его в кошмар?

Читль присоединилась к трапезе не сама — она оставалась в стороне до тех пор, пока Рун не позвал её сам. Как же тогда виранцы управляются со всеми остальными своими подчинёнными? Каждому ходят и говорят, когда им есть, когда им спать, когда справлять нужду?

Читль ответила на приглашение восторгом — словно только и ждала от чародея указов.

— Но Ска ты не получил... — Рун поймал себя на том, что говорит очевидности. Мика это несколько не смутило — великан жадно впился зубами в ужин, кивнул.

— Вместо неё мне дали информацию. О виранцах, что шныряли едва ли не у самого

Шпиля под носом. Ар-ро.

— *Виранцы?* — *Рун тотчас же вспомнил Вигка, но отрицательно покачал головой. С того момента, как парень покинул Шпиль без малого прошло полгода — вряд ли это были те же самые. Если только...*

Взгляд обоих опустился на Читль — полуобнажённая рабыня, кажется, впервые смутилась излишнего внимания, зарделась.

— *Правильно смотришь, пацан. Она была среди тех виранцев.*

— *Читль?* — *Рун будто в самом деле надеялся, что девчонка сможет подтвердить слова великана. Та как будто оказалась в ступоре. "Те виранцы" для неё были разве что пустым звуком...*

— *Я смекал, что вы не гожи пускать всех и вся и под стену. Но у этих откуда-то было право.*

— *И ты свернул им шеи?* — *Рун вспоминал, что рассказывала ему рабыня. Могло быть так, что Мик заявился к её хозяину в тот момент, когда её отослали расспрашивать местных?*

Великан ответил басистым хохотом, чуть не выронил кусок мяса из рук, вытер накатившую на глаза слезу.

— *Ты славно шутишь, сопляк, хоть и мажий выродок. Ар-ро, конечно же нет — их были десятки, хорошо вооружены, со своими машинами.*

— *Ты лжёшь!* — *взорвался юный чародей, швырнув недоеденный ужин прочь. Пальцы стиснулись в кулаки — будто Последний из Двадцати в любой момент был готов отвесить паршивцу затрещину. — Он ведь врёт?*

Парень обводил взглядом Ска и Читль — девчонки как будто в рот воды набрали. Автоматон лишь отрицательно покачала головой, Читль вдруг поперхнулась.

Мик же сделал вид, будто этой выходки вовсе не было.

Рун вытер грязные руки о штаны. Изнутри его терзали злость и недоумение — как Матриарх могла допустить подобного? Пустить сотню виранцев со своими машинами? И он не знал об этом?! Они даже ни разу не попались ему на глаза...

Здравый смысл спешил оправдать хотя бы хозяина: он тогда торопился, а крестьяне были жутко напуганы им же самим.

— *При них были ваши печати.*

Вот почему ещё молчали крестьяне, подумалось юному чародею — их принимали за гостей. Возможно даже — как гостей. Кто из черни осмелится отказать в приюте и еде тому, кого сюда пригласили сами Двадцать.

Не врёт, не врёт, не врёт-ёт. Злость жужжала в парне не хуже имеля. Он кусал губы, сжимал кулаки, был готов бросаться в атаку — но на кого? Для чего?

Нужно было слушать дальше. Пока Мик говорил и говорил правду — это хорошо. Пусть он тащил из своей поганой пасти самый настоящий яд — лучше принять его сразу и понять что происходит. Хмыкал сарказм — он-то знал, что вместо яда можно вымазаться в нечистотах. И будь уверен, говорил он Руну, разбойник своего шанса уж точно не упустит...

— *Там, в деревне, ты раскидал с десятка два или три крестьян. Некоторых прибил на месте. И решил не связываться с кучкой виранцев?*

Рун тут же пожалел о том, что позволил своим сомнениям прозвучать — Мик смотрел на него недобро. Головореза можно было упрекнуть во многих грехах, но вот

обвинять его в трусости, сомневаться в мужественности — большая ошибка, если не оскорбление.

Разбойник уже в который раз подавил желание устроить встречу своего кулака с мордой обнаглевшего мальчишки. Значит, сказал самому себе Рун, умеет держать себя в руках когда надо.

Опять не сходилось, но, подумал Рун, об этом потом.

— Крестьяне одурманены и не сопротивляются. Я не хочу возвращаться на рудники.

— Допустим. Но Читль — всего лишь рабыня. Почему тебе нужна именно она? Прощую версию я уже слышал, теперь хочу правды.

Мик встал, выпрямился во весь свой огромный рост. Ска в мгновение ока оказалась у него за спиной. Руна на начертательной деке обещала разбойнику кучу проблем. Меж пальцев стальная дева стискивала огрызок магического мелка — тот подходил к концу и вот-вот должен был рассыпаться в пыль.

Великан этого как будто не заметил, в два огромных шага оказался рядом с Читль, нагнулся, запустил свою лапищу ей под платье, ухватил за грудь. Виранка пискнула.

— У неё нежная кожица, чародейчик. Я слышал, что виранки мажутся какой-то дрянью, и не портят рук стиркой. Воистину, если чью пизду и дырывать, так это той, кто следит за собой. Ты так не думаешь?

— Убери от неё свои лапы! — Рун не взорвался, но наглость, вдруг волной нахлынувшая на разбойника могла выбить из колеи кого угодно.

Читль отчаянно вырывалась. С таким же успехом мышь могла пытаться вырваться из кошачьей хватки. Грудь головорезу было мало — ему хотелось оцупать виранку во всех местах.

— Но ты прав. Зачем тратить время на простую, грязную виранскую рабыню? Их ведь там было под сотню! Ар-ро, наверняка должна была попасться и рыбка покрупнее, верно?

Головорез опрокинул Читль наземь, но повержено поднял руки, едва заметил как нахмурилась Ска. Вряд ли стальная дева испытывала к ней хоть каплю сострадания, но настроение своего хозяина читала отменно.

— Не нужно лацкать, пацан. Пусть сучка привыкает — вскоре я познакомлю её со всем собой, а не только руками. Ар-ро, мы ведь не об этом — виранцы оказались настолько гнилым народом, что умудрились передрататься друг с дружкой. На ровном месте.

Читль как будто не слышала. Шипела, будто змея, потирая ушибленный локоть.

Эта рабыня не так проста, как кажется, вспомнились чародею его собственные мысли. Но передравшиися друг с дружкой виранцы?

К ещё большей путанице, Мик не врал. Рун же чуял себя слепым котёнком — он так увлёкся своей погоней, носился с святой миссией, назначил себя последним и единственным Двадцатым — а на деле не видел ничего дальше собственного носа.

Что, если Вигк говорил правду о рушащейся в пыль стене?

Рун утёр ладонью вымокшее лицо.

— Она была в той заварушке. Ар-ро, сопляк, ты бы только видел, что там творилось! Они дрались, словно в кукольном театре — нелепо, но неустово. А перед этим они нашли... нечто, что разделило их на два враждующих лагеря.

Парень закусил нижнюю губу — выходит, вот зачем виранцы столь отчаянно искали встречи с матриархом и выпрашивали разрешение. Нечто, способное заставить кукловодов сцепиться в глотки друг дружке — наверняка дорогого стоит.

Но причём здесь Читль?

Разбойник торжествующе ухмыльнулся. Видимо, пришло время класть карты на стол, а у него пол руки козырей...

Парень чуть не сплюнул — уже мыслить начал теми же категориями, что и проигранцы...

— Эта подстилка кажется тебе всего лишь рабыней. Ар-ро, она даже мне казалась просто рабыней. Уверен, что вскрой мы ей череп и увидим, что даже она саму себя не ставит на ступень выше. Но она командовала войсками. Видел бы ты эти сиськи в механической броне! Ар-ро, клянусь рудокопом, её пизда была столь покрыта бронёй, что не пробить и тараном!

У парня всё похолодело внутри, едва он осознал, что головорез не лжёт. Читль старалась не смотреть на господина: словно набедокуривший пёс, она прятала взгляд. Движения виранки стали не чёткими — её всю колотила мелкая дрожь.

Это она-то командовала? Сидела в механическом доспехе? Рун сверлил взглядом Ска — здесь должна быть ошибка. Наверняка, блок отвечающий за распознавание лжи дал сбой. Юному чародею легче было поверить в то, что Мик на самом деле переодетый Старый Мяхар, нежели в то, что робкая, как птичка, Читль способна идти в атаку.

Некстати вспомнилось, как ловко она сбила его с ног там, где он едва не прикончил разбойника-великана. У парня опускались руки.

— Тебе-то она рассказала совсем другую байку, ар-ро? Ай-яй-яй, яйца, как у мужика, ума что у телка. Баял рудокоп — пизде и бригадиру веры нет!

— Захлопнись! — зло огрызнулся Последний из Двадцати. Наглость разбойника была омерзительна и не вызывала ничего, кроме отвращения с раздражением. Мик же в ответ лишь пожал плечами и развёл руками — разбирайся, мол, сам.

— Читль, это правда?

У парня бешено колотилось сердце. Что он сделает, если она отрицательно покачает головой? Кому поверит — ему или ей? И самое жуткое: что делать, если она кивнёт?

Мир не рухнет, говорило всё внутри него. Перед тобой лишь виранская девчонка, с которой тебя связывает едва ли несколько часов общего знакомства. С чего бы тебе, спрашивал его здравый смысл, терзаться из-за её обмана?

Рабыня молчала — словно забыла о том, как говорить. Рун сдержал себя, когда в голове возникла мысль отвесить ей затрепину и привести в чувство.

— Читль?

— Я... я не знаю, господин.

У юного чародея разве что рот не раскрылся от удивления. Всё — от начала и до конца начало превращаться в какой-то развесёлый, но до страшного жуткий фарс. Виранка обхватила саму себя руками — из неё буквально лилась неподдельная неуверенность.

Рун встал, сделав к ней пару шагов, замахнулся. Внутри кипело варево злости, уже порядком льющееся через край — он устал от всей той лжи, что окружала его с ног до головы.

Его руку перехватил Мик, даже не бросив взгляда на в тот же миг отреагировавшую Ска. Читль не пыталась закрыться — если хозяин хотел её бить, значит так правильно и нужно.

— Не порть товар, сопляк. Ар-ро, уйми стрекало в портках и сунь башку в хладильню — некась отбрюкает, — он выпустил руку чародея не сразу. Рун с удивлением осознал, что

понимает смысл всей той тарабарщины, что потоком текла с уст головореза.

И что он прав.

Тогда-то к нему и наведались первые признаки лихорадки. Они умело прятались за маской обычной усталости, а теперь норовили кашлем разодрать горло и обратить лоб мальчишки в печь.

Нужно было успокоиться и переварить услышанное, взглянуть на ситуацию иначе.

— Ар-ро, сопляк, ты нетерпелив, что голодный хруставолк. Где же хвалёная терпеливость Двадцати?

Рун теперь захотел врезать уже головорезу. Мик как будто чувствовал, но решил не развивать. Вместо этого он вновь оказался рядом с Читль. Его ручища схватила несчастную за голову, пальцем отдёрнула мешающуюся прядь волос. Взору Руна не предстало ничего нового — плохо зажившую шишку он уже видел.

— Ты не дослушал, а я не договорил. Виранской илюшке досталось и очень крепко. Радость для моих глаз, когда с её симпатичной головушки слетел илем и брызнула кровь. Она не помнит — скорее всего абсолютно ничего.

— Тогда зачем она тебе? — в недоумении выпалил чародей. Разбойник лишь повёл плечами.

— Всё просто, ар-ро. Всегда есть тот, кто знает, как вытащить из памяти даже ставшего овощем человека. Где-то куплю, где-то убью — не так далёк я от твоего принципа, а, мажонк? Ар-ро.

Рун кивнул. Скорее всего, с подобным бы даже справился другой виранец, достаточно было бы взять Читль под контроль. Но если она аристократ и наделена была правом командовать войсками — взять её под контроль мог бы лишь тот, кто выше. И, если он правильно помнил, высшерождённые виранцы рождались с иммунитетом к подобному захвату от собратьев.

Если только...

Если только пришедшийся в голову удар не повредил нечто важное. Мик смотрел на Руна так, словно читал его мысли. Великан и в самом деле очень даже не глуп — додуматься до такого смог бы не каждый. Читль можно было бы использовать ещё и как образец — наверняка её сородичи удивятся тому, что достойная высшерождённая дочь Вирании стала податлива, что размоченная глина.

— Ар-ро, я нашёл её первой. Только она оказалась потерянной — не воспринимала мир как таковой. Искала хозяина. Ар-ро, это было нехорошо. Меня сложно упрекнуть в любви к Вирании, но я тащил стерву к её сородичам. Где-то убил, где-то купил — всегда есть путь, сопляк. Но тут выяснилось, что ты — чудом уцелевший кусок проклятия, страсть как хочешь коцкануть линца. И вместе с тобой идёт моя куколка. Потерявшаяся, но каким-то чудом найденная тобой. Уже чинёная. Тогда-то я и решил, что мне сласть легла на жопу — только подставляй!

— И лишь здесь тебя ждали неприятности... — докончил за него парень.

— Ар-ро, хруставолк нассал в сапог, сопляк!

Рун облизнул высохшие губы. Только что съеденный ужин в желудке истошно верещал, что ему тут неуютно и что неплохо было бы запить его чем-нибудь прохладным. Бокалом шпилевского вина, к примеру...

Вина у чародея не было, но вот пару глотков воды нашлось. Влага приятно коснулась горла, у парня как будто прояснилось в голове. Рассказанное Миком укладывалось, здоровый

смысл расставлял кирпичики догадок в нужных местах. Словно мозайка, едва ли не на глазах юного чародея росла картина происходящего. Он в который раз бросил взгляд на Читль — на виранку жалко было смотреть. Она как будто съезжилась, и даже грандиозных размеров грудь, казалось, уменьшилась.

— Почему она воспринимает меня, как хозяина? — Рун и сам не понял, как спросил это вслух.

— Ар-ро, — не замедлил тут же отозваться Мик: — потому что ты виранец.

Глава одиннадцатая, часть третья

— Я — виранец? — Рун спрашивал у пустоты. Пустота теребила собственный подбородок, погрузившись в пучины задумчивости, после лишь пожала плечами. Словно спрашивая — неужели он, в самом деле, надеялся получить ответ из собственных видений?

Мертвец молчал, а Рун продолжал.

— Я помню, как меня привезли к Шпилю. У отца была густая, некрасивая борода. Он был безобразно толст и пах капустой. Братья, сёстры — кажется, они тоже были. А ещё несколько мешков муки, картошки — что вы дали им ещё?

— Брюкву, — нехотя отозвался сидящий перед ним мертвец. Руну казалось, что учителю будет стыдно смотреть в глаза тому, кого они, словно раба, купили за пару-другую мешков еды.

В памяти витали обрывки чужих оправданий — его успокаивали, говорили, что всё будет хорошо, что он больше не будет знать голода, что другие теперь — тоже избегут его холодных липких объятий. Чьи-то слёзы — матери? Отца? Он не помнил даже их лица.

Лишь теплую, успокаивающую руку матриарха — Рун вспомнил, как смотрел на неё снизу вверх и тогда она казалась ему до бесконечного невысказанно большой...

Он ждал, что Мик по своему обычаю разразится хохотом над собственной глупой шуткой, но на морде разбойника не было и тени улыбки. Он говорил серьёзно, а проверять его слова на ложь было бы глупо. Разве можно проверить на неё лишь догадку?

— Я виранец? — повторил парень собственный вопрос. Призрак учителя вновь стал нем, как рыба. Может быть и так, малец, говорили его мёртвые глаза, а может быть, даже и близко нет.

Он приставал с этим вопросом к Читль. Когда, раздевшись, она предложила ему себя на эту ночь — словно извиняясь за собственную ложь, он неистово желал знать ответа.

У неё не было для него ничего вразумительного. Разве что сиськи, отозвался в голове тогда ещё не явившийся воочию Мяхар.

Отведя в сторону Ска — лишь на мгновение, он спросил её об этом. В глазах механической куклы проявилось что-то похожее на удивление — ей отрадно было слышать, что хозяин жаждет анализа, вот только почему столь настойчиво?

Хорошо быть сделанной из стали. Хорошо не иметь сердца, не чувствовать, не знать, не мыслить — лишь анализировать. Тогда правда будет только правдой — а не клинком, вонзённым в спину. С другой стороны — окажись он в самом деле виранцем, разве это толком изменило бы его жизнь? Перевернуло с ног на голову? А самое главное — давало ли ответ хоть на один вопрос?

— Я не знаю, парень. Разве это так важно? — Мяхар добавил масла в огонь сомнений.

— Может быть, теперь ты знаешь правду — хоть какую-то её часть. Что ты собираешься делать с ней дальше?

Настал черёд Руна отвечать молчанием. Мертвец не унимался — будто внутри него клокотал котёл невысказанных при жизни слов.

— Что из услышанного сегодня приблизило тебя к Ата-ману? Ничего.

Старик был прав как никогда.

— Мик рассказывал тебе многое — о том, чего жаждал сам и почему влез в эту авантюру едва выбрался с рудников. Уводил разговор в сторону — разве теперь ты знаешь,

куда идти дальше? Что делать дальше? Разве этому я тебя учил?

Рун не знал. Словно малое дитё он поддавался воле случая — кто-нибудь что-нибудь знает. Цеплялся за каждое слово, будто за спасительную соломинку, вытаскивал себя с дна, чтобы вновь ухнуть в ещё одну, более глубокую канаву. Интересно, вдруг спросил он у себя самого, не скрывая сарказма, когда же он окажется в такой яме, из которой нет выхода? И каким человеком к тому моменту окажется? Сможет смело называть себя хотя бы одним из Двадцати?

Мяхар вдруг встал, отряхнул запачкавшиеся широкие штаны. С уст старика лилась тихая, едва слышимая брань — ныли старые кости, не давая прежней подвижности. Казалось, что при каждом шаге с старого чародея сыпется мана.

Рун глядел ему вслед, а внутри его не покидало ощущение, что прямо сейчас от него уходит не просто призрак, видение, а сама мудрость Мяхара. Словно мертвец разочаровался в нём и теперь жаждал забрать её с собой.

— Дай, — вдруг проговорил парень. Старый разбойник нехотя обернулся на его просьбу. — Дай совет. На прощание.

Мяхар нахмурил брови, но вдруг ответил мягкостью улыбки. Будто ему всё это время только и не хватало, что этой просьбы родом из детства.

— Совет, говоришь, малец? — он ухмыльнулся, будто взвешивая в руках справедливость его просьбы, кивнул. — Ну тогда слушай, дважды не повторю: правда разбойника не правда чародея, свобода к смерти ближе, чем счастье, а. И ещё вот...

Он сунул руку в напоясной карман, звонко в ночи клацнула застёжка. На морщинистой ладони лежал ярко блестящий комок сухой маны.

— В кармане завалился. Лови. Поймаешь?

Глава двенадцатая, Рядом с безумием

Ска смотрела на него с таким видом, будто проверяла, здоров ли хозяин. Основания считать иначе у неё точно были — приходящие в ночи мертвецы, мнимость отказавших у неё датчиков слежения...

Словно в обиду на сомнения Руна она указала, что слышит, как перебирает лапами муравей по его штанине. Он показал ей комок сухой маны, но тот не произвёл на неё никакого впечатления. Разве не он сам, там, когда они спускались в бездну вместе с проигранцами сунул ей его? Разве не он сам, перед сном, попросил её вернуть ему заначку?

Парень лишь кусал губы, не зная на что сетовать — на собственную память или на вдруг охватившую его к ночи лихорадку?

Ска была заботлива как никогда, и вездесуща будто воздух. Успевала смотреть и за Руном, и приставить ствол малурита к шее обнаглевшего Мика, едва тому стоило сделать лишний шаг в сторону. Единственная, кто не заслуживала её внимания, так это Читль.

Виранка жалась к парню, словно брошенный на произвол судьбы пёс. Пряталась от жадных взглядов великана-разбойника. Интересно, спросил себя Рун, насиловал ли он её тогда, когда она была в прошлом "потерянном" состоянии? И понимал, что не хочет знать ответа.

Сейчас на него во все глаза смотрели мальчишки. От обоих пахло страхом, в особенности от Бека. Лий, после обращения, кажется, перестал заикаться — или делал это реже прежнего. Бек же пал на колени, едва сызнава стал человеком. Он обнимал его ногу и слюнявил сапог, прося прощения, каясь и боясь нового, более жуткого наказания. Иначе как же чародей мог его запросто так сызнава в прежнюю личину вернуть? Не иначе, как задумал ещё более жуткую каверзу!

Рун никак не мог отделаться от растущего внутри чувства отвращения. Если раньше их страх казался ему чем-то присущим и естественным, то сейчас он норовил вылиться за края омерзения.

— Прочь, слышишь? Пшёл! Мне превратить тебя снова?

Бек его как будто не слышал.

А сейчас шёл впереди остальных, показывая дорогу. Сорванец будто всю жизнь провёл в местных лесах. С ходу и сразу, едва оглядевшись вокруг, постановил, что они посреди Вилькиной полянки, и что идти к сенокосу надо правее по Дулькину оврагу.

Рун с надеждой глядел на Ска, но в картах той и рядом не было подобных имён.

Грозно нахмутив брови, Рун схитрил — обещал страшную кару, если поганцы тотчас же не проводят его к тому самому растреклятому озеру самолично.

Сработало. Бек сразу же оживился — лишь одна мысль о возможности сохранить свою шкуру и облик уже грела ему душу. Лий же оказался задумчив, как само размышление. В отличии от без умолка тараторящего товарища, он не желал лишней раз утруждать собственный язык. И чужие уши, добавил самому себе чародей, вспомнив сколь раздражающе звучало его заикание.

— Что ты надеешься этим сделать, сопляк? Ещё раз искупаться, прежде чем последний раз к Рудокопу постучаться?

Рун считал выше своего достоинства разъяснения разбойнику — да тот и не настаивал. Ска держала его поодаль от виранки. Руну вспомнилось, как головорез неодобрительно

смотрел на возвращение мальчишкам человеческого облика. Великан справедливо полагал, что Рун был жалким слабаком без собственных заклинаний, запас маны которого изрядно исчерпался. Купился ли он на трюк с притворным проклятием? Если и да, то неустанно, час от часу подвергал его сомнению. За маской наглости он прятал проверку той границы, которую может перешагнуть, а потому вчера с каждой минутой позволял себе всё больше и больше.

Правда разбойника — не правда чародея. Рун уже раньше слышал эту присказку, вот только далеко не от Мяхара. Её в своё время пренебрежительно бросил мастер Рубера, едва Рун невзначай упомянул старого пройдоху. О взаимной нелюбви двух учителей разве что не слагали легенды. Кианор, Виска, Нилтар — что и говорить, этим грешила даже Гитра. Впрочем, та как будто выбирала, кто ей милей в этом конфликте по одним лишь ей же понятным критериям.

— Ата-ман, расскажи мне про него.

— Ар-ро, сопляк, я рассказал тебе всё, что знал. Будь ты на его месте и желай, чтобы о тебе болтали на каждом углу — стал бы рядиться в сталь доспехов?

Рун закусил губу — не признать правоту головореза было попросту невозможно.

— Кровавые Крючья, россыпь головорезов из отовсюду...

— Верно баеешь, хоть и мажья муда. Уэбков эта падла набрал всякоразных. Шелупонь не в масть так, для виду — кто покривей, кто погорлопанистей. Те в первую пошли, чтобы сразу на оmlет. Канякаеешь?

Рун отвечать не стал, продолжил собственную мысль.

— Чего хотел сам Ата-ман?

— А ровно того же, что и Во-жак, и Па-хан. Башка твоя кабанисья. Он выдумал себе самое ублюдское имя. А про головное он не баял — разве кто будет рассказывать о таком?

Мик расхохотался, но тут же нагнулся едва ли не к самому уху чародея:

— Я чую, что в тебе за эту ночь что-то изменилось, сопляк. Ты снова играешь не по правилам. Скажи, какие у меня могут быть гарантии, что ты не в шваль меня на следующем кону скинешь?

От разбойника несло кислым, нечистым дыханием и солью пота. Глазки разбойника угрожающе блестели — Мик не знал и никогда не ведал иного способа общения, нежели угрозы. Но мыслил великан сразу и на несколько шагов вперёд. Правда разбойника — не правда чародея, помнишь? — напомнил ему из недр сознания Мяхар и тут же рассмеялся.

— Если со мной... — Рун поймал себя на холодном, донельзя липком страхе, от которого трудно избавиться. Мик отмахнулся от его предупреждения, даже не дав договорить.

— Да-да. Виранку вывернет наизнанку. Ар-ро, зная твои прошлые заслуги — это будет болезненно, хоть и быстро. Но сейчас здесь и рядом твоя механическая кукла. Уверен, стоит мне свернуть тебе шею, как она сразу же потеряет главную цель своего существования и станет не опасней котёнка.

Мик сызнова был прав. Рун точно не знал, что сделает Ска, если его не станет, но утратив хозяина личные автоматы, привязанные к ключу активатору, становятся неадекватны. Либо Мик знал об этом с самого начала, либо догадался сегодняшним вечером.

По спине чародея прокатилась волна мурашек: Мик и в самом деле оказался бы достойным соперником самому Старому Мяхару — хоть по уму, хоть по хитрости. Руна ещё вчера не покидали ощущения, что бывший Кровавый Крюк темнит. Что приготовленный им

вчера ужин, излишняя болтливость — последнее, чего следовало бы ожидать от твари, подобной ему.

Парень ощутил себя безвольной, малой игрушкой в его огромных ручищах. Мик играл ими всеми, словно фигурками на раситтовой доске — знать бы ещё только против кого?

Двадцатый ощутил усталость — инициатива в этой игре переходила из рук в руки, и всё становилось утомительным и затянутым.

— Чего ты хочешь?

— Ар-ро, гарантий, сопляк. Тот мудила, что имел на ваш чародейский нужник зуб в отличии от тебя был горазд на сладость обещаний. Чтоб на его гузне кирки ковали, но ему хватило речей, чтобы убедить меня. Как думаешь, потерплю я второго обмана? И даже если вы все здесь окажетесь завязанными в узел после такого, ар-ро, я буду обманут дважды.

Рун понял. Для разбойника репутация того, кого сумели провести два раза к ряду будет означать крах. Авторитет, выстраиваемый год от года пошатнётся и вот-вот рухнет со своего пьедестала. Его будут бояться, как и прежде — кровожадность и звериную жестокость из него невозможно вытравить никаким позором. Но желающих провести его станет в разы больше. Не сам ли Старый Мяхар учил, что когда считаешь себя неуязвимым ко лжи — ты уже солгал самому себе?

— И как же выглядят твои гарантии, чтобы я мог здесь и прямо сейчас вытащить их из-за пазухи?

— Ар-ро, ну ты уж что-нибудь придумай, мажья срань. У тебя это неплохо получается, я уже видел.

— Тут! — прервал их разговор вдруг вклинившийся Бек, пальцем ткнув в вдруг открывшиеся просторы. Рун за спором с разбойником и заметить не успел, как могучие стволы деревьев всё чаще сменялись мелким кустарником, а теперь и вовсе они вышли к полям.

Трава всем смертям назло тянулась к солнцу, зеленела и жухла. Местами виднелись топкие, редкие проплешины. Тучи паразитов роящимся облаком кружили над полем в поисках хоть сколько-то съедобной добычи. Носок ботинка чародея коснулся мягкого — Рун едва не отскочил с визгом прочь, когда увидел, что наступил на крысу.

Грызун был мёртв как минимум с утра — жальники нещадно сосали кровь из почившей, звенели крыльями, сталкивали наземных соседей муражорцов прочь. По мнению крылатых, добыча могла принадлежать только им.

Если бы поле было живым, то оно бы выглядело уставшей, оставшейся без мужниной ласки девой. Здесь буквально всё стонало без крепкой руки сенокоса. Уныло раскачивались ветви одиноко растущей среди травы плакучницы, особняком торчали порастающие зеленью и вьюном булыжники.

— Там за сенокосом — Бабы Юбки будут! — Бек едва ли не задышался от волнения, когда говорил. Щёки мальчишки горели огнем, глаза — надеждой услужить мстительному чародею.

— Ой-е-е-ёй — затянул прежнюю песню Лий. Заика и до того всю дорогу вздыхал, будто его кто на привязи тащил за собой. За каждым кустом ему мерещился тот самый выдранок. Сейчас же он запричитал хуже прежнего.

Солнце жарило зло и беспощадно. Последний из Двадцати наделил себя привилегией чувствовать лёгкую, не колющую прохладу и сжалился над Читль. Тратить ману на других он посчитал излишним.

— Что это за тварь такая, этот выдранок? — Рун расспрашивал не зря. В прошлый раз он был ограничен во времени, чтобы выпрашивать подобное. Сейчас же было жизненно необходимо.

Чернь любила имена. Одно чудовище могло носить с десяток имён. Поговаривали, что будучи юной(уже смешно) и глупой(больше похоже на правду) Гитра носилась от одного края стены до другого с одной лишь целью — составить список тварей, обновить бестиарий. Её уши ласкали слухи о дивных чудящах, что готовы были терзать простой люд почём зря. Каталогизировать, присвоить категорию, поймать за хвост все имена, коими их кличут.

Мяхар не уставал забавляться, рассказывая, что воочию видел, как вместе с ней в путь пустился сам дух разочарования. И ежели у самого Шпиля, едва она сделала первый шаг, он едва ли был размером с горошину, то вернулась она уже с самым настоящим исполином.

Оборотень в глазах крестьян рос и креп с каждой новой надумкой, обрастая тысячью клыков и девятью хвостами. Они спешили обозвать обыденность чудовищ чем-то непостижимым. Неустанно рядили обычного призрака то в хрумку, то в аляльницу, а тои вовсе норовили обречь повитушкой.

Вестовые, обивавшие пороги Шпиля, были богаты на описания бесчинств, что сотворила в их селении бестия. Но словно малые дети терялись в попытках хотя бы пояснить, как выглядело то, чему они присвоили имя мутрянки.

— То же, что и всегда, ар-ро, — бесцеремонно вмешался в разговор Мик. — Бабы домислы, да сраные портки от шороха в ночи. У селюка над ухом пыль в кулаке потряси — так он весь обгадится.

Лий с великаном спорить не осмелился, а вот его более разговорчивый собрат имел наглость возражать.

— Да куда там! — мальчишка как будто весь взвился. Понять его было не сложно: дылда-приблуда его селение почём зря ругает, заведомо в трусы без разбору записывает! Тут уж свой страх показать — что его слова подтвердить! — Выдранок Туса однажды поймал, сожрал, а через неделю Тус-то вернулся — выплюнул его выдранок-то.

— Через неделю от него дерьма кусок мог разве что остаться, — огрызнулся головорез. — Если он им с самого начала и не был.

— И всё-таки... — настаивал чародей. Бек, широко раскрыв глаза и повернувшись к нему лицом, принялся рассказывать.

— Ну, выдранок — это чудь такая, как выдранка можно не знать, господин маг? — мальчишка спросил и тотчас же прикусил язык. Сомневаться в знаниях чародея уж точно было ему не с руки. Словно боясь сболтнуть еще чего лишнего, он закрыл рот руками.

Рун не обратил на детский укол никакого внимания.

— Дальше!

— Он такой... да мы ж его видали, Лий! — он ткнул товарища локтем в бок, тот многозначительно шмыгнул носом и предпочёл согласно кивнуть. — Лапища — во, что у коня, только ширше, толще. Чудь одним словом! Хвостнице, а изо рта второй. Двуххвостый, потому и выдранок, ага?

Он глянул Руну в глаза с такой надеждой, что признаваться в своей непонятливости чародею казалось просто стыдным.

— А ещё он такой — тякучий, что жуть!

— Текучий? — Рун нахмурился. На его памяти подобными эпитетами можно было одарить разве что чародея, принявшего форму воды. В голову Двадцатого закрадывались

подозрения, что мальчишка попросту нагло врёт, или представляет всё не так, как оно есть на самом деле.

Думать о том, что здесь буянит обезумевший и не пойманный, не обращённые в стелу лишней чародей ему даже не хотелось. Иначе Храпуны обратятся из тихого омота с придорожными чертями в клоаку сплошных бедствий.

— Ага! — подхватил Бек, часто закивав головой, решив, что его наконец понимают. — Сначала оно такое — вот прям У! Такое! А потом как будто раз — и что уж, только жирный, прям как Куд, ну тот, которого...

— О-о-он н-на, н-н-н-на-на зв-з-звер-ря пох-ож! — Лий едва справился с собственным языком.

— Ну точно! — товарищ заики хлопнул себя по лбу. — Зверь всяко разный. Как будто вот лошадь, а затем и бык, и змея, и курица! Мы его как увидели — жуть! Сразу дёру! Он-то у озера так и крутился, так нюхалом своим везде и совал!

— Ар-ро, брехня!

— Ничего не брехня! — Бек разве что не топнул ногой. От мальчишки за версту разило самым неистовым возмущением, на какое он был только способен. — Сам ты брехня!

— Я тебе глаза выдавлю, сопляк, и съем уши! — Мик выпрямился во весь свой могучий рост, нахмутив брови. Великан не желал давать спуску никому, кто смел сомневаться в его словах. Рун выскочил между ними двумя, на кончиках пальцев заплясали молнии — что можно было ими сделать тому, кого заклинания не пробивают? Парень не знал, но действовал по наитию.

— Т-т-ти-ти-тихо! — не без труда выдавил из себя Лий. И застыл на месте. В глазах мальчонки отразился неподдельный ужас. — В-в-в-вы слы-слы-ы-слышите?

Рун мгновенно обратился вслух, головорез тут же забыл о том, что мгновение назад препирался с мальчишкой. И секунды не минуло, как великан тут же встал в боевую стойку. Это правильно, одобрил его действия мастер Рубера. Из такой можно и встретить врага, тотчас же зажав его в захват, и отвесить оплеуху. Не то что ты, неуч!

Рун старался не слышать голоса в голове. Он перевёл едва начатое заклинание в фазу ожидания — надо будет лишь поставить точку, чтобы выплеснуть в лицо врага сноп молний. Червями с него падали бегунки, спеша в разные стороны — разведать, разнюхать, предупредить...

Ска разве что не крутила головой вокруг своей оси. В стеклянных очках стальной девы плясали бесята жёлтых огоньков — пыталась вычленить незванного гостя.

— Еганая муйня, ар-ро! — Мик долго ждать себя не заставил: в его лапище показался до безобразного крохотный нож. Рун не сомневался, что даже с этим малышом великан сумеет натворить тех ещё бед.

Разбойник весь обратился в натянутую струну, вдруг повисшее в воздухе напряжение, казалось, можно было резать кусками.

У юного чародея бешено колотилось сердце — пугала гнетущая, наступающая едва ли не на пятки неизвестность. Где-то внутри Последнего из Двадцати отчаянно и изо всех сил колотилась о грудную клетку надежда, что заика сейчас улыбнётся и скажет, что всё это была просто глупая, бестолковая шутка.

Не шутка.

Глаза Ска вспыхнули красным — засекла движение, тут же отчиталась.

— Существо. Четыре метра длиной, неопределённого веса. Не человек.

Последнее уточнение точно было лишним — на памяти Руна он ещё не встречал ни одного человека четырёх метров в длину.

— Точнее! — выкрикнул он, чувствуя, что теряет терпение и контроль над собой. Надо было успокоиться, взять себя в руки — разве он первый раз в подобной передрыге?

— Оно... текучее, — явись прямо сюда создатель Ска, наверняка бы подивился тому, что его создание способно на неуверенность. Неуверенность стальной девы оказалась страшна — диким червём она вгрызалась в души остальных, вытаскивая на свет неприглядность ужасов.

Страх нехотя покидал насиженные места. Пульсировал волнами в висках, учащал дыхание, делал движения смазанными, а будущие удары ватными. Словно из ниоткуда явился неестественно стелящийся туман.

Глава двенадцатая, часть вторая

Рун облизнул высохшие губы.

— Держаться вместе, не дёргаться!

Парень знал, что бесполезно — его послушают разве что Читль, да Ска...

Туман заволакивал всё вокруг себя. Ещё мгновение назад Рун мог поклясться, что видел вдалеке пёстрые крыши крестьянских хат, а сейчас вокруг не было почти ничего, кроме серости окружавшего дыма.

Земля противно скрипела под ногами — Рун вдруг понял, что непроизвольно пятится, шаг за шагом отдаляясь от остальных. Его будто манило прочь отсюда, а тело подчинялось чужому зову.

Ска, словно молния, оказалась рядом с ним в один прыжок, резко толкнула в сторону — розовый и толстый, полный слюны язык в тот же миг щёлкнул там, где мгновение назад стоял чародей.

Первым не выдержал Бек. Он всего на миг задержал взгляд на рухнувшем наземь маге — этого хватило, чтобы и без того зарождавшаяся в его душе паника взяла верх. Руну казалось, что мальчишка, только что осмелившийся бросить вызов великану останется верен своему мужеству куда больше сверстника — но там, где Лий попросту застыл от ужаса, Бек заметался, будто пойманная птица в силки. Нырнул прочь, когда Рун швырнул в него успокаивающее плетение. Заклинание прошло мимо — этот с виду неповоротливый поганец точно бы приглянулся Кианору. Рун выругался — то ли на собственный промах, то ли на зря потраченную ману. Не помня самого себя от накатившего ужаса, Бек бросился назад, в чащу леса, толкнул и опрокинул некстати оказавшуюся на пути Читль.

Следом за ним метнулся бегунок — Руну казалось, что теперь он слышит каждый шаг удирающего прочь мальчишки.

Нечто по ту сторону тумана издало ужасающий, полный торжества рёв — лишь зашелестела высокая трава под могучими лапами.

Их ушей через мгновение коснулся отчаянный вскрик — так пищит мышь при виде приготовившейся к прыжку кошки. Последовавшие хруст и чавканье убили всякую надежду. Лий, словно не веря в происходящее, сжался и зажмурился. Едва вставшая на ноги Читль попятилась прочь, чтобы споткнуться и вновь оказаться на земле.

Их обдало жаром чужого горячего дыхания и потоком ветра. Туман завихрился облачками, обращаясь клубами дыма, открывая очертания явившейся перед ними твари.

Бегунок отчаянно пискнул — но Рун уже похолодел, едва осознал, кто прятался за личиной выдранка.

Чудище было несуразным.

Текучим.

Переливающимся. Словно сейчас лошадь и бык, и змея, и курица...

Всё как расписывал Бек.

Несчастный теперь был окровавленным, разодранным в клочья куском мяса в вытянутой, шипастой пасти. Сквозь прореху в щеке выглядывал длинный, похожий на плеть язык. Разноцветная россыпь глаз была повсюду — с туловища на Руна взирал бисер паучьих очей. Большое, словно арбуз, полное слизи глазное яблоко, распахнувшее веки на булькающем, то сжимающемся, то вытягивающемся тулове не выпускала Мика из виду.

Читль и Ска приглянулись ногам — соседствуя с десятком крупных пышущих вонью сала пор расположились чёрные, ничего не выражающие точки.

Хвост чудовища мотало из стороны в сторону, словно он жил своей собственной жизнью. Из спины и передних лап росло ещё по хвосту — с мерзким хлюпаньем и оставляя после себя маслянистый след, они втягивались в тело. Брюхо исторгало из себя наружу плеяду ребёр, тут же пряча её под кожу.

Дух, исходящий от твари был тяжел и омерзителен. При каждом выдохе отовсюду, откуда только можно и нельзя валил горячий пар.

— Ар-ро, что это за тварь? — Мик выронил из своих рук нож и даже не подумал подбирать его. Словно Рун парой мгновений назад он пятился. Не от липкого ужаса, а от вдруг проснувшейся где-то в глубине души неуверенности. Юному чародею почти казалось, будто ещё мгновение — и он сможет увидеть отчаяние, притаившиеся у головореза за спиной. — Мажий потрох, что... это... за тварь?

Безумка. У Руна пересохло в горле, язык онемел, сделался непослушным. Следовало догадаться, что расплескавший содержимое своего брюха разбившийся о воду ночежар привлечёт внимание какой-нибудь твари вроде неё. Следовало вдуматься в то, как описывал этого "выдранка" тогда ещё живой мальчишка. Следовало...

Мик быстро устал от бездействия. Разбойник смахнул с себя оцепенение, отринул его прочь. Качнул головой, будто прогоняя весь наскочивший на него ужас. Первый его шаг был осторожным, второй — полным мужества. Великан метнулся на чудовище.

Бежать?

Бегство было незнакомо Мику с самого рождения. Сейчас Рун готов был отдать голову на отсечение, что головорез не просто сбежал с саффиритовых шахт, а пробил себе кровавый путь к свободе.

Бежать, спросил самого себя Рун?

От безумки не убежать — она догонит их, словно мелких крысят. Она поймает его за хвост, что останется следом от заклинаний. Нет хуже твари для любого чародея, чем явившаяся из ниоткуда безумка.

Мик врезался в чудовище, будто кузнечный молот. Натруженные, огромные руки великана месили податливую плоть, словно тесто.

Тщетно. Руки головореза тотчас же увязли, поросли кожей бестии — тварь затягивала его в себя, собираясь пожрать не разевая пасти. Мик отчаянно и зло заревел, что задрожали верхушки деревьев.

Один из хвостов плетью ударил по рукам Ска, выбивая готовый к выстрелу малурит. Выдранок запрокинул голову, лязгнув пастью, заглотив жалкие останки Бека; лапой поддел метнувшуюся в сторону Читль. Мохнатая, изгибающаяся и не ведающая покоя конечность порастала шерстью и когтями.

Виранка отчаянно взвизгнула, закрываясь руками.

Молния метнулась к безумке, очертила полосу прямо у нее перед носом, врезалась в ближайшее дерево. То треснуло с чудовищным хрустом, мгновенно обуглилось, пылью посыпалась наземь тлеющая прямо в воздухе листва.

Запах маны заставил "выдранка" взбеситься. Монстр тот же час обратил внимание на заклинателя, потеряв всякий интерес к беспомощной рабыне. Мика он тащил за собой — увязший руками в чреве разбойник зло сверкал глазами и работал ногами, упирался в тщетных попытках высвободиться.

На его плечи то и дело опускались полные шипов отростки. Язык, едва показавшись из дырявой пасти хлестнул разбойника по спине. Каскад кривых клыков, что выросли из языка, прочертил багровые, рваные полосы — Мик дёрнулся от боли и закатил глаза, пал на колени.

— Ну, давай, сюда! Ты же хочешь! — Рун разве что не плясал у безумки перед носом. Тварь внюхивалась — острый запах свежей маны заставил её тотчас же забыть обо всём другом. Из-за застрявшего в ней великана, безумка из ловкой бестии обратилась в несуразного, неповоротливого бегемота. Морда вытягивалась и сокращалась, принимая причудливые формы, отращивая на месте носа клюв и тотчас же вновь превращая его в излишне плоскую пасть.

Рун сотворил ещё одно заклинание, швырнул его прямо под нос противнику — и вот тогда-то безумка сошла с ума окончательно.

Она выплюнула мешающегося ей разбойника — руки несчастного теперь больше походили на окровавленные культы. Устрашающе и жутко торчали в разные стороны скрюченные кости пальцев — тварь успела обглодать головореза.

Топча, словно слон, безумка бросилась к чародею. Он отскочил в сторону, ударил под собой магическим импульсом — тварь получила лишь обидный щелчок по носу, но не самого чародея. Словно птица он заскочил на ближайшее дерево, с него спланировал на торчащий из под травы пологий булыжник — безумка следовала за ним по пятам. Будто разом лишившись костей, она змеёй обвилась вокруг дерева, бросила всю себя следом за Двадцатым.

Заклинаниями её не победить. Только болью, только изнутри, только несварением. Оказаться настолько мерзкой пищей, чтобы отравилась, отпрыгнула прочь, издохла от яда.

Мастер Рубера явился ученику на помощь. Вопреки старому Мяхару не стал являться призраком и читать нотации у костра. Рун вдруг ощутил, как старые, полузабытые уроки всплывают в его памяти вновь.

Словно пух, он приземлился наземь за спиной чудовища, опрокинул в траву разбойника, спас от очередного удара. Лий, вдруг пришедший в себя и осознавший скорую незавидную участь не успел сделать и шага — заклинание окружило его со всех сторон, заключило в кокон — будто подкошенный, он завалился и громко зарыдал.

Не в силах справиться с своими ногами, так и не встав, сидя пятилась Читль. Ска успела прикрыть её собой — пресловутый клыкастый язык скользнул по телу механической куклы, утащил с собой кусок кожмита. На солнце сверкнуло стальное нутро автомата.

Рун схватил растущую траву в охапку, зачерпнул свободной рукой песок под ногами. Тварь взвизгнула, отскочила прочь, когда по её шкуре прошли огненные цепи, попятилась, чтобы тотчас же попасть в пылевое облако. Песчаная пыль легко забивалась чудищу в лёгкие, глаза, в жирные поры кожи — где тотчас же взрывалась. Несуразное тело бестии выгнулось и содрогнулось — его разве что не разрывало изнутри.

Они любят ману, говорил мастер Рубера: единственный чародей, что за свой немалый век встречался с добрым десятком этих тварей. Ману, волшбу, иногда даже едят направленные напрямую на них заклинания. Но вот меньше всего эти паршивцы любят боль во всех её проявлениях. Её, пояснял он, они тоже "едят".

Безумка была несуразна, изменчива и непостоянна, как сами чародеи. Плюхнувшийся в озеро ночежар превратил его для бестии в вкусное подслащённое молоко. А раздавивший по утру ком сухой маны Рун этим разве что не крикнул ей в ухо, что на стол накрыто.

Чудище дурело от одного только запаха высвобожденной, обращённой в заклинания маны. Многочисленные, всех форм и размеров глаза, то открывающиеся, то исчезающие по всему телу, теперь были целиком и полностью прикованы к тому, кто провонял ей с головы до пят.

Тварь вдыхала чудесный аромат прекрасного жорева. Внутри бурлил постоянный, не исчезающий, неутолимый голод. словно обзлётный на весь мир хозяин он терзал её изнутри.

Добычи было немало. Маленькие, проворные, злые — делали больно. От самого большого пахло дрянью. Первый, кто не испугался, кого не удалось заставить бежать. Теперь же он валялся всей своей мерзкой тушей на земле. Его следовало поглотить — даже если не вкусно, нельзя не поглощать. Но было тут ведь и другое...

Ча-ро-дей...

Она метнулась к нему, словно молния. Пасть вытягивалась, тая тщетные надежды ухватить до безобразного юркую добычу. Вкусный менял облики, словно она сама, но если образ безумки рисовал голод, то вкусный менялся как хотел. Он уходил прочь, едва ей стоило прижать его лапами. Когда клыки зудяще прорезались сквозь кожу, когда очередная опухоль раскрывалась слюнявой пастью на хвосте, языке, отростке конечности — он успевал извернуться.

Злое.

Нехорошее...

Вкусное...

Поймать, разорвать, насытить — себя и голод, по отдельности. Язык, что хвост, плетью лупил воздух там, где он стоял мгновение назад. Мерзкий и противный, он вытаскивал из недр себя, становился менее вкусным с каждым ударом. Из сумки неожиданностей он всякий раз вытаскивал очередную гадость — как тот, от которого она бежала много лет назад. Он обращал её слюну в кислоту, заставлял едва показавшиеся отростки резцов вновь вонзаться в нёбо. Во ртах не раз и не два всё взрывалось липким, тягучим фонтаном крови. Лужи под лапами и грязь норовили обратиться жарким, беспощадно жалящим огнём. Молнии кусали злыми осами, сотрясая, роняя и делая тело непослушным, подвластным лишь ей.

Королеве боли.

Хотелось выть.

Не выть — рвать. Плоть откликалась на каждый удар, прорастивая там, где мгновение назад была лишь мягкость жира упругость мышц. Под мехом шершавая кожа становилась твёрже — раз от раза принимая на себя жуткие удары.

Так всегда. Сопротивляются отчаянно и самозабвенно. Это плохо, потому что когда выдохнутся — из них уходит весь нектар. Их всё одно ещё приятно рвать, кусать, вслушиваться в отчаянные визги.

Но уже не так сладко.

Этот вкусный был слаб почти с самого начала. Голову дурманили представления о том, сколь бы желанен он был на пике своих возможностей. На их стороне лишь ловкость и выдумка, но всё это слабеет на фоне того, на что способен истинный голод!

Безумка вдруг выгнулась дугой, метнулась к Руну, обманно вильнула в сторону, хлестнула его по ноге — та тотчас же взорвалась болью. В плечо врезался отросток свежего, длинного как вервие хвоста — охранок мигом отразил удар. Парень пустил всюду бегунков

— словно вороны они спешили прочь. Забирались на деревья, прятались в норы, выглядывали из-за булыжников. Эта тварь, учил его Рубера с самого детства, видит не парой глаз, а тысячей. Она смотрит на тебя отовсюду, видит две сотни уязвимостей и ещё одну сверху. Будь ей подобен, смотри отовсюду. Снизу, сверху, из клинка...

Она чувствует запах твоего пота. Ты можешь заставить тело не потеть и не дышать, можешь даже попытаться приказать ему не пахнуть — заклинание, одно, другое, третье: ей будет всё равно. Имея тысячу носов она вызнает каждую твою слабость. Тело выдаст тебя с потрохами, расскажет — ты устал? Ты выдохся? Ты боишься? Насколько сильно последний удар вьелся в тебя, чтобы сделать слабым?

Будь выше этого. Меняйся, сведи с ума безумку. Вода пахнет водой, моча — мочой, вино — сладким дурманом. Жидкий, текучий, непостоянный — ведь она же точно такая.

Тебе не помогут ни скорость, ни сила. Когда стискиваешь в руке клинок, голову посещают безобразные мысли. О том, чтобы быть сильнее, о том, чтобы быть быстрее. Но с безумкой не соревнуются — она нарастит мышцы там, где мгновение назад была слаба. Она покрывает себя панцирем там, где секундой до того была уязвима. Единственное же, что она не способна отрастить — холодный, расчётливый ум! Обмани бестию, сыграй нечестно — и тогда...

Спотыкаясь о собственные стремления, спеша на поле брани, мчался старый Мяхар. Шальным призраком он спешил свергнуть власть собрата по Шпилю в голове своего ученика — если уж кто и разбирался в обмане, так никого лучше него здесь точно не сыскать!

И должен же он, в конце концов, прихлопнуть хоть одну из этих бестий — ну и что, что не своими руками и только лишь после смерти? Оно тоже считается!

Мана уходила из Руна, как песок сквозь пальцы — но он думал об этом в последнюю очередь. Экономить — сейчас? Нет участи более глупее...

Заклинание за заклинанием, он источал из себя одно плетение за другим. Лий, ткнувшийся носом в землю в своём коконе пропускал самое интересное: тучи над их головой сменили белесые барашки облачков. Туман, что так густо укрывал собой землю лопался, едва ли не горел от нестерпимого жара, что срывался с ладоней Последнего из Двадцати. Рун норовил обратить в оружие всё, чего только касался — камни осколками пронзали неподатливую плоть чудовища насквозь. Трава твердела прямо на глазах, клинками испарывая брюхо чудовища — вместо неприглядных потрохов наземь валились нечистоты. Рун молил только об одном: не увидеть среди этой нечисти останки Бека. Иначе его вывернет, а он потеряет концентрацию — и тогда его магический раж тотчас же сойдёт на нет.

Муражорцы сплетались с жальниками воедино — подвластные чужой воле они разрастались до небывалых размеров, обращаясь в чудовищных на один только вид тварей. Те нещадно вгрызались в безумку: Рун не забыл наделить несчастных неутолимимым голодом. Сам же чародей прыгал из одного облика в другой. Кроторысью он с когтями бросился на бестию; обман пошёл точно так, как он и планировал — безумка тотчас же закрылась тем, что можно было бы принять за лапы. Из гигантской кошки он плавно обратился в многохвостого лиса, вцепился аккуратными когтями в спину чудовища, едва удержался, когда безумка начала бросаться из стороны в сторону в тщетных надеждах скинуть непрошенного гостя. Он заставил собственное тело лопнуть, словно раздувшийся болотный пузырь. Наружу повалила россыпь мелких, кровожадных жуков. Они облепили безумку со всех сторон — та взвыла, когда их крохотные жвала впились в неё. Ополоумевшая, жалимая со всех сторон, она теперь не видела, не слышала, не чуяла.

Была только боль...

Когда всё закончилось, Рун чувал себя выжатым, будто половая тряпка. Он спрашивал самого себя — это его лимит? Способен ли он вырвать из себя какой-нибудь ещё безумный фокус или иссяк?

Глава двенадцатая, часть третья

Безумка вытянулась в струну. Часть её несуразного тела обвилась вокруг булыжника — плоть, что тряпка, свисала с него лоскутами окровавленных отростков. Жизнь уходила из чудовища медленно, не торопясь — парень до сих пор видел, как от тяжкого дыхания вздымается то, что можно было бы назвать боками. Многочисленные пасти изрыгали из себя нечистоты — чёрными сгустками грязи они валились наземь, под самые ноги юного чародея и тут же обращались в мерзкого вида лужи. Стоны поверженного "выдранка" можно было принять за плач ребёнка — они были столь же протяжны, надрывисты и оглушающи.

Червями змеились хвосты, втягиваясь в теперь уже умирающее тулово, чтобы вылезти там, где мгновения назад было ухо или глаз — безумка тщетно пыталась скрыться от потоков неистовой боли. Но они терзали её повсюду. Муражорцы, коих Рун скрестил с жальниками доделывали свою работу: хищник, сам ставший добычей для них давно перестал быть новостью. Они жрали безумку самозабвенно и беспощадно.

Рун взирал на скорчившееся нечто с мало скрываемым отвращением, но ему хотелось смеяться. Когда он вернётся в Шпиль — поверят ли ему, что он собственноручно расправился с безумкой? Будь бы сейчас жив мастер Рубера, а не звучи всего лишь гласом безумия в голове юного чародея, он наверняка бы гордился Руном.

Парню отчаянно хотелось, чтобы им гордились. Жаль, отметил внутри него едкий сарказм, что местная чернь сейчас настолько счастлива, что никогда не заметит его подвига. А у собратьев в Шпиле, должно быть, хватает и своих пробоем — с распоясавшимися виранцами, с тучей бестий, что после осквернения Шпиля начали вылезать из всех щелей...

Виска тогда была права, подметил Последний из Двадцати. Отныне и навеки давно привычный ему мир в корне изменился. Надо будет, пообещал он сам себе, написать ей письмо. Сразу же, как только всё это закончится и...

Медленно, целиком и полностью доверяясь надёжности смерти, он посмотрел на тех, кто пережил только что творившийся ад.

Лий валялся на земле и разрыдался сразу же, едва сдерживавший его кокон лопнул. Рун упрекнул себя в том, что наверняка слишком рано даровал ему свободу — если заика сейчас вскочет на ноги и задаст стрекача, сможет ли он поймать его вновь и удержать от нелепости бестолковых поступков?

К счастью, мальчишка бежать не торопился. Встал на четвереньки, подполз к кровавой каше, что накапала от Бека из безумки, заскулил побитым псом. В юном чародее зародилось беспокойство — как бы паренёк не обезумел, ему ведь теперь им дальше дорогу показывать в одиночку...

Ска осматривала хозяина издалека, заметила пару неопасных царапин и синяков. Читль, с потерянным видом, норовила спрятаться за спиной Последнего из Двадцати — и когда только так ловко подобраться сумела. И эта то робкая девица была командиром виранцев?

Рун вдруг понял, что не обращал на это внимание раньше — но у его рабыни в самом деле были татуировки лишь рабыни. Вряд ли бы кто-то из высшерождённых позволил бы сотворить с собой что-то подобное.

Либо Мик отчаянно и бесповоротно врал, либо...

— Ар-ро, чтоб вас всех. Кучья бычь! — разбойник встряхивал повреждённые руки, словно от охватившей их боли можно было избавиться столь странным способом. Повинуясь

странностям Мика, они вновь обросли мясом, хрустели восстанавливаемые кости. Новая кожа расплзлась по телу разбойника не хуже, чем пресловутый кожмит.

— Ар-ро, парень... сопляк. У тебя есть яйца, ар-ро... Чтоб вас всех... — Рун чуял, что смог впечатлить даже головореза. Разбойник подошёл к несуразным останкам безумки, отвесил им пинка, смачно плюнул на грязную, бледнеющую плоть. Язык Мика складывал чудные по своей составляющей ругательства — разбойник явно не знал меры в словах.

Рун выдохнул, вытер влажные ладони рук о штаны. Его донимал пот — крупными каплями он катился по лицу, попадал на губы и глаза. Мерзко липла вымокшая насквозь рубаха.

С победой его поздравлял мастер Рубера — сдержанно и в своём духе. Даже исполнивший едва ли не чудо Рун, по его мнению, всё равно допустил две, если не три сотни ошибок. Мы, ухмылялся призрак в его голове, обязательно и тщательно разберём каждую из них, стоит лишь твоей голове коснуться подушки, дождись только вечера...

Парень в умениях учителя читать нотации — даже после смерти, даже будучи лишь именованным бессознательным голосом! — нисколько не сомневался, но позволил себя усталый вздох.

Надо было идти дальше. Здравый смысл противился — для чего? Почему? Ты вызнал у Мика, куда идти дальше, так в чём же проблема? Отдай ему Читль, разойдись миром — хотя бы с ним, хотя бы сейчас! Зачем тебе вмешиваться в дела счастливицы?

Затем и потому что. Рун не нашёл внутри себя каких-то иных причин. Ждал, что его поддержат учителя — тщетно. Счастливица выпустила их из своих объятий, позволила уйти — чего же тебе ещё надо, парень?

Безумка вдруг вздрогнула — Мик, что неустанно покрывал её одним ударом за другим запоздало всполошился.

Рун же успел подумать, что он сам — идиот.

Остальные не успели даже этого...

***

Рун вспорол покрывало тьмы вокруг себя светляком на ладони. Светляк получился так себе — нервный, дёрганный и своевольный. Его качало из стороны в сторону, а сам он норовил выскочить из рук чародея и убраться восвояси.

Последний из Двадцати не желал в это верить, но, кажется, хорошо его понимал. Он и сам был бы рад сейчас оказаться где угодно — лишь бы не здесь. Звуки тонули в небытии. Парень кашлянул, но ничего не услышал. Нечаянно брошенное им ругательство растворилось во мраке, так и не коснувшись ушей. В ноздри бил отчаянный запах слежавшейся пыли и сладковатая вонь подгнивших фруктов. Рун ощутил, что его мутит, сделал осторожный шаг, за ним следующий...

Безумки не спроста носят своё имя, занудствовал и умничал мастер Рубера. Вопреки желанию тишины, парень и не думал велеть ему заткнуться. Пусть ругает — сейчас заслужил.

Когда-то давно эти твари носили совершенно иное имя и служили совершенно иным целям. Для чего и зачем их породили Древние не знали даже помешанные на изучении технологий предтеч Виранцы. Знали разве только то, что эти твари есть, что мана для них как яворный мятник для кошек. Манит, привлекает, сводит с ума.

За стеной с чародеями туго. И чтобы там не рассказывал Чавьер о могуществе той, что сумела подарить ему жизнь, Рун знал наверняка — это исключение из правил. Виранцы получили в дар от своих богов натуру, позволяющую держать во власти и контролировать собственный народ под единым началом, но когда Архи отсыпали чародейство — их обошли стороной. Матриарх рассказывала об этом с упоением — магическое бессилие соседей действовало на неё словно бальзам. Поначалу Рун думал, что ей нравилось чувствовать своё могущество, когда расфуфыренные и важные, они едва ли не на коленях приползали к ней за помощью и были готовы расплатиться едва ли ни чем угодно.

Например Ска.

Рун качнул головой, прогоняя наваждение — думать сейчас об этом не было никакого желания. А вот стенания мастера фехтования были как раз под стать...

Не удивительно, что Мик за свою жизнь не встретил ни одной подобной бестии. И под защитой стены-то они являлись чем-то из ряда вон выходящим. Шли в те места, где есть хоть какой-то намёк на чародейство. Убивать их сложно, хотя, если явиться с абсолютным запасом маны, обвешаться охранками и не зевать — справиться можно. Главное, улыбался Рубера, это не убить чудовище.

Главное за ним подчистить...

Безумка выплеснула наружу, после смерти, будто яд, содержимое своего желудка.

Во что может превратиться переваренная мана?

Воображение терялось в догадках. Рубера рассказывал, что он учился чародейству задолго до того, как стал одним из Двадцати. Первая убитая им безумка превратила чашу в проклятое болото. Он говорил об этом лишь однажды и больше никогда не упоминал — не любил рассказывать о ошибках юности. Теперь же точно такую же ошибку совершил Рун.

Надо было собрать остатки сил и экранировать зону, сжать возможный чародейский выплеск, замедлить выброс маны, обратив его из одновременного в многочисленный, если не периодический. У местных крестьян бы рождались двухголовые коровы, а кабанысы, возможно, научились бы ходить на двух ногах — но это точно было бы меньшим из зол.

А теперь было то, что было.

Мастер Рубера дивился тому, что Рун совершенно не обучаем. Что он вложил в своего ученика едва ли не больше сил, чем в собственный меч, а что выросло по итогу? Нечто, гораздое скакать на граблях его собственной юности? Доходя до крайности, Рубера готов был обозначить Руна как свою самую главную ошибку в жизни.

Выбраться, говорил самому себе парень, главное выбраться из этого марева абсолютного ничего. Знал бы он, что охота за Миком — жертвой, что сама бежала ему в руки, обернётся чем-то подобным — и он обошёл бы Храпуны третьей дорогой. Сказал бы самому себе, что есть кучи дерьма, в которые не стоит прыгать — можно не раздавить его, расплескав по округе, а оказаться в нём по самый пояс, если не глубже.

Сравнение смердило нужником. Парень вновь отрицательно покачал головой. Маны в запасе осталось чуть меньше, чем хотелось бы — и кто теперь знает, что здесь будет твориться?

Он насторожился сразу же, едва его ушей коснулся хруст. Звук! Рун обрадовался, словно мальчишка — это был первый звук с того самого момента, как он тут оказался!

Светляк выхватил под ногами очертания — трава обратилась в безобразное, ломкое стекло. Оно хрустело под ногами, источая из себя синюю, липкую будто кровь жижу. Жижа тотчас же норвила стечь в единую лужу, словно тянулась друг к дружке. Рун облизнул

высохшие губы — впервые за долгие годы он ощущал себя неотёсанным крестьянином среди загадок Шпиля. Ему вспомнилось, как явившиеся просить помощи немые вестовые радовались ковриге хлеба и глотку молока, как во все глаза следили за фокусами, что сходят с рук чародеев. Их пугало всё и сразу — потехи ради Кианор тратил ману на пустяки, обращая вшу с бороды крестьянина в огромных размеров чудовище и тут же возвращая ей прежние размеры. Вестовые не щадя глаз смотрели на проекции карт, что возникали перед чародеями едва ли не по щелчку пальца — словно в тщетной надежде наглядеться впрок.

Теперь Рун примерил их шкуру на себе. С бульжников свисали многоступенчатые черви. Ребристые, они извивались тысячью хвостов, беззвучно шамкали беззубые пасти. Небо обратилось в кроваво-красный комок, который заволокло чёрными тучами.

Из-под земли росли телеги. Или то, что было на них очень похоже. Тянулись к мгле, разрывая белую, что снег землю, торчали колёса на безобразно изогнутой оси. Кое где проступали обгрызенные борта — над ними кружила мелкая, зловонная мошкара с светящимися бусинками глаз. Окажись здесь и сейчас простой крестьянин — наверняка бы свихнулся.

Парень вдруг споткнулся, ухнул, мешком повалился наземь. В его ногу что-то вцепилось — по всему телу пробежал мороз от прикосновения холодных, липких пальцев.

Парень ударил импульсом наотмашь — в лицо тотчас же брызнуло тёплым и мерзким. Хватка ослабилась, но отрубленная чужая рука осталась на ноге, словно вцепившийся паук. Ушей коснулся запоздалый, похожий на детский плач скулёж.

Рун спешно поднимался на ноги, ругая себя за безрассудность — как можно было забыть о том, что с заклинаниями здесь следует быть поосторожней? Под ним отчаянно хрустело стекло бывшей травы, пальцы и ноги вязли, если не утопали в грязи. Едва парень поднялся, как тут же отскочил прочь. Выругал самого себя за мгновение охватившей его паники — она заставила его сотворить ещё один охранок поверх тех, что уже были. Юный чародей тотчас же сплёл ещё один светляк, на замену погасшему, смахнул с себя чужую конечность — та хлюпающе булькнула в лужу.

Свет выхватил её фигурку из окружающей мглы — глаза вылавливали знакомые очертания.

Скорчившаяся от боли она как никогда раньше походила на ребёнка. У Руна сердце ухнуло вниз — разум верещал на все лады, чтобы он не верил, но глаза говорили об обратном.

Виска баюкала обрубленную культю руки, её красивое лицо исказила гримаса боли, из глаз брызнули слёзы.

Парень стоял опешив, не зная что делать дальше. Мир мглы, что окружал его, играл с ним, обращал тени в самые жутчайшие кошмары. Тускло и блекло мерцал светляк, угрожая погаснуть в любой момент.

Виска вдруг вздрогнула, будто нечто неестественное разрывало её изнутри. Рун, было собиравшийся подойти к ней ближе прищурился — в ноздри ударила мерзкая, трупная вонь. На место отрубленной руки у Виски выросла новая — маленькая, несуразная, с блестящей кожей и когтями.

Крысиная.

Волшебницу рвало. Словно до сего момента она держалась из последних сил, а теперь

потеряла над собой контроль. Звонко, словно гром, затрещали швы разрываемой одежды — длинный, словно плеть хвост вырвался наружу. Виска подалась вперёд — с детства знакомое лицо вытянулось, покрываясь мерзкой серой шерстью. Глаза, полные боли и отчаяния заплывали чёрной жижей, обращались в бусинки. Сквозь растрепанные пряди волос, что клоками осыпались с головы чародейки, проступили круглые, неприглядные уши.

Рун завизжал как никогда в жизни. Страх родом из самого детства будто взорвался у него в голове, забрызгал собой всё, выдавил прочь все остальные мысли.

Она шагала к нему нелепо и неспешно — каждый шаг давался ей с огромным трудом. Ей было тяжело держаться на двух ногах — всё естество заставляло её пасть на четыре лапы. Будто прося помощи, она тянулась к юному чародею. Двигались длинные, противные усы, из глотки вместо крика неся отчаянный писк.

Так быть не должно!

Не должно, не должно, не должно!

Рун отчаянно пытался взять себя в руки — тщетно: ужас терзал его, не давал покоя, заставил по-детски закрыться руками. Он рад был бы зажмуриться, но всё тело онемело, стало разом непослушным.

Разламывая скорлупу ужаса, сквозь него пробиралось безумие. До умильного крохотное, оно улыбалось, взирая на будущую жертву — оно точно найдёт чем заняться в сознании юного чародея.

Найдётся ли в будущем тот, кто сможет остановить обезумевшего Двадцатого?

Рун не знал и не хотел знать. Страх оказался сильнее, всё глубже и глубже погружая его в пучины собственного отчаяния.

Крысиная Виска была повсюду. Не нападая, она приближалась — до бесконечного долго. Безумие порождало в воспалённом разуме ещё более жуткие вопросы — что, если не она шагает медленно, просто она невероятно далека и невероятно огромна? Рун взглянул — новый страх заставил его увидеть, будто тварь становятся всё больше и больше с каждым шагом. Это не она крыса — вторило безумие. Это ты — маленькая, крохотная, никчёмная крыска. Серая шерсть тотчас же проступила сквозь кожу юного чародея и...

Ска выскочила из небытия. Облако мглы, что скрывало её в себе разорвалось, рассыпалось в клочья. Механическая кукла сверкнула блеском жёлтых глаз, мазнула взглядом по чародею, тут же закрыла его собой. Крысиная Виска была недовольна. Неторопливая всего мгновением назад, она тотчас же будто взбеленилась. Размахивая крохотными кулачками лап, обнажила блестящие от слюны резцы, грозно оскалилась. Из глотки обращённой чародейки лился возмущённый писк — даже в таком облики Виска не желала, чтобы нашёлся хоть кто-то, кто смог бы встать между ними.

Окончательно припав на передние лапы, теряя последние остатки человечности, она тут же принялась, заводила вокруг себя розовой точкой носа.

Ска не ведала ужасов — ни тех, что можно увидеть, ни тех, что можно лишь представить. Словно вихрь, она обрушилась на чудовище перед ней. Рун смотрел — kloкочущий чан сумасшествия заставлял его смотреть не отводя глаз. Стальная дева тотчас же оказалась рядом с гигантской крысой.

— Нет! — успел выдавить из себя юный чародей, выставивший перед собой руку в тщетных надеждах остановить свою службу. Что будет дальше он знал: Ска увидела в обращённой Виске угрозу, опасность для хозяина. Быть слишком угрожающим рядом с Руном — всё равно что подписать себе смертный разговор. Бывшая чародейка тоже не

желала сдаваться без боя, пересилив саму себя, она поднялась на задние лапы, высоко задрала морду и запищала. Для автоматона это ничего не значило. Ска размашисто рубанула ладонью наотмашь — вставшая на дыбы Виска тотчас же получила в подарок красивую, рассёкшую плоть линию. Из разверстого тулова повалились неприглядного вида потроха. Автоматон не останавливалась на достигнутом: стальной хваткой вцепилась в горло, подняла обращённую над собой. Рун ждал, что даже в своём новом облике его подруга сотворит с десятков заклинаний, обложит себя охранками, затянет свежую рану, будто её никогда и не было.

Тщетно. Виска в рука механической куклы была словно залежавшийся мешок картошки...

— Ска, остановись!

Но было слишком поздно. Слова чародея будто тонули во мгле, послышавшийся же хруст костей казался бесконечно звучащей в ушах канонадой. Виска скорчилась на земле, будто испорченная кукла. В её новом, крысином облике глаз всё равно выхватывал родные для чародея очертания.

Глава двенадцатая, часть четвёртая

— Что ты наделала? — Рун сам не понял, когда успел вскочить на ноги. Те, впрочем, продержались недолго: поддаваясь охватившему чародея с ног до головы бессилию, он рухнул перед телом на колени. На его глазах оно обретало прежние очертания. Когда-то он слышал, что смерть нещадно уродует всякого, кто попал в её жадные объятия. А теперь он видел наоборот — бывшая гигантской крысой девчонка с каждым мгновением становилась меньше, тоньше, краше.

— Что ты наделала?! — по щекам Последнего из Двадцати крупными каплями катились горькие слёзы. Маны, её остатки, норовили вот-вот обрушиться на Ска ураганным огнём. Словно не помня самого себя от вдруг навалившегося горя, парень коснулся перстня-активатора. Сейчас, говорил он самому себе, сейчас я сорву эту треклятую побрякушку, вышвырну её прочь, вот только...

— Самоуничтожься! — выкрикнул он на возвышающуюся над ним стальную деву. Ска смотрела на его истерику спокойно и ни о чём не сожалела.

— Это же была она... Виска! — словно ещё на что-то надеясь, он начал тормозить покойную — та была совершенно безучастна к его скорби. — Сгинь, пропади, исчезни! Взорвись, слышишь?

Парень накинудся на Ска с кулаками, словно дряной мальчишка. — Это была Виска... Мы с ней... ночью. А ты нас тогда поймала... Ты всегда её ненавидела, ты...

Его щёку тут же обожгло ударом. Ска била наотмашь, тыльной стороной ладони. У парня чуть было не вылетели зубы, застонала челюсть. Он смотрел на механическую служку так, как не смотрел никогда. В праведный гнев вмешался иной вопрос — что она себе позволяет?!

— Ты...

Она ударила его вновь, на этот раз чуть сильнее. Рун повалился наземь. Захрустела трава под ладонями, руки заливала синяя жижа. Качнув головой, стгоняя с себя наваждение, юный чародей взвился, будто факел.

Ска схватила его за шиворот, подтянула к себе. Третий удар был слабее, но юный чародей повис в хватке механической куклы. Словно нашкодившего котёнка, не размениваясь на слова, она ткнула его в изувеченную тушку Виски.

Та уменьшалась с каждым мгновением. При жизни она была ниже юного чародея на целую голову, но сейчас она сначала усохла до размеров ребёнка, затем и младенца. Теперь уже разум говорил, что следует поверить увиденному, а глаза отказывались принимать. Сквозь бледную кожу покойницы вновь проступила шерсть. Исчезнувший хвост вновь вытянулся мерзким красным шнуром, вытянулась морда.

Перед Руном теперь лежала та самая крыса, которую он видел, едва они вышли на поле. Впалые, раздутые после смерти бока, облезшая шкура, покрытые коркой грязи струпья ран.

Его начало тошнить. Безумие, что должно было восторжествовать, взвыло от безнадёги. Стальная кукла прижала к себе хозяйина, будто в объятия, на взмокшие от жары волосы чародея опустила её ладонь.

Близость верной автоматона гнала прочь сумасшествие. Её умение быть рядом и закрыть собой вновь приняли на себя удар. Рун ощутил сначала стыд, затем злость — почему только он столь легко поддаётся во власть любого морока? Если так легко одурачить одного

из Двадцати — так ли они могущественны, как говорят?

Он отстранился от её объятий не сразу, лишь спустя минуту. Ска не держала его — он был волен, как никогда.

— Ска, я... — слова оправдания не спешили лечь ему на язык. Он посмотрел в её ставшее безучастным лицо и осознал — уже в который раз! — что ей ни к чему его оправдания. Она просто принимает его со всеми ошибками и недостатками.

подавившись словами извинений, парень закашлялся. Лишь прочистив горло, спросил.

— А остальные? Ты нашла остальных?

— Нет, господин, — в её голосе не было ни намёка на сожаление о упущении. Впрочем, упрекнуть автоматона не в чем — он для неё важнее всех остальных. Её каменный взгляд будто так и спрашивал — разве нам нужен кто-то ещё?

Нужен, отвечал юный чародей. Не ей — себе.

Нужен Лий — теперь он был единственным, кто знал дорогу к озеру. Найти его самостоятельно можно — вряд ли в округе их много, но сколько на это уйдёт времени?

Нужна была Читль — виранка, бывший офицер, если верить словам Мика. Что, если её рассказы о поисках — не рассказы, а после удара по голове главенствующей стала чужая память? Кто их знает, этих виранцев, что у них творится под котелком?

Нужен был, в конце концов, Мик.

Парень долго не желал с этим соглашаться. Кто бы мог подумать, что разбойник, коего он собирался обратить в бульжник, может оказаться умней и хитрей? Кто знает, сколько ещё он знает? И какую игру ведёт сейчас?

Вопросы, обрядившись в платья горничных, ворвались в его разум. Поганой метлой они гнали прочь остатки обосновавшегося здесь безумия, словно коршуны готовы были разорвать последние остатки сомнений и даже призраки учителей заставили поднять ноги.

— Виранка южнее отсюда. — Не дожидаясь, когда он потребует искать остальных, доложила Ска.

— Читль? Южнее? Что значит — южнее? — парень спросил и тут же хлопнул себя по лбу. Ну да, как же можно было забыть о том, что в поле безумия из переваренной маны есть понятия направлений, но нет чего-то, что можно было принять за расстояние. Это может быть как одна ли, так и тысяча. Выбраться из подобной западни — уже удача. Выбраться в здравом рассудке — едва ли не чудо. Не потому ли мастера Рубера звали чудотворцем? Сколько же раз учитель фехтования попадал в нечто подобное? Рун спрашивал, но призрак упрямо молчал.

Парень облизнул высохшие губы. Он боролся с здравым смыслом — тот убеждал, что единственно верное решение — это бежать отсюда прочь. На Ска даже смотреть не стоило, чтобы знать, что она целиком и полностью на стороне этого решения.

Руна вдруг осенило.

Ска легко и запросто нашла его здесь. Быстро ли? Вопрос спорный, но не тот что нужен. Просто ли везение, что она оказалась рядом? Или из-за саффиритовой лазури и возможности адекватно просканировать местность это не было для неё проблемой?

— Ска, ты сможешь меня провести?

— Да, господин, — теперь он слышал в её голосе разочарование. Надеялась ли она, что он спросит иное? Возможно. Но знала обратное...

Словно влюблённая по уши девчонка, она схватила его за руку, потащила за собой. Парень велел самому себе зажмуриться — он боялся, что безумие примет ещё один

чудовищный облик и явится перед ним во всеоружии. Лучше, сказал он самому себе, сейчас довериться Ска — та точно знает, что делает.

Её рука оказалась мягкой, нежной и женственной. Теплый кожмит прекрасно справлялся со своей задачей. Интересно, спросил самого себя парень, а если сшить себе из подобного материала портки — они сами и сразу же будут затягивать простую прореху?

Он покачал головой, прогоняя неуместные мысли: разум, будто в тщетных надеждах одолеть шок, забивал её глупостями.

Минуло лишь пару мгновений, но чародею показалось, что в бездну небытия сгнули целые столетия. Как течёт время в этом мраке? Сомнения беспощадно грызли парня, подбрасывая жуткие догадки того, что минута здесь — тысячелетие там. Вот же, говорили они, будет забавно...

Когда Рун открыл глаза, он не сразу понял, почему Ска остановила его. Облизнул высохшие губы, огляделся по сторонам. На ладони, сжирая остатки маны зародился новый светляк — вдвое крупнее прежних.

Что он ожидал увидеть во мраке? Рун и сам не ведал ответа на этот вопрос. Прищурившись и разглядев, куда указывает пальцем автоматон он вдруг разглядел их.

Обоих.

Лий жался к ней, как к последней надежде. Виранка, расправив руки, чуть приоткрыв рот, уставившись вникуда стояла столбом. Невесть откуда взявшийся ветер играл с её волосами. Обнажённая, она словно желала отдаться всему миру и сразу.

Рун заподозрил неладное, ухмыльнулся. Неладное посреди чужого безумия? Разве так бывает?

— Бывает, — вдруг ответили ему на незаданный вопрос. Юному чародею захотелось протереть глаза. Потом ещё раз и ещё, а лучше и вовсе промыть с мылом.

Язык с трудом хранил внутри рта неуместное восклицание — такого не может быть! Может, отвечал здравый смысл. Здесь и сейчас, если явятся сами Архи — всё может быть.

Поношенное дорожное платье, остатки плаща, кожаные перевязи пояса и сумки — не хватало лишь ножен с клинком и изукрашенного мешочка с бульжниками.

На облачённой в перчатку ладони красовался дивный перстень с крупным изумрудом.

Серые глаза, красивое лицо, взбалмошные волосы — не узнать в нём самого себя чародею было трудно.

Последний из Двадцати потерябил на пальце собственный перстень, словно опасаясь, что нежданный двойник похитил у него ключ от Ска.

Нет, активатор был на месте. Юный чародей вглядывался за спину самозванцу — ему казалось, что вот-вот из-за плеча ненастоящего Руна покажется ненастоящая Ска.

— Удивлён? Напрасно, — чародей-подделка резким рывком оттолкнул Лия в сторону, развернул к себе лицо Читль, заглянул ей в глаза. Рун видел, как на мгновение ожила виранка, как её взгляд прояснился, чтобы через мгновение вновь стать таким же мутным.

Бывшая офицер могла смириться с тем, что сместилась с высокого поста до рабыни, но принять того, что над ней есть одновременно два хозяина, она была не в силах.

Или она, или загадочная виранская природа.

Рун наблюдал за двойником молча. Краем глаза он видел, как копошится в грязи Лий — тщетно пытаясь встать на ноги, мальчишка то и дело оскальзывался в последний момент, раз за разом плюхаясь в мерзкую, невесть откуда взявшуюся лужу.

Даже сквозь царящий вокруг смрад Рун чуял запах свежей маны и заклинаний.

Своих заклинаний.

Теперь они не давали Лию даже поднять головы.

Парень смотрел на самозванца, и не верил — неужели он, в самом деле, настолько манерен, мерзок и нагл?

Лже-Рун вышагивал так, будто всё вокруг принадлежит только ему одному. В каждом движении лёгкость, в каждом выдохе бравада и спешность. Он как будто всем своим видом так и говорил — действовать! Здесь! Сейчас!

— День ото дня ты задаёшься тысячью вопросов. Ты? Я! Я каждый день спрашиваю себя голосами учителей, — наконец, он двинулся к настоящему Руну. Тот под взглядом двойника ощутил себя неуютно. Безумие, плескавшееся вокруг волнами, подогревало каверзу сомнений — что, если настоящий не он сам, а тот, кто стоит напротив?

Знаешь ли как проверить? Способны ли смутные образы, рождённые лишь из мыслей использовать магию? А способны ли они знать обо всём, что когда только не приходило в голову.

Лжец усмехнулся, кивнул, словно прямо сейчас читал мысли юного чародея. Будто так и желая сказать — всё знаю, всё помню. И то, и это, и вон то. И даже цвет и размер сосков Виски — хочешь вспомню, здесь и сейчас?

Слова куда-то подевались. Рун не раз и не два спорил с самим собой лишь в собственных мыслях. Но делать это с собой, стоящим прямо напротив было делом совершенно иным.

Двойник повёл бровями, выдохнул, раскинул руки.

— День ото дня я выдумываю себе оправдания. Можно творить что угодно, правда? Когда в кармане всякий раз, что монета, лежит ответ одного из учителей. Они спрашивают строго лишь для вида. Обрати я весь мир в труху, изнасилуй малолетнюю девчонку, устрой кровавое месиво в ближайшей деревушке потехи ради — и всё равно они найдут слова утешения. Я сам найду. Тебе ли не знать, а?

Рун смотрел лжецу в глаза, чувствуя, как весь вымок от пота. В отчаянии, здесь, на краю собственного сознания, он отчаянно призывал учителей к ответу. Пусть придут, пусть осадят наглеца, пусть...

Мяхар и Рубера молчали — им не впервой бросать его на произвол судьбы. Рун обернулся к Ска — он вдруг поймал себя на мысли, что не знает, как поступать дальше, если даже Ска отвернётся от него и перейдёт на сторону самозванца.

Та была непреклонна в своей верности и чётко разбирала, где лишь безумный морок, а где её истинный господин.

— Смотришь на неё? — это не ушло от глаз фальшивки. — Не бежит ли прочь, не готова ли оставить одного? И что это тебе даст? Тебе? Мне! Она не различает безумие, как эмоции. Не делит его, потому что неспособна. Но вот она может.

Он вдруг положил руку на плечо Читль, обнял, прижал к себе. Виранка, разрываясь между двумя хозяевами, отчаянно и протяжно охнула.

Предчувствие недоброго поселилось в Руне сразу же, как только он увидел собственное неприятное отражение. Обустроилось, развалилось на кушетках, сладостно охнуло.

И ничуть не обмануло.

Юный чародей пригнулся, тотчас же отскочил прочь. Сложил руки над собой замком — охранок родился, тут же расплывшись полупрозрачным щитом.

Удар отшвырнул юного чародея, словно котёнка. Не способный встать на ноги заика

Лий заскулил, словно ужаленный роем пчёл пёс. Мик явился столь же неожиданно, как и двойник Руна. Помассировал ушибленный кулак, словно наждачкой скидывая обрывки кожи с костяшек.

— Ар-ро, кабанисий хер, мундло мажовье! — как всегда, великан-головорез был скор на брань. На брань и насилие. Не дожидаясь, когда Рун встанет на ноги, будто круторог он бросился на чародея. Мгла глушила грохот его тяжёлых шагов. Рун юлой взвился, едва не попав под очередной удар — земля, кажется, содрогнулась и треснула от возмущения. Захрустели мелкие камни, перемалываясь под могуществом великана в мелкое крошево.

Парень перехватил занесённую для крепкой оплеухи ладонь разбойника, мягко направил её в сторону — это едва не стоило юному чародею вывиха. Мик, ухмыльнувшись, тотчас же схватил его за щиколотку, резко дёрнул — земля ушла у юного чародея из под ног. Он вновь завертелся юлой, но уже подброшенный Миком.

Ска вмещалась сразу же, как только смогла. Её нога стальной дубиной врезалась в челюсть разбойника — тот пошатнулся, выпустил из рук чародея. Подготовка мастера Руберы тут же заставила его вскочить, встать в боевую стойку.

Механическая кукла не развила своё нападение — напротив, отступила, закрыв собой хозяина. Мик грязно матерился, вправляя челюсть. По подбородку разбойника едва ли не рекой лилась кровь. Всем своим видом великан теперь походил на только что отобедавшего вампира.

— Ска?

Стальная дева не спускала глаз с правой руки головореза. Горящие желтым стеклянные глаза что-то неумолимо проверяли, чтобы через мгновение прийти к единственно верному выводу.

— Этот индивидуум не настоящий.

В Руне веретеном крутилось желание оспорить и усомниться. Оно унялось столь же быстро, как и зародилось. Юный чародей кивнул — магия способна на многое. Создать иллюзию, видение, иногда, если знать, обратить изначально неживое в живое.

Но породить чудовище, подобное Мику не способна даже она.

Он кивнул во второй раз:

— Головореза оставь на меня, займись моим двойником!

Ответа Ска он дожидаться не стал, лишь краем глаза увидел, как фальшивый чародей начертил себе клинок прямо в воздухе — и сразу же взялся за рукоять.

Интересно, успел спросить себя парень, прежде чем встал во весь рост перед громадой великана — чей он страх? Это Читль боится попасть в лапы к головорезу или же Лий?

— Ар-ро, сопляк, второй раунд? — великан хмыкнул, криво утёр кровь рукавом и сплюнул наземь. Синие отростки травы поймали его зуб на лету и утащили в густой кустарник. — Я ждал, что это случится.

— Ты даже ненастоящий, — Рун сам не понял, зачем ему ответил. Разбойник лишь цокнул языком.

— Тебе от того проще? Или так лучше, когда не признаёшь правды? Рун поводит плечами в стороны. Ещё вчера при нём почти не было маны для подобных фокусов, но сейчас...

С каждым шагом юный чародей становился больше. Мир в его глазах уменьшался — будто он крал размеры у всего и сразу. Тело разрасталось, мышцы наполнялись новой силой. Парень вдруг почувал зуд у самого уха — сигнал от интуиции, что ещё чуть-чуть и его

собственное заклинание выйдет из под контроля. Ничего, сказал он себе, стиснув зубы — ему хватит и того, что получилось. Заревев, будто медведь, Рун схлестнулся с Миком.

Глава двенадцатая, часть пятая

Они столкнулись друг с дружкой будто две скалы. Но даже почти сравнявшись с разбойником в размерах он всё равно оказался ниже его на полголовы.

Места магии как будто не осталось вовсе. Кубарем, словно дворовые коты, они покатались по земле. Огромные кулаки, вспарывая воздух с каждым замахом, тяжело и едва ли не с грохотом опускались на их титанические тела. В незащищённые бока, животы и поясицы нещадно впивались зубастые бульжники. Одежда мокла сразу от пота, крови, и жижи из разломанной травы. Жгло, будто огнём, но сражающиеся исполины терпели.

Ведь потерять врага из виду всего на мгновение — проиграть, стать добычей, сгинуть во мраке навек...

Лбы покрывали крупные капли испарины.

Мик был дик, словно разбуженный во время зимней спячки медведь. От него за версту разило силой и мужской мощью. Каждый пропущенный Руном удар взрывался дикой болью в его теле: не примени он на самом себе заклятье, и разбойник бы попросту его раздавил.

— Я использую тебя, как нужник, ар-ро! Я вытру твоим кудлом задницу, мажонк! — у великана оставалось дыхание для того, чтобы говорить. Руну повезло меньше. Став больше он получил и силу, и твёрдость собственной шкуры, но утратил былую живость и ловкость. Будто сам мир сопротивлялся его неестественно разросшемуся телу. Неуклюжесть норвила охватить его с ног до головы.

Мик бодался, словно израненный вепрь. Его голова будто молот врезалась юному чародея в грудь — у Руна тотчас же закончилось дыхание. Слово выброшенная на берег рыба он хватал воздухом ртом, но головорез не унимался. Кулаки великана дробили рёбра, выколачивая из наглого мальчишки дух. Не выдержав его напора, наконец, Рун упал.

В голове несчастного пробудился глупый капризный мальчишка. Едва получив обидного щелчка по лбу от Кианора, Рун рыдал как в последний раз и бежал жаловаться. Матриарху, Мяхару, пару раз мастеру Рубера, но тот вместо жалости предпочёл выпороть ябеду.

В глубине души зарождались горькие слёзы обиды. Краем глаза он видел Ска — фальшивый чародей управлялся с магическим клинком не хуже его самого, если не лучше на порядок. Ему хорошо — он черпал ману прямо из источника окружающего безумия. Плетения были жуткими, непонятными, и вовсе даже не плетениями — лишь их скользкой имитацией. Но с ладоней самозванца слетали огонь и молнии. Он ловил голыми руками выстрелы из её малурита, норвил вернуть непрошенный подарок. Гигантскими, магическими руками он хватал её, что куклу, с силой колотил оземь — сколько ещё сможет вытерпеть её стальной каркас, одним только Архи ведомо...

— Что, ар-ро, неважно себя чувствуешь? Может быть, устал?

Рун попытался развернуться, встать на ноги, но носок разбойничьего сапога едва ли не колом саданул его по животу. Боль дикой змеёй завертелась внутри юного чародея, изо рта брызнула кровь. Грязная пятерня схватила его за волосы, будто деревенскую девку, из глаз брызнули слёзы.

— Знаешь что жутового в таких лудохах как ты, ар-ро? — великан сел на чародея верхом, придавил своим весом к земле. Рун заёрзал в тщетных попытках высвободиться, словно жук. Разбойнику, что властвовал теперь над ним, это нравилось — парню казалось,

что он слышит запах его удовлетворения.

— Каждая мажовья кля считает, что без неё этот мир был бы пуст, сир и убог. Что без таких как ты не обойдутся. Верно, пацан? Ты ведь так считаешь?

Молчание чародея его бесило. Разбойник что есть сил ударил его головой оземь — из Руна будто бы разом выбили все здравые мысли. Во рту крошечном норовили забиться в глотку выбитые зубы. Парень плюнул перед собой густой, кровавой кашей.

Ушей коснулся жуткий смех головореза. Мик облизнул высохшие губы.

— Ар-ро, где бы не появилась твоя тощая задница — ты везде оставил след. Словно улитка, только слизь и дерьмо.

Рун поднял голову, противясь очередному удару. Из уст вместо слов лилось беспорядочное бормотание.

— Что ты там лепечешь, еганый кляк? Знаешь, я прихожу в чужие дома. Я выкручиваю руки тем, кто не хочет со мной делиться и ебу всех, на кого задымится мой богатырь. Но все знает, что я разбойник. А вот тебе надо прятать свою ничтожность за пышностью одежд.

Он склонился к самому уху чародея, лицо Руна обожгло горячим, выбивающим дух кислым дыханием. В какой-то миг ему почудилось, что он вот-вот задохнётся.

— Ты могущество, что сдохнет от голода, если местный крестьянин не нальёт ему похлёбки. Ар-ро, ты рядишься в шкуры величия — потому что ничтожен или...

Рун резко вывернулся — фальшивый разбойник слишком расслабился и ослабил хватку. Остатками зубов впился в мясистый, похожий на картошку нос.

Знакома ли видениям боль? И зачем призраков безумия награждают возможностью её чувствовать? Парень не знал — вместо этого он услышал как волком завыл его до безобразного говорливый противник.

Мик опрокинулся на спину, схватился за лицо. Буро-красная кровь пульсировала из свежей раны — там, где у разбойника мгновением назад был нос остались лишь ошмётки.

Отрастёт, у него всё отрастёт — Рун знал об этом. Главное, так это попытаться не разжевать ту гадость, что оказалась у него во рту.

Он выплюнул сразу же, как только смог. К горлу подкатил тошнотворный ком — Последний из Двадцати чувствовал, что его вот-вот вывернет наизнанку.

Мик загундосил — Рун не разбирал слов, но знал, что головорез вряд ли желает ему всех благ. Обезболивающее заклинание было слабым, но действовало — челюсть перестала стонать почти сразу же, живот чуть позже.

Рун обрушился на великана градом ударов — теперь уже лже-Мик лишь закрывался руками, пятился и спотыкался.

Но безумие говорило его устами, яд лился с языка, сквозь уши пробиваясь в сознание. Это был хриплый, ничего не значащий, старческий смех. Желая заткнуть его, парень бил — не жалея себя и сил. Головорез, словно набитый соломой матрас шатался из стороны в сторону. То, что он держался на ногах было разве что не чудом.

— Ты всего лишь кусок чародея, ар-ро! Они пытались обстругать тебя, превратить в мага. А что получилось в итоге?

— Заткнись! — отчаянно и надрывно рявкнул чародей, засадив кулаком в глаз разбойника. Там, где когда то было лицо головореза теперь была лишь жуткая, кровавая каша.

Но он продолжал говорить.

— Даже здесь, даже сейчас — единственный, чего ты хочешь, это лишить других

счастья. Потому что всё, что они оставили тебе — это лишь бестолковые наставления о исключительности. Мысли о том, что ты знаешь — как лучше. Ты знаешь?

Рун зарычал, врезался головой в мускулистый живот. Мик, наконец, утратил равновесие. Разбойник больше не сопротивлялся, словно всё его нутро признало собственное поражение. Единственное, что ему оставалось — это жалящие самолюбие противника колкости.

И они кололи.

Выбившись из сил, почуяв, наконец, усталость, Рун с размаху опустил сжатые кулаки на голову негодяя — та вдруг лопнула, как перезрелый арбуз.

Головорез заткнулся, инстинктивно дёрнулся, раскинув руки. Ладони как будто жили собственной жизнью, хватая и стискивая воздух. Парень тяжело дышал — если это и была победа, то далась она ему нелегко.

Ушей коснулся металлический грохот. Рун вдруг понял, что вновь хочет заплакать как ребёнок и пожаловаться. Матриарху, Мяхару, да хоть мастеру Рубера — лишь бы выслушали.

Вместо этого он утёр рукой пот со лба, нехотя обернулся.

Он знал, что увидит.

***

Ска была беспомощна.

Её не спас сплав из саффиритовой лазури — двойник чародея оказался проворней. Механическая кукла пыталась встать, но получалось у неё не очень. Внутренности сбились, скрипели расшатанные сервомоторы и шарниры. Внутри хрустело так, будто они звали на помощь Чавьера.

Из разодранного кожмита ручьём валились искры — Рун даже думать не хотел, что и как могли ей повредить. И как это теперь чинить...

Лже-Рун швырнул меч наземь — тот растаял в воздухе прежде, чем долетел до неё. Обманщик выглядел так, словно даже не вспотел. По его наглому лицу гуляла не менее нахальная ухмылка. Двойник чародей лучился самодовольством и вдруг похлопал в ладоши.

В повисшей тишине, в ушах юного чародея они звучали едва ли не раскатами грома. А, может, они и были раскатами грома.

— Знаешь, кто твой главный враг? Ты сам, Двадцатый.

Рун не отвечал. Где-то внутри копились остатки сил только для того, чтобы вновь встать на ноги. Его противник не спешил, а мог бы вонзить клинок в спину, выпотрошить насквозь — хватило бы у него маны на ещё пару-другую охранков?

Наверно да.

Наверно нет.

Исподлобья, огромный, он взирал на самого себя.

— Как всё обернулось? Я стою перед тобой, и что я вижу? Чудовище, размером с Мика. Чудовище, только что сумевшее раздавить другому чудовищу голову. Ну, что сделаешь дальше? Крикнешь "ар-ро" или, может быть, пообещаешь вытереть мной гузно?

Рун опешил, его собеседник позволил себе ухмылку.

— В этом весь я, знаешь? Казаться больше, казаться сильнее, раздуться, что пузырь до невообразимых размеров. Казаться, не быть.

Рун бросился на него сразу же, едва выдался момент: двойник притворно оступился. Лже-чародей согнулся, разорвался пополам, едва парень возжелал раскроить ему череп

одним ударом. Попался на подножку, но тотчас же, едва коснулся земли — рассыпался ворохом мыльных пузырей, воспаривших в воздух. Каждый из них, лопаясь, звучал отдельным словом.

Руну показалось, что с ним разговаривает тысяча его собственных копий — ощущение оказалось до омерзительного невыносимым.

— Даже Шпиль — что такое этот наш Шпиль?

Юный чародей не ответил, лишь подумал. Дом, сила, собратья...

— Дом, сила, собратья, это всё? — озвучил его мысли самозванец, звонко расхохотавшись. Всё ещё булькающие из пузырей слова вдруг поплыли у чародея перед глазами, собираясь в образ.

Рун среагировал раньше, чем осознал. Чувство опасности зажужжало в нём, пошло юзом, что веретено. Из воздуха ударил клинок — полсотни бри отменно отполированной стали едва ли не с визгом пронзило воздух. Самозванец был потешен в облике меча. И отнюдь не смешон на вытянутую руку-лезвие. Вторая его рука замыкала ободом рукоять. Паря в воздухе, он орудовал самим собой так...

Так, будто его учил мастер Рубера.

— Дом, сила, что-то ещё на букву "с" — это всё? Как жалок, как скуден мирок, что я старательно воздвигал вокруг себя. Мы на пару с Кианором швыряли друг в дружку рощи, а на деле — что это? Не могущество, а какая-то мышьяная возня. Чуешь?

Лжечародей сбивался с ритма и смысла слов, но Рун прекрасно понимал, что его противник хотел сказать. Хотелось не слушать, не слышать, заложить ладонями уши — и может быть тогда наступит благодатная тишина.

Двойник выбивал у него почву из под ног не здесь. Ядом личного, чародейского безумия журчала его речь. Меч разил без устали и не ведая пощады — парень, стиснув зубы, отступал.

— Куда ты бежишь? Зачем? Разве можно убежать от себя самого? Чтобы на это сказали учителя? Ты, верно, молишь их сейчас помочь тебе, спуститься из небытия, сказать напутствие, совет, слово. Ты жалок. Вот жалость, вместе с тобой жалок и я. Обидно, правда?

Клинок вспорол рубаху, рассек кожу на груди, зацепил плечо. Рун стиснул зубы, падая на колено. Внутри всё звенело от собравшейся вокруг дикой, необузданной, бесформенной маны. Он слишком большой, он слишком неповоротливый — вновь сменить облик было возможно, но как и к чему это сейчас может привести? Соперник взрастил в нём семена сомнений — в себе самом и своих силах.

— Стена, сохранность которой тебя столь заботила — лишь купол. Стекляшка. Мне всегда казалось, что мир тут, а там, по другую сторону проигранец знает что, а не мир. Но я жалок, ты жалок, всё что вокруг на многие ли — тоже жалко. Потому что всё наоборот. Мы как россыпь злых, голодных пауков, которых запихнули пусть и в огромную, но всё равно тесную бутылку. Словно в ожидании, что случится первым — мы перетравим себя сами, или найдется паук потолще, пострашней, поядовитей?

Клинок ударил его по лицу — плашмя, будто одарил пощёчиной. Рун неуклюжей тушей завалился, едва удержался, уперевшись рукой в землю.

Проигрывать себе было противно. Проигрывать себе было мерзко.

— Хочешь что-то сказать? Не стесняйся, слышишь? — насмешка из уст двойника была втрое больше. — Давай сыграем в игру. Будто я — это я и есть, а ты такое бесформенное, детское, способное всё и вся оправдать. Любую пакость, любую гадость.

Спалил деревню? Это только потому, что грязные крестьяне желали укрыть разбойников. Не поняли твоей благости, когда единственное, что им оставил — это ничьёмность жизни посреди сгоревшего дотла жилья и урожая. Ведь голод лучше, ведь голод гуманней, чем я. Верно?

— Захлопнись! — Рун вспыхнул. Он чувствовал, как обида копится внутри него, чтобы выплеснуться в мир яростью и злостью.

Мана вспыхнула внутри него новыми заклинаниями. Он черпал из себя остатки безжалостно, словно единственное, чего и желал — так это рухнуть посреди мглы безумия совершенно обессиленным.

Из великана он расплылся плоской, обратился каплевидным щитом, принимая на себя удар. Клинок врезался, но тут же потонул в зыбучем новом облике чародея — Рун собирался сожрать второго себя. Тот выгнулся дугой, закрутившись плотной пенькой. Каждый из них будто соревновался в безумии свежего облика.

— А может, мы уменьшим купца, швырнув его на съедение кошкам? Не потому что надо, а потому что для того, чтобы стать больше остальных — надо лишь уловить их за ничтожность. И тогда уже своя игрушечность не кажется такой обидной, когда есть хоть кто-то, над кем ты больше, над кем ты сильнее. Верно? Я кричу на каждом углу, что учинил возмездие. А на деле лишь устроил бурю в бутылке. Смешно, ей Архи, очень смешно!

Рукоять ткнулась юному чародею в щёку. Двойник вновь стал человеком. Будто проворная кошка, он уклонился от несмелой ответки Последнего из Двадцати, запрыгнул ему на загривок, опрокинул наземь.

Парень плюхнулся лицом в мерзкую лужу.

— Словно подзаборная пьянь. Что, не так хорош против себя самого? Хочешь, я подкину тебе пару другую советов? Начинай молиться. Это не спасёт, но... успокоит. Матриарх ведь так говорила?

Матриарх так говорила.

Вставай, парень.

Голос прозвучал в голове Руна будто набат. Ему казалось, что стоит поднять голову и увидит его лицо. Вставай, малец. Первый раз говорю словом, второй розгами. Сделаем вид, что первого не было?

Рун напряг мышцы в тщетной попытке встать — заклинание вновь ткнуло его мордой в грязь. Лий, мальчик-заика — двойник хочет ему сказать, что он ничем не лучше деревенского мальчишки. Столь же беспомощен, столь же...

— Вставай! — в окрике четко был слышен голос Старого Мяхара. Воображение Руна даже здесь, на краю безумия, спешило обрисовать его в подробностях. С бородой, кинжалом за кушаком, в халате... — Вставай, пострел, слышишь? Вставай, чего бы это ни стоило.

— Не могу, — после очередной неудачной попытки прошептал юный чародей. Двойник уселся на него, запрокинул ноги.

— Ещё позавчера в тебя бурлила самоуверенность. Проигранцы, бесовка, маргулитовая печать. Крап карт, капля пота по лбу, волнение, азарт — ты садился играть не потому, что хотел. Потому что знал, что победишь. Потому что вседозволенность не даёт шансов сомнениям стать чем-то больше, чем нелепые голоса в голове. Вчера уверенность топила меня в помоях. Что поделать, сегодня я макаю тебя мордой в нечистоты. Не нравится? Привыкай — впереди и здесь у нас вечность! Я сделаю из тебя себя.

Глава двенадцатая, часть шестая

Рун зарычал, проламываясь сквозь заклинания, смахнув с себя самозванца. Лжечародей вновь растворился, но только лишь для того, чтобы врезаться палкой в колени Последнего из Двадцати. Довершил же ударом по спине — едва оказавшийся на ногах парень вновь рухнул на колени.

Старый Мяхар зацокал языком. Что, спросил он, ты знаешь о себе?

Вопрос был с подвохом. Рун спешно вываливал ответы на старца — тот в его мыслях лишь качал головой. Выдохнул, вытер пот старческой, морщинистой рукой.

— Пострел — везде поспел, а когда иные умом награждались, тебя не дождались. Он — это ты. Он знает, чего ты хочешь, что натворил, и что сделаешь. А знаешь что ещё? Ты знаешь тоже.

Рун сразу ничего не понял, но лишь мгновение спустя...

Самозванец удивился, когда Рун уклонился от очередного удара. Нахмурился, когда развеял импульс, что должен был вновь окунуть его в лужу. Парню показалось, что на лице порождения безумия отразилось нечто отдалённо похожее на зачатки страха. Оно лишь только догадывалось о случившемся, ещё не осознавая своего положения.

— Слейся со мной — и тебе станет проще. Я выделю тебе каморку на задворках собственного разума! Так уж бывает — лучше, чем совсем потерять голову, да?

Парень вдруг резко извернулся, подался в сторону — самозванец не ожидавший подобной прыти от неповоротливого великана прынул в сторону, растворился, в надежде слиться с мглой.

Поздно: Рун схватил самого себя за облик — двойник, ещё мгновение назад готовый плескать пафосной речью вдруг захлебнулся на полуслове, отчаянно выдохнул. Будто едва угодивший носом в капкан крыс, он завертелся в цепкой хватке юного чародея, стремясь вырваться многообразием обликов — тщетно. Парень хватал плетения двойника, распутывая их еще до того, как они станут сложнее нескольких завитков.

Молодец, кричал старый Мяхар, отчаянно и на радостях потрясая кулаками. Воображение чародея спешило дорисовать чародею-разбойнику улыбку под седой бородой.

Самозванец разве что не взвыл от жуткой, лютой безысходности и ужаса — копирование чародея сыграло с ним злую шутку. Мгновение назад язвивший и осыпавший юного чародея насмешками, теперь он сам стал поводом для насмешки: Рун знал и предугадывал каждый его выпад, будто свой собственный.

— Чего ты хочешь достигнуть этой победой? Сдайся! Отдайся! Слейся со мной — это выход отсюда, это билет в здравомыслие, слышишь?

Рун уже не слышал. Он чувал, как его руку легко и уверенно направляет старый Мяхар. Бывалый разбойник был непреклонен и неукротим. Руну казалось, что его собственные руки движутся сами.

Наверно, так оно и было.

— Слиться с тобой? — ухмыльнулся вдруг парень, осознавая, сколь безумна пришедшая ему в голову мысль. Безумна, но она ему нравилась. — Это мы устроим. Позволишь?

— Нет! — лжеРун взвизгнул так, будто увидел перед собой крысу. Чародей хозяйскими движениями схватил его плетение за оба конца, пересёк поток чужой маны, взял под свой контроль. Ухмыльнулся — если он даже сейчас вложит слишком много магической энергии,

дикая мана ударит по тому, кто заклинание зачал, а не потому, кто его продолжит.

— Не делай этого! Нельзя! — двойник догадался о его намерениях почти сразу же: парень принялся скручивать для соперника новый облик. Из человека тот начал таять, будто восковая свеча. Отчаянно и зло, подвывая обиженным псом, он пытался вырваться из создаваемого для него Руном облика. В таком же отчаянии сопротивляется провинившийся кузнец, когда разгневанный чародей сгибает его в подкову.

— Ты ничто! Ты жалок! Ты — это я, ты умрёшь, если сделаешь это! — его голос начал звучать в ушах юного чародея раздражающим писком. Излишне активное пирожное лежало у него на ладони. словно не знавший еды бродяга, Рун слопал его в один укус.

Главное, сказал он самому себе — это не думать.

Не думать, не думать, не думать...

В голову ударило так, будто в ней заголосили три десятка проигравшихся до исподнего бесов.

Рун пришёл в себя на руках автоматона — и когда только успел рухнуть без чувств? Едва открыл глаза, как на него тотчас же наскочили демоны боли. Не щадя зубов, они терзали его уставшую плоть ссадинами, царапинами, ушибами.

Парень не любил слабости, своей — тем более. Пришлось чуть ли не вырваться из настойчивых объятий механической куклы: Ска держала его так, будто он вот-вот должен был исчезнуть.

— Господин...

— Позже, — он выставил перед ней ладонь, остановив готовый вылиться на него поток причитаний. Не заметить в голосе стальной девы беспокойства о только что случившемся было невозможно. Наверняка внутри её механической головы в блоках, матрицах и прочих хитроумных словах полным полно знаний, как и чем залепить колотую рану, как срastись от отравления. Но лекарства от безумия не ведали даже чародеи.

Последний из Двадцати выдохнул, поднял на службу глаза.

— Ты сама как? — в последний раз, как он её видел, она была не в лучшем состоянии.

— Требуется полноценная диагностика. В данных условиях проведение полноценной диагностики нецелесообразно...

— Выдай краткую! — Рун и сам не заметил, как сорвался на крик. Тогда автоматон кивнула. Рун двинулся к Читль — виранка свернулась калачиком вокруг Лия. словно в тщетных надеждах защитить его от всего и сразу.

Ска семенила за чародеем, словно послушная собачка. Не тратя времени на вдох, она вещала без устали. Повреждения. Множественные. Внутренние. Пара значительных, с пяток серьёзных, россыпь не критичных. Рун ещё раз осмотрел её и решил — уже хорошо, что на ногах держится. Здравый смысл ему поддакивал, убеждая, что идти следует от позитивных мыслей, к депрессивным прийти всегда успеется. Парень закусил губу — некстати пробудившееся самоедство жадно потирало руки, намекая на то, что зря он выполнил свою часть сделки и сделал с Чавьером то, что сделал. Можно же было пихнуть незадачливого мастера в сумку к остальным, так ведь нет же. Мы вместо практичности благородство выбираем...

На стервозу рывкнули оба учителя разом — и та удручённо и многозначительно замолкла. В воздухе чувствовалось, что всё кончилось. Нет Руна-самозванца, нет фальшивого разбойника-великана. Призванные свести с ума они обратились в ничто. Если, конечно же, только...

— Читль? — Рун склонился над ней, потряс за плечо. Воображение спешило за скверными мыслями. Сейчас, говорило оно, сейчас она раскроет рот в широкой, ничего не выражающей улыбке, а в глазах ты не увидишь ничего, кроме сумасшествия.

Что будешь делать тогда, Двадцатый?

У парня не было ответа на этот вопрос. Он вздрогнул, когда виранка раскрыла глаза. Она посмотрела на него так, будто видела в первый раз.

— Ты в порядке? Идти сможешь?

Рабыня ответила не сразу, но чуть погодя, придя в себя, кивнула в ответ. Большого чародею было не нужно. Он вновь повернулся к механической кукле, даже не озаботившись судьбой Лия.

— Ска, я знаю, что ты будешь против. Они будут против, — Рун ткнул пальцем в Читль с мальчишкой. — Видят Архи, этого не хочу я сам. Но ты знаешь, где Мик?

Стальная дева смотрела на него блеском стеклянных глаз. Внутри неё как будто боролось всё и сразу, но протоколы исполнения побеждали.

Она кивнула в ответ.

***

Тишина почти была воздушной.

Ещё пару минут назад парень недоумевал — зачем ему вытаскивать отсюда Мика? Неужели, спрашивал здравый смысл, струсил? Испугался, что даже здесь не найдётся такого, что сможет свести с ума головореза?

Впрочем, спорить с этим доводом было сложно — юный чародей терялся в догадках: разбойник ел людей, насиловал без разбора, наслаждался беспомощностью остальных. Если говорить о безумии, то великан уже давно переступил эту черту. Какие ужасы должен был испытать его разум ещё, чтобы сломаться насовсем?

Рун не знал и знать не хотел.

Но к великому неудовольствию Ска сейчас тащился за разбойником.

Читль вела себя иначе, чем раньше. От послушной рабыни как будто бы не осталось и следа — в её взгляде появилось что-то новое.

Двадцатый вспомнил, как подскочил к ней, когда она рухнула без чувств. Исчезновение ещё одного, пусть и фальшивого хозяина ударило по ней. Из носа несчастной до сих пор текла кровь. Без платья, но с невесть откуда взявшимся платком, она вытирала им лицо. Методично и ритмично, будто это стало новым смыслом её жизни.

Меньше всех пострадал Лий — заика казался вполне нормальным. Впрочем, парень не спешил с ним говорить — лишь безучастно предлагал. "Вставай, пошли" — и Лий исполнял молча.

Из облака всегда было два выхода — в потёмках можно было отыскать путь самому. А можно дожидаться, когда мана уляжется, рассеется и мир, хоть и изменившийся донельзя, вновь окажется перед глазами.

Через неделю, а может две. Учитель фехтования не распространялся, но многие знали, что он бросил вызов самому безумию и сумел выйти победителем: продержался три недели.

Рун не желал здесь оставаться и лишней секунды.

— Там, — вдруг указала пальцем на какую-то непонятную гору автоматон. Рун щурил глаза и заставлял светляк быть ярче прежнего.

Гора вдруг зашевелилась. Неестественно, дико, отрывисто.

Признать в ней пышущего силой и могуществом великана можно было разве что тронувшись умом. Парень сделал к нему шаг, но его тотчас же остановила Ска, отрицательно покачала головой.

— Нож! Дайте кто-нибудь нож! Резать! Я не могу! — разбойник силился встать на ноги, но был обречён. Рун увидел лишь мгновение спустя, что правая рука негодя зажата меж двух камней, словно тисками. Разбойник дёрнулся на шум его шага, тут же испытующе сверкнули полные отчаяния глаза.

— Ты! — Мик потянулся свободной рукой к чародею, загребая воздух. Больше всего великан напоминал пойманную в силки жирную крысу. Рун качнул головой, прогоняя жуткое сравнение: где-то внутри всё ещё был жив образ крысиной Виски.

— Нож! У тебя есть нож?

Лицо головореза было испачкано кровью от макушки и до подбородка. словно заядлый трупожорец, он оскалился улыбкой счастливого идиота.

И только тогда парень увидел то, чего не стоило.

Разбойник грыз собственную руку. Под ногами великана лежали клоки кожи и отгрызенного мяса — но едва дикая боль заставляла Мика отстраниться — укус зарастал, обрастал плотью и кожей.

— Они рядом, слышишь? Ты слышишь, как они стрекочут?

Рун не слышал. Мальчишка молчал, осознавая, что скорее всего он пришёл слишком поздно.

Тяжёлое дыхание вырывалось из глотки головореза вместе с хрипом. Забывшись, он вновь вгрызся в собственную плоть. Рукав того, что можно было бы принять за рубаху вымок насквозь и, кажется, давно сменил цвет на карминово-красный.

Нож.

Парень вдруг вспомнил, что при Мике всегда была хоть одна, хоть почти игрушечная, но остро заточенная железка.

— Рудокоп! Айна! Минно! Никого нет. Нож. Слышите? Они шепчут, они скребутся друг о дружку! Дайте! Мне! Нож!

Рун осмотрел камень, что пленил разбойника — это был обычный булыжник. Юный чародей заставил его треснуть: тот сначала пошёл трещинами и лишь затем раскрошился. Мик получил долгожданную свободу.

Мик остался в несвободе навсегда.

— Нож! Мне надо отрезать! Иначе никак... никак! Рудокоп! Айна! Минно!

Осмотрев собственную кисть с растопыренными пальцами, он вдруг сызнова вцепился в самого себя зубами. Рун сделал шаг в сторону, что-то задел ногой — на земле лежал ранее невиданный им нож родом из очередного тайника головореза. Парень бросил взгляд на него и всё понял...

Глава тринадцатая, Безумный план

Связывать разбойника не было нужды. Они вытащили тушу великана едва ли не силком — выволакивать его из мрака помогали даже Читль и Лий. У Ска не было выбора, была лишь воля господина. Едва перед глазами рассеялась дымка окружавшей их мглы, а все они, уставшие и злые, выдохнули, швырнув Мика наземь, Рун понял.

Понял, что им удалось вытащить только Мика, а не его рассудок. Поле безумия кивнуло в ответ — кто-то же должен был заплатить за то, чтобы вы остались в здравом уме? А впрочем...

Юный чародей не развивал догадок, но они настырно ползли ему в голову, забивали собой мысли, мешали думать.

Когда опустилась ночь... Рун не знал, когда она опустилась. До того, как они вышли из мрака безумия, позже ли? Их вывела Ска — лишь по приборам. Рун был ей бескрайне благодарен — магия, на которую он привык полагаться, здесь бы не помогла.

Тишина стала их извечным спутником. Разве здравому рассудку нужны слова? Они требуются лишь безумию...

Разбойник сидел на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону. Он не оставил собственную руку в покое — ел её поедом, без устали, подвывая, словно израненный пёс. Знал ли тот, кто застал последние мгновения Матриарха и добивал обитателей шпиля своими руками, что кончит именно так?

Руну страшно хотелось костра. Снять вымокшие от пота сапоги, размотать тряпицу портянок, сунуть уставшие, горящие огнём пятки в холодную воду. Обогреть руки. Пощекотать ноздри запахом свежей каши. Ещё никогда он не думал, что будет так рад видеть всё, что окружает его.

Потому что оно естественно, потому что оно знакомо.

Он бросил взгляд на механическую куклу и ему показалось, что он слышит хохот самого безумия.

Последнее кружило над ними воздушным змеем: ей удалось прибрать к рукам головореза, но того точно было мало. Ядом она булькала в душе чародея — битва с самим собой не прошла для него даром. Всё то, что он прятал, о чём заставлял себя молчать, было сказано. Плевать, что говорит чернь вокруг, но когда ешь поедом сам себя, прямо как Мик...

Печать безумия лежала на их лицах. Читль стала задумчива и молчалива. Ему вспомнилось, как пришлось отобрать у пышногрудой девицы рот, лишив её возможности говорить, а что сейчас? Надо было доставать клещи, чтобы вытянуть из неё хоть слово. Так ли давно это всё было...

Лий стоял на пороге. Мальчишка выбрался из лап мглы сумасшествия седым. Что ему там виделось, знал только он и Рун знал, что не расскажет.

Ска была сломана — не надо было быть Чавьером, чтобы это осознать. При каждом шаге внутри неё что-то хрустело — даже Кианору не удалось испортить её так, как это сделал лже-Рун.

Парень велел ей запустить протоколы самовосстановления, но знал, что оно бесполезно — при ней нет инструментов и деталей. Мелкий внутренний ремонт и диагностика были лишь едва унимающим боль бальзамом.

— Ска?

— Да, господин? — она отозвалась ему с привычной готовностью. Рун облизнул высохшие губы, прочистил горло, бросил взгляд на баюкающего самого себя разбойника. Великан теперь смотрелся жалко и страшно нелепо. Догадки, терзавшие чародея, наконец, решили облечь себя в слово и торопились на язык. Рун чувял, как с ног до головы его, почему-то, колотит дрожь неуверенности. Будто совесть, стоящая за спиной с огромной дубиной, елеинно вопрошала его — а не жаждет ли он часом вылить на ту, без которой они не увидели бы белого света помои обвинений?

Рун сглотнул, Рун жаждал.

— Ты ведь нашла его первым.

Автоматон проявила наглость и решила, что имеет право не отвечать. Рун не настаивал, но не унимался.

— Ты нашла его раньше, чем остальных. Раньше чем меня.

Он швырнул ей под ноги нож с белой рукоятью. Только здесь и сейчас, при лунном свете чародею удалось разглядеть, что это кость какого-то животного. Глаза механической куклы вспыхнули жёлтым — она изучала нож так, словно видела его в первый раз.

— При нём был нож. Этот нож. Или рядом с ним. Ты отшвырнула его подальше. Ты отшвырнула его подальше?

— Да, господин.

Рун кивнул. Врать и увиливать автоматон не станет и не сможет. Впрочем, и говорить больше того, чем он от неё требует тоже...

Парень вдруг понял, что ничего не может поделать с этой информацией. Ска же подняла на него глаза.

— Он угрожал вам, господин. Каждую секунду, что находился рядом.

Рун чуть не икнул. В её словах он увидел свет ответа на так и не заданный им вопрос. Он хрустнул шеей, отвёл взгляд.

Есть ли что-то, что способно свести автоматона с ума? Выбить из колеи? Заставить сбоить изначально выстроенные алгоритмы и протоколы.

Рун только сейчас понял, что Ска была в напряжении всё это время. Ему вспомнилось то, что он старательно гнал прочь из головы. То, что на лице механической куклы проступало облегчение, когда малурит плевал в голову разбойнику — потому что именно тогда она, наконец, соблюдала протокол безопасности своего хозяина.

Она сумела победить своё безумие раньше остальных. Знала, что Мик сойдёт с ума? Надеялась?

Разве что диагностировала...

— Он больше никогда не придёт в себя? — парень едва не прикусил язык, когда не смог понять, чего же в его вопросе больше; любопытства или опасения.

— Недостаточно данных для ответа на ваш вопрос, господин. Требуется полноценное сканирование. Требуется наблюдение за субъектом. Желаете, чтобы я начала?

Парень отрицательно покачал головой. Выдохнул, вдруг поймав себя на том, что мысль о абсолютном безумии разбойника греет ему душу.

Несчастный ел себя без устали. Смотреть на это было жутко, но Рун смотрел, словно боялся пропустить. Вздрогнул, когда его плеча коснулась ладонь — от былой робости и неуверенности Читль не осталось и следа. Сейчас она была самоуверенной, как никогда. Рун подозрительно прищурился — резкие перемены в поведении рабыни — рабыни ли? — его вовсе не радовали.

— Кулькат адла чаткуд'хи кли, — вымолвила она и кивнула на автоматона. Ска ответила на тот вопрос, который ещё только формировался в его голове.

— Виранка просит с вами разговора, господин. Наедине.

Ну, забубнил в его голове старый Мяхар, приехали, малец. У парня тут же всё похолодело внутри. Что-то подсказывало ему, что перед ним теперь стоит совершенно иной человек.

Та Читль, какой она была до того, как стала пленницей великана.

— Нет, — вдруг ответил он. Виранка широко раскрыла глаза, удивилась, сделала вид, будто не расслышала ответа.

Рун повторил.

— Если хочешь говорить — говори. У меня нет никаких секретов от моего личного автоматона.

Читль помолчала, ничего не говоря. Внутри неё — он буквально слышал, бурлила целая гамма чувств. Там были и ярость, и раздражение и что-то ещё. Кем бы она ни была, но к отказам она точно не привыкла.

— Ты — маг.

Парень кивнул: не было смысла скрывать то, чем гордился. Не родной язык давался ей тяжело, будто все умения и знания Читль ушли разом вникуда.

Но она его понимала, значит, не всё потеряно.

— Икнойикстли, — она ткнула себя пальцем в необъятную грудь. Что в виранке так точно осталось, так это презрение к одежде. — Тла инкуцидати йок'сзатли капу бакатль?

Рун отрицательно покачал головой. Слова девушки звучали для него неразборчивой тарабарщиной. Его скудных знаний едва хватало на простейшие слова. Виранка же перед ним излагала и вовсе что-то невообразимо витиеватое.

Она выдохнула так, будто готова была спустить на юного чародея гончих псов.

Псами даже и не пахло, виранка покачала головой, с скрытой надеждой бросила взгляд на Ска. Та осталась непреклонна, словно скала. Тогда Икстли — Рун вновь решил упростить задачу для своего языка, сократив имя до произносимого — глубоко задумалась.

— Ты помнишь, кто ты?

Икстли кивнула. Рун ответил ей тем же.

— Раньше я звал тебя Читль.

— Читль?

— Иолькьяматчитль, — вмещалась, наконец, Ска и тогда виранке стало понятней.

— Моя воин. Солдат. Слуга. Понимать? Хороший, уд кацклиг ин-нума.

Рун вновь кивнул. Значит, Мик говорил правду, когда высказывал свою догадку о её раболепном поведении. Просто переняла часть чужой памяти и хорошо, если лишь одного человека. Парню думалось, что в Виранке могли разом смешаться все, кто был под её контролем и...

Не сходилось. Виранка нагнулась к нему так близко, словно хотела одарить поцелуем. Рун коснулся её лица — и тут же получил удар по руке. Виранку тотчас же перекосило от возмущения.

— Татуировка. У тебя на лице татуировка рабыни. Откуда у рабов могут быть...

Рун не мог ручаться за то, что она поняла каждое слово, но одно она точно узнала.

Взвилась, будто вихрь — ещё мгновение, понял парень, и она вцепиться ему в лицо, располосует морду кровавыми отметинами от ногтей.

Ска стремглав оказалась между ними, не дав драке случиться. Тяжёлое дыхание, вырывавшееся изо рта новой Читль, мешалось вместе с отборной виранской бранью. Не стоило и гадать — Рун умудрился причинить ей смертельную обиду. Парень повержено поднял руки, давая сигнал к примирению.

— Ты — маг. Тчаклак. Что ты знать... знал... знаешь о... мой род? Мой народ?

Рун увидел, как зло сверкнули её глаза и нехотя сравнил её со Ска. Виранка точно так же будто подгружала новые и новые знания из недр своей головы. Язык вновь давался ей проще, слова обретали больший смысл.

— Немного, — честно признался парень. — Но знаю, что вы пишете историю личности на лицах.

Последний из Двадцати как мог попытался изобразить татуировками — получалось у него не очень, а выглядел он глупо.

— Так, — согласилась она, признавая правоту его знаний, — история на лице. Расти — писать дальше. Делать большой дело — писать дальше. Дело портить — писать. Всё на лице.

Она коснулась отметины, повернувшись к чародею в анфас. — Мы рисовать священный толтекатл, как нам завещать те, кто жить до меня. — язык жестов давался ей в разы хуже, но Икстли была старательна. — Но мы не тонуклатк!

— Тону... как? — Рун сразу же оставил попытку выговорить языколомную несуразицу. В конце концов, попытался оправдать его мастер Рубера, ты не птица.

— Южный народ Виранской Империи — Ска в очередной раз доказала, что осталась не просто так. — Те, с кем мы ведём дела.

— Те? Что значит — те? Есть какие-то другие виранцы?

Гитра щелкнула мысленным хлыстом, будто вопрошая у Двадцатого, как можно было быть и оставаться столь нерадивым, бестолковым учеником? Винить было некого — на её уроках Рун витал в облаках...

— Я — азонтль, — виранка ткнула себя двумя перстами в лоб, поправила мешающуюся прядь волос, указала на три точки, скрытые за мочкой уха. Ска же вновь пришлось быть учебником внешней политики.

— Азонтль — кочевники. Родом из Вирании. Считаются мятежниками. Непокорными.

— Допустим, — согласился парень. В голове у него всё ещё не укладывалось то, что он видел перед собой.

— Толтекатл... татуировка. Они ловят, наказывают нас, лишая рода, лишая истины. Унижение. Понимаешь?

Рун не ручался, но кое-что начало проясняться. Когда-то гордую Икстли изловили и намалевали ей на лице новую историю.

— Кто ты такая? Что вы делали здесь? Ты знаешь, что здесь — земли Двадцати?

— Чааджа края. Знаю.

— Вы передрались с сородичами.

— Тонуклатк нам не сородичи! — она вновь была, что взбешённая фурия. Рун чуял, что скучает по разговорчивой, но робкой и спокойной Читль. Икстли разве что не плевалась огнём. Ей страсть как хотелось схватить чародея за грудки, встряхнуть, вытрясти из него всё. Буйство жизни и энергии били из неё фонтаном. Вот её представить в механическом доспехе у Руна получилось запросто.

Виранка продолжила.

— Не сородици. Трупокопы. Осквернители.

— Но вы работали вместе с ними. — парень и сам не знал, откуда у него такая уверенность в словах. Икстли одарила его изучающим взглядом. Смотрела исподлобья, как на врага и, лишь придя к какому-то одному ей понятному выводу, кивнула.

От виранской воительницы теперь за версту разило необузданной дикостью. Словно Икстли прямо сейчас готова была скинуть одежды, припасть на руки подобно зверю, завывать на луну...

— Мы работали с ними. Искали святыню. Не осквернять — они обещали. Не осквернили.

— Допустим. Но кто вас сюда пустил? Ты знаешь, что случилось с Двадцатью? Со Шпилем?

— Знаю. Но за стену нас пустили те, кто выжил. Ты из них?

Рун решил, что имеет право не отвечать на этот вопрос, посмотрел куда-то в сторону. Неизбывно и ужасно завывал Мик, всё ещё надеясь вырвать руку из уже несуществующего плена. Словно не ведая иного утешения, он впился в мягкость собственной плоти зубами. Придёт ли когда-нибудь разбойник в себя? Осознает случившееся? Парень не знал.

— Выжившие просили нас найти своего собрата. Руна. Двадцатого. Если встретим. Он тоже тчаклак. Ты не знаешь его?

Интересно, подумал Рун. А вот про поиск Читль ничуть не соврала — они в действительности и по-своему выпрашивали про чародея у местных.

Новые вопросы градом сыпались на мальчишку. Что, дружок, спрашивал его старый Мяхар. Думал, что поймав за хвост решишь проблему? Она изворачивается в воздухе, крутится, будто израненный вепрь, силясь сбросить незадачливого охотника. Мгновение — и вот в мокрых от пота руках лишь перья мнимой победы, а вопрос разделился надвое: лови по новой!

Зачем Виска и остальные искали его подобным образом? На всякий случай Рун подал знак Ска, та не замедлила с ответом: виранка была уверена в собственных словах как никто другой. Предположим, сказал он самому себе, Кианор после случившегося его не шибко-то рад и видеть. Допустим, потерябил подбородок старый Мяхар, Виска никому не говорит о твоих письмах. Что из этого следует — спросил мастер Рубера, сложив руки на груди. В голове чародея бушевал консилиум ранее молчавших стариков. Не хватало разве что голоса Гитры...

Следовало не слишком много. Руну казалось, что у него вот-вот задымится голова от разгоревшихся внутри неё жарких споров. Мяхар с пеной у рта, брызжа слюной, спешил разъяснить усатым и бестолковым, что невозможно искать человека, не зная даже как он выглядит. Что спрашивала в деревнях Читль и другие виранцы? Не проскакивал ли здесь часом маг с символом одного из Двадцати на брюхе?

Рубера был хоть и горд, но прятал усами, что лошадь ушами. Внутри мастера фехтования бурлило дикое желание схватиться за клинок и укоротить одного дерзкого разбойника — если не на язык, то хотя бы на бороду. Хмурясь, он отвечал колкими, будто сама сатира, насмешками.

Икстли сверлила юного чародея испытующим взглядом. Его затянувшееся молчание явно выводило её из себя. Она была будто вся на иголках.

— Молчишь. Твоё дело. Кто он тебе?

Она ткнула пальцем себе за спину. Поначалу чародею показалось, будто она спрашивает

про спятившего Мика, но мгновением позже понял, что её интересуется Лий.

Мальчишка был отрешён. Парню казалось, что решит он сейчас посмотреть, что же творится в его голове — и сможет узреть, как выглядит истинное преддверье безумия.

Рун покачал головой в ответ.

— Лий? Просто мальчишка, который оказался не в том месте, не в то время. Я бы сказал, что ему повезло. Он, наверняка, сейчас думает иначе.

— Сделка, — виранка разве что не встала на корточки, припав на руки, будто дикая кошка. Ей недоставало разве что хвоста. В горящих огнём решимости глазах парень ясно читал, что ей нет никакого дела до него самого. А вот какие-то свои задумки у неё так и вертелись на языке.

— Я его заберу.

Рун закусил нижнюю губу. Сначала он хотел возмутиться — что виранка себе позволяет? Что значит её — заберу? С другой стороны, Рун не знал, что ему делать с мальчишкой. Не тащить же полубезумного паренюка за собой, будто на привязи?

— Зачем? — вопрос сам сорвался с языка юного чародея. Вопросу удивились призраки учителей, вопросу удивился и он сам. Ликовала разве что совесть, позволившая себе столь наглую вольность.

Часть сознания Руна хотела знать наверняка — что будет, если Лий попадёт в руки многоликой виранки? Ему казалось, что она замнётся с ответом. Примется юлить, уводить разговор в сторону, прятать истину за бестолковостью шуток.

Он ошибся.

— У него иной потенциал. Пока он рядом — я Икстли. Надо разобраться, что случилось. Понимаешь?

Рун осторожно, словно от этого зависела его собственная жизнь, кивнул. Он понимал, чего ж тут непонятного? Виранку хорошо приложили по голове и у неё перемешались личности — своя и подконтрольная. Или подконтрольные, разве так важно? Важно было другое — виранцы, конечно, разве что не плясали в желании подчеркнуть свой статус и высокое развитие перед чернью с земель Двадцати, но хоть пару-другую раз получали по голове.

Случившиеся с Читль не просто несчастный случай. Он уникальный.

Парень покачал головой: собственная память всё ещё желала звать сидящую перед ним именем знакомой ему рабыни...

— Почему ты спрашиваешь у меня? — потерянно отозвался Рун. Икстли исполнила некий странный ритуал, хлопнула обоими руками по груди. Сколько парень не пытался, он не распознал, что означает жест. Выдохнув, догадавшись о его непонятливости, виранка перешла к разъяснениям:

— Он с твоей земли. Твой кульклук. Забирать чужой кульклук — нельзя. Традиция. Предки.

"Правила" — чуть не добавил Рун, некстати вспомнив проигранку. Сколько там дней прошло с того момента, как он выпутался из этой передраги? Два? Три? А сейчас он снова сидит по уши в дряной истории.

Дряной, как навозная куча, и он умудрился прыгнуть прямо в центр. Рун бросил очередной взгляд на Лия — и вдруг понял, что у него нет иного выбора. Махнул рукой.

— Пусть проведёт меня до того самого озера, и станет твоей заботой.

Он выдохнул. Совесть насмешливо спрашивала: почто ему нужно озеро? Что он

надеется там найти? Защиту и спасение от чар счастливицы для всех и каждого, и пусть никто не уйдёт обиженным? Мысль показалось ему одновременно неприятной и неприглядной, но только сейчас она обросла нужными вопросами.

Правильно говорила дьяволица, подумал он, что он не умеет задавать правильные вопросы. А когда они всё же барски посещают его голову, становится слишком поздно.

Из головы не шёл его же собственный, чародейский двойник. Улыбка как упрёк, стальное слово, молчаливый укор. Что ты готов притащить им вместо счастья, парень? Свободу, жизнь? Вырвать из счастливого морока и швырнуть на алтарь собственных представлений о том, что хорошо, а что не очень?

Руну казалось, что его голову терзают тысячи бесов. Злыми языками они ворошат воображение, грязными ручонками роются в памяти. Вспомни, говорили они, что ты видел, зайдя в деревню? Пряничные домики, праздник, карапуз с леденцом. Никто не работал, а столы ломились от яств — и так, наверно, уже не первый день. Ты же хочешь вырвать их из морока заблуждений, но куда? В мир, где опасность бродит у них под носом, нечем кормить детей, а на пороге дома в любой момент может объявиться полуобезумевший от жажды мести чародей?

Старый Мяхар должен был бы быть против, но он молчал. Был нем как рыба, предоставляя своему ученику право самому решить, как быть и что делать.

Рун противился говорливым бесам. Ему вспомнилось то "счастье" в лесу, что спешил показать ему старик. Мертвец с благожелательной улыбкой на лице. Тогда парень принял это за одно из хитромудрых разъяснений разбойника, зачем они пришли по душу счастливицы. Сейчас же он понимал, что Мяхар лишь хотел, чтобы картина подобного навсегда отпечаталась на подкорке мозга мальчишки.

Пусть знает, пусть помнит.

Прищурившись, Рун боролся с собственной слабостью — спрашивал себя же, помнит ли он про то, что собирались сделать с Лиём, с Беком? С Читль, которая на самом деле уже совершенно не та, которую он знал, но всё равно — помнит?

Икстли вдруг потрясла его за плечо — вдруг замолчавший чародей её раздражал. Привыкшая командовать и отдавать приказы, она страдала разве что от нетерпеливости.

И буйного нрава.

— Я не знаю что там на озере. Нет.

— Что — нет? — парень захлопал глазами, будто только что проснулся. В воздухе запахло навозной вонью свежего конфликта. Рун усмехнулся — да уж, целых пару часов прошло без него...

Он окинул виранку взглядом, словно не понимал, зачем она спрашивала до того. Понимал. Она мало чем отличается от Вигка в стремлении получить желаемое, но не отбирает силой там, где можно договориться.

— Нет. Если его не быть со мной, я себя терять. Там могут убить.

Она говорила с ним прямо, открыто и без лишней экспрессии. Сидящий внутри чародея призрак мастера Рубера не давал ему обмануться — в этой полногрудой девице сидит самый настоящий бойцовый пёс, а ты далеко не на пике своих колдовских возможностей.

И она это знает. Или чувствует. Велика ли разница?

Руны разницы не было.

— Он всего лишь покажет где озеро, ему не обязательно идти туда с нами напрямую. Ты знаешь, что и с чем мы имеем дело?

Виранка лишь продолжила сверлить чародея взглядом, не давая единого ответа. Парень устало выдохнул.

— Счастливица — это говорит тебе хоть о чём-то? — Рун не сразу понял, сколь двусмысленно прозвучал его вопрос. Что местное название чудовища может означать для той, кто выросла слишком далеко отсюда? Словно в ответ, Икстли лишь моргнула, но продолжила молчать.

Её молчание раздражало чародея — он не знал, чего ждать от этой бури. В любой момент она могла обернуться самым настоящим ураганом. Икстли же твёрдо давала понять, что несмотря на молчание инициатива разговора в её руках. Рун терпеливо продолжил.

— Это... такое существо. Оно обволакивает... — Рун по глазам виранки видел, что его слова мало что значат для неё. Следовало говорить менее образно — вместе с личиной Читль женщина утратила и прекрасное знание языка. — Оно... колдует и люди становятся её игрушками. Понимаешь?

— Нет. Мы истребили много разных тварей. Мой народ не игрушка чтобы играть.

На Руна накатил новый приступ озлобленности — она сказала это так, будто все, кто прячется за стеной только для того и рождены, чтобы быть куклами в руках всякой чуди. Впрочем, парню отчего-то казалось, что именно так виранцы себе и представляли.

— Озеро поможет мне спасти людей. Те, кто уже у неё в плену, но она не остановится. Одна за другой, деревни будут обращаться в пыль. Она разрастётся до небывалых размеров. Настолько, что даже Двадцать окажутся перед ней беспомощны, — парень горько сглотнул, вспоминая как сам плавал в её чудном море. Смогла сотворить с ним, сможет и с остальными...

Икстли взвешивала каждое его слово на весах собственной выгоды. Рун решил, что пришло время идти ва-банк.

— Люди. Народ, понимаешь? Традиции, род. Защищать — ты ведь понимаешь? — юному чародею мнилось, что он излагал свои мысли ясно и доступно. Ему крайне повезло — гордая дочь Вирании кивнула в ответ, давая понять, что объяснение её удовлетворило. Руну показалось, что он только что как герой из древних легенд взял неприступную высоту. Что ж, сказал он самому себе, пришло время поглядывать на новую. — Лий покажет и я...

— У тебя нет плана.

Парень разом потерял весь запал, осознавая правоту её слов. Перед сидящей рядом офицером он был словно что на ладони. Она же видела его сплошь и насквозь. В ней было что-то от игривой дьяволицы, бесовьей матери. Будто она вот-вот подмигнет и растянёт рот в острозубой ухмылке.

— Что ты собираешься делать, тчаклак? Придти, спорить, умереть?

Рун закусил губу. Он знал, что когда-нибудь его импульсивность даст осечку, но не верил, что это должно было быть сейчас. План? Он всё это время не считал нужным планировать дальше, чем на один шаг, если и вовсе не бросаться с головой в пучину бушующего шторма.

Кто, вопрошали на разные голоса Мяхар, Рубера и Гитра, мог знать, что здесь, в деревне его будет поджидать подобная напасть? Слова лже-Мика ранили, слова лже-Мика с той стороны безумия спешили плеснуть яда на свежую кровь. Ты тащишь за собой горе, чародей. Впереди тебя на коне пляшет ужас, позади тебя только пожарища. Я убил десятки за свою жизнь — сможешь сказать, что к своим годам не обскакал меня в добрый десяток раз?

Рун посмотрел Икстли в глаза, будто в самом деле надеясь, что у виранки есть ответ на

её же собственный вопрос. В чем ей было не отказать, так это в искусстве молчания. Будто обратившаяся в восковую куклу, она изучала его почти не моргающим взглядом.

— Подумай над этим, тчаклак. Завтра он проводит тебя к озеру.

— Но...

— Он валится с ног. Дай ему час или два.

Рун закрыл рот, подавив всё бурлящее внутри возмущение. Где-то внутри него просыпалось осознание, что Икстли права как никто другой...

Глава тринадцатая, часть вторая

Про безумцев Рун слышал не раз и не два. В детстве они представлялись ему ожившим смехом и страхами. Пугающие, неестественные, готовые дарить жуткие улыбки всякому встречному они соперничали за право главного страха на пару с крысами. Серые плутовки их обошли сразу же, едва мальчишка уяснил, что безумцы видят окружающий мир иначе, по своему — где-то по-доброму, где-то не очень. Больные, бедные люди.

Гитра, витая в облаках собственных измышлений, делилась с ним знаниями о каждом сумасшедшем, о ком только знала.

Родословная Двадцати знала двух.

Первый, чьё имя истрепало временем, не оставив и следа, покинул пределы стены, решив обратиться морем. Матриарх говорила, что ему удалось, библиотекарь же была иного мнения.

А вот второй долго наводил ужас на селян. Невинные шалости молодого и дерзкого чародея по имени Кут начали переходить пределы. Он был горазд на расправу — за непонравившийся цвет портков, за недостаточно красивые уши. Одного его появление вселяло ужас в сердца беззащитной черни. Парень вновь вспомнил, что ещё недавно поймал сей упрёк в свою сторону, решил об этом пока не думать.

Кута убил мастер Рубера — сам и собственным, диковинным клинком. Паршивец набрался наглости настолько, что вызвал его на состязание.

Безумцы жили в уме Последнего из Двадцати лишь причудливыми образами, рассказами других, да редкими встречами с ними в селеньях. Убогие, верно, единственные, кому был чужд страх перед Несущим Волю.

Теперь он понимал, что то безумие было особенным. Где-то оно выражалось в наивной, почти детской глупости, где-то — в не менее детской жестокости.

Безумие разбойника было другим.

Мик, перестав баюкать руку, теперь глядел в бесконечность, пуская слюну изо рта. Изредка его взгляд на мгновение приобретал прежний, хищный прищур, чтобы тотчас же обратиться беспомощным простодушием.

Губы великана то ли дрожали, то ли бормотали бессвязный бред. Парень поначалу пытался вслушаться, потом бросил — разбойник бубнил на незнакомом ему языке. Тарабарщина, лившаяся с его уст, была ни на что не похожа.

Рядом стоящая Ска была не в восторге. Будучи механической куклой, она умудрялась быть в своём равнодушии куда живее многих.

Ей не нравился безумный разбойник, ей не нравилась новая затея господина и, чего уж греха таить, она не питала никакой симпатии к внимательно следящей за всем действием Икстль.

Виранке думалось, что он не заметит, но от глаза юного чародея не укрылась острозаточенная палка, которую она спешно спрятала за спину. Если вдруг что-то пойдёт не так, а чародей пожелает вернуть разум разбойнику — она пустит кол в ход. Если не решится пустить его в ход по какому другому поводу.

У парня мигом вспотела спина. Он будто сам и с головой нырнул в то самое треклятое озеро. Рубаха мерзко липла к телу, несмотря на ласковый ночной ветерок лоб чародея покрывала крупная испарина.

Руна, наверно, можно было выжать как тряпку.

Парень выдохнул. Где-то внутри давали о себе знать слабые, но ростки сомнения. Что, если не получится? Или получится слишком хорошо? Что, если терзающие разум Мика безумства не выдержат, сгинут прочь? Пришедший в себя разбойник, неуязвимый для заклятий — это последнее, что сейчас было нужно чародею.

План, спросила его пару минут назад Икстли. У тебя появился план, тчаклак? Он кивнул ей в ответ, пряча за простотой жестов прорву неуверенности. Он взывал к призракам учителей, но те будто воды в рот набрали. Чего ты хочешь, вопрошали они. Мы всего лишь происки твоих воображения, одиночества и воспоминаний. Мы ведаем не больше твоего...

— Давай, Ска, — он сказал это столь буднично и просто, что удивился сам. Автоматону второго приказа не требовалось — пленённый ей ещё там, в деревне, теневой отросток безуспешно пытался вырваться из стальной хватки. Будто схваченный у самой шеи змей, он бузил отростками хвоста — те мокро шлёпали по рукам, груди и животу механической куклы. Окажись на месте Ска обычная девчонка, подумалось Руну, давно бы завизжала от мерзости.

Теневой отросток голосил — парень мог поклясться, что отчётливо слышал гортанные, булькающие звуки. Паразит искал себе носителя. Он пытался одурманить счастьем Ска, задурить ей голову, но автоматон осталась глуха к его яду.словно озверевший, он тотчас же потянулся к Мику — разбойник смотрел на кляксу, но будто бы её и не видел.

Верёвки вновь опутывали тело великана — и откуда только взялись? Рун же знал, что это иллюзия безопасности: он-то прекрасно видел, как разбойник вырывается из подобных оков — разве хоть что-то изменилось сейчас?

Икстли напряглась, когда клякса скользнула по голой груди разбойника, и тотчас же жадно впиалась в его тело. Мик выгнулся дугой, заскрипели многовязные узлы, но выдержали. Пленник не пытался бежать или вырваться.

Ничего не выражающую отупевшую морду гиганта тронула улыбка. Безумное спокойствие сменилось умиротворённой безмятежностью. Боль, ещё мгновение назад сжиравшая разбойника изнутри ушла, сгинула прочь, оставив после себя лишь одно.

Счастье.

Рун сглотнул и поймал себя на том, что дорого бы заплатил, чтобы хоть одним глазком увидеть, в каких облаках витает теперь кровожадный убийца. Изменилось ли хоть что-то, или по-прежнему — семья, дочь, предстоящая свадьба, радушный хозяин?

Он попытался вспомнить, кому пришла эта безумная идея в голову и не смог — учителя спешили свалить вину друг на дружку. А по итогу получалось, что сам Рун и придумал...

Разбойник вдруг по кукольному и неестественно, будто им кто управлял, склонил голову на плечо.

— Мне нужен чародей. Рун. Приходи. Придёшь?

Парень не нашёлся что ответить. Взглядом он искал помощи у Ска, но та осталась безучастна. Смотреть на новую хозяйку тела Читль он даже не хотел — она как будто только и ждала, что его неуверенности.

Счастливые молчали. Руну вдруг вспомнилось, как за музыкой, плясками и весельем не стояло ни единого слова. В деревне правил часом праздник всего и вся. Скоморохи, дети, девицы...

И тишина...

Тишина повисла и теперь. Слова будто разом покинули голову юного чародея.

Задумчиво чесал затылок старый Мяхар — на его совести было минимум семь счастливиц, сотни вытащенных из лап навязчивого морока людей. Но никогда он не слышал, чтобы одурманенные говорили.

Всё бывает в первый раз.

— Мне нужен чародей. Рун. Приходи. Придёшь?

Рун закусил губу. Ска ведь уже говорила ему, что счастливица устами Мика требовала того же самого, а он как-то и не предал значения...

— Зачем? — парень чувствовал, как липкий ужас крадётся по спине, гуляет сквозняком меж лопаток. От набежавшей вдруг на него жути он едва ли не весь, с ног до головы, покрылся мурашками. Одна лишь мысль о том, что счастливица знает его имя бросала его в пот.

Спокойно, утешал он самого себя. Ты видел всякое. Тебе ли бояться? Помогало мало. Мик вдруг направил свой взгляд на чародея — Рун сделал шаг назад. Разбойник улыбался, но не как прежде.

— Придёшь?

— Приду, — вдруг ответил парень, набравшись смелости. Где-то внутри егозило ощущение тяжести и неловкости; некстати пришло на ум воспоминание о том, как он пытался признаться Виске в любви...

— На озеро.

— Придёшь. На озеро. — в ответе счастливицы не было и намёка на вопрос. Она будто соглашалась с его условием заранее.

Икстли, наблюдавшая за всем, вдруг усмехнулась, отрицательно покачала головой. Последний из Двадцати казался ей смешным и нелепым. Рун стиснул зубы, понимая, что разделяет её же чувства.

Сарказм бушевал в нём будто озлобленный бес. Плясал на обломках самолюбия, отринув прочь всякий намёк на вкрадчивость. Что, вопрошал он, ты собираешься сделать? Затащить счастливицу, будто непокорную девку в озеро, куда якобы упал огнежар? Ты даже не знаешь, правду ли сказали тебе мальчишки — они лишь поведали тебе свои домыслы, а ты и горазд цепляться за них, что за последнюю надежду. Сарказм требовал краски — много и густо! По нему выходило, что он прямо здесь и сейчас намалует новый облик Двадцати — истощавший донельзя чародей, вот-вот готовый ухнуть в разинутую пасть пропасти. И руки, что никогда не знали тяжелого труда, отчаянно цепляющиеся за тростинку.

Смешно.

Рун, наверно, даже бы рассмеялся.

Мик продолжал смотреть на юного чародея — сквозь его глаза на него взирала сама счастливица. Будто ждала, что ему есть ещё что сказать. Парень прочистил горло.

— Приводи с собой всех, кого взяла под контроль. И приходи.

Слова давались чародею тяжело, как никогда. Он знал, что стоит за его просьбой приводить всех. Знал и отчаянно желал верить, что у него попросту не было иного выбора. Парень бросил малозаметный взгляд на виранку — в глазах Икстли на мгновение мелькнуло нечто, очень похожее на любопытство.

Глава тринадцатая, часть третья

Мик шёл впереди. Ска, соорудившая особую рогатину, толкала его: пусть даже в окончательно обезумевшем, но она чуяла в разбойнике опасность. Тот же теперь был кроток и послушен — сидящий на его животе паразит заставлял подчиняться.

Не Руну — счастливице.

Воздух был насквозь пропитан любопытством. Икстли, будь она столь же проста, как девчонка-Читль, уже давно бы осыпала юного чародея градом вопросов. Что он задумал, как к этому пришёл? Но личный интерес и умение держать язык за зубами заставляли её молчать.

Любопытно было Ска — господин не изволил посвятить её в детали своего плана. Будто заведомо чуял, что стоит ему лишь едва раскрыть рот и произнести первое слово, как она тотчас же забракует его задумку. И выдаст две сотни строк о том, почему не стоит делать то, что лихорадочно зародилось в его голове.

Наконец, любопытство властвовало и над самим Руном. Последний из Двадцати кусал губы от нетерпения: для чего ему встреча со счастливицей он знал, но вот для чего ей? Почему она столь отчаянно искала с ним возможности поговорить? Почему ничего не сказала, когда он был в её власти? Загадки верхом на ворохе вопросов плясали на раскалённой сковороде размышлений. Парень чувствовал, как с каждым шагом, с каждым вдохом оно всё ближе.

Старый Мяхар звал это чувство мандражкой, Рун же готов был величать сладкой жутью. Неотвратимость несётся на тебя скачущей по ухабам телегой — слышишь скрип и шорох убитых давно не чиненой дорогой колёс.

Лий вёл их молча. Словно верный пёс, за Руном тащились опасения, что он не помнит, где озеро, что мальчишка помутился рассудком, что он вот-вот заведёт их в буреломную чашу.

Сначала опасался, потом — надеялся.

Бабы Юбки оказались и в самом деле очень похожи на бабы юбки — волнистым ворохом обрывистые скалы нисходили вниз по кругу, одна за другой. Будто неведомая швея старательно накладывала одну гору поверх другой.

Озеро было как озеро. Серебряной монеткой оно пряталось в низине. С высоты его можно было бы принять за лужу. Едва его завидев, юный чародей едва не подскочил от радости, как мальчишка. Посмотрел на отрешённого Лия, некстати вспомнил о не дожившем до этого момента Бека, застеснялся своей неловкой радости. Парень облизнул высохшие губы — от воды тянуло манящей прохладой. Водная гладь будто так и звала коснуться её поверхности, промочить руки, плеснуть горстью, умыть лицо... Кто бы мог подумать, что это всё пряталось в двух часах ходьбы от деревни?

В двух часах, а Руну показалось, будто они добирались сюда целую вечность. Перед глазами ворохом исписанной бумаги мелькало всё, что уже успело случиться. Парню хотелось закрыть глаза и на мгновение представить, что это всего лишь морок, сон, что механическая кукла сейчас вновь вытащит его в гнилую реальность...

Вместо этого автоматон предпочла занудствовать. Озеро звалось на её картах "Важным" — и если бы они сразу знали, то всего того могло бы и не быть.

Рун смотрел на водоём, не слушая унылых причитаний механической куклы. Пусть её

бубнит. Словно позабыв обо всём, он бросился навстречу воде. Едва не споткнулся о корягу — было бы смешно, скатись он по песчаному подножию кубарем. Вместо этого он замедлил шаг, спустился не торопясь и сразу же припал на колени.

Где-то в мире один самодовольный кот утратил улыбку — вместо него её обрёл Рун. От озера в самом деле тянуло чародейской силой. Расплескавшийся здесь ночежар, наверняка, был невероятно огромных размеров; скрываемая в его телесах сила ровным слоем лежала на поверхности воды. Где-то в недрах здравого смысла зародилась смелая идея окунуться сразу же, как едва только скинет одежду. А затем уже можно будет не бояться никакой счастливницы.

Он отрицательно покачал головой самому себе — нет, теперь ему требовалось наоборот: вновь запутаться в сетях её власти.

Ска не заставила себя долго ждать; Рун не видел, но был уверен, что прежде чем последовать за господином, она оценила опасность. Парень подавил в себе желание резко развернуться — глянуть, что она сотворила с Миком, раз открыла перед ним спину.

Сдержался.

Автоматон сразу же принялась за работу — зачерпнула горсть воды, коснулась языком. Парень поймал себя на мысли, что никогда не спрашивал, зачем подобным ей язык.

Теперь стало понятно.

По золотистому блеску в глазах механической куклы он видел, что по аналитическим блокам потоком бежит новая информация.

— Анализ завершён. Опасность водоёма — критическая. Токсичные манатические потоки, уровень классификации: седьмой.

— Допустим, — согласно качнул ей в ответ юный чародей. — А если брызнуть этой водицей на счастливницу?

Ответа он и не ждал, скорее подкинул тему для размышлений. Стальная дева на мгновение замолкла в недоумении. Рун, наконец, позволил себе обернуться.

Икстли и Лий исчезли — ожидаемо. Виранка может и жаждала больше всего на свете узреть, чем же оно всё закончится, но решила спасти собственную шкуру и личность. Судить её ему было сложно.

Мик никуда не делся. Стоял, что кукла, неподвижно, даже не переминаясь с ноги на ногу. Последнему из Двадцати казалось, что ещё мгновение, и он сможет увидеть тот блаженный рай, в океаны которого навечно погрузился безумец. Иронично, горько подумалось парню: Мик, наверно, заслуживал быть не просто камнем, но памятником человеческому коварству и озлобленности. А единственно верным способом избавиться от него оказалось свести его с ума. Или утопить.

Руну вспомнилась, как снарядом его тогда сбила с ног застенчивая рабыня Читль. Вспомнит ли он теперь когда-нибудь её настоящее имя? Парень сомневался.

Ска напомнит, если что, зло подметил сарказм, давая каплю грусти, что обещала вот-вот разрастись до настоящего моря. Уж кто-кто, а механическая кукла не стала бы удерживать парня от убийства разбойника. Скорее, сама бы приложила к этому руку.

— Недостаточно данных для завершения анализа, господин, — отозвалась механическая кукла и вдруг положила ладонь ему на плечо. — Теперь уже всё равно.

— Ты что, — парень позволил себе ухмылку, — оправдываешься?

Она не ответила — то ли не знала что говорить, то ли пыталась разобраться в самой себе. Рун видел, как беспокойство сдает автоматона изнутри. Не человеческое, абсолютно

чуждое и механическое, совершенно кукольное, но беспокойство. Парень выдохнул, понимая, что ничего не сможет с этим поделать. Наверно, будь она живой, он бы бережно заключил её в объятия, шепнул бы пару ласкающих слух глупостей, заверил, что всё обязательно будет хорошо...

Вместо этого он испросил её флягу. Ей не требовалась вода, а сам чародей, как ему казалось раньше, может достать воду разве что не из под земли и в любой момент.

Она носила флягу для него и про запас.

Последний из Двадцати сделал глоток-другой: вода показалась ему на удивление вкусной. Брызнул остатки на руки, сполоснул давно взмокшее от пота лицо. И нагнулся, чтобы набрать воды из озера.

Время в какой-то миг стало похоже на вязкую тину. Разувшись, сбросив сапоги на песок, Рун чувствовал себя глупо, стоя по щиколотки в воде и закрыв глаза.

Воображение решило взять отпуск, а потому парень справлялся своими силами, уныло представляя, как счастливица явится. Сначала придёт куча народа — вся деревня, что ей подвластна. Потом, как богиня, взрезая толпу что масло раскаленным ножом выступит она.

Какой она будет? В виде юной девчонки? В своём настоящем пучеглазом облике? Последний из Двадцати ещё никогда не видел счастливицу — вот потеха! — которой посчастливилось войти в возраст.

Самоедство с каждой минутой промедления облизывалось на бока его уверенности, и нет-нет, да позволяла себе отхватить от неё кусочек-другой. Уплетая за обе щёки, она давилась, но смеялась — голосом привалившегося к дереву Мика. Словно призраки учителей, он жадно метил на их место, заглушая их глас своим могучим рёвом.

Ты жалок и ничтожен. Силы что у быка, яйца что у телка, ар-ро. Она раскусит твой замысел ещё до того, как увидит тебя воочию. Больше всего на свете я теперь жажду только одного — увидеть, как ты послушной игрушкой пляшешь ей на потеху. Пляшешь, смеёшься, радуешься — чтобы издохнуть донельзя счастливым, но паршивым псом.

Она счастливица, ей чуждо человеческое. Она вспомнит, кто и зачем много лет назад приходил сюда по её душу. Вспомнит, как ты уже дважды отринул предложенный ей дар. Для неё ты словно недопитый бокал вина — напоминаешь разве что обиду и упрямое желание прикончить раз и навсегда.

Чтоб не повадно.

Ар-ро.

Ар-ро, угрюмо повторил за голосом парень, чуя, как в воздухе что-то изменилось.

Ветер подхватил запах тины и давно немых тел, швырнул его юному чародею в лицо.

Перед ним стояла счастливица. Перед ним стояли они все. В тощей, незамысловатой, но полногрудой фигурке, казалось, уместилось сотни две, если не три человек. Рун сглотнул, осознавая случившееся — и всё ещё тая надежду, что ошибся. Деревня, где ещё недавно он видел празднество, весёлые улыбки и слушал бесконечность тишина стала тихой и безмолвной навеки.

По-бандитски, будто вновь придя в себя, ухмыльнулся Мик — чтобы тут же послушным псом приползти к своей госпоже. Он возносился над ней почти в половину, и всё равно юного чародея не покидало чувство, что великан тут вовсе не Мик.

Ска сканировала без разрешения и зазрения совести. Пялилась, словно собиралась вот-вот вытащить из недр явившейся девчонки всю подноготную.

Эта вытащит, кивнул самому себе парень, но расслабиться себе не позволил. Сделал то,

чего не сделал сразу же — замерил бушующий внутри неё уровень магии.

И обомлел.

Присвистнул даже старый Мяхар, расщедрившись на десяток-другой заковыристых ругательств. Потом повторил от начала и до конца, отрицательно покачал головой.

Девчонка разве что не трещала от переполнявшей её с ног до головы мощи. Будучи энергетическим вампиром, она разрослась до небывалых ранее размеров. За спиной её маленькой фигурки стоял настоящий, воистину исполинский облик.

— Ну, привет.

Рун думал, что завидев её не сможет сказать ни слова. Сказал.

Уж лучше бы молчал, закатив глаза и не скрывая яда в голосе, упрекнул чародей-разбойник.

Парень почувал, как изнутри его колотит волнительная дрожь, но он сделал ей первый шаг навстречу, покидая безопасные пределы озера.

Больше всего ему сейчас было жаль Ска. Наверно, следовало отдать ей прямой приказ оставаться на месте, не предпринимать ровным счётом ничего — но последний из Двадцати страшился, что его противница заподозрит неладное.

Разодетая в белое платье, она парила над землёй. Ноги, увитые терниями роз лишь едва касались влажной грязи и липкого песка.

Мик ластился к ней, будто любящий сын к наконец вернувшейся матери. В глазах — омерзительный, щенячий восторг; прикажи она ему высунуть язык и скакать на одной ноге и он исполнит.

Вот, вдруг понял он, что имел ввиду старый Мяхар, обзывая её проклятый морок фальшивым, чуждым для нормального человека счастьем. Этот Мик нравился чародею больше, но кому-то ведь нравился бы и совершенно беззубый, безобидный, игрушечный Рун. Счастливица отнимает у людей их право быть людьми. В обмен на призрачное счастье и скорую погибель.

Парень облизнул высохшие губы, чуя, как пересохло во рту.

Девчонка хранила молчание, не спешила ему отвечать. Годы научили её быть осторожной. Сколько лет и где она пряталась? Рун решил, что подумает об этом в следующий раз. Сейчас же ясно только одно — она мало того, что сумела выжить, но и поняла, когда можно брать всё в свои руки.

Парень расставил руки в приветственном жесте, будто в самом деле вот-вот собираясь обнять чужд. Она же дышала ровно, но беспокойно. Рунне сразу, но понял, что она боится.

Дрожит от переполняющей её силы и всё же боится.

Весь опыт чародея, собравшись воедино, подначивал его к действию. Рвануть к ней, скользнуть в обманном манёвре, схватить за шёлковую гриву волос, резко дёрнуть, повалить, прижать к земле...

Последний из Двадцати гнал эти помыслы прочь. Вместо зловещего оскала добрая улыбка, вместо стального кулака в живот — мягкость объятий, ласка и нежность.

"С девчонкой имеем дело" вспомнил он слова старого Мяхара. Те дни давно позади, а он будто вновь среди леса. Ворчливый, но по-своему родной старик прорывается сквозь чащу, прокладывая путь, а позади гниёт труп крестьянина.

Счастливого в своём посмертии.

Она выросла, обратившись из сопливой замарашки в юную девицу. Девчонке нужны игрушки, девице же — нечто большее.

Единственный из чародеев, что не стал её убивать едва завидев, сейчас стоял перед ней во всём своём ничтожестве.

Руну казалось, что он буквально чувствует, что она может усадить его на ладошку, сдунуть, спрятать в нагрудный карман как милую безделицу. Без полного запаса маны здесь и сейчас он абсолютно незащищён.

Она не спешила ему навстречу — словно давая понять, что чародей сам должен приползти к ней на коленях. Знала, что водица для неё опасна? Или чуяла?

На помощь ему пришёл тот, от кого помощи он ждал в самую последнюю очередь. Мастер Рубера, поправив пышные усы и сложив руки на груди, вещал всё тем же менторским тоном и голосом что и при жизни.

Успокойся, голову выше, не дрожи как осиновый лист, не выгляди как оборванец!

Рун старался изо всех сил.

Шаг вперёд, один-другой. Уверенней, проворней, что ты как раздувшийся кабанис?

Счастливица следила за каждым его движением не без опаски. Где-то в подкорке её сознания всё ещё жил облик вислоухого вихрастого мальчишки. Что он тогда кричал, провалившись к ней в подвал? Что он не девчонка?

Руну казалось, что он чувствует на себе её жаркое, горячее дыхание. Оболочка перед ним — лишь призрак, блеф, летающая кукла. Тот же поток чужих фантазий, исполненных желаний и слюнявого счастья, что клубился над ним облаком, давно осматривал его со всех сторон.

Осматривал, ощупывал, раздумывал — с какой стороны зайти. Так малое дитя вертит в руках новую игрушку, пытаюсь понять, а то и придумать, как же с ней играть.

Ска успела за мгновение преодолеть почти половину того расстояния, что разделяло её счастливицу, когда та коснулась щеки её господина.

— Спокойно, Ска. Всё хорошо.

Парень чуял, что ходит по самой грани, скользит по лезвию ножа. Ей достаточно лишь заподозрить в нём угрозу, чтобы он умер мгновенно.

Мгновенно и счастливо.

Страх щекотал нервы. Словно скользкий змей, он был пронырлив и вездесущ. Надо было уходить, твердил он, притворно хватаясь за голову. Один, без чародейства, с взбалмошными призраками в голове, на грани собственного безумия и краха — кто ты? Кем себя возомнил?

Словно поняв, что до головы ему не достучаться, страх полз дальше — холодом касался коленей, вкрадчиво умолял их поубавить пыл и тащить глупца-хозяина куда подальше.

Парень шмыгнул носом, как сопливый мальчишка — и тогда она, наконец, открылась ему. Признала в нём ничуть не изменившегося героя, рыцаря из сказок. Рун зажмурился лишь на мгновение, зная, что за этим последует. Паразит, словно осознавая свою уязвимость, спешно юркнул ему под рубаху. Юному чародею казалось, что он будет чувствовать, как мерзко эта тварь скользит по его телу, но напротив — он, как и в первый раз, ничего не почувствовал.

Мир вокруг него спешил навстречу преображению. Будто старательный художник, счастливица не жалела для него ярких красок. Он на миг оглянулся — кристальная чистота озера вмиг сменилась вонючим, мутным болотом — и это-то в нём он пару мгновений назад стоял? Всё нутро юного чародея стонало о омовении.

Мик преображался на глазах. Испарились дикость и безумие прежнего облика: спешила сама собой разгладиться борода. Тряпьё нехитрой одежды расцветало узорами и чистотой, по телу разбойника побежала невесть откуда взявшаяся рубаха.

Она коснулась лица разбойника рукой, огладила щеку, улыбнулась, глядя на юного чародея, будто вопрошая — видишь, какой я стала теперь? Видишь, как счастлив он? Ты будешь счастлив точно так же.

Разбойник вдруг вздрогнул, забился в конвульсиях, повалившись наземь. Словно рыба, выброшенная на берег, он выпучил глаза, хватая ртом воздух, не в силах выдавить из себя ни слова. Счастливица забирала у него — его самого. Жизнь уходила из него по капле, становясь её силой, будущим счастьем следующих жертв. Вот значит, подумалось юному чародею, как она убивала остальных...

Песок под ногами чародея теперь казался горячим, но не обжигающим — приятно греющим пятки. Облик девицы перед ним теперь был иной. Словно желая отринуть прежнюю простоту, она старалась стать похожей — на всех его женщин сразу. Чужие, мокрые пальцы ворошили память, но Рун не обращал на это внимания. Груды счастливицы налились полнотой, обрели приятную округлость, будто у виранской рабыни. Лицо, всего на миг обратившееся безобразным комком глины теперь принадлежало Виске.

Или кому-то страсть как похожей на неё.

В глазах девчонки блеснул звериный, бесовской огонёк — он чуял на себе голодный взгляд матери всех проигранцев.

Всё так же безмолвна, как и прежде, она раскрыла ему объятия. Приди, говорило женственное, обнажённое тело, возьми!

Рун почуял дикое, нестерпимое желание последовать зову. Юное тело чародея отозвалось, наполнившись истомой, сладким ожиданием и дрожью нетерпения.

А теперь, вдруг спокойно и сосредоточенно сказал мастер Рубера, давай! Его голос будто иглами ужалил последнего из Двадцати.

И парень с размаху плеснул ей из фляги в лицо...

Глава тринадцатая, часть четвёртая

Мир вздрогнул в одночасье, пошёл трещинами, всюду сверкая обрывками белых ниток. Чистое, безоблачное небо покрылось рваными ранами и струпиями, сквозь которые полыхал огонь. Молнии из невесть откуда взявшихся туч месили ни в чём неповинную землю. Песок, что ещё мгновение назад лежал под ногами поднялся в раскалённый воздух тучами непроглядной пыли. Карамельный мирок крошился под напором дикой боли и отчаянного визга счастливицы.

Предательство чародея пробудило в ней сначала неверие, затем обиду, и лишь после — дикую злость. Из прекрасной, желанной девы нечисть обратилась в сморщенную, до жуткого худую фигуру. Тряпица платья — ещё того, что было в детстве теперь едва скрывала нагой срам. Обвисшие, будто заполненные желчью груди стремились к набухшему бугру живота. Морщинистое лицо дарило чародею полные недоумения — и озлобленности взгляды. Острые, на выкате глаза завораживали — руну казалось, что где-то в их глубине переливается счастье сотен, если не доброй тысячи человек.

Брошенной у алтаря девой она набросилась на него. Из глотки счастливицы полился жуткий, будоражащий визг вперемешку с первобытным рыком.

Ей хотелось мальчишку. Ещё парой минут назад ей хотелось взять его, будто ранее упущенный трофей. Приручить, присвоить, присмирить.

Теперь же ей хотелось добраться до его мягкой, податливой плоти, и рвать её голыми руками — вплетая в его подсознание жуткие ужасы.

Ей было далеко до изобретательности безумки. Всю жизнь она упражнялась в сочинении сказок для малограмотных крестьян, а здесь на зуб ей попался крепкий орешек чародей.

Змеи повалились на Руна с неба, жадно разевая готовые к укусу клыкастые пасти — парень отшвырнул их в сторону, отскочил прочь. Здравый смысл гнал его назад, к спасительным водам озера, но вопреки ему юный чародей спешил на возвышенность, ближе к лесу. Знал, что воды озера для него теперь опасны не менее, чем для противницы.

Окунись он в прохладу воды — и морок сгинет с него. Он не убьёт счастливицу с теми жалкими остатками сил, что были. Не затащит её в воду — она сильнее и больше чем когда бы то ни было. Значит, можно было разрушить её мощь только здесь, на её собственном поле.

Продельывал ли старый Мяхар хоть что-то подобное в своей жизни? Призрак неустанно и ворчливо твердил, что он счастливиц и так, и эдак, и растак — не всяким соплям ему класс показывать! Юный чародей не слушал. Из под песка наружу стремились красные, будто от крови, корни. Небо заполонили тучи парящих бесов — уши закладывало от хлопота их крыльев. Голодные до его плоти, они жаждали рвать, кусать, жевать — хоть кусочек, хоть клочок...

Морок, не уставал твердить сам себе юный чародей. На деле же мы стоим по ту сторону видимого, вцепившись друг в дружку, будто влюблённые. А застывшая на месте Ска просто не знает, что делать дальше. Только бы, молил он её об одном, ей не пришло в механическую голову крамольная мысль запросить помощи в остатках Шпиля. Только бы...

Морок, сказал он самому себе, когда не сумел уклониться от очередной атаки летучих бестий; твердолобый бес врезался ему в грудь, выбил дыхание, едва не сбил с ног. Парень

ухватил его за витые рога — каким только чудом он не пронзил его ими насквозь? — и что есть сил швырнул наземь. Едва пришедший в себя чертёнок успел разве что поднять голову, прежде чем юный чародей растоптал его, будто жука.

Морок.

Но боль тут самая что ни на есть настоящая.

С счастливицы сползал один облик за другим. Прежняя красота изредка пробивалась сквозь безобразность истинного обличья, но тщетно. Несчастную будто швыряло от одного вида к другому — словно привередливый Архи мят изначальную глину в надежде получить совершенство.

Парень споткнулся, грузно рухнул наземь. Еловая шишка больно впилась в правый бок, беспощадно и будто злого великана колями кололи успевшие осыпаться колючки. Парень не сразу осознал, что стало причиной его падения. А когда понял — ужаснулся.

Он оказался неправ, огульно обвиняя счастливицу в слабости воображения. Мик — мёртвый и неживой, силился встать, схватив его за ногу. Хватка была холодной и мерзкой. Рун нашёл в себе силы рубануть чародейским импульсом — рука разбойника отвалилась сама. То ли в посмертии он потерял свою неуязвимость для чародейства, то ли счастливица просто не знала об этой особенности.

Вой бестии раздался у чародея за спиной. Страх, такой знакомый и будто родом из детства спрашивал — ну что, ты всё ещё не девчонка? Может, найдёшь хоть каплю смелости оглянуться?

Оглянуться Рун не успел: словно извивающийся снаряд, она врезалась в него. Когти успели полоснуть его по спине, ногам и ягодицам, прежде чем они вдвоём со счастливицей кубарем покатались по земле.

Как две сцепившиеся друг с дружкой собаки.

Пусть ярится, пусть пылает озлобой, что огнём, твердил самому себе чародей. Пока она поглощена собственной обидой, она не сможет вновь окутать его мороком — и высосать, точно так же, как она сделала с Миком.

Боль пульсирующе обжигала, но ещё не так сильно. Шок, вздыхала внутри него Гитра, временное состояние. Как только пройдёт — ты взвоешь.

Рун надеялся управиться раньше.

Он оказался на ногах раньше, чем она и убедился в правоте шальных мыслей. По ту сторону подъема ничего не было. Счастливица лишь рисует мир вокруг себя, или своей жертвы, но стоит той покинуть пределы — как он увидит абсолютное чёрное ничего.

Бестия, раскачиваясь с ноги на ногу, медленно поднималась. Ненависть внутри неё начала гаснуть, голову последнего из Двадцати тотчас же атаковали неуместные видения.

Бальзамом на старые раны они ложились на его душу, спеша унять, утешить, принять и понять. Он ошибался, так было нельзя, но вот сейчас, если он откроется ей — будет счастье...

В этот раз на неё набросился Рун. Схватив за худые плечи, чуя, как когти прошлись по щеке, едва не оторвали ухо, он в обнимку со счастливицей нырнул в пучины того самого ничего.

На миг перед ним открылась полнота чужого счастья. Новая игрушка, кожаный мяч, поцелуй матери, объятия влюблённых, жар первого соития. Чувства текли на него нескончаемым потоком, будто волной. Парню почудилось, что ещё мгновение — и он в нём захлебнётся.

Счастье было бесконтрольным, будто неподвластный, не приручаемый зверь. Каждого, кто имел неудачу угодить ему в лапы, он стремился разделать и изменить — на свой лад. Всунуть в красивой обёртке, карамельном фантике чуждую радость, выдать её за твою, заставить принять.

Мечтал ли когда-нибудь Рун жить среди черни, жениться на простушке и проводить с ней на сеновале одну ночь за другой? Или это лишь, то, что мудрецы стремятся выдать за счастье?

Будто скалолаз, чувствуя себя горным козлом, Рун скакал от одного видения к другому. Не люди — лишь дымчатые облики норовили бросить ему в спину брань, замахнуться кулаком, отрицательно качнуть головой. Словно настоящие, словно живые.

Рун казался здесь лишним. Словно злокозненный бес, он ломал игрушки в руках детских призраков, стремился развеять образ любимых на глазах тянущих к ним руки, калечил тех, кто только что избавился от недуга.

Счастье улыбок внутри особого мирка счастливицы спешило смениться горечью слёз и обид. Парень не оглядывался, но готов был поклясться, что бестия скачет по его душу верхом на чёрных псах злобы.

Её тоже швырнуло в единый поток чувств. Но там, где юный чародей был лишь ослабевшей лягушкой, что борется с течением, она сама обращалась в течение. Всесильная и всевластная, она наступала ему на пятки, с каждой его новой выходкой осознавая, какую свершила ошибку, решив открыться.

Наверно, когда-то в ней была любовь. Пощадивший её мальчишка, что так отважно — пусть и под мороком! — бился за неё начал приходить к ней во снах. Словно тень, будто фантом, его образ являлся в её мыслях, мешая и не давая сосредоточиться.

Став старше, она уже хотела лишь заполучить его — приручить, держать при себе. Любимая зверушка с капелькой свободы, с правом иногда глотнуть свежего воздуха — чтобы вновь боготворить только её! Чтобы вновь быть готовым принести в жертву всё — людей, друзей, родных, себя самого...

Вместо превознесения он принёс ей только боль. Проклятая вода, треклятая вода жгла, будто огнём. Перед глазами всё ходило ходуном, боль мешала не только прийти в себя, но и удерживать облик.

Полипы паразитов, сидящих на спине, что огромный горб беззвучно шипели. Мирные раньше, сейчас они норовили наказать её за непослушание и своеволие — всё, что ей требовалось, так это подселать их к людям, позволять пить их жизненные соки, а взамен они будут делиться с ней.

Помогут расти.

Помогут жить.

Сейчас они не помогали — мешались. Их разрозненные, малопонятные мысли заставляли её сбивать темп, обращать внимание на неважное, замедляли погоню. Словно став на одну сторону с юрким поганцем!

Осознав, как устроен её внутренний мир, он нырял из одной мечты в другую, оставляя после себя лишь боль и разруху. Он вредил — отчаянно, намеренно и зло. И крал, будто в самом деле что-то надеялся собрать из того, что удалось уволочь.

Сладкий запах добычи, исходящий от него заставлял её спешить. Я заставлю его любить, нет, я заставлю его смеяться, радоваться, я превращу его в ребёнка! Наказание, что она готовила ему за все проделки выстраивалось с каждым шагом. Она внушит ему столь

чуждую мечту, что будет наслаждаться каждым мгновением. Его здравый смысл будет ловить реальность на страшном обмане, но от того только лучше.

Из любимого зверька Руну была уготовлена участь извечной игрушки.

Когда счастливица вывалилась туда, куда он её затащил, всё нутро тотчас же закричало о ловушке. Почувывая неладно змеёй она бросилась назад, но поздно — чародей захлопнул дверь прямо перед её носом.

Внутри счастливицы забурлила кипучая ярость — как он смеет властвовать в её собственном мире?

Старый, ветхий, давно покинутый людьми дом. Когда-то здесь жила еда, счастливица помнила лучше, чем кто-либо. Она выпила их всех за неделю, если не раньше — юная и неопытная, тогда она ещё не умела тянуть удовольствие, не вызывая лишних подозрений. И не знала, что не стоит обращать игрушками тех, к кому время от времени захаживает маг.

Тогда её действиями говорил лишь голод и нужда.

То, что маг придёт за ней стало понятно не сразу — много позже, когда старик наведаясь в гости к еде, он нашёл лишь их улыбающиеся тела. Крысы хоть и были старательны в своём желании пожрать их, всё же оказались не столь усердны.

За голодом она познала страх. Маг был едой, но опасной, недоступной, чересчур острой едой. Игрушкой, что может ответить, куклой, способной обратить её саму в послушную марионетку. Она чувала идущий от него дух силы и мощи, что он готов был обрушить на любого, кто осмелится заявить на него свои права.

Она не осмелилась. Страх щекотал её изнутри, загоняя под половицы, заставляя ползти по подполу, зарываться в кучу грязного тряпья — только чтобы он не нашёл.

Дом был горазд на ухищрения, то и дело подсовывая памяти то скрипнувшую не вовремя половицу, то стенающую от старости и на все лады дверь. Ей вспомнилась, как крошилась звенящая тишина под тяжестью шагов бородатого, не в меру спокойного, не тронутого ни тревогой ни скорбью старика. Каждый шаг будто длился вечность, а она дрожала — дрожала, когда он ворошил тряпье, дрожала, когда он будто бы ушёл прочь — и вернулся через... сколько тогда прошло? Наверно, целая вечность. Счастливице всегда было чуждо понятие времени.

Теперь она снова здесь. В месте, куда она предпочла бы никогда не возвращаться. Много после ей казалось, что голодая, скитаясь от одного дома к другому, гонимая и запуганная, единственное, что она делала, так это бежала как можно дальше от того места, где в глаза ей заглянула сама погибель.

Дважды.

Если бы мальчишка, теперь играющий с ней в прятки, тогда оказался чуточку твёрже, капельку отважней... во снах же ей мечталось наоборот. Капельку слабже, чуть трусливей — и уже тогда он стал бы её защитником. Тем, кто не даст в обиду, тем, кто готов видеть в ней полноправную повелительницу его воли.

Взамен она готова была не есть его до последнего. Люди странные существа, люди боятся играть с едой...

Яркий свет ударил ей в глаза, заставил отпрянуть. Мерзкий мальчишка приволок в её собственный кошмар то, чего там никогда не было.

Зеркала.

Словно по мановению чужой руки, с них слетали белесые, покрытые серой пылью покрывала. Любопытный, вездесущий лунный свет пробивался сквозь каждую щёлочку,

бесстыдно осматривал её со всех сторон.

То, что зеркала, будто враг, окружили её со всех сторон она поняла лишь тогда, когда спиной врезалась в одно из них. Подскочила, резко развернулась, когтистая рука в момент оставила широкие полосы шрамов на отражающем её уродство стекле.

Зеркала смотрели на неё без презрения, упрёка и осуждения. Безразличные и бездушные, они отражали её неказистость во всей красе. Их равнодушие пробуждало внутри потаённую злобу и зависть: сколько бы она не рисовала счастье тем, кого ест, она никогда не сможет побывать в их собственной счастливой шкуре.

Но самое обидное — ей казалось она слышит, как сквозь взгляд зеркал над ней насмехается тот, кто должен был преклоняться.

Стекло звеня посыпалось наземь осколками — счастливица зло и беспощадно терзала собственные отражения. Словно в слепой надежде вырвать из них всё то, что она ненавидела в самой себе.

Рун смотрел за её мятущейся, бесполезной истерикой, понимая что попал в самую точку. Покрякивал от удовольствия старый Мяхар — не зря, приговаривал он, ох не зря он учил своего ученика не только думать, но и чувствовать, понимать с кем и чем имеешь дело. Видишь страхи врага — видишь его насквозь.

Словно летучая мышь, он спрыгнул со своего укрытия. Не ждавшая его появления сейчас, бестия отшатнулась, нелепо попятилась прочь. Осколки впивались ей в лапы, царапали кожу — кровь непривычно сине-бурого цвета стекалась в лужицу под её ногами.

Он привёл её туда, где не завершил начатое. Он привёл её туда, откуда она столько лет пыталась убежать. Прошное пышным плащом развевалось за спинами обоих, желая лишь одного — развязки.

Глаза счастливицы блуждали по его телу в страхе отыскать оружие. Шар, в котором бурлила гибель.

Рун расставил руки, словно в непонятном ей желании показать, что он совершенно безоружен.

Внутри головы бестии билась жуткая, мерзкая в своём осознании мысль — мальчишка играет с ней, манит своей податливостью и доступностью, как и в прошлый раз. На за пазухой прячет камень.

Здесь, на границе морока её собственные чувства были бессильны. Она понимала, что напрасно напрягает слух, тянет ноздрями в надежде учуять дух подвоха, но не переставала осторожничать.

Он словно давал ей время опомниться, унять дрожь, прийти в себя: будто желал вновь оказаться во власти её морока.

Обманка.

Обманка, обманка, обманка!

Всё нутро бестии молило её об одном — бежать прочь. Вырвать из себя мальчишку, швырнуть его прочь из своего сознания, не давать ему перестраивать её мир так, как ему хочется. И уже тогда, там, на краю озера, он не успеет даже сделать шага, как она прикончит его.

Да, да, да!

Желание обладать сменилось неистребимым желанием уничтожить его. Как угрозу, как опасность! Наивность, что заставляла верить её, будто этот чародей не такой, как тот, старый сгинула из неё, что злой дух, оставив после себя лишь убеждение.

Видишь чародея — убей!

Не поиграй, не съешь.

Убей.

Её бездействие спровоцировало его — парень смело, словно навстречу судьбе, сделал шаг. Другой, третий, пятый — он надвигался на неё как гора. Необузданный ужас ещё только потягивался и просыпался внутри счастливицы, когда молодость мальчишки вдруг и за мгновение сменилась сединами. Подбородок украсился неухоженной, большой бородой. Из под тяжёлых век на неё уставились полные равнодушия старческие глаза.

Старый чародей хотел убить её не из злобы или мести. Он просто хотел её убить.

Словно не помня саму себя, она сначала бросилась на него. Отчаянно, как в беспамятстве, она заработала руками. Рассечь ненавистную, страшную рожу, срубить голову, изорвать в клочья!

Он перехватил её легко и непринуждённо, как и тогда. Сухие, но полные мужской силы руки сжали её, будто тиски. Широкая ладонь отвесила ей затрещину. Как из адской хватки, она рванула прочь — и вырвалась. Вихрем бросилась наутёк: наверх, из подпола, под лучи лунного света.

Грузно, тяжело, скрипя как половицы, старик шёл за ней следом. В руках он держал клубящуюся, ждущую своего часа смерть — только для неё. В пышущем коме ей виделись руки Бледных — костлявыми, узловатыми пальцами они жаждали дотянуться до своей добычи. Словно это хоть чем-то могло помочь, bestия взвыла.

Её когти вспороли сладкий сон, пробиваясь из собственного кошмара в чужую мечту. В ноздри тот же час ударил запах мокрой от пота шерсти, животного тепла. Взгляд жёлтых, внимательных, волчьих глаз, маленький волчонок игрался с черепом — вчерашней добычей. Сон, что она внушила тому оборотню — где есть только семья, охота, запахи и звуки. И бесконечная, безмятежная ночь.

Старик, словно возмездие мелькал отовсюду. Краешек длинного плаща за деревом, следящий взгляд из-за ближайшего куста, руки, готовые поймать и казнить беглянку за каждым углом. Невидимым и неведомым преследователем, он тащился за ней как на привязи. Когти вновь прошли по ни в чём не повинному воздуху — чужая мечта забулькала, словно умирая. Плевать, думала счастливица, оборотня больше нет...

Комом грязи она обрушилась посреди большого, обеденного стола — запрыгали заботливо расставленные тарелки, покатались по полу кружки.

Никто и не обратил внимания: взгляды многочисленной родни были прикованы лишь к раскачивающемуся в кресле самодовольному старика. Дети — один другого младше копошились у ног, стремились влезть на колени, теребили за рукав в своих извечно бестолковых, малоинтересных просьбах.

Счастливица выкатилась в прихожую — и вовремя. Дверь заднего двора едва не слетела с петель от мощного удара. Старый чародей не спешил, но будто вопреки тому всякий раз оказывался у счастливиц за спиной. Он горазд был обратиться из встречного забулдыги, выползти из грязной лужи, отпихнув настойчивого кабаниса, соскочить с размалёванного мальцами забора. Рисунок оживал, вышагивал, приближался.

Как неотвратимость.

Как смерть.

Bestия нырнула в другую мечту, затем ещё в одну. Не ведая усталости от сидящего на её плечах отчаяния, она проникала в одно счастье за другим. Сказки — такие простые и

незатейливые, для каждого своя, что старательно она вырисовывала своей еде, в одночасье оборачивались кошмаром. Старик стремился не только нагнать беглянку, но оставлял за собой чёрную полосу разочарований. Образы крошились, будто хрустальные графины при встрече с молотком, а счастливица чувала, как тают её собственные силы. Чувала — и ничего не могла поделать.

Старик тащил кляксу цинизма будто за хвост, и наивность, которой она стремилась заполнить всё вокруг, бежала в ужасе.

Под конец случилось страшное.

Очередная мечта лопнула, сошла на нет, а она вывалилась к порогу старого, полуразваленного и заброшенного дома. Лунный свет, дождь, обломки битых зеркал в подвальном прогале.

Она вернулась туда, откуда и бежала.

Оборачиваться не было смысла — она знала, что он стоит за спиной, но всё же не удержалась...

Голова чародея готова была лопнуть, что переспелый арбуз. Парня мутило как никогда раньше — он попытался встать на ноги, но тотчас же плюхнулся опять в мокрый песок. Непослушное тело молило лишь о мгновении отдыха. Рун же знал, что стоит ему дать слабину — и он провалится в сон. И возможно, что уже никогда не проснётся.

Ска стояла там же, где он и запомнил. Поникшая голова, открывшийся рот, безжизненные стеклянные глаза. Он прислушался и услышал мерное механическое жужжание в утробе стальной девы, успокоился. Не сломалась, лишь выключилась. Надо будет просто активировать её по новой — и всё.

Босые ноги мокро шлепали по песку. Чародей едва тащился, будто излишне ленивая улитка.

Он не сразу нашёл её взглядом. А когда нашёл — не поверил. Маленькая, скорчившаяся на земле фигурка больше походила на нелепую древесную корягу, чем на бездушную убийцу, нечисть и насылательницу морока. Словно ему удалось вытащить из неё всю мощь, что была в ней и лишить сил, она выглядела хрупкой и слабой, как никогда.

Буркала затёкших, усталых глаз уставились на него. Парню казалось, что он прочитает в них вопрос, упрёк, обвинение, но тщетно.

Так смотрят на пустое место.

Взять её на руки оказалось сложнее, чем он думал. Лёгкая и высохшая на вид, она показалась его рукам невероятно тяжёлой.

Он ждал, что в ней вот-вот пробудятся последние силы, что она захочет укусить его — хотя бы напоследок и побольнее. Вместо этого его, будто туманом, обволакивало её безволие.

Идти было трудно, устоять на ногах — ещё труднее. Последнего из Двадцати швыряло как крохотный шлюп в жутчайшую бурю. Ему можно было лишь расслабить руки, и девчонка сама плюхнется в ядовитую для неё воду.

Как умирают счастливицы? Он никогда не видел, а после их с Мяхаром охоты — никогда и не спрашивал. А потому сейчас стыдился вдруг пробудившегося в нём любопытства. Наверно, подумалось ему, в нём вновь просыпается призрак Гитры — жадной до знаний и равнодушной к способу их получения.

Вода забурлила и пошла пеной, едва свисшие ноги счастливицы её коснулись. Парень сделал волевое усилие и поспешил — следовало добить бестию быстро. Зачем заставлять её мучиться? Она заслужила хотя бы спокойную, быструю смерть.

Рун поскрёб остатки маны внутри самого себя, пропустил сквозь воду седьмое плетение — та тотчас же отозвалась, окрасившись в красное. Счастливица бросила на него умоляющий взгляд, словно прося о пощаде, но он лишь покачал головой.

Такой как она не было места в ЕГО счастливом мире...

***

До Храпунов они добрались к вечеру.

Меньше всего Рун любил встречи. Селяне разом забывали о своих делах и спешили облачиться в ужас — бояться заезжего Несущего Волю обыденное дело.

Всегда есть за что бояться.

Сейчас боялся сам Рун. Худшее не позади, говорила ему точащая ножи совесть, худшее тебя только поджидает. Ты же знал, о чём просил, когда велел ей привести с собой всех?

Он знал. Знал, наверно, что даже без его просьбы счастливица поступила бы точно так же. Только это его не оправдывало и не утешало.

Скалился образ Мика перед глазами, раз за разом вопрошая — на моей совести сотня человек. Сколько мертвецов за твоей спиной?

Рун не знал ответа на вопрос — никогда не считал, но сейчас со всей ответственностью мог сказать, что к ним прибавились все жители Храпунов.

На мертвенно бледных лицах застыли счастливые улыбки. За тела уже принялись падальщики — муравьи и мелкие грызуны спешили опробовать новые уголья. Рун едва сдержался, чтобы не швырнуть огненный ком в ближайший из домов и не спалить здесь всё к проигранцам. Не сейчас, говорил ему здравый смысл, с этим у тебя всегда успеется. Отдохни, найди свои вещи, восстанови силы...

Ничего не говоря, парень сел на крыльцо ближайшего дома и выдохнул. Ска не произнесла ни слова с того момента, как он её запустил. Была рада, что он жив и цел, но вида не показывала.

Сейчас она стояла над ним, словно груз вины, а её тень закрывала от него солнце. Она молчала и он был ей за то благодарен.

Словно давая ему время прийти в себя, она зашла в дом. Парень знал, что служебные протоколы заставят её рыскать в поисках провианта в дорогу, тёплых вещей, всего, что только сможет пригодиться.

Вернулась она через час. Меч вонзился в землю — Рун сразу узнал его. Трофейный, доставшийся от Вигка, на солнце блестела качественная виранская сталь. Выковать что-то подобное местным кузнецам было бы точно не под силу, да и не по надобности — зачем крестьянам оружие?

Мягко в его ладонь опустился мешочек с сухой маной. Рун не стал медлить, и размял один сразу же, хотел взяться за второй, но Ска его остановила.

Верно, вторил ей здравый смысл, второй не заполнит тебя и на треть от того, что свежий. Нужно выждать хотя бы несколько часов, чтобы эффект был полон.

Его в какой-то миг охватила апатия — он осознал, что за весь час его голову не посетило ни единой мысли. Вместо них внутри варилась лишь чёрная, абсолютная безмятежность. Равнодушно он смотрел на развалившиеся повсюду тела, без особого интереса смотрел, как хлопочет собирающаяся в дорогу Ска. Муладир — беспощадно отощавший, но всё же каким-то чудом уцелевший всё тем же дурным гласом орал, и тыкался ему мордой в руки — то ли рад был видеть, то ли настырно требовал корма...

К апатии вдруг присоединилась лень — юному чародею вдруг оказалась противна сама мысль о том, чтобы просто встать. Впереди лежали неприятности. Ворохом они лежали на дороге, не обещая ничего хорошего. Если бы чернь из Храпунов выжила — чтобы их ждало? Унылость повседневной жизни после ярких красок счастья? Его вот ждали разве что разбойники из Кровавых Крючьев, да Ата-ман, кем бы он ни был. Если Мик рассказал правду о нём, то по всему он выходил опасным человеком. Слишком опасным, чтобы оставаться в пределах Стены.

Парень поднял взгляд, рассматривая небо — будто в самом деле ждал, что сейчас ему на голову просыпятся осколки нерушимого купола — он представил на миг и осознал, что

остался бы в недоумении: что делать дальше? До сих пор его вели разве что дорога и удача, а тогда...

Ска оказалась рядом. Настойчиво она заставила его встать — словно чуяла, что здесь её хозяин будет глинистой размазнёй. А значит, нужно увести его как можно дальше.

Старая добрая Ска. Можно ли выразить автомату благодарность так, чтобы она могла осознать? Наверно да. На ноликах, единичках, или как там виранцы задают программы в их кремниевых мозгах?

Спроси она у него сейчас, не следует ли им отправиться домой, в Шпиль, и он кивнул бы без раздумий. Может быть, потом, пришёл бы в себя, выпустил пар, развернул муладира...

Видя, в каком он состоянии, автоматон села напротив. Дружелюбно протянула его разломанную напополам ковригу хлеба — будто в самом деле собиралась её есть. Рун принял подношение, нехотя вонзился в сероватую плоть мякоти — и вдруг ощутил, как внутри него просыпается аппетит.

— Господин, что вы сделали? — спросила она и тут же уточнила — Там, у озера. Как у вас получилось?

— А ты не видела?

— Едва вы плеснули субъекту счастливице водой в лицо, прошла волна магической неконтролируемой энергии. Анализ ситуации говорит, что с вероятностью в девяносто семь процентов это послужило причиной перезагрузки и деактивации. Три процента...

Парень остановил её жестом.

— Тебе просто интересно?

— Я собираю данные в базу, господин. Это одна из моих обязанностей — познавать и сохранять информацию. Если вы желаете отключить данную функцию...

Рун выдохнул, отрицательно покачав головой. Совершённое ему самому казалось таким невысказанным бредом, что сложно было поверить.

— Ты знаешь, что такое счастье, Ска?

Всего на миг в глубине её зрачков вспыхнуло жёлтым.

— Экзистенциальное ощущение, построенное на полном удовлетворении. Окружением, средой, достатком. Осознание собственной значимости и совпадение ожиданий от реального положения дел и общего места в мироустройстве.

Не стоило и гадать, что автоматон ответит определением. Рун закусил губу, понимая что неправильно поставил вопрос.

— Ты когда-нибудь ощущала счастье?

— Господин? — она как будто его не расслышала. Удивление, по крайней мере, изображала она очень точно. Парень осмотрел её с головы до пят — если уж кто и должен был попадать под точное описание счастья, так это механическая кукла. Вот уж кто-кто, а она явно не ожидает большего от своего места в жизни, которое занимает. Чародей одарил стальную деву ещё одним вздохом.

— Вот и я, наверное, нет. Можно придумать хитроумное объяснение слову, посыпать на него, как песком, труднопроизносимыми и сложными словами. Но ведь всякий раз счастье — нечто неуловимое. То, зачем гонишься.

— Господин? — удивление механической куклы сменилось недоумением. Она жаждала услышать, как ему удалось одолеть едва ли не трещащую от переполняющей её мощи бестию, а не философские выкладки юного чародея собственного сочинения. Парень же

продолжил.

— Счастье не бывает односторонним. Оно у каждого своё и запрятано глубоко, как... как информация в твоём аналитическом блоке, понимаешь?

Ска, скорее, была далека от понимания им сказанного. Что поделать, её создавали чтобы воевать и подметать, а не вести излишне душевные беседы.

— Чем проще человек, тем проще его счастье. Много ли нужно селянину? Еда, тёплая постель, отсутствие опасности. Достаток. Для многих счастье ютится в тесных клетушках обыденности. Счастливица это знала лучше, чем никто другой. Всё, что мне требовалось — это лишь проникнуть в тот мир, который она нарисовала не для других. Для себя. Я нужен был ей... для счастья. Смешно, неправда ли?

Ска не ответила смехом. Впрочем, юмор всегда был ей чужд. Рун же продолжил объяснять. Невесть откуда в его руке уже взялась ветка, которой он чертил по земле замысловатые фигуры.

— Ну, хорошо. А что можно противопоставить счастью? Только не вздумай сказать, что несчастье.

— Страх, — почти сразу же отозвалась механическая кукла, поспешила объясниться: — Страх проявляется как ощущение дискомфорта от внешних, или внутренних, обстоятельств. Проблемы, требующие решения мешают ощутить то чувство, что вы зовёте счастьем, господин.

Рун кивнул в ответ.

— Не совсем так, но мыслишь в нужную сторону. Поначалу мне требовалось, чтобы она признала во мне объект, достойный оказаться в её мире. Ещё одна игрушка, еда, называй как хочешь.

— Но вы плеснули ей в лицо водой из озера.

— Чем разозлил, но не заставил её вышвырнуть меня прочь. Наверно, это самая слабая часть моей задумки. Вышвырни она меня — и мне конец. Я продолжал её злить и захлестнувшая её обида заставила лишь следовать за мной. Как за непослушной, но добычей.

— Вы знали, что так будет?

Рун на миг замолчал, прежде чем ответить. Если и хотел соврать, то от Ска правды всё равно было ни укрыть.

— Нет. Не знал.

Стальная дева не стала делиться выводами, к которым пришла, но по взгляду было очевидно, что хорошего в них мало. Парень же чуял, что его малосвязные оправдания нужны ей ещё меньше, чем ему самому.

— Всё, что мне требовалось — это время. Чтобы понять, как устроены её миры и переиначить её же собственный на свой лад.

— Как устроены... её миры?

Парень кивнул.

— Именно. Мечты, мороки, счастливые видения. Они ведь у каждого свои, помнишь, я говорил? Она может поселить человека в любой из подобных мороков, внушить ему ярое желание чего-то, но большую часть человек достраивает сам. Из своих представлений о хорошем.

— Мик хотел быть плотником? — тут же нашлась что спросить Ска. Последний из Двадцати закусил губу, подавился неуверенностью. Поверить в то, что великан мечтал жить счастливо в деревне, радоваться и растить детей? Тут любой мир, в который его не подвели, в

момент бы обращался кровавой кашей самовольства и насилия.

Или нет?

— Господин? — автоматон начала беспокоиться о резко замолчавшем господине, что с головой рухнул в пучину свежих, не приходивших ему в голову размышлений.

Разбойник всю жизнь провёл в грабеже и на рудниках. Гнался за чем-то призрачным, не ведал иного пути. Кто может поклясться на крови, что будь у него шанс прожить жизнь иначе, начать с чистого листа — он бы не сделал этого?

Чем проще человек, тем проще его счастье.

Тем недоступней его счастье, добавил к размышлениям старый Мяхар и пожал плечами. Стоило ли говорить, оглаживал призрак собственную бороду, что любой из селян продаст душу себя и детей до пятого поколения за одну лишь возможность создавать еду по мановению пальца? На что тебя обменяли самого, пострел? На годовой запас муки? На мешок картошки и корзину яблок? С счастливицей никто не борется внутри, потому что и не желает бороться. Каково было бы осознавать, что сумел победить собственный рай, чтобы вернуться в мир, где никто не оценит подобного усилия.

Счастлив ли ты сам, парень?

Рун не знал ответа на вопрос, пожал плечами, зябко поёжился.

— Я воссоздал её кошмар.

— Один из кошмаров? — автоматическая кукла будто хотела поправить его, но он отрицательно затряс головой.

— Кошмар. Он был всего один. Все её страхи сводились к одному. Я заставил её забыть обо мне, нарисовал преследующий её облик. Убегая прочь, она как будто пыталась убежать от самой себя. Выбилась из сил. Не приди я в себя, промедли на час-другой — и ты бы осталась на том месте извечным истуканом, а я... даже не знаю.

— Всё, что нужно было, это заставить её устать?

Рун поднял на Ска испытующий взгляд, но в её вопросе не было и капли издёвки: всё, чего ей хотелось, так это верной информации. Парень на миг представил, как она фиксирует его рассказ, помечает как ненадёжный, прячет в отдалённый угол бащы данных...

Спросить для чего он и не подумал.

Помолчали. Рун ушёл в размышления, отшвырнув прут прочь, доедая вторую половинку хлеба. Бесцеремонно он зарылся в сумки в надеждах отыскать чего-нибудь ещё из съестного. Ска спешила обработать новую, полученную информацию. Парень знал — напрасный труд. Если бы счастье было таким простым, его легко можно было бы запихнуть в строгие рамки, как в коробку. Измерить, сказать — вот тут оно начинается, ровно вон там ему конец...

Последний из Двадцати зажмурился, чувствуя, как засыпает. Автоматон, ещё недавно готовая тянуть его отсюда прочь разве что не волоком, заботливо зашуршала тканью узелков. Тёплая шаль, как одеяло, опустилась на плечи сжавшегося, будто дитя, чародея. Всего на миг, прежде чем провалиться в забытие сна, он вдруг ощутил, что счастлив, но уже по-своему. Просто так и без причины...

Больше книг на сайте - Knigoed.net